

# Хакел Марат Янович

## Унесенное веком

Марат Хакел

Хакел Марат Янович

### УНЕСЕННОЕ ВЕКОМ

#### Записки «совкового» маргинала

Книга воспоминаний кандидата технических наук Хакела М.Я. представляет из себя автобиографическое повествование о событиях и людях, с которыми пришлось столкнуться автору на протяжении более полувекового проживания в Среднеазиатских республиках бывшего СССР.

В «Записках» рассказывается о временах басмачества, становления Таджикистана, о том, как за полвека с помощью русских, республика прошла путь от «чирока» и «омача» до мощнейших гидроэлектростанций, алюминиевого и химических заводов, высокоурожайных полей длинноволокнистого хлопка. В книге приводятся описания природы этого чудесного горного края, обычаи и традиции местного населения.

Последние главы посвящены гражданской войне в республике, в результате которой «русскоязычные» были вынуждены покинуть свою «малую Родину» и, в большинстве своем оказаться в России, не всегда доброжелательно принявшей их. Автор высказывает свой взгляд на причины, приведшие к этой трагедии.

Ведь придет и такая осень  
В каждый город и в каждый дом,  
Когда нас наши внуки спросят  
о былом.

Вера Инбер

Глава 1

ОТЧИЙ КРАЙ

Как быстро все изменилось. Еще 10-12 лет назад – при Советской власти – многие старались забыть, а то и скрыть свои корни. И в анкетах в графе “социальное происхождение” отвечали: из рабочих, крестьян, служащих и т.д. Умалчивали и о репрессиях.

Сегодня, когда поменялась шкала ценностей, в которой прежде существенное значение имело ощущение своей необходимости и полезности людям и обществу, новоявленные “господа” бросились любыми путями обогащаться и восстанавливать или приобрести за деньги свои “благородные” родословные. Появились “Дворянские собрания”, составители генеалогических древ, эксперты по геральдике. Стали доказывать (вспомните кинофильм “Петр Первый”), чей род древнее и именитей, и как он звучал ранее – Михалковы или Михалковские. И каждый, желающий завоевать хоть какую-нибудь заметную ступеньку в общественной иерархии, обязательно подчеркнет, что он или его родные в советские времена были репрессированы.

Один даже выдвинул свою кандидатуру в президенты, приведя в качестве своих основных положительных достоинств то, что он при советской власти просидел в тюрьме по политическим мотивам семнадцать лет.

Естественно, что все эти новоиспеченные псевдодворяне по своему истинному благородству, честности, манерам поведения, породистости и знатности и в подметки не годятся настоящим русским дворянским родам, таким как Вяземские, Голицыны, Оболенские, Юсуповы и другие известные фамилии. Кроме документального обоснования своей генетической принадлежности к бывшим дворянам “новые знатные русские” за душой больше ничего не имеют. Порой их можно увидеть в соборах и церквях в первых рядах, усердно крестящимися по команде священника или делающих благотворительные взносы. Но это не от сердца – менталитет не тот. Цепь прервалась в 1917 году. И если раньше преемственность поколений (её духовная сторона) держалась на устных воспоминаниях, письмах, записках, дневниках и мемуарах, то в новое время большинство из нас о своих предках, в лучшем случае, знает более или менее подробно, всего лишь о двух–трех поколениях. Да и то эти знания отрывочны, пунктирны и не точны, а зачастую зависят от политической конъюнктуры. Мы обленились — дневников не ведем, вместо писем телефоны, факсы, пейджеры. А все это сиюминутно, ощущение своих корней не сохраняется, сознание своей связи с прошлым пропадает.

Скудны сведения о своих предках и у меня. Какие-то смутные детские воспоминания, давние рассказы мамы, да несколько фотографий. Никаких записей в семье не велось, письма не хранились. Я в последнее время собирался расспросить маму о её родословной, как она оказалась в Средней Азии, как познакомилась с отцом и выяснить другие подробности. Но так и не собрался. Гражданская война в Таджикистане в начале девяностых годов разлучила нас с мамой. Она умерла на руках моего младшего брата Вацлава в Душанбе в 1997 году, унеся с собой все то, что так интересовало меня. Не обратился я (все откладывал на потом) и в архивы КГБ и МВД Таджикской ССР, где можно было узнать о биографии и конце жизни отца.

Моя мама родилась в 1905 году в г. Грязовец бывшей Вологодской губернии. На сохранившейся в нашем семейном альбоме фотографии: дед - Мякишев Павел Родионович, бабушка Елена, моя мама Антонина лет десяти и её брат Павел, лет на пять старше. Кто, сидящая бабушка в черном платке и стоящая рядом с дедом девушка, из рассказов мамы я не запомнил. Может эта самая старшая из всех на фотографии и есть моя прабабка?

Дед всю жизнь проработал поваром. Я его помню, когда в канун Великой Отечественной войны он приехал к нам в Таджикистан, в Микоянабадский район и работал там в районной столовой. Это был крупный, седой и симпатичный мужчина. Запомнилось его блюдо – “поджарка” - и как он на кухне с большим половником в руке, обращаясь к своей помощнице, распевал песню из кинофильма “Богатая невеста”: “Ой ты Галя, Галя молодая...” Галя, раскрасневшаяся, довольная, начинала подпевать. Кстати, много лет спустя, в Такобе с этой Галей наши жизненные пути вновь пересеклись. Уже в пожилом возрасте она вышла замуж и после рождения ребенка, из-за отсутствия грудного молока через мою маму обратилась к нам за помощью. В то время моя жена кормила нашу дочь Лену, названную так в честь прабабушки. Молока у неё было в избытке, и она стала кормить грудью и сына Гали – Васю. Так что у нашей дочери где-то живет молочный брат.

Помнится и другой, связанный с дедом, случай. Перед войной мы все были увлечены игрой в “казаки–разбойники”, “синие–красные” или просто игрой в войну. Для этого готовили себе различное оружие – иногда безобидное, а иногда и опасное. К последнему относились различные самопалы и “поджиги”. Бралась тонкая металлическая трубка (доставали в МТС), с одного конца она глушилась, набивалась головками от спичек и через прорезь заряд поджигался – происходил выстрел. Я, достав где-то трубку от старого “поджига”, решил укоротить её. Взял трубку за открытый конец и молотком начал расплющивать другой. А там оказался заряд, произошел взрыв, который обжег ладонь. Сгоревшие частицы головок спичек вошли под кожу. Перепугавшись, с ревом, я побежал к деду. Тот тут же разбил яйцо и вылил белок в мою почерневшую ладонь. Боль быстро прошла, и через несколько дней все зажило. Но урок остался на всю жизнь. Перед самым началом войны дед уехал к себе в Россию, и больше

мы его не видели. Бабушку и отца я не помню совсем.

Мой отец был родом из Узбекистана. Откуда точно, не знаю. Но мама называла Гиждуван, Шафрикан, Зиаддин и Кермине, которые находятся между Самаркандом и Бу-харой. По рассказам мамы, в Зиаддине похоронен мой старший брат, умерший вскоре после родов. Скорее всего это и есть родина отца. Выходцем из этих мест являлся и классик таджикской литературы советского периода Садриддин Айни, который в книге “Бухара” подробно описал быт населения той округи в годы жизни родителей моего отца.

Места эти исторические. Они являются очагом древней культуры и расположены в одном из самых густонаселенных частей среднеазиатского междуречья, в бассейне реки Зеравшан. На рубеже новой эры об этой реке греческий историк Страбон писал: “Оро-сивши эту местность, Политимет входит в пустынную, песчаную страну и там поглощает-ся песками”. Не зря Зеравшан переводится как “золотонесущий”. Миллионы лет, где-то в горах река проходит по породам, содержащим золото, и несет его в виде песка в низовья. С 1958 года около Кермине построили г. Навои, город химиков и энергетиков с современной планировкой и архитектурой, где перерабатывается золото, накопленное в песках тысячелетиями. После развала СССР, это месторождение стало основным источником золотого запаса Узбекистана.

Кем был по национальности отец, сказать трудно. Скорее всего – узбек. Родной язык был узбекский, но он свободно говорил на таджикском и русском. В памяти запечатлелось, как мама говорила о том, что отец воспитывался в детском доме, бабушка его была ногайка (мама объясняла – татарка). Она была против того, чтобы её внук женился на русской. В отношении татарки есть сомнение.

Узбеки часто называли современных татар ногайями. По-видимому, исторически, по названию ногайцев из бывшей Большой Ногайской Орды, занимавшей в XVI веке территорию в Прикаспии от Волги до реки Урал. Вместе с тем известно, что у узбекских племен даштикипчакского происхождения – конгратов, кесамиров и дурмен до сих пор есть род ногай, представители которых расселены по всей Средней Азии, в том числе и в долине Зеравшана. Так что, называя себя ногайкой, моя прабабка, вероятнее всего, совсем не имела в виду этнических татар в современном понятии. Судя по фотографии, отец не имел монголоидных черт. Лицо вытянутое, нет выступающих скул и монгольской складки у внутреннего угла глаз. По физическому складу он больше подходил к иранскому типу (таджикскому). Не исключено, что в отце имелась и таджикская кровь. В Бухарском оазисе узбеки и таджики проживали бок о бок испокон веков, и их смешение происходило постоянно.

Мама закончила четыре класса церковноприходской школы. После смерти своей родной матери некоторое время прожила с не очень-то доброй мачехой и во второй половине двадцатых годов уехала в Среднюю Азию, связав с ней свою жизнь до самой смерти. Поселилась она у брата Павла Павловича, который в те годы проживал в г. Бухаре. Там мама познакомилась и вскоре вышла замуж за моего будущего отца. Он был на три-четыре года старше мамы и уже работал в органах ОГПУ (объединенное государственное политическое управление – предшественник КГБ). На фотографии они оба молодые. Она, по тем временам, элегантно одета; платье до колен, с ридикюльчиком в руках и длинной ниткой бус на шее, похожа на женщину восточного склада (старалась угодить отцу). Он стоит, положив руку на плечо мамы, в темных гимнастерке и галифе и белой фуражке. В петлице еще нет знаков отличия. Служба только началась.

Жили они в то время в Бухаре в районе медресе Кукельташ, недалеко от водоема Лябихауз Диванбеги. В двадцатых годах отца направили в Таджикистан на борьбу с басмачеством. Басмачество. Сейчас большинство молодых людей и не знает об этом явлении. Мы теперь имеем дело с боевиками, террористами, моджахедами и вахабитами. Басмачество произошло от тюркского слово “басмак” – “налетать”. Басмачи вначале нападали на мирное население, грабя и угоняя у них овец и лошадей. После революции 1917 года разрозненные банды басмачей при поддержке Турции, Англии и Афганистана, руководимые мусульманским духовенством, стали объединяться под лозунгом: “Смерть кафирам (неверным)!” вооруженным путем добиваясь свержения Советской власти и отделения Средней Азии от Советской России.

То, что мы сейчас имеем в Чечне – попытка отделения от России и установление своих законов жизни по шариату – не новинка. Это мы уже “проходили” в Средней Азии в двадцатые, тридцатые годы. Там последние банды басмачей были разгромлены в 1933 году.

Басмачество в Туркестане в двадцатых годах развивалось на фоне национально-пантюркистского и панисламистского движений. В коммунистических организациях появились младотурки, младобухарцы и джаиды (просветители). Остро стоял вопрос о национально-территориальном размежевании народов Средней Азии – узбеков, таджиков, кир-гизов, туркмен и других этнических групп региона. Людям, участвующим в решении этого, всегда большого национального вопроса, было трудно выдерживать свою принципиальную позицию. С одной стороны – желание наций на самоопределение, с другой – опасение в обвинении осуществления извечного имперского принципа: “разделяй и властвуй”. Попробуй здесь разберись. В роковые тридцатые годы, многие из руководителей партийных и властных структур, обвиненные в национализме, были расстреляны.

Таджикистан – окраина бывшего Бухарского эмирата, Восточная Бухара – получил свою самостоятельность в 1924 году вначале как автономная республика, а в 1929-ом стал союзной республикой. Это государственное образование таджиков (грех им жаловаться) возродилось после десяти веков – государства Саманидов. До того на географических картах на было даже слова “Таджикистан”. И хотя Таджикская ССР входила в состав СССР, все же Таджикистан впервые приобрел свою национальную государственность. После развала Советского Союза в 1991 году он стал полностью суверенным, но экономически отсталым. Это обновление нации давалось нелегко. Одним из этапов борьбы с “шурави” (Советами) было басмачество.

Басмачи, снабжаемые оружием из-за рубежа, в основном бесчинствовали в горных районах. Главари (курбаши) были: в Локае – Ибрагимбек, в Каратегине – Фузайл Максум, на Памире – Курширмат, на юге – Хурамбек. “Главнокомандующим” был Ибрагимбек. К нему обращался в письме из Афганистана эмир Алимхан: «Ваше превосходительство, великий и храбрый вождь, опора нашей страны, деванбеги, топчибаши, газии... Не давайте кафирам покоя, наступайте».

Несмотря на эти призывы, в 1926 году с основными силами басмачей было покончено. Кто-то сбежал за кордон в Афганистан, небольшие банды спрятались в глухих ущельях, нападая на дальние кишлаки, грабя и убивая. Некоторые бандиты ушли в подполье, пробрались в партию и в руководящие органы местной власти. Вместе с тем, постепенно в республике начала налаживаться мирная жизнь. Но в 1929 году Ибрагимбек и Фузайл Максум, набравшись сил в Афганистане, со своими “джигитами” перешли границу и вновь начали активную борьбу против советов. Вот в это время отец и был направлен в ОГПУ Таджикистана

Столицей молодой республики был избран кишлак Душанбе, расположенный в Гиссарской долине на левом высоком берегу речки Душанбе - дарья. По понедельникам в том кишлаке собирались большие базары, отчего кишлак и получил свое название (по - таджикски «душанбе» – понедельник). Хотя центром Гиссарского бекства являлся г. Гиссар с резиденцией бека в крепости («хисор» – крепость), столицу республики решили строить в менее известном Душанбе, так как он был на перепутье дорог из Бухары, Кара-тегина и юга Таджикистана. Да и микроклимат, особенно в летнее время, в Душанбе был более здоровым, чем в Гиссаре, расположенном в то время вблизи зарослей камыша, болот и рисовых полей, кишящих малярийными комарами. В 1920 году из Бухары в Душанбе бежал последний бухарский эмир Алимхан, откуда он, не добившись успеха в борьбе с Красной Армией, в 1921 году ушел в Афганистан. Позже за этот стратегический пункт шла упорная борьба Красной Армии и добровольческих отрядов (краснопалочников) с басмачами.

До 1925 года руководил борьбой чекистов с басмачеством в Таджикистане начальник ОГПУ Таджикской АССР и особого отдела 13 стрелкового корпуса Путовский Че-слав Антонович. По прибытии в Душанбе, отцу пришлось работать с такими известными чекистами как: И. А. Шестопалов, А. Д. Величко, А. Я. Дуккур, А. П. Лейман, А. Валишев и другими. Некоторые из них еще в 1970-е годы были живы. Почему я не попытался встретиться с ними и не выяснить судьбу отца, непонятно. Может быть из-за подспудной боязни, что это принесет мне вред, а

может генетически передался страх матери, которая ни-когда не настаивала на этом выяснении. До Советской власти в Восточной Бухаре дорог, в современном понятии, практически, не было. Передвигались и транспортировали грузы с помощью животных. В долинах – на верблюдах, а в горной местности – на лошадях и ослах (ишаках). В густонаселенных оазисах пользовались двухколесными телегами – арбами, а на Памире, местами пеший путь пролегал по полкам – оврингам – забитым в трещины скалы деревянным кольям, на которые наброшен хворост, прижатый камнями и щебнем. Самый первый памятник Ленину, установленный в парке (копия скульптуры перед Смольным в Ленинграде), в 1926 году от Термеза до Душанбе, везли на верблюдах. Караван охраняли от бас-мачей красноармейцы.

Автомобили приехали в Душанбе во второй половине двадцатых годов. Железная дорога пришла из Термеза только в 1929 году.

Когда начали строить Нурекскую гидроэлектростанцию, недалеко от Пулисангинского моста, рядом с дорогой, мы обнаружили небольшую каменную стелу, на которой было выбито: САПЕРЫ РККА, 1925 и эмблема – перекрещивающиеся кайло и лопата, что говорит о том, что на строительстве дороги на Куляб принимали участие и воинские части. Жаль, что этот камень не сохранили – он был взорван при строительстве плотины ГЭС. Немного выше по реке Вахш, у кишлака Туткаул, на скале над современной асфальтовой дорогой, до заполнения водохранилища, можно было видеть участок старой караванной тропы. Именно по ней через Куляб и Чубек, эмир Алимхан бежал в Афганистан.

Борьба с басмачеством в условиях бездорожья, в горной местности, вызывала необходимость применения подвижных кавалерийских отрядов, иногда с привлечением аэропланов, как тогда было принято говорить.

Отец неоднократно принимал участие как в подготовке, так и в проведении операций по уничтожению басмаческих банд. Сохранилась фотография, где на обратной стороне написано: “Арал, 1929 г.” В южном Таджикистане есть два места с названием Арал. Одно на правом берегу реки Вахш к северу от г. Курган-Тюбе в Куйбышевском районе и другое – недалеко от г. Куляб на слиянии р. Кызылсу с Яхсу. «Арал» – по-узбекски – остров. Но этим словом обозначают и болотистые с протоками, старицами и островами дельты рек. Отсюда – Аральское море. Точно сказать, где проводилась операция уже не представляется возможным – никого нет в живых. На фото 14 человек. Снимались где-то в кишлаке, весной или осенью – на сапогах грязь. Видны стены глинобитных мазанок под камышовыми крышами. Кто стоит, кое-кто присел. Рядовые красноармейцы в кубанках, командиры в буденовках со звездами. Все, кроме отца, в гимнастерках и галифе. Перетянуты накрест ремнями, у рядовых через плечо винтовки, у одного в руках ручная пулемет “Шош”. Командиры с безотказными в бою наганом. Отец стоит с наганом на правом боку и с камчой (плеткой) в правой руке. На нем военный френч, перетянутый широким ремнем. Мама говорила, что этот френч по-дружески подарил отцу уполномоченный Особого отдела 3-й стрелковой дивизии Иван Андреевич Шестопапов. Судя по знакам на петлицах, отец старший по званию – две шпалы. У политработников это батальонный комиссар, что по нынешним меркам соответствует званию майора. А ему тогда не было и тридцати лет. Смотришь на эти лица и начинаешь понимать, что это не просто революционная романтика и поэтические изыски Э. Багрицкого “Нас водила молодость в сабельный поход...” и Светловской “Гренады”. Не на пустом месте родились такие киношедевры как “Тринадцать”, “Офицеры”, “Сорок первый” и “Белое солнце пустыни”. У людей того поколения была вера в лучшее будущее, пусть и иллюзорное. Они были убеждены, что от их действий зависит дальнейшая жизнь как их самих, так и их детей и внуков. За достижение этого будущего они боролись и умирали. Большинству из них судьба не дала долгой жизни. На фотографии все смотрят прямо в объектив, словно спрашивая нас: “За что же мы боролись? Почему наши награды, которые мы получали за храбрость и мужество, стали у вас предметом торга и насмешек?” Что им ответить. Может это забвение обычная, древняя как мир, неблагодарность детей по отношению к родителям или результат беспрерывно меняющихся в России идеологических ориентиров? А может, наше манкуртство, усиленно внедряемое в последнее время, кому-то нужно? Ведь управлять Иванами, не помнящими

родства, проще.

В 60-е годы при прокладке новой дороги в Нурек, на перевале Чормазак, была найдена могила красноармейца в шинели и буденовке. В лёссовом грунте останки хоро-шо сохранились. Установить, кому они принадлежали не удалось, документов не было. И еще. Работая в Нуреке, я как-то поднялся выше дороги в месте, где сейчас находится от-крытое распределительное устройство ГЭС. На склоне горы, в мелком кустарнике видне-лось несколько небольших, поросших травой холмиков, у которых стояли грубо обтесан-ные каменные столбики. На одном из них была выбита еле заметная пятиконечная звез-да. Позже, в книге участника событий 1925 года я прочел, как на гарнизон, охранявший Пулисангинский мост в кишлаке Нурек, напали басмачи и как красноармейцы на холме хоронили своих убитых товарищей. Не на их ли могилы я наткнулся? А сколько таких за-бытых лежит в земле Таджикистана и из других бывших республик СССР. Вечная им сла-ва.

В апреле 1929 года бывший правитель Каратегина курбаши Фузайл Максум со своей бандой перешел пограничную реку Пяндж и ворвался в районный центр Калаи-хумб. Часть бандитов двинулась на Тавильдару, а Фузайл с основными силами, перева-лив через хребет, оказался в долине р. Сурхоб и осадил кишлаки Хаит и Джиргиталь. В это время в окружном центре Каратегина, Гарме, не было красноармейцев. Вся надежда была на сотрудников ГПУ, милиционеров и добровольцев, но у последних отсутствовало необходимое оружие. Штаб обороны Гарма по телеграфу просил Душанбе прислать вин-товки и патроны. Из Душанбе ответили: оружие высылаем самолетом, в Тавильдару срочно направляется эскадрон и пулеметный взвод, для оперативного руководства выле-тает уполномоченный Особого отдела Шестопалов. В помощь осажденным хаитцам из Гарма направили отряд из учителей и служащих во главе с Ф. Гутовским. В кишлаке Ни-мич басмачи окружили весь отряд – все 18 добровольцев погибли.

В Гарм из Душанбе под командованием комбрига Т. Шапкина и комиссара А. Фе-дина на двух самолетах прилетел десант. После небольшой перестрелки банда отступи-ла. Максум пробился к границе и ушел за рубеж. В этом разгроме банд Фузайла Максума участвовал и отец. Помню мамины рассказы о хаитской операции. Особенно запечатлелась одна де-таль. Когда прилетел самолет и начал бросать бомбы и поливать осаждающих из пуле-мета, то басмачи, задирая полы халата на голову, с мольбой о пощаде валились на коле-ни. Они впервые видели “железную птицу”. Один из них, бывший милиционер, не теряя обладания, начал безрезультатно стрелять по самолету.

В те же времена в Гарме с мамой, по её рассказам, произошел курьезный случай. Поступила информация о возможном нападении басмачей. Мужья – особисты и сотру-дники ГПУ выехали на операцию, а их жены остались в поселке. Мама со своей подругой забаррикадировали дверь изнутри, постелили постели под окна (от шальных пуль) и ста-ли ожидать нападения. На двоих был один дамский “Браунинг”. Под утро на окраине по-селка раздался громкий треск и тарактение. “Ну, началось” — решили они, трясясь и не-мея от страха. Наступил рассвет, из-за гор выглянуло солнце, а басмачей все не было. Пришли соседи узнать, почему мамы с подругой не видно... Смеху было предостаточно, особенно когда вернулись мужья. Оказалось, что на окраине поселка в грязи застрял пер-вый прибывший в район трактор. Его тарактение наши “защитницы” и приняли за пуле-метную стрельбу во время боя.

Злополучный “Браунинг”, как чеховское ружье в театре, все-таки выстрелил. Мама говорила, что уже в Душанбе та же подруга, соседка, выстрелом из этого пистолета в сердце покончила с собой прямо у подъезда нашего дома. Будучи взрослым, всякий раз проходя около того дома, я на стене у входа в дом пытался увидеть след от пули, унес-шей жизнь молодой маминной подруги.

Нападения басмачей в те годы в Таджикистане ожидали везде. В 70-е годы в Ду-шанбе около железнодорожного моста со стороны города можно было видеть небольшой каменный дом – бывший блокпост. Высокий цокольный этаж, узкие окна–бойницы на втором этаже, мощные обитые железом двери. Рядом закрытый бассейн с запасом воды, которая по трубам подводилась вовнутрь здания. Настоящая маленькая крепость, в кото-рой можно было

выдержать осаду до прихода подкрепления. Разрушили этот дом, когда начали строить автомагистраль Север–Юг.

В Гарме родители прожили несколько лет. Мама вспоминала о своем участии в ка-кой-то комиссии по переписи населения в том округе. Как они по тропам и оврингам, ино-гда держась за стремяна и хвосты лошадей, поднимались в глухие горные кишлаки и с помощью переводчиков опрашивали местное население. Первая Всесоюзная перепись была в декабре 1926 года. Не думаю, что мама участвовала в ней. Скорее всего, это бы-ли какие-нибудь более поздние уточняющие опросы, которые тогда практиковались.

О Гармских событиях тех лет мне еще раз пришлось услышать уже в 60-е годы. Отдыхая на скамейке в местном доме отдыха, я обратил внимание, что сидящий рядом пожилой мужчина местной национальности рассказывает другому о знакомых мне по рас-сказам мамы “делах давно минувших дней”. Я спросил его, откуда он все это знает. Со-сед по скамейке представился бывшим работником Гармского исполкома конца 20-х го-дов. На мой вопрос – не знал ли он такого-то (я назвал должность и фамилию отца) – он ответил утвердительно и добавил: “У него была красивая жена, кажется, татарка”. По-видимому, он сделал такое заключение из-за того, что мама, проживая в Бухаре, немного научилась говорить по-узбекски и иногда эти знания использовала в общении с местным населением. Мы договорились с моим собеседником, что встретимся в Душанбе и обо всем подробно поговорим. Кроме того, он назвал какого-то, известного ему участника тех событий, командира Болтового, который тоже может кое-что вспомнить.

Но встретиться мне с ними не удалось. Сейчас свидетелей тех событий нет в жи-вых. Даже бывший кишлак Хаит исчез. В 1949 году при землетрясении он почти со всеми жителями был завален скальными обломками, рухнувшими с нависшей рядом горы. От-капывать райцентр не стали. Взрывпромовцы достали только сейф с деньгами местного отделения Госбанка. Все уходит в историю.

Именами Путовского, Шестопалова, Томина и других, погибших за лучшую жизнь таджикского народа, были названы колхозы, школы, улицы городов и сел. Борцам за ус-тановление Советской власти воздвигались памятники. Но после развала СССР, глядя на Россию, во всех бывших республиках, в том числе и в Таджикистане, начался повальный снос, а иногда и осквернение памятников и монументов “оккупантам”, и «колонизаторам», переименование городов, площадей и улиц. Начались пляски на могилах своих дедов и отцов. История начала переписываться.

И только, как писал Иосиф Уткин:

Деревья еще не забыли

Легенды буденовской были.

Во многих городах и селах Таджикистана сохранились вековые чинары в пять и более обхватов. Они, наверное, до сих пор помнят, как под их раскидистыми кронами, в прохладе отдыхали после боя те, кто теперь ушел в легенду.

Кстати, о Буденном, который в 1927 году инспектировал военные гарнизоны в Таджикистане. В начале тридцатых населенным пунктам республики начали присваивать имена советских руководителей: Молотовабад, Микоянабад, Ворошиловабад, Кирова-бад... Но трудно было встретить имя Буденного. На его имя как бы было наложено табу. Местное население Буденного не любило. Говорили, что это из-за директивы, данной им воинским частям: «В случае, когда часть выходит из кишлака, и в спину красноармейцам стреляют, в ответ уничтожать все взрослое население этого села» “. Из-за этого указа-ния, якобы, вместе с басмачами погибло много невиновных мирных жителей. Официа-льных документов, подтверждающих людскую молву, нет. В своей книге воспоминаний ле-гендарный маршал, естественно, о таких распоряжениях не упоминает.

Установить, где истина, а где вымысел в этом вопросе, сегодня трудно. Ибо кроме истины существует еще и “классовая правда”.

## Глава 2 РАННЕЕ ДЕТСТВО

Родился я в столице Таджикистана в городе Сталинабаде. Это тот же Душанбе, переименованный так в 1929 году. Приставка “абад”, добавляемая к названию населенных пунктов, по-таджикски обозначает «благоустроенный», «благоприятный». Когда развенчали Сталина в хрущевские времена, в 1961 году город стал называться по-прежнему – Душанбе. До начала 80-х годов на главной улице города, проспекте им. Ленина, между Глав-почтамтом и Домом печати стояло три одноэтажных дома. В среднем из них, 12 января 1931 года я и появился на свет. Когда я учился в техникуме, мои товарищи, гурьбой проходя мимо того дома, шутили: «Когда-нибудь на этом доме повесят мемориальную доску». Доска не состоялась, дом не сохранился.

В этих домах в основном жили семьи особистов, сотрудников ГПУ и других партийных и советских работников. Были все идейными, в соответствии со временем давали своим детям революционные имена. К имени Марк добавляли “с”, появились Вилоры (Владимир Ильич Ленин – организатор революции), Мэлисы (Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин), Владлены ... Во дворе играло несколько Маратиков, названных в честь одного из вождей французской революции Жана-Поля Марата. Стал Маратом и я.

Сталинабад к тому времени из трех кишлаков с глинобитными домишками и кривыми улочками, начал постепенно превращаться в современный европейский город с прямоугольной планировкой кварталов, одно- и трехэтажными домами и прямыми мощеными булыжником улицами, по которым цокали копытами лошади, запряженные в фэтоны и проезжали еще редкие тогда автомобили. Появились драматический театр, кинотеатры, больницы и административные здания, магазины и рестораны. Начали строиться предприятия легкой и пищевой промышленности – хлопкозавод и маслозавод. Город обеспечивался электроэнергией от дизельных электростанций. В начале 1931 года в одиннадцать километров от города приступили к строительству Варзобской ГЭС.

Отец в то время был уполномоченным ГПУ. В июне 1931 года, наконец, разгромили банды Ибрагим-бека и захватили его самого. Поймал курбаши на берегах Кафирнигана командир добровольческого отряда из Кокташа Мукум Султанов. Мама видела Ибрагим-бека, когда его привели на допрос в ГПУ. По её рассказу, это был мужчина среднего роста с рыжей, крашеной хной, бородой и длинными усами. Глаза чуть навывкате, губы мясистые. Одет в полосатый халат, сапоги из сыромятной кожи. На голове серая шелковая чалма, повязанная по-афгански: черный конец чалмы лежал на плече.

После моего рождения мы вновь оказались в Гарме. Смотрю на небольшую фото-графию с надписью: «Дедушке и бабушке от внука. Гарм, ноябрь 1931 года», на которой я снят в теплом пальтишке и вязаной шапочке. Мне тогда было десять месяцев. Мама вспоминала, как со мной, расслабляясь после трудового дня, иногда играл, держа меня на своих коленях, И. А. Шестопалов. Наверное, это происходило как раз в Гарме.

А дальше начались драматические события, подробно о которых мама мне так и не рассказала. Сначала все происшедшее от меня (и ото всех) она скрывала, а когда я стал взрослее, кое о чем стала говорить намеками. По её словам выходило, что в 1932 году отца вызвали в Ташкент, и вскоре пришла телеграмма о его болезни, из-за которой он скончался. Позже, слушая разговоры мамы с отчимом, я по некоторым фразам, стал понимать, что здесь что-то не так. В конце жизни мама мне призналась, что отца расстреляли. Как это произошло, и что ему инкриминировали, она так и не открыла.

С годами мы все больше и больше узнаем о массовых репрессиях 30-х годов. В Таджикистане, обвиненные в искажении политики партии и национализме, были расстреляны: председатель ЦИК республики Шириншо Шотемур, председатель Совнаркома Абдулло Рахимбаев, видные политические деятели А. Ходжибаев, А. Мухитдинов, Н. Максум и многие другие. В числе этих других был и мой отец.

В конце шестидесятых годов мне пришлось работать с сыном Рахимбаева – Маратом



Абдуллаевичем – очень грамотным инженером–электриком, но морально сломленным еще в детстве. Как и у меня, его мать и жена были русскими. Он со своей матерью с 1938 года несколько лет был в ссылке, что отразилось на последующей жизни. Несмотря на то, что они в пятидесятые были реабилитированы, карьера Марата Абдуллаевича в республике не сложилась. Справиться с комплексом отверженного он так и не смог.

Мою мать не арестовали. В начале 30-х членов семей репрессированных еще не трогали. Выяснив официально, что отца нет в живых, оставшись без средств к существованию, она распродала все, что было можно и вместе со мной уехала в Россию, в Грязовец к родителям. Куда делись документы и личные вещи отца – его оружие, шашка, о которой упоминала мама, – не знаю. Скорее всего, желая быстрее скрыть “улики”, мама постаралась документы отца уничтожить, а оружие спрятать. Оставила себе только две фотографии.

Прожили мы у деда недолго. В 1933 году мама со мной вновь оказалась в Бухаре у дяди Павлика. Он в то время был женат на тете Шуре, которая часто болела и вскоре после нашего приезда умерла, оставив сына Бориса 1925 года рождения. Через год дядя Павлик женился, у моего двоюродного брата появилась мачеха. Как известно 33-й год был голодный. Мама устроилась швеей в «Кустпром». Кое-как сводили концы с концами, недоедали. Часто, когда она несла меня из детсада на руках, я канючил: «Мама, дай пестушку (лепешку)».

Тогда мама и познакомилась с Хакелом Яном Богуславичем, чехом по национальности, на двадцать лет старше её. Он был из числа австро–венгерских военнопленных, оказавшихся в России в 1916 году. Часть из них, как например, известный Чехословацкий корпус (белочехи), в 1917 году перешли на сторону контрреволюции, а некоторые из военнопленных стали поддерживать Советскую власть. Ян Богуславич в 1918 году в составе отдельных отрядов интернационалистов 1-го Туркестанского Советского полка участвовал в операциях по захвату у белогвардейцев Кызыл–Арвата, Байрам–Али и Мерва на Закаспийском фронте Туркесреспублики. После демобилизации в 1921 году он не уехал на родину, а остался в Советском Союзе, в Средней Азии.

По-русски говорил хорошо, но с акцентом, который остался у него до конца жизни. Он, например, никогда не говорил: “Я упал” – всегда скажет: “Шлепнул собой”. К старости родной язык почти забыл, но, порой, на чешском языке вдруг запоет куплет из “Марселье-зы”.

Рассказывал он и о своей молодости. У меня эти рассказы перепутались с позже прочитанными рассказами храброго солдата Швейка – и тот и другой были свидетелями событий одного времени.

По характеру Ян Богуславич был оптимист, веселый и жизнерадостный, любил по-заигрывать с женщинами, выпивал в меру, умеючи. Я его помню все время в труде.

Однажды этот весельчак пришел к нам домой, шлепнул кепку об пол и заявил маме: «Выходи за меня замуж...» Они поженились и прожили совместно двадцать шесть лет, до его трагической гибели в 1959 году. Не знаю, была ли между ними любовь, но я неоднократно слышал, как мама, находясь в хорошем расположении духа, ласково называла его Еня.

Отчим меня усыновил, я принял его фамилию и отчество, стал называть папой. Жили мы с ним в мире и согласии. Лет с семи он стал приобщать меня к рыбалке, а затем и охоте. Я всегда удивлялся универсальности его знаний и практической сметке в различных жизненных ситуациях.

В середине тридцатых годов Ян Богуславич работал агрономом, в связи с чем, жили мы в самой Бухаре или её окрестностях: Галаасии, Шарабудине и Каракуле. То ли из рассказов родителей, то ли из моих смутных воспоминаний детства, выплывают некоторые эпизоды жизни той поры.

Бухара – древний восточный город. Она возникла в те же времена, когда появились первые христиане в Иудее. В канун двадцатого века на Востоке говорили: «Все дороги ведут в Бухару...» Её называли «благородной», потому что она была очагом бого-словия, блюстительницей веры для всей Средней Азии. Долго еще после исчезновения эмирата знатные и почтенные мусульмане считали за честь быть похороненными в Бухаре. Последний Бухарский эмир Сейид Алимхан, находившийся в Афганистане, на склоне лет просил

разрешения Советского правительства захоронить его в Бухаре. Опасаясь, что могила эмира окажется местом поклонения для значительной части населения, наше правительство такого разрешения не дало.

Но наряду со своим «благородством» Бухара, по словам М. . Фрунзе, была и «оп-лотом мракобесия» – жила по законам шариата: муллы и райсы строго следили за их исполнением. Женщины на улице появлялись только в чачване (волосяной сетке, закры-вающей лицо) и парандже (накидке, скрывающей фигуру). Мне еще довелось видеть дер-вишей – нищих странников в длинных ободранных халатах, подпоясанных веревкой. В руках палка–посох, вместо сумы черный, блестящий ковшеобразный короб, куда собира-ли подавание. Мама говорила, что он из скорлупы кокосового ореха.

В Бухаре мне запомнились башни–минареты и купола медресе, ступеньки водоема Лябихауз и за каким-то глиняным дувалом (забором) мазара-гробницы у дороги, торча-щая на шесте ладонь с вытянутыми пятью пальцами – символ принадлежности почивше-го к святой семье пророка Мухаммеда. После революции в Бухаре был построен водо-провод, а Лябихауз и другие водоемы были осушены. Сделано было это с целью уничто-жения ришты – волосяного червя, который проникал под кожу ног, вызывая болезненные, долго незаживающие, нарывы. Эта ришта, как и малярия была бичом для населения Средней Азии. Проживая на юге Таджикистана, я и мои друзья–подростки находили этих червей в грязных лужах. Похожи они были на гитарные струны, длиной в 20-30 сантимет-ров. Помню, они трудно рвались, когда мы пытались это сделать. В советское время ста-ли бороться за чистоту водоемов. Ришта, как и малярия, пропала. Где-то в начале девя-ностых годов, я вновь столкнулся со словом «ришта», и где – в магазине. Получив неза-висимость, таджики начали русские названия менять на свои или переводить их на язык фарси. Так вот, тонкая длинная вермишель стала называться «риштаи фаранги», — до-словно с фарси — «европейские волосы»?! Говоря о специфических, ранее присущих, а ныне исчезнувших болезнях Средней Азии, нельзя не упомянуть о проказе, плешивости и «пендинках».

Две метки на теле – последствия «пендинок» – у меня остались на память. Это пло-хо излечимые трофические язвы, возникающие при попадании болезнетворных микроор-ганизмов из застойной воды. Болезнь получила название по местности Пенде на юге Туркмении.

В Галаасие (по-узбекски – зерновая мельница) жили мы на краю поселка. Рядом проходили тугайные заросли из камышей, тальника и джиды (лоха), в которых водилось много дичи. Отчим приспособился ловить фазанов на привязанные на опушках лески с насаженной на крючок распаренной кукурузой. Добычей пользовался и наш кот. Иногда его можно было видеть возвращающегося из зарослей с частью тушки фазана в зубах. У нас была очень умная, уже немолодая лошадь, которую Ян Богуславич получил списан-ной из какого-то кавалерийского полка. Когда мы с ним ехали на ней и отчим начинал на-свистывать какой-либо марш или другую ритмическую мелодию, лошадь в такт водила ушами и старалась шагать бодрее.

Шарабуддин преподнес нам новые потрясения. Там мы встретились с последними отголосками басмачества в форме отдельных террористических актов.

Как-то вечером, уложив меня спать, родители сели ужинать. Мама расположилась напротив отца, но, потом, почему-то пересела на другое место за столом. Занавески на окнах были задернуты неплотно. Звякнули стекла, раздался выстрел – отчим головой сник на стол. Он остался жив. Спасло то, что в момент выстрела он наклонился к ложке. Целили в голову. Надрезанная пуля «Жакан», попала в правое плечо. В больнице дос-тупные кусочки свинца извлекли, но один остался. Лет через двадцать его можно было нащупать около ключицы — потом он рассосался. Все обошлось, не считая того, что пра-вая рука Яна Богуславича до конца жизни не поднималась вверх.

В занавеске противоположного окна нашли пыж, а рядом в стене другую пулю. Вы-стрел был дулетом. Когда определили траекторию полета пули, то увидели, что если бы мама до выстрела не пересела, то могла пострадать и она. Судьба!

У меня в памяти от того события остался только топот ног, бегущих по деревянному мосту,

через рядом проходящий канал. Виновных поймали и судили. Говорили, что это совершили бывшие «кулаки», недовольные распределением земли и воды.

После выздоровления отчима мы переехали в низовья Зеравшана – родины из-вестных всему миру каракулевых овец с их драгоценными шкурками. Из Бухары до Кага-на ехали на «кукушке» — поезде узкоколейной железной дороги. Затем, на поезде уже нормальной колеи, до станции Каракуль, а дальше, на телеге, до городка того же названия.

Еще в Бухаре я начал побаливать. Мама заметила, что у меня позвоночник немного искривился в сторону. Обратились к врачам, которые установили диагноз – сколиоз. Были в клиниках Бухары и Ташкента, где меня дважды оперировали, но улучшения не наступало. Возили в бричке, запряженной верблюдом, на какую-то кумысню. Ничего не помогало. Я слабел и пришел момент, когда все решили, что я не выживу. Мама даже начала шить мне помертвую рубашку. И вот в Каракуле кто-то подсказал, что в одном из кишлаков округи живет узбекский табиб (лекарь), который лечит похожие болезни. В отчаянии, с последней надеждой, меня на телеге на руках повезли к этому табибу. Почему-то помню, как мы вброд по мелководью переезжали какую-то речушку и по косогору поднимались к кишлаку, стоящему на высоком берегу. С нами везли еще девочку лет восьми с искривленной шеей.

Табиб встретил нас благосклонно. Поместил всех отдохнуть с дороги в прохладную гостевую комнату – мехмонхону. Как принято, на дастархане (скатерти) появились лепешки, сладости, виноград, дыня, чай. После отдыха он осмотрел меня и девочку. Лечить её он сразу отказался, а касательно меня заявил маме, что надо было привезти мальчика раньше, и тогда бы он вылечил меня: «Попробую сделать все, что смогу».

Во дворе у него росли лечебные травы, в комнатах висели мешочки, пучки сухой травы и коренья. Чувствовался приятный специфический запах. Он натер меня от макушки до кончиков пальцев ног камфарным маслом, завернул в одеяло, растолок в ступке какие-то корешки, и залив их чаем, дал выпить этот настой. Впервые за последние месяцы я спокойно и крепко заснул. В течение недели несколько раз в день табиб поил меня настоями корешков и трав. Заметив улучшение, он отпустил нас домой. Мама поблагодарила и расплатилась с ним. Он дал нужные травы нам с собой и объяснил, что и как делать дальше. Мы тронулись в обратный путь. До того я уже почти не ходил – передвигался, опираясь руками на колени. По возвращении, дней через десять, температура начала спадать, я потихоньку стал выпрямляться. Родители послали к табибу человека за дополнительной порцией лечебного снадобья. Потихоньку я разогнулся и принял вертикальное положение. Сколько было радости у меня и у родителей. Поначалу после простуд наступал рецидив болезни, но через некоторое время все утихло и до сих пор (стучу по дереву) эта болезнь меня не беспокоит. Остался небольшой дефект позвоночника, из-за чего меня освободили впоследствии от воинской обязанности, да в пожилом возрасте стал отзывчивым на изменения погоды. Однако это не помешало мне проработать почти полвека, включая работу в тяжелых подземных условиях. Зато с врачами мне трудно. При малейшем недомогании они обязательно начинают искать причину в том, что произошло со мной в детстве.

Из этого Каракульского периода жизни в памяти сохранился забавный случай, произошедший с Яном Богуславичем. Как-то в магазине он купил несколько патефонных пластинок и положил их на горячие лепешки. По приезде домой он с радостью объявил нам: «Какие я вам пластиночки привез!» Каковы же были разочарование и досада у всех, когда он распаковал свой сверток... Мы увидели, что диски пластинок стали гофрированными как стиральная доска. Нетерпимая пластмасса от горячих лепешек покориблась. Мы пытались исправить их – нагревали в горячей воде и укладывали под пресс – но от этого звуковые дорожки смялись. Пластинки пришлось выбросить.

Было огорчение и у меня. Отчим, кроме пластинок, привез подарок и мне – маленький коричневый металлический гаражик, внутри которого был легковой автомобильчик. При нажатии на кнопку, дверки гаража распахивались, машинка выскакивала и на ровном месте проезжала метра три–четыре. Я решил испробовать действие игрушки во дворе. Поставил гаражик на землю и по какой-то причине отвлекся. Вдруг слышу подозрительный скрежет. О,

ужас! – гулявшая рядом свинья, привлеченная запахом лака и краски, смачно дожевывала мой подарок. Сколько было реву...

В начале 1937 года родился брат Альберт. Когда он окреп, в поисках работы отчим повез нас в Туркмению, в город Дейнау – недалеко от Чарджоу. Там пробыли совсем не-долго – несколько месяцев, после чего отправились на юг Таджикистана, в Шаартуз к дя-де Павлику.

Переезд из Чарджоу был мучительным – стояла сильная жара. До Сталинабада ехали поездом. Запомнился железнодорожный мост через Аму–Дарью и тоннели у Кели-фа, когда закрывали окна в вагонах, чтобы дым от паровоза не попал вовнутрь. С нами кочевали и наши соседи по Каракулю – муж и жена Быркины, которым Шаартуз не по-нравился, и они сразу вернулись в Узбекистан.

В Сталинабаде расположились на вокзале. Мама вышла в город и потом долго вос-торгалась тем, как он изменился за годы её отсутствия. Виделась ли она со своими быв-шими знакомыми или нет– об этом она никогда ничего не говорила.

Денег не хватало и родители решили продать почти новое зимнее пальто Яна Богу-славича. Оставив нас с братом с Быркиными, они пошли на базар. Вскоре к ним подошли двое, попросили примерить пальто. В этот момент к маме в кошелку полез воришка, а от-чима дернули сзади. Они оба враз обернулись. Когда никого не обнаружив, родители об-ратились к покупателям – ни пальто, ни самих покупателей уже не было. Милиция, конеч-но, никого не нашла.

Во время переезда из Каракуля на одной из станций со мной произошло приклю-чение, которое у нас в семье долго вспоминали. Мама, усадив меня на скамейку, куда-то отошла. Вернулась и увидела меня неподвижно сидящим и хныкающим. На вопрос: «Что случилось?» – я сквозь слезы промямлил: «Я лампочку проглотил...» Произошло сле-дующее. У меня в кармане завалилась маленькая лампочка от фонарика. Решив чем-то заняться, я достал её, сунул в рот и стал губами играть с ней. На вдохе лампочка влетела в горло, пришлось её проглотить. Мама вlepила мне подзатыльник и предупредила, что-бы без неё я на горшок не ходил. Через сутки лампочка вышла целехонькой. Но с тех пор на вопрос друзей: «Почему ты стал электриком?» – отвечал: «Я в детстве лампочку про-глотил»...

Продав кое-какие мелочи на дальнейшую дорогу, мы с вокзала в Сталинабаде пе-ребрались в чайхану, которая была на спуске к текстильному комбинату у хлопкозавода и стали ждать автомашину на Шаартуз. В то время в районы автобусы еще не ходили. До-ждавшись попутной грузовой “полуторки”, отчим с Быркиным забросили наш скарб в ку-зов, мы уселись на мягкие узлы. Мама с маленьким Аликом на руках села в кабину, вы-теснив стажера шофера к нам в кузов. Тогда экипаж автомашины был из двух человек: шофера и его помощника–стажера. Мы тронулись. Надо было проехать по пыльной грун-товой дороге более двухсот километров. Берега Кафирнигана за риссовхозом были в камышах – сейчас там дачи. Реку пере-ехали по мосту, по которому ходил и поезд узкоколейной железной дороги от Сталинаба-да до Пянджа на границе с Афганистаном.

За Кокташем начали подниматься на перевал. Дорога петляла в глубоких выемках, на лессовых бортах которых, можно было прочесть фамилии её строителей. Говорили, что это автографы заключенных, работавших на прокладке этой дороги. Мы впервые в жизни поднялись на такую высоту. Сзади внизу лежала Гиссарская долина. Вдали был виден Сталинабад. Через пятьдесят лет такую панораму уже трудно было увидеть – смог, как одеялом, покрывает почти всю котловину между гор. Достигнув перевала, начали спускаться вниз. За Оби–Кииком («джейраний водопой») лежало высушенное плато. У Кызыл–Калы спустились к реке Вахш. От самого моста до центра Вахшской долины, го-рода Курган–Тюбе, дорога лежала среди болот и камышей. Да и сам город был окружен камышовыми зарослями, среди которых иногда можно было увидеть рыбаков со своими снастями.

В 70-х годах у моего товарища дочь выходила замуж за парня из Курган-Тюбе. Свадьбу играли во дворе жениха на краю города. Двор был утрамбован глиной. Когда гости, подвыпив, начали танцевать, то покрытие двора, заходило ходуном, а из отвер-стий, продавленных женскими каблуками в глинистом слое, начали брызгать фонтанчики. Мужики потешались, женщинам

пришлось потом отмывать ноги. Прошло столько лет, а болота полностью так и не высохли... У въезда стоял курган, из-за которого город получил свое название. Был уже вечер. Перекусив и немного отдохнув в чайхане у маслозавода, по-холодку мы двинулись дальше. Сколько потом я не проезжал мимо этой чайханы всегда вспоминал каймак – сливки, которые мы тогда там ели.

Вахшская долина в те годы преображалась. Благодаря воде только что построенного канала (эпопею строительства которого талантливо описал Бруно Ясенский в своем романе «Человек меняет кожу»), в долине начали возникать новые хлопкосеющие колхозы и совхозы, а вместе с ними МТС (Машино-тракторные станции), которые внедряли в жизнь села не только технику, но и новый образ жизни.

За Джиликулем, где в основном жили туркмены, паромом мы перебрались снова на правый берег Вахша и в темноте, при свете фар, покатали дальше. Наконец наступил рассвет, стали спускаться в долину Кафирнигана. На выезде из гор у автомашины лопнули сразу два баллона. Шофер со своим стажером, чертыхаясь, начали клеить камеры, а отчим отправился искать воду. Часа через два он принес два арбуза, которые ему дал узбек-кунграт на близлежащей бахче какого-то кишлака.

Поставив отремонтированные баллоны, через часок были в Микоянабаде, где в чайхане утолили жажду – напились холодного зеленого чая. Спустя некоторое время переправились тоже на пароме через реку Кафирниган и въехали в Шаартуз. Вся поездка заняла сутки. Сейчас вместо паромов мосты и путь от Душанбе до Шаартуза на легковой машине совершают за три часа.

Шаартуз (по-узбекски – «город соли»), находится в 20 километрах от границы с Афганистаном. В давние времена там на базаре шла бойкая торговля солью. Когда мы приехали, в городе действовал маслозавод, где и трудился мамин брат. Как он туда по-пал неизвестно. Ян Богуславович обратился в городские организации, и ему предложили должность агронома в Микоянабадском райЗО (земельном отделе).

Районный центр Микоянабад находился в 18-ти километрах от Шаартуза. Ранее (и сейчас) он назывался Кабадиан. Это название относилось ко всей территории нижнекафирниганской долины.

Местность эта историческая. Рядом с нынешним Кабадианом возвышаются развалины городища Кей-Кубад-Шах, города, который возник еще в греко-бактрийскую эпоху. Существовал Кабадиан и в кушанский период. Монеты кушанского царя Кадфиза I (178-238 г. н.э.) были найдены в самом Кабадиане. Китайский путешественник VII века Сюань-Цзань упоминает Кабадиан, называя ту местность Цзюй-хэ-янь-на. В начале первого тысячелетия нашей эры в Кабадиане родился известный таджикский поэт Насир Хисрав. В Британском музее в Лондоне хранятся золотые изделия и монеты Аму-Дарьинского клада, найденного в конце XIX века в Кабадиане. До Советского периода город Кабадиан был центром Кабадианского бекства в составе Бухарского эмирата. Там же располагалась и резиденция самого бека. Как жалко, что в Кабадиане-Микоянабаде я жил в мало-летнем возрасте и историю района узнал уже взрослым, уехав оттуда. Археологические раскопки в Кабадиане стали производить уже без нас. Сколько нашли интересного и познавательного...

В Микоянабаде мы поселились километрах в 3-х от райцентра, в питомнике, где разводили тутовые деревья – в районе, наряду с хлопководством, большое внимание уделяли шелководству. Стоял один глинобитный домишко, в котором кроме нас проживали одна узбекская семья и одинокая слепая узбечка.

За домом на холме, рядом со старыми развалинами, стоял сарай, где мы начали разводить шелковичных червей. В этих развалинах ночью гукали сычики. А девчонка-соседка нас предупреждала: «Не ходите на тот холм, там аджина (ведьма)». Интересно, что лет тридцать спустя в соседней Вахшской долине археологи раскопали холм с похожим названием – «Аджина-тепе». Это были остатки буддийского монастыря VII века, в котором находилась двенадцатиметровая глиняная фигура Будды, лежащая на боку в нирване. Может и мы в детстве бегали по какому-нибудь святилищу...

Дальше проходил арык (канал), а за ним, в километре от нас, на восходе, круто вверх поднимался горный отрог. На его вершине, на фоне неба, резко выделялись две скалы, которые в районе называли «Ленин и Сталин». У подошвы горы на ровной площадке возвышался насыпанный во времена саков курган–могильник. Сбоку был заметен подкоп – кто-то пытался добраться до самого захоронения. Мы же в этом подкопе находили иглы дикобраза, который поселился там.

По вечерам с гор к арыку спускались джейраны (газели) на водопой. Однажды я лоб в лоб встретился с молодым, напуганным джейранчиком, стоявшим на той стороне канала, шириной не более 3-х метров.

Какой только живности в округе не водилось. Как-то, зайдя в сарай, чтобы покормить червей листьями тутовника–шелковицы, я услышал громкое шипение. Под потолком сидел большой варан, приползший полакомиться нашими червями. Пришлось бежать за длинной палкой и отгонять его. А как я любил в том сарае наблюдать за шелковичными червями, когда они наматывали на себя коконы, из которых потом получают шелк. Удивительное зрелище! На окраине питомника и в близлежащих зарослях и развалинах по ночам выли шакалы, днем можно было увидеть фазанов и зайцев, но ружья у нас в то время не было. В кустах, на открытом солнечном месте, я наткнулся на силки – волосяные петли, прикрепленные к небольшим глиняным конусам–грушам – поставленные кем-то на перепелов. По нескольку раз в день я проверял эти силки, но они были пустыми. В один прекрасный день силки исчезли, видно хозяин переставил их на новое место.

Материально нам жилось трудно. Еще хуже жили наши соседи–узбеки, весной голодали, переходили на «подножный корм» – собирали всякие съедобные травы. Одеты были в рвань. Мама, желая как-то помочь, иногда отдавала им старенькие вещи, за что соседи были ей благодарны. Помнится как соседняя девчужка лет десяти играла в куклы–камышинки, повязанные тряпочками.

Вскоре на нашу семью начали сваливаться неприятности и несчастья. Как-то я шел по тропинке к дальнему краю питомника в сторону кишлака, дошел до забора и повернул назад. Из-за забора выскочила огромная пастушья собака с обрубленным хвостом и ушами, догнала меня и свалив, укусила за бок. То ли от моего крика, то ли поняв, что это ребенок, она отпустила меня и стыдливо побежала назад. Собака оказалась здоровой, все зажило без последствий. Только с тех пор у меня на боку видны следы собачьих зубов и каждый раз, когда ко мне приближается большая собака, сжимается сердце.

Мой двоюродный брат Борис (сын дяди Павлика) еще в Узбекистане, повздорив с мачехой, часто жил у нас. Потом он надолго пропал. И вот в питомнике, уже подростком, он вновь явился к нам. Из его слов, да и по поведению видно было, что он убежал из дет-дома. Пожив у нас с месяц, он исчез. Исчезли и последние деньги, которые мама хранила в сундуке. Борис взломал замок и был таков. Невероятно, но этот сундук сохранился до сих пор. Сейчас мы в нем держим картошку.

Ян Богуславич занимался сельхозработами в районе и у себя в питомнике. В те годы остро стоял вопрос с водой. Воды на поливы не хватало, за неё дрались, иногда дело кончалось убийством. Обычно поливы старались проводить вечером и ночью. В один из вечеров отчим взял кетмень (большую мотыгу) и отправился к распределителю пустить воду в свой арык. Стало темно, а его все не было. Мама забеспокоилась. Наконец на дорожке между деревьями появилась странно передвигающаяся фигура. Мы бросились на-встречу. Это был наш Ян Богуславич с волчьим капканом на ноге. На цепи, к которой был прикреплен капкан, он волок за собой еще и тяжелую железяку. Кто-то из пользователей пустил воду к себе, а чтобы никто не перехватил её, у распределителя незаметно насторожил капкан – отчим и попал в него. Хорошо, что он был в сапоге – зубья капкана ногу сильно не повредили.

Но эти неприятности были мелочами. Вскоре мы столкнулись с делами, от которых в 1937 году пострадали многие – делами наветными.

До нашего приезда в районе, как и на всем юге Таджикистана, картошку население не сажало. По решению свыше в район прислали несколько машин семенной картошки. РайЗО

распределил ее по колхозам. Нигде картошка не взошла. Обвинили в этом Яна Богуславича. Якобы вначале он умышленно заморозил её и только потом раздал колхозам. В дело включился райотдел НКВД, отчима посадили. Начались допросы, заработали разные комиссии. Свиданий с Яном Богуславичем не давали, принимали только передачи с едой и бельем. Мы с мамой раз в неделю ходили в районную тюрьму. До сих пор помню день, когда возвращаясь домой, мы присели у дороги в тени урюкового дерева отдохнуть, и мама читала мне сказку “Аленький цветочек” из только что купленной книжки. Читать книжки в этом возрасте я не мог, но на старой вывеске хлебного магазина, где было написано на таджикском языке латинским шрифтом “non” (нон – хлеб), я прочел по-своему – поп, в смысле священник. С арабского шрифта на кириллицу среднеазиатские республики перешли не сразу. В тридцатые годы, недолго пользовались латинским алфавитом.

Мама с отчимом установили тайную переписку. И вот в один из дней мы получили от него послание. На матерчатой тесемке, вставленной в трусы вместо резинки, отчим писал химическим карандашом, что его в такое-то время повезут на машине в Сталинабад. Нам предлагалось стоять на повороте дороги у питомника – он выбросит записку. В указанное время мы с мамой стали ждать машину, но, не дождавшись, ушли. Дня через два девочке-соседке, которая даже читать не умела, приносит маме мятый тетрадный листок: Апа (тетя), я этот кагаз (бумагу) нашла у дороги. В ней был таш (камень)». Мама развернула листок и ахнула — это была та долгожданная записка. В ней Ян Богуславич сообщал, что его посадили по заявлению работника райЗО, метившего на его место.

Разбирательство тянулось семь месяцев. Помогло заключение одной из квалифицированных комиссий и то, что посаженная на нашем огороде картошка тоже не взошла. Отчима освободили. После всего этого он ушел из райЗО и поступил работать на дорожный участок. В конце 80-х я побывал в тех местах. Попросил водителя остановить машину на повороте — там, где полвека назад мы с мамой ждали машину с заключенными. На месте питомника расположилась какая-то автобаза со всем своим хозяйством. Вместо пыльной грунтовой дороги — широкая асфальтированная трасса Душанбе – Шаартуз – Айвадж. По этой дороге, в дополнение к пути через Термез, в 1979 году наши войска вступили в Афганистан. Где был курган-могильник, под горой проходит железная дорога, связывающая Термез с Курган-Тюбе и Яваном. На поезде можно проехать до самой Москвы. И везде ухоженные хлопковые поля. Только горы остались прежними. Видны скалы «Ленин и Сталин», но, как мне объяснили, они теперь называются «Хасан и Хусейн» — по имени неразлучных в детстве внуков пророка Мухаммеда.

Как и раньше, идеология главенствует.

### Глава 3

#### НА ПАРОМНОЙ ПЕРЕПРАВЕ

После того что произошло с Яном Богуславичем в райЗО, он перешел работать в дорожный участок, где нам выделили жильё. Это был старый дом восточной постройки с крышей-куполом. Внутри, вместо старого очага, была вделана печка европейского типа. Дом стоял рядом с Каттарыком (большим каналом) под здоровенными чинарами. В любую жару — а летом температура доходила до 48 °С в тени — дома было прохладно. Тут же в канале мы купались и ловили на удочки мелкую рыбешку. За каналом росли, никому не принадлежащие урюковые деревья, на которые мы лазали, собирая за пазуху необычайно сладкие плоды урюка-абрикоса. Наступил сентябрь 1938 года. Я пошел в школу. Как раз построили новую школу-семилетку. Здание П-образное, одноэтажное. В одном из крыльев жил директор школы со своей семьей. Рядом, за волейбольной площадкой, находилось мусульманское кладбище, на окраине которого, под чинарой, хоронили и русских. Были случаи, когда мы, сидя на уроках, могли видеть как полосатые гиены разрывали свежие мусульманские могилы, в которых покойников хоронят без гробов. А однажды я ушел в камышовые заросли, растущие по берегам протекающего недалеко от школы арыка. Когда возвращался по краю кладбища назад, прямо на меня из кустов выскочили две гиены. Они пророскочили мимо, обдав меня зловонием. Ну и

натерпелся же я страха...

Перед моим поступлением в школу в район прислали молодых специалистов — русских учительниц. До сих пор помню свою учительницу — Варвару Александровну Ку-зубову, которая учила меня все семь лет. Её подруга Мария, с которой они вместе приехали, вскоре трагически погибла. Произошло то так. Рядом в кишлаке Башкала, расположилась небольшая кавалерийская часть. Молодые военные ребята тут же познакомились с нашими учительницами. Один из младших командиров решил покатать Марию Ивановну. На полном скаку она не удержалась и упала с лошади. С переломом шейных позвонков её привезли в больницу, где она, не приходя в сознание, скончалась. Хоронили её рядом со школой на том самом кладбище, под чинарой.

Знали бы Рязанские, Воронежские или Вологодские родители, где лежат их дети. Это сейчас горячие головы из бывших союзных республик, зачастую целенаправленно натравливаемые, в угаре от “возросшего самосознания нации”, кричат на «русскоязычных»: “Уезжай на свою Россия!” А когда вынужденные переселенцы и беженцы вернулись на свою этническую родину, то и здесь они слышали не лучше: “Ишь, понаехали! Уехали туда и жили бы там!”

Да, многие россияне в свое время (не всегда по своей воле) “уехали туда”. Ехали строить города и заводы, электростанции и рудники. Прокладывали каналы и дороги. Боролись за хлопковую независимость страны, лечили людей и учили детей. Ехали и делали большие дела. И умирали...

Правобережные кишлаки и колхозы в верховьях Кафирниганской долины — местность Тартки — были практически отрезаны от остального района. Через Кафирниган в межень перебирались вброд, а когда уровень воды в реке поднимался, переплывали на гупсарах — бычьих или бараньих надутых шкурах, связанных в плот.

Ко времени поступления Яна Богуславича в доручасток, из Сталинабада по Кафирнигану вместе с плотниками был сплавлен лес, и в Тартках начали строить паром. Ответственным за паромную переправу и паромщиком назначили отчима. Из-за этого в первом классе я проучился всего одну четверть. Всей семьей мы переехали на переправу, расположенную километрах в десяти от райцентра, недалеко от колхоза им. Сталина.

Сейчас та, немного выше бывшей паромной переправы, реку Кафирниган перегородила плотина Бешкентской ирригационной системы, по верху которой, проходит добротная дорога. Жить расположились по ту сторону реки в глинобитном домишке на высоком берегу. Кроме нас рядом никого не было. По ночам слышался вой шакалов, а иногда и волков. Было жутко. Вся надежда была на наших собак.

Паром представлял из себя два больших каюка (лодки), связанных настилом с перилами. Рулевые перья управлялись штурвалом. Поперек реки был натянут стальной трос, по которому на поводке с блоком ходил сам паром. На пароме можно было перевезти автомашину. Приставал паром к мосткам на берегах. Уровень воды часто и резко менялся и эти мостки приходилось все время переставлять

Наш паром был такой как в кинофильме “Волга-Волга”. Только река была не тихой и спокойной, как в картине, а быстрой, горной. Не дай бог круто повернуть рули — вмиг окажешься на том берегу и сшибешь мостки. В основном перевозили брички и всадников, едущих на базар, по делам или в гости и отары овец, особенно во время осенне-весенних перегонов. Тогда паром работал день и ночь. Пастухи, кроме официальной платы за перевоз, предлагали отчиму “бакшиш” — барашков.

А какая там была рыбалка! Ловили сомов, усачей и сазанов. Красноперки и пескари шли на наживку. Маринку есть опасались из-за ее внутренней ядовитой черной пленки. В подробностях запомнился случай, когда я впервые в жизни поймал сома. При клеве я удочку дернул так, что мой небольшой сомик взлетел в воздух, сорвался с крючка и упал на прибрежный песок. Я бросился на него и навалился животом, боясь, что он упадет в воду. Отчим сидел с удочкой рядом и до слез смеялся...

До сих пор, через десятилетия, помню, как мама поймала себя на крючок. Под вечер она пошла поставить подпуск-перемет. Насадил на крючки наживку, прикрепил один конец



подпуска к вбитому на берегу колышку, на другой привязала камень, раскрутила этот груз и кинула его поперек реки. Последовал резкий рывок за голову. Она не-правильно выбрала позицию, и крючок впился ей в кожу головы. Ножа не было. Пришлось камнями отбить леску-поводок и уже дома надрезать кожу и вытащить крючок.

Сохранилось в памяти другое. В один из жарких дней проходящий по дороге молодой узбек выбросил сдохшую у него за пазухой майну — индийского скворца. Отчим по-добрал тушку и в качестве наживки насадил её на кармак — большой кованный крючок на толстом шнуре.

Утром смотрим — тащит на плече большого сома, у которого хвост волочится по земле. Это был самый крупный сом из всех пойманных нами — целых девятнадцать килограмм! Рыбы в те годы было много. И в реке, и в старицах, образующихся при весенних разливах. Чем только мы её не ловили. Кроме удочек, подпусков и закидушек применяли накидки и сети. Отчим плел сети сам и научил этому и меня. Помнится как мы изготавливали деревянные челноки-иглы, наматывали на них толстые нитки и, набирая на деревянную спицу узелок за узелком, плели сеть.

У нас в реке на кукане всегда плавало 3-4 сома или усача. Когда приезжало начальство, то всегда просило поджарить рыбки. Да и свежей, завернутой в мокрый камыш или водоросли, они порой увозили с собой.

Однажды, выбирая с отчимом подпуск, мы увидели странную рыбу, похожую на осетра — нос лопатой, верхний хвостовой плавник похож на крысиный хвостик. Ян Богу-славич сразу определил её: “Это скаферингус”. Поразительно, откуда он знал это? Потом я прочел, что по-русски это лжелопатонос, и водится он только в Аму-Дарье. Видно откуда он заплыл к нам. За рыбой охотились и птицы. Скопы летали над старицами и, завидев добычу, камнем падали вниз на воду. Взлетали они уже с рыбой в когтях. Зимородки часами сидели на ветках над водой и, спикировав, с рыбешкой в клюве улетали на новое место. Часто можно было видеть орлов-стервятников, бродящих по песчаным и каменистым отмелям и подбирающих дохлую, выброшенную на отмель рыбу. Наблюдая за этим, я решил поймать одного из них. На близлежащей отмели установил заячий капкан с приманкой — небольшой рыбёшкой. Два дня приманка была не тронута. На третий день капкана не оказалось. Валялась дохлая рыбешка, вокруг были видны перья — орел, по-павшись лапой, утащил плохо закрепленный капкан с собой.

Летом ниже переправы раскидывали свои шатры местные цыгане - джуги. Они всегда были голодными. Я был свидетелем, как один молодой цыган поймал сомика, тут же огнём (кресалом, как мы говорили) добыл огонь, развел костер, поджарил на нём рыбу и без соли съел её.

За время жизни на переправе чего только не пришлось увидеть. Рядом с нашим домишком стоял курятник. Однажды мама услышала, что курица-наседка в курятнике кудахчет как-то необычно. Мама заглянула туда и оторопела: перед курицей в боевой позе, покачиваясь и раздув капюшон, стояла кобра, а курица, голая, медленно приближалась к ней. На зов мамы прибежал отчим с кетменем и зарубил змею. Через несколько дней на дороге мы увидели нашего молодого пса, который с лаем что-то хватал в пыли, подбрасывал вверх и отскакивал в сторону. Пошли выяснить, что же привело собаку в такое неистовство. Оказалось, что она нашла обрубок хвоста убитой змеи. Долго ещё пес не мог успокоиться.

Собак у нас было две. Этот глупый молодой Шарик и Коктай - матерый волкодав, среднеазиатская овчарка, с отрубленными ушами и хвостом. Смешно было наблюдать, когда при проезде всадников Коктай бросался в погоню, догнав, хватал лошадь за хвост и иногда осаждал её. Но делал это с умом: чтобы не получить копытом по зубам, он всегда тянул хвост в сторону. А Шарик в этот момент старался схватить Коктая за его лохматые штаны. Получалось как в сказке — бабка за дедку. Когда Коктай отпускал лошадь, то устремлялся за Шариком и задавал ему хорошую трепку.

Дикий случай произошел с нашей козой. Коза Машка была молочная. Мама, подождав её по утрам, привязывала Машку под обрывом, где росла трава. Однажды днем она попросила меня посмотреть за козой. Я сходил, проверил — все было нормально: коза спокойно щипала траву и

обдирала ветки кустов. На лошадях проехали несколько кол-хозников-узбеков с собаками. Спустя некоторое время я издали взглянул на козу — её не было. Мы с мамой пошли искать Машку. Когда подошли к тому месту, где она была при-вязана, то увидели ... рожки да ножки. Собаки уже доедали нашу козочку. Подходить к ним было опасно. Псы в кишлаке были дикие. Позже от собак чуть не пострадала и мама. За молоком она ходила в соседний кишлак. Купив бидончик молока, она возвращалась домой и тут на неё набросилась свора собак. Мама с криком пустилась наутёк. Спасло её то, что она запнулась и уронила бидон с молоком. Собаки кинулись к разлившемуся молоку, устроив драку между собой. Мама, воспользовавшись этим, убежала.

В округе жили узбеки племени дурмен и кунграт. Эти племена, монгольские по происхождению, были отюречены к XVI веку в степях Дашти-Кипчака. Мать и старшая же-на Чингис-хана были кунгратками. Дурмены занимали почётное положение при дворе правителя. В наше время кунгратки выглядели довольно экзотично. У них были высокие головные уборы (мы смеялись, говоря, что они надевают на голову ведра), яркие широкие платья и мониста на груди: из серебрянных монет, красных кораллов, бисера и ладанок. Состоятельные мужчины носили сыромятные сапоги на высоких каблуках. Когда ели за дастарханом на полу, поджав ноги под себя, то старались жирные руки вытирать о голе-нища. Со временем эти места лоснились и начинали блестеть, что было признаком зажи-точности. Позже мне пришлось наблюдать и другие принятые тогда обычаи. Некоторые мужчины, чтобы показать свою благовоспитанность в торжественных случаях ходили особой походкой — поступью жирного гуся. Большой живот до сих пор считается призна-ком солидности и достатка, он якобы придает большой авторитет.

В глухих кишлаках в те годы многие из местного населения, особенно женщины, впервые видели русских. Дети, завидев нас, издали кричали: “Урус, кутынга папирус!”, что в переводе означало: ”Русский, в задницу тебе папиросу!” Наслышались. Но до насилия никогда не доходило.

В предвоенные годы у населения охотничьих ружей почти не было. Только охотни-ки-мергены пользовались кара-мультиками — старинными ружьями на сошках, заряжае-мыми со ствола. Основным оружием были ножи, которые носили в чехлах у пояса, да двухметровые палки. Палки эти делали из особо твердых пород кустарника юлгуна. Они были тяжелыми, крепкими и красно-коричневого цвета. Со временем палки от рук поли-ровались до блеска.

Во время борьбы с басмачеством добровольцы, воюющие на стороне Советов, на-зывались “краснопалочники”. Скорее всего это название произошло не от принадлежно-сти к “красным”, а от цвета их палок. С началом Отечественной войны открыто носить но-жи запретили, считая их холодным оружием. Разрешили их иметь только пастухам. Чего только не висело у пастуха на поясе: нож в чехле, огниво с кремнем для добывания огня, гильза от патрона с трупом, какие-то щипчики, медвежьи когти и другое...

Выше нашего парома на реке был большой остров, покрытый тугайной раститель-ностью, в которой водились много дичи. Время от времени, особенно когда выпадал пер-вый снег, местные колхозники на лошадях с собаками перебирались вброд на остров и устраивали гон — охоту на фазанов, зайцев и лис.

Как-то мы на каменистом островке выше парома заметили что-то постороннее. Подойдя ближе, увидели убитого кабана, выброшенного водой на остров. Оказалось, что охотники с помощью собак палками забили кабана и из-за ненадобности — свинина — скинули тушу в реку. Через пару часов высоко в небе над островком, где лежал кабан, одна за другой закружились большие птицы. Это были грифы-падальщики. И как только к кабану спустился один, тут же оказалась вся стая. К вечеру от кабана почти ничего не ос-талось.

А как не вспомнить грустный случай с ослом — ишаком. Старых, отработавших ишаков, колхозники не уничтожали, а загоняли на голый остров на реке. Простояв там без еды, обессиленный ветеран входил в воду и тонул. Однажды нам пришлось увидеть это бескровное убийство. С какой тоской осел смотрел на покрытые зеленью берега. Он весь дрожал, но в воду войти боялся. С обеих сторон острова в широких протоках струилась вода. Мы не смогли

перебраться на остров. На другое утро остров был пуст.

Интересная история приключилась с этими ишаками на юге Таджикистана в хрущевские времена. Когда обложили налогами личный скот колхозников, ишаков просто стали выгонять со двора. Появились стада этих бродячих, никому ненужных трудяг. Они начали травить посевы и бахчи. Кто-то проявил инициативу и в пограничных районах ос-лов собрали и перегнали на ту сторону реки Пяндж, в Афганистан. То-то рады были аф-ганцы неожиданно свалившемуся счастью — дармовому транспорту.

Прошел год нашей жизни на пароме. Приближалась осень. Мы с мамой поехали в район решать вопрос о моей дальнейшей учебе. Пришли в школу. Мои одноклассники идут во второй класс, меня же, как почти неучившегося, вновь зачисляют в первый. Я закатил истерику, крича, что снова в первый класс я ни за что не пойду. Тогда директор школы, посоветовавшись с учителями, решил принять меня во второй класс условно — если я в течение месяца не буду сильно отставать от одноклассников, то меня оставят там уже на законном основании, проведут приказом.

Доверие учителей я оправдал, а начиная с третьего класса, стал получать по-хвальные грамоты и за хорошую учебу премироваться книгами. Но в первые дни учебы без забавных случаев не обошлось. Варвара Александровна сказала, чтобы я в тетрадях сделал поля. И объяснила: красным карандашом на тетрадных страницах проведешь вертикальные линии. Не посмотрев у товарищей, я решил провести поля самостоятельно. Взял красный карандаш и по линейке в тетради провел на каждой странице по не-сколько вертикальных линий. Подумав, через одну полосу навел еще и штриховку. Полу-чилась красно-белая зебра. Довольный собой, показал тетрадь Варваре Александровне. Та посмотрела и заулыбалась — смеяться было не педагогично: "Что же ты натворил?!" С тех пор, если я что-то не совсем понимаю, то стараюсь досконально все выяснить, даже если это выглядит занудством.

В коридоре школы в специальной нише стояла деревянная вешалка для одежды, которая за лето рассохлась. Играя с одноклассниками, я толкнул вешалку, она упала и развалилась. При падении крючком двинула и меня по голове — до сих пор заметен шрам. За мой недостойный поступок директор приказал привести родителей. Впоследст-вие, они обычно получали благодарственные письма или лестные отзывы на родитель-ских собраниях по поводу моего поведения и учебы. Учился я хорошо, забот родителям не создавал. С этой поры помню стихотворение:

Горизонт зарей окрашен,  
Тучи движутся вдали.  
Стерегут эскадры наши  
Берега родной земли...

На эту тему рисовал море с солнцем, заходящим за тучи на горизонте. По морю в разных ракурсах плыли линкоры в окружении мелких сторожевых судов. Очень нравилось выученное тогда и любимое мною всю жизнь стихотворение С.Никитина "Утро".

В это же время меня приняли в пионеры. Почему-то запомнился только металли-ческий значок-зажим, которым застегивался красный галстук. На нем был изображен кос-тер с языками пламени.

В учебное время мы с мамой и маленьким братом жили в районе, все там же — на Катта-арыке. Из этого периода запомнились военные, которые лагерем расположились около нас. Они выполняли какой-то бросок на маневрах и на несколько дней задержались в нашем районе. Это была небольшая бронетанковая часть. Танков мы не видели, но не-сколько броневигов и три палатки стояли под чинарами за наши огородам. Красноармей-цы носили черные комбинезоны и мягкие танковые шлемы, через плечо висели планшет-ки. Запомнился своеобразный, присущий военным запах кожи, бензина и их веселый и доброжелательный тон в обращении с нами, мальчишками. Когда они уехали мы долго возились в мусоре, оставленном на месте лагеря. Находили звездочки, пустые винтовоч-ные гильзы и консервные банки. В маленькие банки мы потом собирали червей для ры-балки, а из больших делали фонари.

По выходным дням мама с моим братом часто ездила к отчиму на переправу. Че-рез некоторое

время нам дали жилье поближе к доручастку, рядом с районной больни-цей. Здесь уже были русские соседи, с которыми у родителей завязалась дружба, длив-шаяся в течение всего времени проживания в Микоянабаде.

Около нашегодомишки был мазар (могила), обнесенная дувалом. Считалось, что там похоронен какой-то знатный мусульманин. На могиле торчала длинная палка с при-вязанной на ней белой тряпочкой. Когда мы играли с ребятами, то часто прятались за стенами этого мазара. Местным это не нравилось. Несколько облагороженный, мазар со-хранился до сего времени. Немного позже мы получили квартиру во дворе самого доручастка. Она была бо-лее благоустроенной и имела две комнаты. Вот там я столкнулся с электричеством во второй раз (первый – проглоченная лампочка от фонарика).

В центре нашего поселка у базара еще до войны была построена небольшая ди-зельная электростанция. Но электрическую сеть не провели. Электростанцию забросили. Года через два после начала войны к нам в район приехал инженер-электрик Зацепин, который занялся доведением этого дела до конца. Восстановили оборудование электро-станции, проложили линии до некоторых объектов: больницы, кинотеатра, райкома пар-тии, райисполкома, почты и других организаций. Каким-то образом Ян Богуславич позна-комился с инженером, и он нам по-дружески провел в квартиру электрическое освещение — подключил одну лампочку. Благо, что линия проходила рядом. Инженер все смонтиро-вал, но перед вводом в дом в одном из проводов оставил разрыв. Когда он ушел я полю-бопытствовал, как он все это сделал. Обнаружив этот “недостаток” и сообразив, что цепь прервана, я скрутил провода вместе. Когда инженер пришел вновь, то тут же все понял. Я признался в содеянном. Меня он не ругал, а объяснил, что вместо отсутствующего заво-дского предохранителя, соединить провода надо было тонкой проволочкой. Растолковал и для чего устанавливается плавный предохранитель. Так что обучаться своей профес-сии я начал в одиннадцать лет.

После того как электростанция заработала, у нас, ребят, появилась новая забава. Достав где-нибудь старую телогрейку, мы затыкали низко выведенную из здания выхлоп-ную трубу дизеля. Он медленно глож и район погружался в темноту. Дизелист выскакивал и палкой разгонял нас. Эти “шутки” продолжались до тех пор, пока не вывели трубу на верх здания. На лето мы все уезжали к Яну Богуславичу. Паромная жизнь текла своим чередом: перевоз, ремонт парома, рыбалка, огород. В один из дней у нас чуть не утонул братишка Алик. Мама с ним спустилась под кручу к реке полоскать белье. Посадила его играть по-дальше от берега, наказав не подходить к воде, и стала с большого камня, лежащего не-много ниже промывать белье в струящейся воде. Вдруг она услышала подозрительный всплеск. Обернулась — Алика не было. Приготовилась прыгать в воду, но тут прямо пе-ред ней, у самого камня, в этом бурлящем потоке появилась ручонка. Она мигом схвати-ла её и выдернула ребенка из воды. Все произошло так быстро, что он даже не успел на-хлебаться. Опомнившись, произнес: “Как я бухнулся!” А мама потом долго отходила от потрясения.

Шел уже 1940 год. Жить нам стало полегче. Появились “лишние” деньги. Мы с ма-мой поехали в Сталинабад повидать дядю Павлика, который к этому времени успел пе-ребраться туда из Шаартуза, купить кое-что из вещей. Поездка запомнилась тем, что пе-ревал перед Кокташе мы проезжали в темноте и внизу, там где был Сталинабад, мерца-ло много огоньков. В это время уже работала Верхне-Варзобская ГЭС.

В 80-х годах с перевала Фахрабад видно было сплошное море огней уже по всей Гиссарской долине.

Остановились мы в Сталинабаде у знакомых плотников, которые у нас строили па-ром. Жили они на том месте, где сейчас напротив бывшего Министерства внутренних дел стоит неудачный памятник “Победа”, прозванный “ослиные уши”. Это былидомишки хлопкозаводского поселка, остатки которого можно увидеть и сегодня. По ночам нас так ели клопы, что мы с мамой вставали и шли купаться в протекающий рядом арык. Ходили к дяде Павлику в гости. Их квартира находилась в доме на выезде из города, по дороге на Орджоникидзебад. В конце 70-х годов в этом квартале в здании экономического факуль-тета университета училась наша дочь Лена. Погостив недельку и, сделав необходимые покупки —

помню купленный мне шикарный выходной костюмчик — мы вернулись домой. Мне шел десятый год. Мама иногда стала оставлять меня не надолго на попечение соседей, а сама с Аликом уезжала к отчиму на паром. Однажды, когда прошло дня два после её отъезда, пришел начальник доручастка и сообщил, что паром сорвало, ма-ма вернуться не сможет и мне надо самому добираться к родителям: ”Поедешь со знако-мым сопровождающим” ... На бричке мы приехали к переправе — парома не было. Его, километрах в пяти ниже, тянули против течения, как бурлаки, рабочие доручастка. В помощь впрягли и ло-шадей. Пришлось переночевать в палатке у пастухов, также ожидавших восстановления переправы. Вот тогда я увидел, как пастухи готовят себе хлеб. На ровном сухом глини-стом пяточке они развели костер из овечьего помета. Замесили тесто, сгребли в сторону золу и на получившийся горячий под вывалили его. Сверху засыпали горячей золой. Че-рез некоторое время убрали золу, под ней лежала румяная, аппетитно пахнувшая лепеш-ка. Палкой пастух обстучал её, обмахнул полой халата — хлеб готов. Лепешка была та-кая вкусная — об антисанитарии никто и не думал. Прошли сутки. Паром все еще не подтянули до места переправы. Мой сопровож-дающий и несколько жителей с того берега решили перебраться через реку вплавь. Крикнув маме, стоявшей на том высоком берегу, и получив её согласие на мою доставку, спустились по реке немного ниже. Там она была не так широка и более спокойна. Связа-ли в узлы вещи и одежду, закрепили их на седлах и начали переправу. Мне для безопас-ности на пояс привязали в качестве поплавков две кубышки — пустые тыквы. Все схвати-лись за лошадей — кто за седла, а кто за хвосты. Хотя я и умел плавать, все же мой со-провождающий, на всякий случай, меня подстраховывал и успокаивал. Спустя несколько минут мы благополучно достигли противоположного крутого берега. Поднялись по тропке наверх, выжали подмоченную одежду и через полчаса мама с радостью уже встречала меня. А отчим после восстановления переправы долго рассказывал как он, когда трос порвался и паром поплыл по течению, лихо управлял им и напевал: “Капитан, капитан, улыбнитесь!” Проплыв несколько километров, паром ткнулся в пологий берег и остано-вился. После этого случая Яну Богуславичу дали помощника-сменщика. Работать стало полегче, он стал чаще приезжать в район к семье. Они с мамой начали подумывать об отъезде в Россию. И никто не знал, что мирной жизни осталось всего лишь несколько месяцев.

#### Глава 4 ВДАЛИ ОТ ВОЙНЫ

Великую Отечественную войну мы встретили на паромной переправе. Ни радио, ни телефонов, кроме райцентра и ближних к нему колхозов, в селах еще не было. Новости передавались в глубинку через посыльных или же методом “узун кулока” — длинного уха. Вечером, в сумерки, когда воздух становился прохладным и более звукопроницаемым, специальный глашатай из кишлака забирался на ближайшую возвышенность и начинал кричать в сторону соседнего селения. При этом конец фразы всегда заканчивался повы-шенным тоном с ударением на последнем слове. Это был знак-разделитель. Эстафету принимал другой “телефонист”, который передавал сведения дальше. Через некоторое время вся долина знала о важных новостях.

Был и другой способ передачи вестей. Если встречались двое, то выполнялся следующий ритуал. Поздоровавшись и расспросив о самочувствии, благополучии членов семьи (кроме жены — это оскорбление) и близких, обязательно спросят: ”Йул булсын” — дословно “Доброго пути”, а понимают как: “Куда едете?” И тут же: ”Хабар бар ма?” — “Новости есть?”

Информатор подробно расскажет, откуда и куда он путь держит, а также обо всем, что увидел или услышал в последнее время. Без этого было нельзя.

Вот так и мы узнали о начале войны – от проезжих. Война шла уже два дня. Внеш-не ничего не изменилось, только люди стали какими-то более замкнутыми и озабоченны-ми, особенно те, у кого в семьях были мужчины призывного возраста.

Месяца через два с начала войны прошел слух, что в окрестных горах появилась банда, которая

угоняет скот и отбирает у пастухов продукты. На её поимку через нашу переправу проехал небольшой вооруженный отряд из милиционеров НКВД. Проводни-ком у них был известный в округе и хорошо знавший местность, бывший командир добро-вольческого отряда по борьбе с басмачеством, кунграт по национальности, Ута – Кара. Как сейчас помню его: загорелый, на лбу большая шишка, на груди награда со времен басмачества – орден Бухарской республики – серебрянная звезда с синим кругом и араб-ской надписью. На боку маузер в деревянной кобуре и красивая старинная плетка в руке. Через неделю отряд проехал назад. С собой везли несколько человек со связанными сзади руками. Это оказались дезертиры, скрывавшиеся в горах от призыва в армию.

В связи с войной, наши замыслы об отъезде в Россию не сбылись. Жизнь начала усложняться и дорожать. Стали заметно меньше перегонять скота через переправу. Спустя некоторое время отчим покинул доручасток и перешел на работу завхозом рай-больницы.

В 1942 году наша семья прибавилась – родился мой младший брат Вацлав, на-званный в честь патрона Чехии Святого Вацлава.

Я уже учился в четвертом классе. Весной, после сдачи экзаменов, которые начи-нались 20 мая, мы гурьбой отправлялись по садам. Знали места, где растут скороспелые сорта урюка и кок-султана. Перед майскими праздниками ходили в горы и приносили охапки тюльпанов, потом большинство из них просто выбрасывали.

Купаться начинали с 23 февраля (Дня Красной Армии) и заканчивали поздней осе-нью.

Любимым местом купания был мост на Катта-арыке, с которого мы прыгали и пово-рот, лежащий метрах в ста ниже. Играли в воде в пятнашки, прятались при этом в густых, свисающих с берегов в воду, кустах мяты. Ловили водяных ужей. Иногда делали длин-ные, по километру, заплывы. На повороте по вечерам купались русские женщины, и мы, спрятавшись в камышах на противоположном берегу, подглядывали за ними.

Когда в жару босиком возвращались с купания, то бежали от тени до тени или до очередного арычка, протекающего по пути, в котором остужали свои, горящие огнем, по-дошвы. Песок на солнцепеке нагревался до 80 градусов. Такое пекло в течение всего ле-та позволяло в нашей и соседней Вахшской долинах выращивать ценный тонковолокни-стый египетский хлопок.

Летом и осенью лазали по бахчам за дынями и арбузами, по виноградникам и гра-натникам. Не раз хозяева нас ловили и хлестали камчами (плетками).

Запомнился случай, когда после заката солнца я залез к соседу-узбеку в сад за виноградом.

Только забрался под виноградник – канаву с арочно расположенной над ней лозой, – как услышал окрик бабая (деда). Он заглядывал под каждый ряд и, постукивая по винограднику палкой, искал вора. Но внизу, под густой листвой, было уже темновато, и он меня, притаившегося в канаве, не видел. Выждав, когда хозяин ушел, я сорвал несколько самых больших и сладких гроздей, запихал их в майку и перелез через дувал наружу са-да. Тут меня остановил, проходивший мимо, молодой местный парень. Много не говоря, он отобрал у меня весь виноград, слегка двинул ногой мне под зад и довольный, наслаж-даясь моим виноградом, пошел своей дорогой. Вор украл у вора.

Еще хуже обошлись с моим двоюродным братом Борисом. Когда он с ребятами залез в колхозный сад, то сторож из ружья вцепил ему в зад заряд крупной соли. Все бы-ло бы ничего, но когда они, убегая, переплыли большой арык, соль растворилась и Борис от нестерпимой боли стал как собака ездить задом по песку. Потом в райбольнице у него долго выковыривали крупинки соли. С подобным случаем я встретился еще раз, когда уже учился на первом курсе техникума. Было голодно. В поисках пропитания мы в городе лазили по садам и огородам. И вот, в один из вечеров, нашему товарищу – Николаю Коху – при выстреле сторожем из ружья заряд соли попал кучно под колено. Парень остался хромым...

Более благополучно в этих вылазках судьба обошлась с другим нашим товари-щем. Большие бахчи находились в предгорье, километрах в трех от райцентра. При оче-редном нашем налёте в поисках созревших арбузов наш парень приподнял плеть, под которой жили красные шершни. Они его покусали так, что через полчаса лицо у него пре-вратилось в ровную блестящую поверхность шара – всё слилось. Когда мы приволокли своего товарища в больницу, врачи еле

выходили его. А нас предупредили: “Будьте с шершнями осторожнее. Если бы вы доставили своего друга позже, мы бы его спасти не смогли”.

Но нас это предупреждение не остановило. Дразнить шершней, гнёзда которых находились в старых глинобитных дувалах, было любимым нашим занятием. От кого-то мы слышали, что лежащих людей шершни не жалят (по аналогии “лежачих – не бьют”). Однажды, когда раздраженный рой набросился на меня и моего товарища, мы с ним улеглись в пыль на дороге, наблюдая за тем, что же предпримут шершни дальше. Они, обнаружив нас, тут же бросились в атаку. Отмахиваясь нашим оружием – веником из ко-лючек, – и подняв пылевую завесу, мы вскочили на ноги и рванули в разные стороны. От-делались двумя-тремя укусами в разные части тела.

У нас были и другие забавы. Посмотрев кинофильм “Тимур и его команда”, наша ватага тут же начала подражать героям картины. На старых чинарах находили большие дупла, где можно было поместить полдюжины человек, и устраивали там “штабы”. Натя-гивали шнурки с консервными банками для сигнализации, подвешивали убирающиеся верёвочные лестницы, вывешивали флаги. Но до помощи семьям фронтовиков, как это показано в фильме, мы не дошли.

Как-то, лазая по деревьям, в дупле одной из чинар в гнезде майны (индийского скворца), мы нашли несколько сшитых вместе просроченных хлебных карточек. Кто-то их потерял, а птица подобрала и принесла в свое гнездо. Семья же на время осталась без хлеба.

Как только началась война, большую часть районных автомашин мобилизовали на фронт. Оставили только те, без которых нельзя обойтись. Наши же райкомовские и рай-исполкомовские работники схитрили. Под видом ремонта, две почти новые легковые ма-шины – М-1 (эмку) и ЗИС-101 – они спрятали в укромном гараже. Мы, мальчишки, узнав об этом, через окна проникали в гараж, садились в машины и всю войну “рулили” на од-ном месте. До сих пор помню запах краски, резины и бензина, исходивших от этих машин.

С каждым военным месяцем жизнь становилась всё суровой. Начали ограничивать выдачу не только хлеба, но и других продуктов: круп, масла и сахара. Появились трудно-сти с керосином. На фронтах отступали. Из района все больше и больше отправляли призывников. Мы с ребятами собирались у райвоенкомата и наблюдали, как их обучают выполнению простейших военных команд. Местная молодежь из кишлаков не понимала смысла ко-манд, подаваемых на русском языке. Им переводили и показывали, но всё было беспо-лезно. Строем призывники ходить не умели совсем, при ходьбе строевым шагом руками двигали, будто играли на гармошке. Командиры бесились, срывали голоса. Мы же, маль-чишки, до упаду хохотали, когда подавалась команда “налево” или “направо” и весь строй приходил в замешательство: кто поворачивался друг к другу лицом, а кто наоборот. А что творилось, когда звучало: “Правое (левое) плечо вперед!” Это был цирк.

Возникали проблемы и с питанием. Призывники-мусульмане, опасаясь, что их на-кормят свининой, отказывались есть армейскую пищу, старались обходиться привезенной с собой. Но потом на фронте привыкали – “голод - не тётка”.

Родственники призываемых в армию табором располагались у призывного пункта, сутками ожидая отправки. Что начинало твориться, когда звучала команда: “По машинам!” Женщины, хором голоса, висли на бортах машин, надолго задерживая отъезд. Военные и милиционеры с трудом отгоняли их. Колонна машин с людьми трогалась, за ней бегом устремлялась толпа. Висевшие родственники отрывались от бортов и падали под ноги бегущим. Всё исчезало в пыли...

В 1943 году нам пришлось отправлять в армию и нашего Бориса, который перед этим вновь приехал к нам. Про деньги, которые он утащил у мамы из сундука в питомни-ке мы ему не напоминали. Общаясь с Борисом, я стал замечать за ним некоторые насто-раживающие поступки. В один из дней, мы шли с ним по поселку. У него не оказалось спичек прикурить папиросу. Он попросил меня подождать его, на моих глазах подошел к ближайшему дому, немного повозился у двери и, открыв их, вошел в дом. Через некото-рое время вышел оттуда, прикрыв за собой дверь. Когда он подошел ко мне, папироса у него уже горела. Сначала я

ничего не понял, подумав, что в этом доме живут его знако-мые. Только потом до меня дошло, что Борис взломал замок и вошел в чужой дом. Это было началом его конца. Даже фронт его потом не исправил.

В то время в районе деление на русских и жителей местной национальности (нац-менов, как тогда говорили) замечалось только на бытовом уровне. Антагонизма или вра-жды между нами не было. Хотя и существовал закон, запрещающий межнациональную рознь – если, например, обзовешь нацмена “лашпек” или что-нибудь в подобном роде, то схлопочешь год или два тюрьмы – на самом деле до этого никогда не доходило. Жили мы между собой дружно. Дрались с узбечатами, стараясь при этом разбить им носы (му-сульмане боялись вида крови), но никогда это не делалось с каким-либо предубеждени-ем. Когда началась война, беда сплотила людей еще больше. Наши родители дружили с соседями узбеками. В трудные времена делились куском лепешки и чашкой супа или гор-сткой поджаренной пшеницы. Поддержка была взаимной. До сих пор с теплотой вспоми-наю соседей Байхановых, которые и сейчас, перестроив дом, живут на прежнем месте.

Главным культурным центром в районе был кинотеатр: открытый – летом, рабо-тавший большую часть года, и зимний – в клубе. Удивляюсь, как четко действовала в то время система кинопроката, если в такую дыру, почти на границу с Афганистаном, свежие фильмы доставлялись своевременно и регулярно. По-видимому, действительно сраба-тывал лозунг того времени: “Важнейшим из искусств является кино”. Идеологическое воз-действие перемежалось с нравственным и трудовым воспитанием, любовью к родине. Фильмы несли дух созидания, вызывали добрые мысли и чувства.

Только появится какой-нибудь фильм, через два-три месяца мы уже сидим на за-боре летнего кинотеатра или на деревьях, растущих за ним, и смотрим эту новую картину. За плату ходили редко – на билеты денег не было.

О качестве лент говорить не приходилось: они часто рвались, были заезжены. Движок, вырабатывающий электроэнергию для кинотеатра, во время сеанса часто глох, но никто не уходил, терпеливо дожидаясь конца ремонта. Если отремонтировать движок не удавалось, в зал вносили ручное динамо. Крепили его к скамейке и за рукоятки, по-добные педалям у велосипеда, по очереди крутили его. С горем-пополам, фильм досмат-ривали.

Смотрели все подряд: “Путевка в жизнь” и “Чапаев”, “Праздник святого Йоргена” и “Трактористы”, “Броненосец Потемкин” и “Волга-Волга”, “Человек с ружьем” и “Весёлые ребята”, “Ленин в Октябре” и “Цирк”, “Свинарка и пастух”, “Богатая невеста” и многие дру-гие фильмы. После просмотра картин мы с ребятами долго пытались копировать героев сыгранных Петром Олейниковым, Борисом Андреевым, Игорем Ильинским, Михаилом Жаровым.

А песни из кинофильмов! Не успеет появиться на экранах новая картина, как вся страна, и мы в том числе, уже распевали:

“И тот, кто с песней по жизни шагает,  
тот никогда и нигде не пропадет...”

Но вот в песне из к/ф “Истребители” я вместо слов: “Любимый город в синей дымке тает...”, видно не расслышав Бернеса, пел свое: “Любимый город, синий дым Китая,,,” И даже не задумывался, причем тут Китай.

Песни Дунаевского и братьев Покрасс знали все. Поем мы их до сих пор. Интерес-но, что будут петь наши внуки, когда им будет столько лет, сколько сейчас нам?

С началом войны появились “Боевые киноальбомы”, с жадностью люди смотрели хроникальные “Киножурналы”, а песня “Три танкиста” из к/ф “Трактористы” в исполнении Н. Крючкова стала, как бы сейчас сказали, хитовой.

Да, это действительно была эпоха кино.

Еще одним культурным очагом у нас была машинотракторная станция. Она нахо-дилась на окраине райцентра. Работники МТС жили в новых, европейского типа домах. Работали в хорошо оборудованных мастерских, у них был свой клуб с небольшой биб-лиотекой и красным уголком. Политотдел МТС, кроме проведения политики партии, за-нимался и вопросами культуры на селе. Поэтому у них в поселке часто проводились раз-личные массовые



мероприятия, всегда было весело. По вечерам МТСовские девчата пели песни, в том числе и “Прокати нас Петруша на тракторе”. Работали в МТС в основном, как теперь принято говорить, “русскоязычные”. Из местного населения были единицы – их обучали специальностям трактористов, шоферов и ремонтников. Через 30 лет всё стало наоборот: в колхозах почти все механизаторы местные.

В начале войны взрослых опытных специалистов в МТС осталось мало – несколько человек по “броню”, да немного освобожденных от воинской обязанности по болезни. За руль сели молодые ребята допризывного возраста. Потом начали возвращаться раненые фронтовики. Некоторые из ребят, проживающие в МТС, которые были года на два старше меня, по окончании семилетки остались там работать. Один из них погиб – заводил трактор ЧТЗ ломиком за маховик, встал напротив, и когда двигатель завелся, не успел выхватить этот злополучный ломик. Удар пришелся по голове.

Другой товарищ – Володя, ставший шофером в МТС, перед моим отъездом в техникум учил меня водить автомашину. К этому времени я проштудировал популярную книжонку по устройству и вождению автомобиля. Мы уезжали под горы, где была ровная как стол, покрытая мелкой травкой, многокилометровая площадка (позже там сделали аэродром). Захочешь свалиться – некуда. Единственное, чего мы боялись, это чтобы нас во время поездок не увидел кто-нибудь из работников МТС. Хорошо водить машину я не научился – не успел, – но азы вождения усвоил.

Позже, приезжая на каникулы, я катался на мотоцикле моего хорошего товарища Бободжана – сына начальника райфинотдела. Запомнился один эпизод. Я ехал на мотоцикле, а в пыли на дороге отдыхало несколько верблюдов. Когда подъехал к ним, они перепугались и вскочили, поднимая облако пыли. Как я проскочил между ними и их ногами – Богу известно.

Катались мы и на велосипедах. Но это была мука: полчаса езды – полдня ремонта. Камер не было, мы их латали, склеивали из кусочков. При нашей жаре резиновый клей не держал, немного проехав, колеса спускали. Ремонт начинался заново.

В районе был базар, на котором возвышались пирамиды из дынь и арбузов, продавали зерно, рис, маш, фрукты и скот. Много было баранов гиссарской породы с большими курдюками, весившими до десяти килограмм и более.

Смешно было смотреть, как барыги-перекупщики выторговывали за бесценок живность у приехавших на базар, неискушенных в этих делах дехкан. Барыга хватал продавца, называл мизерную цену и с силой начинал трясти его руку. В это время обступившие их другие перекупщики по очереди хаяли здорового и упитанного продаваемого барана. Покупатель, все время громко повторяя цену, понемногу начинал повышать её. Это продолжалось бесконечно, руку жертвы уже не трясли, а выдергивали. Не выдержав такого напора, крестьянин отдавал своего барана, получив за него в лучшем случае половину рыночной цены. Он и узнать то эту цену не успел – перекупщики перехватывали бедняг еще на подходах к рынку.

Из дынь раньше всех на базаре появлялись небольшие, но сладкие, с розовым “мясом” дыньки “кандаляк”. За ними поспевали остальные. Какие были сорта! Зимой продавались, подвешенные в плетенки из сухой куги, зимние дыни – с зеленой и сморщенной кожурой, ароматные и медовые на вкус. Потом большинство хороших сортов выродилось. Сейчас мы сажаем американскую дыньку “кандалуп”. Это все тот же среднеазиатский “кандаляк”, но хуже по вкусу. Канд (сахар, сладость – по-узбекски) в нем почти отсутствует.

В базарные дни по пятницам, когда народу было много, мы с мальчишками не терялись.

Подойдя к куче арбузов или дынь и выбрав момент, когда продавец торгуется с покупателем, мы ногами откатывали несколько штук своим подельникам. Те уносили добычу за пределы базара и дожидались нас. Потом устраивали “Лукулловы пиры”, наедались “от пуза”.

На базаре за небольшую плату оказывались некоторые услуги. Интересно было наблюдать за точильщиками. Точила у них были своеобразные, низкие, работали за ними сидя на земле. С одной стороны усаживался клиент и ногами упирался в станок. Наматы-вал шерстяной ремень на деревянную ось станка, с насаженным на нее точильным камнем, и начинал руками взад-вперед дергать концы ремня. Наждак вращался туда-сюда. Хозяин, сидя с другой стороны

станка, затачивал инструмент: ножи, ураки (серпы), кеть-мени, лопаты и другую всякую всячину.

Рядом на коврике сидел усто (мастер) по ремонту разбитой фарфоровой посуды: чайников, пиал и кос (больших глубоких чашек). Обхватив чайник подошвами ног как тис-ками, он сверлом с лучковым приводом сверлил в нем дырочки, вставлял туда проволочные скрепки и замазывал неплотности особой водонепроницаемой замазкой. На отбитые носики надевались насадки из жести от консервных банок. Из нескольких черепков собирался цельный чайник или пиала. Фарфоровые чайники, особенно во время войны, были большим дефицитом и считались предметом роскоши.

Где-нибудь в сторонке, обычно у арыка, священнодействовал сартарош-голубобрей. Клиент садился на корточки и руками натягивал перед собой платок, завязанный на шее. В него сбрасывали сбритые волосы. Теплой водой усто смачивал волосы на голове клиента, затем долго и тщательно разминал кожу головы – делал местную анестезию. Без этого бритье, таким инструментом как у мастера, превратилось бы в пытку. Подготовив клиента, начинался сам процесс бритья. Самодельной, откованной кузнецом и отточенной на оселке бритвой, мастер, движениями, напоминающими заточку карандаша перочинным ножом, начинал снимать волос. Если клиент не выдерживал, то вновь начиналось массирование головы. После бритья клиент часто истекал кровью. Ему подавали чайник-кумган с водой, он умывался, после чего порезы смазывались квасцами и заклеивались ваткой. Волосы на голове у детей стригли ножницами ступеньками. Мы называли эту стрижку “под барана”.

В районе была и государственная парикмахерская, в которой парикмахер-осетин использовал более современные бритвенные приборы. Но брил он своеобразно. Чтобы чище выбрить щеку засовывал палец в рот клиента и изнутри натягивал кожу на лице. Не каждый соглашался с таким приемом бритья.

Отец Бободжана иногда давал нам возможность подзаработать на “карманные расходы”. Он просил подотчетного ему председателя базарного комитета разрешить нам собирать с продавцов взносы за место торговли на базаре. Часть собранных денег мы оставляли себе. Рядом с базаром в сухое время года мы с ребятами играли в “ашички” (альчики) – кости из коленок баранов. Мы их покупали или обменивали на что-либо. Чтобы кости становились на одну определенную сторону, заливали их свинцом. Такая бита – “сока” – особенно ценилась. В этой игре были свои чемпионы.

По старым мусульманским праздникам: дню нового года – “навруза” или “курбана” и “рамазана”, местные ребята играли в куриные яйца – чье вареное яйцо окажется крепче. Вокруг играющих собиралась толпа болельщиков. Применялись и подделки – содер-жимое яйца выдувалось, а вовнутрь заливалась известь или гипс. Если шулера ловили, то как следует поколачивали. Играли в яйца и мы.

У взрослых местных мужчин была своя национальная конная игра – “улак”, “купка-ри” или “бузкаши” (козлодрание). В довоенные и послевоенные годы в неё играли по праздникам, чаще осенью после уборки урожая. Выбирали ровное поле, разбивались на две команды (район на район, колхоз на колхоз), бросали зарезанного козла... и начиналось. Надо было схватить козла с земли, проскакать с ним круг и бросить его в отведенное место. Противник всячески старался отнять козла, вырывая его у обладателя и на-граждая всадника и его лошадь ударами плеток. Игроки зверели, иногда затаптывали насмерть упавшего с лошади. Большими мастерами в этой игре считались локайцы с их знаменитой породой лошадей. Победители получали ценные призы: бычков, баранов, а позже – ковры, велосипеды и мотоциклы. Мясо разодранного козла по кусочку раздавалось, преимущественно беременным женщинам. Существовало поверье, что от этого мяса они легче разродятся.

Опасно было наблюдать за этой игрой. Хорошо помню, как однажды мы были вынуждены спастись под телегами от несущейся в сторону зрителей неуправляемой дикой лавы из обезумевших лошадей и всадников.

Происходящее в мире мы узнавали из газет или по радио. Запомнилась республиканская газета “Коммунист Таджикистана”. В конце войны она превратилась в небольшой листок из грубой

оберточной бумаги, в которой печатались только вести с фронтов и постановления властей.

Потом эти листки мы в школе использовали в качестве писчего материала.

Районный радиоузел располагался в центре поселка у “Водхоза”. На возвышении среди старых развалин стояли две деревянные антенные радиомачты на растяжках. Сам радиоузел был в соседнем с мачтами дворе. Там же жил с семьей и радист, отец нашей одноклассницы – худой и высокий мужчина, по болезни освобожденный от призыва в армию. Репродуктор в районной чайхане был всегда включен и все, кто заходил в неё побаловаться чайком, обязательно слушали новости.

Когда мы от райбольницы получили более благоустроенную квартиру с деревянными полами и своим колодцем во дворе, то над моей кроватью появилась черная тарелка репродуктора “Рекорд”. До сих пор события Великой Отечественной войны ассоциируются у меня с этим репродуктором. Сейчас, проживая в Воронежской области и глядя на её карту, вижу города, названия которых я впервые услышал по радио. Диктор Левитан тихим голосом объявлял: “Наши войска оставили Кантемировку, Ольховатку, Богучары, Россошь”. Когда началось наше наступление после победы под Сталинградом, и эти города освобождались, голос Левитана был бодрым и раскатистым.

Думал ли я, что когда-то окажусь около этих, в то время неведомых нам, городов. Мог ли представить, когда мальчишкой смотрел к/ф “Чапаев”, что мне придется побывать на могиле его сына – летчика Аркадия Чапаева, похороненного в г. Борисоглебске.

Война, конечно, коснулась всех. Но, все-таки, надо признать, что чем дальше от фронта, тем легче она переносилась. Особенно в теплой Средней Азии. Мы у себя в районе питались фруктами, овощами и бахчевыми. Выручала тыква, маш и кукуруза. Занимались охотой и рыбалкой. Большую часть года дети ходили в одних трусах, что упрощало вопрос с одеждой. Не хватало, в основном, хлеба. Помню, как мы на колхозных полях после уборки подбирали колоски пшеницы или ячменя, что официально запрещалось – всё до зернышка принадлежало колхозу. Если колхозники нас не замечали, набрав и нашелушив пару килограмм зерна, мы бежали на мельницу смолоть его. Какие были вкусные лепешки, испеченные мамой из свежей муки! Иногда – когда были сильно голодными – просто жарили зерна и жевали их. Жарили и варили кукурузу. Тогда об американском “поп-корне” мы и не знали. Местное население прекрасно умело жарить кукурузу – зерна раскрывались в виде беленьких вкусных розеточек. Уроки делали при керосиновых лампах без стекол. Сейчас, если выключат электрический свет, мы становимся неработоспособными. А тогда, при копилке мама шила на фронт телогрейки и рукавицы, отчим что-то считал и писал, а я выполнял школьные задания. Жизнь не останавливалась. Местное население в кишлаках, когда не было керосина, пользовалось “чироками” – масляными светильниками.

Отапливались в лучшем случае дровами – сухими чинаровыми и тузовыми ветками, чаще использовали гузапаю (стебли хлопчатника). В сухое время года два в неделю ходили на речку, где паслись коровы, собирать кизяки. В ходу была и верблюжья колючка.

Дома держали баранов и свиней. Моей обязанностью было приносить им траву и листья тутовника, от которых бараны хорошо поправлялись.

Большим подспорьем был огород, ухаживать за которым мы все помогали Яну Богуславичу. С этим огородом произошла история, о которой стоит рассказать.

Огород находился на территории больницы. Когда переполнился больничный уличный туалет, отчим взял и пустил в его выгребную яму воду, а сток направил на полив огорода. Это было сделано вечером. Когда на другой день припекло солнце, по всей больнице был такой запах, что все ходячие больные постарались уйти подальше. “Благоухание” продолжалось дня три, главврач сделал Яну Богуславичу выговор. Но зато какой был потом урожай на этом огороде. Кормились с него и больные.

Делали мы и свое питье. Ян Богуславич покупал большие корзины винограда, давил его и получал прекрасное сухое вино. Кто-то донес на него и в одно осеннее утро пришли два сотрудника милиции с требованием показать аппарат. Они думали, что мы гоним самогон. Отчим протянул им две руки: “Вот мой аппарат”. Когда все выяснилось, они вместе с отчимом

распили оставшееся в бутылки вино и мирно разошлись. На этом дело закончилось. С курением я столкнулся первый раз, когда мне было лет десять. Мы с ребятами пошли смотреть кино с деревьев, стоящих за летним кинотеатром. Кто-то из старших дал мне маленькую, тоненькую папироску. Тогда еще были такие – “Боксер” или “Ракета”. Я несколько раз затянулся и закашлялся. На дерево влезть не смог – голова кружилась, меня тошнило. С тех пор до техникума я к куреву не притрагивался.

Однажды испытал на себе и действие “насвоя” – азиатского табака растертого в порошок, который кладут под язык. Сидели мы в саду на траве, я взял у ребят щепотку этого зелья, скатал шарик и положил себе в рот под язык. Через некоторое время попытался встать, но меня повело в сторону. С непривычки, отравление организма произошло в считанные минуты. Я долго плевался и полоскал рот водой. Отвращение осталось на всю жизнь.

В 1988 году меня пригласили в Кабадиан на празднование пятидесятилетия шко-лы. Собрались в основном все местные выпускники. Из русских я оказался один. Моих учителей в районе уже никого не было. Варвара Александровна лет за пять до этого уе-хала жить к родственникам в Россию. Школа в районе была уже новая – многоэтажная десятилетка. Я сходил и в нашу старенькую одноэтажку, где расположились курсы ДО-САФ. Подошел к ней, и сердце защемило. Здание было на замке, попасть вовнутрь не удалось. Я дотронулся до двери, через которые мы когда-то сновали взад и вперед, за-глянул в окна, зашел во двор и меня охватило волнение. Вспомнились мельчайшие дета-ли школьной жизни, лица моих товарищей и учителей, их голоса. Где-то они сейчас?

Подошел к наружному заднему углу здания, за которым на переменах мы устраи-вали заседания своего “клуба”. На побеленной стене делали рисунки, писали стихи, запи-сывали “мудрые мысли”. Завхоз школы время от времени стену забеливал, но через не-которое время наша настенная газета (в полном смысле этого слова) появлялась вновь. За угловым окном был физкабинет. Как особо пахли лаком и красками приборы и макеты по электротехнике! На всю жизнь запомнился запах глобуса и карт, на которых мы люби-ли отыскивать географические объекты с мудренными и романтическими названиями. А вот в этом небольшом зале на входе в школу устраивались новогодние праздники. Под руководством завуча Евгения Александровича кружковцы собирали и запускали дейст-вующую модель паровоза, бегающего по рельсам вокруг елки. Под потолком кружили, подвешенные на противовесах, самолетики.

Часто задаю себе вопрос: как мог добиться всего этого учительский коллектив в то время? В такой глухомани, удаленной от культурных центров на сотни и тысячи километ-ров. Я, позже, подобного не встречал в школах больших городов и в более цивилизован-ное время.

Во дворе школы у нас были спортивные снаряды: турники, кольца и канат, подве-шенные на п-образной деревянной конструкции.

Когда началась война, в школе усилили военную подготовку. Во дворе за школь-ным туалетом мы рыли зигзагообразные окопы, строем ходили с деревянными винтовка-ми на плече, исполняя волнующую песню-гимн Отечественной войны “Идет война народ-ная...”, бросали учебные гранаты, изучали знаменитую винтовку образца 1891/30 годов, с которой наша страна встретила войну. Когда разбирали затвор, силёнок не хватало. Пру-жину сжимали, упирая затвор в табуретку. Сколько мук мы натерпелись от противогазов того времени. В 6-м классе начались тактические занятия с выходом на местность. Учи-лись окапываться, в крепости устраивали стрельбы из малокалиберной винтовки. Стре-лял я хорошо, за что получил значок ЮВС – Юный Ворошиловский стрелок, названный в честь маршала Клина Ворошилова.

Вел военную подготовку в школе демобилизованный по ранению лейтенант Петр Афанасьевич, который был лет на 7-8 старше нас, и которого мы уважали и слушались. Как сейчас помню его наставление: “Когда ведёте наблюдение с холма, никогда не де-лайте этого с самой вершины – вас там быстрее заметят”.

Военная подготовка в школе в какой-то мере связала меня с охотой, которой я на-чал заниматься в двенадцать лет. Охотничьих приключений было много. Расскажу о них отдельно.

## ОХОТНИЧЬИ БУДНИ

До того как в нашей семье появилось ружье, я увлекался рыбалкой. В тяжелые го-ды войны пойманная рыба была весомой и высококалорийной составляющей нашего скудного семейного рациона.

В летние каникулы, с утра, мы, мальчишки, уходили на речку или на заросшие озера и целые дни проводили там. По берегам реки со стороны поселка были тугаи – пойменные заросли из джиды, туранги, тамарикса, ивы и камыша. Деревья и кустарники местами затянуты мягкими лианами. Противоположный западный берег был высокий, с кручами. Когда мы пытались переплыть реку и подплывали к этим, нависшим над водой обрывам, становилось страшно: под тобой темная глубина, над головой высоко вверх вздымаются лёссовые кручи, в которых гнездились дикие голуби, стрижи, щуры и сизово-ронки. Вылезти было некуда. Снесенные течением, мы возвращались на свой пологий берег. Порой, плавали по реке на плотиках, связанных из сухих толстых, но легких стеб-лей камола (ферулы), который произрастал в горах в верховьях реки. Смытые дождями стволы сносились во время паводков по реке вниз и выбрасывались на отмели. Вода в реке во время весенних ливней и летнего таяния снегов в горах, из-за большого содержания в ней лёсса и песка, была цвета светлой охры. Прежде чем напиться, её надо бы-ло обязательно отстоять.

Из рыбачьего снаряжения, кроме крючков, у нас ничего не было. Все приходилось делать самим. На удилица шел толстый и длинный, похожий на бамбук, камыш. Лески скручивали из ниток, а поводки – из конского волоса: стригли хвосты у лошадей. О спин-нинге или блесне мы даже и не слышали. Поплавками служили камышинки. Из других снастей пользовались только вентилями. Мы называли их: вентерья. Ими хорошо было ловить рыбу в водобросных арыках. Поставишь в арыке вентерья, горловиной вниз по те-чению, раскрепишь крылья в берега, а потом снизу палками начинаешь гнать рыбу. Она любит идти против течения и попадает в снасть.

Много было рыбы в заросших камышом и тростником–рогозом озерах. Прежде чем в них ловить рыбу, надо было заранее приготовить место. Для этого, выбрав глубину до пояса, мы ураком (серпом) выкашивали в камыше небольшое окно. Получалось свобод-ное от растительности зеркало воды. Рядом забивали несколько рогоулек, на которых из камыша делали настил для сидения. На другой день мы закидывали удочки в подготов-ленное окно и ловили толстых, жирных сазанов. Сидя на сооруженных помостах, наблю-дали, как сазаны высовывали свои рты и, причмокивая, слизывали с камышинок личинки различных водяных насекомых, а подчас, выпрыгнув из воды, пытались схватить сидя-щую над водой стрекозу. В камышах озер верещали камышевки, водилось много змей. Когда наступал брачный период, на polegших стеблях можно было увидеть множество водяных ужей, сплетенных в клубки. Однажды, рыбака с помоста, я почувствовал, что моей ноги касает-ся что-то холодное и мокрое. Взглянув, тут же вскочил, чуть не упав с настила: змея, вце-пившись зубами в пойманного мною сазана, пыталась вместе с другой насаженной на ку-кан рыбой, вытащить его из воды на настил. Я поднял весь кукан, змея неохотно отцепи-лась и шлепнулась в воду. Жуки–плавунцы выедали в воде жабры у пойманной рыбы. Из-за этих жуков опасно было опускать босые ноги в воду. Тут же подплывут и больно начнут щипать пальцы ног.

Сколько было в этих озерах разной мелкой живности и растений. Среди стрелоли-стника и аира летали разноцветные стрекозы, на тропинках в камышах можно было на-ткнуться на упругую ловчую сеть из паутины, с рядом сидящим большим черно-желтым пауком. В воде плавали личинки комаров, в том числе малярийных (анофелес). Когда за-пустили в водоемы рыбку гамбузию, которая питается этими личинками, малярия резко пошла на убыль. Но нам, рыбакам, гамбузия причиняла много беспокойства. Она беспре-рывно склевывала наживку. Тогда у нас при обращении к младшим в ходу было выраже-ние: “Ну, ты, гамбузия пузатая!”. Эта рыбка величиной была не больше мизинца, но с вечно набитым большим животом. На поверхности медленно протекающей воды сколь-зили водомерки – мы их называли “ конькобежцы”, кружились жучки-вертячки. По вечерам лягушки устраивали громкие концерты.

В кустах солодки прыгали и летали кузнечики и кобылки всех цветов. Их мы использовали в качестве наживки.

По берегам озер и рек водились и другие представители мира насекомых. Инте-ресно было наблюдать за жуками-скарабеем, которые в большом количестве обитали в местах отдыха коров. Найдя подсохший навоз, жук своей зазубренной лопатой, шириной во всю голову, отделял кусок необходимой величины и начинал скатывать из него шар, размером с пинг-понговый мячик. Затем, приняв наклонное положение и опустив голову к земле, он задними лапами (у писателя Пелевина почему-то передними) начинал тол-кать этот шар и катить в нужном направлении. Как он находил это направление остается загадкой. Ведь он движется задом, точнее, брюшком вперед и довольно- таки быстро. При длительной транспортировке шар принимал правильную форму, становился гладким и твердым. Иногда мы отбирали у жуков эти шары – как они начинали метаться в поисках исчезнувшего припаса.

На сухом песке виднелись воронки муравьиных львов. Мы ловили муравьишку и бросали его в воронку. Тут же из глубины её поднимались фонтанчики песка и сбивали муравья на дно, появлялся хоботок с клешнями на конце, который затачивал добычу в песок.

Ходить босиком в тугаях было небезопасно. Жесткая острая осока и колючки джи-ды могли порезать и проколоть подошвы ног. Особую опасность представляли острые пенечки, скошенных на топку, стеблей солодки. Они были незаметны в траве. С обувкой было трудно. Для рыбалки, чтобы защитить ноги, я сделал себе “ босоножки”, у которых деревянные подошвы в месте сгиба имели шарниры из толстого сыромятного ремня от старой конской упряжи.

Рыба, пойманная в озерах, ни в какое сравнение не шла с речной. Озерный сазан был темного цвета, вялый, мясо его дряблое и пахнущее тиной. То ли дело – речной: по-клев резкий, когда его выуживаешь, леска с визгом режет воду. Цвет у речного сазана золотистый. Речная рыба дольше сохраняется, вкусная и в ухе и жареная. А какие реч-ные усачи и сомы! Ловили таких усачей – долгожителей, у которых шкура настолько тол-стая и жесткая, что её, даже вареную, трудно было прокусить.

Ходили мы с ребятами на рыбалку и с ночевкой. Соберемся несколько человек, нароем червей, возьмем котелок для ухи, соль, спички и айда. Если по пути была мель-ница, то вопрос с червями решался просто: лезли под мельницу к водяному колесу (мельницы в Средней Азии с вертикальным валом), куда просыпалась мука, и там, в пе-регное, набирали червей как макароны, горстями.

Выбрав подходящее место для рыбалки, быстренько ловили мелкую рыбешку на уху, собирали дрова, разводили костер и готовили ужин. Закинув несколько удочек на ночь, располагались у костра спать. Заворачивались, кто во что горазд: кто в телогрейку, кто в старое одеяло. Устанавливали дежурство: надо было поддерживать костер. Бывало и так: почувствуешь прохладу, проснешься, а костер потух, – дежурный задает храпака. Это было опасно тем, что, как только наступала ночь, недалеко в камышах начиналась шакаля какофония. Сначала заное-зарыдаёт один, подхватит другой, и вот вся стая в разной манере завывает, напоминая плач десятка младенцев. Становится жутко, уже не до сна. И так продолжается почти до рассвета. Когда горит костер, есть надежда, что шакалы близко не подойдут: свет и дым их отгоняет. Да и комары кусают меньше. Утром, проверив удочки и собрав улов, мы не выпавшиеся, но довольные, возвращались домой.

Когда стали постарше, класса с шестого, начали заниматься запрещенными спо-собами ловли рыбы – глушить её взрывами. Где мы научились этому, уже не помню. То-гда никто из нас и не подозревал, что мы становимся участниками наступающей экологи-ческой беды. Именно взрывы и попадание в реки химикатов с полей привело к тому, что в настоящее время количество рыбы в реках региона резко сократилось.

Впервые, самостоятельно, мы попробовали глушить рыбу с моим другом Шуркой Шлаком, который был немного старше меня. Достав в “Водхозе” (райотдел водного хо-зяйства, занимавшийся и взрывными работами ) порошковый аммонал, в “ Дорстрое “ – капсуля и бикфордов шнур, из толстой лощеной бумаги от старых журналов “Огонек” на-крутили кульки

и начинили их взрывчаткой. Решили под Новый год сделать своим родным подарки: угостить их рыбой. Пришли на речку, было холодно, но снег по берегам и лед на воде отсутствовали. Выбрали место, где должна быть крупная рыба, сбросили наши пальтишки и разделись догола. Шурке кто-то сказал (а может он сам придумал), что для того чтобы не так мерзли гениталии, их надо намазать вазелином. Намазались, зажгли, чтобы потом погреться, большой сухой куст камыша–эриантуса. Подожгли шнуры и бро-сили две “бомбы” в глубокую, но тихую протоку реки. Последовали взрывы: два водяных столба поднялись вверх. Показались ротки крупной оглушенной рыбы, мелочь плавала на боку и верх брюшками. Мы попрыгали в воду и начали выбрасывать рыбу: Шурка на берег, а я на островок за протокой. Никакой вазелин не помог. Вначале холодной водой обожгло как кипятком, а потом все тело заныло. Собирая рыбу на островке, я увидел, что на берегу огонь от зажженного куста по сухой траве добирается до наших вещичек, около которых лежала одна неиспользованная “бомба”. Я во весь голос заорал другу, соби-равшему рыбу на берегу чуть ниже: “Шурка, сейчас взорвемся!” Тот, не побоявшись, схватил пальтишко и забил им огонь. Домой рыбы принесли много. Неудавшийся эксперимент с вазелином запомнился на всю жизнь.

Двоюродный брат Борис, демобилизованный из армии в конце войны, привез с со-бой несколько, похожих на мыло, толовых шашек. Я достал остальное, и мы отправились с ним на речку. Рванули. Ниже, на перекате, выловили глушеную рыбу, и тут я уже за пе-рекатом увидел большую черную плывущую подкову с торчащими вверх усами. Это был большущий оглушенный сом. Течение быстро несло его вниз. Я по берегу, босиком, бро-сился за ним. Исколот в кровь ноги. Только поравнялся с сомом и приготовился прыгать за ним, как тот очухался, ударил хвостом и исчез в глубине. Так было обидно. Но потом, рассудив, я подумал: может это к лучшему. Справился бы я в одиночку с такой огромной рыбиной? Сом мог утащить меня запросто.

Благополучно закончился и другой случай. Мы с моей одноклассницей Линой Иса-ковой уже учились в техникуме. Она проходила практику на одном из рудников и оттуда привезла шнур и капсулю. Когда мы приехали домой в район на летние каникулы, я дос-тал взрывчатку, и мы с ней договорились пойти глушить рыбу. Девчонка она была отча-янная, недаром училась на горняка. Захватили с собой все необходимое и отправились на речку. Облюбовали глубокую яму под плотиной, которая перегораживала один из ру-кавов реки и давала начало оросительному каналу - Цингове. Плотина была из сипаев – треножников из бревен с плетеной проволочной сеткой, куда загружались речные бульж-ники. Сверху все засыпалось глиной и обкладывалось дерном. Я насыпал взрывчатку в бутылку, вставил капсулю со шнуром, но когда начал обмазывать горлышко бутылки гли-ной – руки затряслись: если бы передал капсулю, мог бы произойти взрыв. Такими дрожащими руками я зажег шнур, размахнулся и бросил бутылку под плотину в яму с во-дой, где должна быть рыба. Но руки подвели, и бутылка полетела не в воду, а на откос дамбы плотины. Она, запутавшись в траве, не скатилась, шнур дымился. Мы с Линкой от-бежали и залегли в какой-то промоине. Раздался взрыв, полетели комья глины. Дамбу не разрушило, но куба 1,5 - 2 грунта из неё вырвало. Боясь, что колхозники услышат взрыв и нас схватят, мы нырнули в заросли и убежали.

Глушение рыбы взрывчаткой все же до добра не довело. Начальник “Дорстроя” Насибулин (его дочь Тамара училась с нами) надумал тоже побаловаться рыбкой. Соору-дил взрывпакет с коротким шнуром, поджег его в левой руке, перекинул в правую, раз-махнулся... и тут произошел взрыв. Его самого отбросило в воду. В больнице ему ампути-ровали правую руку до плеча, да все лицо осталось в крупных оспинах.

Будучи в Кабадиане через пятьдесят лет после описываемых событий, я с братом Аликом, по предложению бывшего нашего соседа Эргаша Байханова, поехали на речку купаться. Сели в “Волгу” и покатали. Хорошая грунтовая дорога тянулась почти до самой реки. Никаких тугайных зарослей уже не было – везде хлопковые поля. Когда проезжали по мосту через оросительный канал, Эргаш обратил наше внимание: “Вот ваша Цингова”.

Здесь надо сделать отступление от темы рыбалки и охоты и немного коснуться то-понимики. Большинство среднеазиатских географических названий тюркоязычные или ираноязычные.

Изредка можно встретить термины, привнесенные в данную местность завоевателями: монголами и арабами. Местное население давало название горам, рекам, населенным пунктам и другим объектам на своем языке и это название всегда имеет смысловое значение и определенное содержание. Обычно, местные топонимы легко объясняются при помощи узбекского или таджикского языка.

Например, Бешкентский оазис получил свое название от узбекских слов: «беш» – пять и «кент» – селение, город. А вот родники, питающие этот оазис, названы уже по-таджикски: Чиличор–чашма («чиличор» – сорок четыре, «чашма» – родник). Они считаются святыми, к ним совершаются паломничества. Современное название реки Кафирниган произошло от Кафирниган-дарьи – реки неверных. В начале 10 века эту реку называли Рамид. Сейчас об этом напоминает кишлак Рамит, расположенный в верховьях реки. «Кафир» – это неверный. По-видимому, когда-то на берегах этой реки расселился неизвестный ныне народ-иноверец. Может это были огнепоклонники, а не мусульмане, а может представители современных афганских нуристанцев, до сего времени называемых кафирами.

При переводе на русский язык, зачастую, местное название искажается и теряет смысл. Вспомните этимологию названия города Царицына (Волгограда). У русских город получил свое имя по внешнему созвучию с тюрским названием протекающей там реки Сарысу («желтая вода»). Эта река, по-русски Царица, и дала имя городу.

Так и наш канал. В русской форме это название никакого смысла не имеет. Таджики называют канал Сангоб («санг» – камень, «об» – вода). Канал проложен в пойме реки и имеет каменистое ложе. Из русской транскрипции термина Цингова ничего этого понять нельзя.

Осенью 1943 года Ян Богуславич по сходной цене купил охотничье ружье – бельгийскую двустволку–бескурковку шестнадцатого калибра. К нему были и все принадлежности: “барклай”, манерки, приспособление для вырубки пыжов, патронтаж и другое. У соседа, заведующего ларьком “Охотсырьё”, мы достали пачку пороха и немного дроби.

Официально, во время войны ружья гражданскому населению держать запрещалось, но Яну Богуславичу, как завхозу больницы, с целью охраны, пользоваться ружьем разрешили. Из-за раненой руки отчим сам охотиться не мог. Поэтому ружье было отдано в мое полное распоряжение. Как я был рад этому: целыми днями чистил и смазывал его, приготовил себе тороки – петельки на поясе для подвешивания дичи, с помощью отчима зарядил десяток патронов и вставил их в ячейки патронташа.

И вот в один из мягких и солнечных дней, после прилета птиц к нам на зимовку, я отправился на охоту. Исходил на реке ближайшие заросли, но никакой дичи не встретил. Устав, присел отдохнуть у небольшого, заросшего тростником озера. Спустя некоторое время послышалось посвистывание крыльев и всплеск воды. Присмотревшись, сквозь редкий тростник увидел несколько плавающих на воде маленьких уток – чирков. Сердце забило молотом. Я прицелился и выстрелил. Утки взлетели, но одна, с подбитым крылом, осталась кувыркаться на мелкой воде. Быстро сбросив с себя обувь, я залез в воду и достал чирка, маленького селезня. Он еще был живой, пришлось его дорезать. Оделся, повесил свою первую добычу на пояс и отправился домой. В поселке прошел по улицам так, чтобы меня видело как можно больше соседей. Мама с отчимом поздравили меня с первой удачной охотой. Чирка поджарили и разделили всем по крохотному кусочку. Чувствовал я себя победителем.

Через некоторое время появилось ружье и у моего друга Шурки. Его отец – начальник райотдела НКВД – подарил ему маленькую двустволку тоже шестнадцатого калибра, но, как выяснилось потом, дававшую много осечек. Зато пороха и дроби у Шурки всегда было в достатке.

С тех пор охотились мы с Шуркой, чаще всего, вдвоем. Излазили в округе все тугаи и озера. Когда прочитали книгу “Дерсу Узала”, стали подражать знаменитому гольду: в тугаях пытались прочесть следы, оставленные зверьем и птицами, для нахождения обратного пути на кустах и деревьях делали метки, учились определять какая птица летит над нами высоко в небе, как зажечь костер с одной спички и как сохранять спички сухими.

Спустя год мы стреляли уже неплохо, особенно Шурка. Из-за того, что у него всегда было



больше патронов, бил он дичь и влет и на бегу. Мне же приходилось стрелять только наверняка: в сидящего зайца или в утку на воде. Влет я мазал, не хватало навыка. Бывало, при возвращении с охоты домой у Шурки на поясе висело пять-шесть зайцев, фазанов или уток, а у меня вполтину меньше. Приходилось просить: “Шурка, дай мне хоть одного, а то стыдно по улицам идти”.

Как-то мы надумали поохотиться на кабанов. По ночам они стадами выходили из тугаев на рисовые поля обдирать шалу (рисовые колосья). На краю такого поля мы и сделали засаду. Ночь была темная, луна на ущербе. Сидели в ожидании кабанов долго, стараясь не шуметь, ветками отмахивались от надоедливых комаров. Наконец, со стороны приречных камышей появилось темное пятно, и послышались звуки, сопровождающие выдергивание ног из трясины. Шурка, не долго думая, приложился и выстрелил. Вместо кабаньего визга раздался знакомый рев ишака. Мы бегом постарались скрыться. Убили мы осла или нет – осталось неизвестным.

С кабаном нам пришлось встретиться при других обстоятельствах. Как я уже говорил, когда выпадал первый снег, местные жители на лошадях с собаками перебирались на острова и устраивали гоны. Собаки были афганские гончие, позже, в Таджикистане они почти исчезли. В холод фазаны взлетают и тут же садятся, прячась в сухом камыше и поваленной куге – тростнике. Тут то их и забивают длинными палками прямо с лошадей, зайцев догоняют собаки. Как-то, попав на такую охоту, мы с Шуркой ушли в дальний конец острова и стали ждать, когда на нас выгонят зайцев или фазанов. Вдали послышались приближающиеся голоса гонщиков, тявканье собак и храп лошадей. И вот, вместо ожидаемой нами мелкой дичи, на нас выбежал большущий кабан с торчащими вверх клыками. Мы растерялись и шарахнулись в сторону: ружья были заряжены дробью. Кабан плюхнулся в речку, подняв при этом фонтан брызг, и поплыл на ту сторону. Мы пришли в себя и заулюлюкали ему вслед. На том берегу он выбрался на берег и исчез в зарослях.

На кабанов пытался охотиться и я сам, один. Как-то раз, мы с отчимом на лошади поехали на рыбалку с ночевкой. Прихватили с собой ружье. Приехав на место, тут же закинули подпуска. Мне захотелось посидеть в засаде на пути выхода кабанов из камышовых зарослей на лежащие рядом бахчи. Засада, сооруженная кем-то раньше, находилась от нашего места ночевки немного выше по реке. Расположившись за изгородью из хвороста и камыша, я зарядил оба ствола пулями и стал ждать. Смеркалось, комары заедали. Слева, на закате, на противоположном пологом берегу, рядом протекающей протоки, у среза воды появился какой-то столбик. Его отражение виднелось и на воде. Долго я гадал, что же это такое, пока не понял: у воды сидит заяц с поднятыми вверх ушами. Терпения ждать кабанов не хватило. Беззвучно перезарядил ружье на дробь, прицелился и выстрелил в зайца. Он подскочил и упал на прибрежный песок. Я разделся и без ружья перебрался на тот берег. Только нагнулся подобрать зайца, как тот вскочил и задал стрелкача. Сзади у него пропеллером крутился перебитый хвост. Добить подранка было нечем: ружье осталось на том берегу.

Когда возвращался, встретил идущего навстречу отчима, который первым делом спросил в кого я стрелял. Он уже начал беспокоиться. Пришлось подробно объяснить, что произошло. После ужина начали оборудовать ночлег. По ночам на реке было прохладно. Поэтому, применили известный способ: сдвинули костер в сторону, на освободившееся место постелили старенькую конскую попону, накрылись телогрейками и уснули. Теплый песок под нами согревал нас всю ночь.

Рано утром отчим растолкал меня: “Вставай, подпуск намотался на куст в воде”. Еще сонный, дрожа, я залез в воду и попытался размотать снасть. Только наклонился и опустил руки в воду, как последовал всплеск от удара рыбьим хвостом по воде: на крючок попался большой сом. Отчим спустился вниз, и мы вдвоем вытащили рыбку вместе с подпуском на берег. Привезли её домой и пустили в яму в протекающем в нашем дворе арыке. Там сом, до того как попасть на стол, проплавал живым несколько суток.

В один из осенних дней, когда четвероногие перешли с летнего одеяния на зимнее, мы с Шуркой решили добыть шкуру шакала. Днем в тугаях, в месте их обитания, на дереве

соорудили себе места для засады. На другой вечер отправились туда. По пути Шурка предложил добыть приманку для шакалов – подстрелить собаку. Уже в темноте на окраине глухого кишлака на нас набросилась какая-то собачонка. Шурка выстрелил в нее. Та с визгом убежала. Мы спрятались в хлопчатнике, отсиделись, и когда в кишлаке все затихло, продолжили свой путь. Прийдя на место, залезли в свои скрады и стали ждать шакалов. Были они недалеко от нас всю ночь, но близко не подошли. Утром мы добыли фазана и зайца и вернулись домой.

Прошло несколько дней. Мы с Шуркой в очередной раз отправились на охоту. Ко-гда шли вдоль Цинговы, встретившийся пастух сказал нам, что недалеко валяетсядох-лый ишак, которого раздирает стая шакалов. Пошли на указанное место, но шакалов там уже не было. После охоты назад возвращались по той же тропе вдоль канала. Когда по-дошли к месту, где валялся ишак, из кустов выскочил шакал, по камням на перекате пе-рескочил канал на ту сторону, обернулся и уставился на нас. Какая потешная была у него мордочка. Шурка попытался стрелять, но у него произошла осечка. Я стоял рядом, заки-нув свое ружье за плечи, наподобие коромысла, и ждал выстрела. Не дождавшись, вски-нул приклад к щеке и я. Но тут шакал, почувствовав недоброе, резко повернулся и исчез в зарослях.

По узкой тропинке среди камышей мы двинулись дальше. Шурка шел метрах в трех впереди. Вдруг рядом грохнул выстрел, я присел, бумажные пыжи посыпались мне на голову. Мой друг подскочил ко мне и, заикаясь, стал спрашивать, не ранен ли я. Прийд-я в себя, мы поняли что произошло. Шурка после нашей неудачной встречи с шакалом, повесил ружье на плечо, не опустив курки. Как назло, у него оборвался ружейный ре-мень, и ружье упало. При ударе приклада о землю курок соскочил – ружье выстрелило. Хорошо, что оно при падении не сильно отклонилось в мою сторону – дробь пролетела над моей головой.

Запомнился и другой случай, который мог закончиться бедой. Со мной на охоту на-просился мой школьный товарищ, у которого не было своего ружья. Мы пришли на речку и в каком-то летнем овечьем загоне я решил “справить нужду”. Отдал заряженное ружье товарищу, а сам присел у глиняного забора загона. Неожиданно прогремел выстрел. Дробь влетела в глиняный забор в паре шагов от меня. Оказалось, что мой товарищ не-чаянно передвинул предохранитель и, не заметив этого, нажал спусковой крючок.

Трагедией чуть не окончилось происшествие с моими малолетними братьями. Од-нажды зимой я на охоте подстрелил утку, которая упала на другой берег небольшой ста-рицы. Одетый, проваливаясь на тонком льду, по мелководью я перебрался на ту сторону и забрал свою добычу. Пока дошел до дома мокрые брюки смерзлись и при ходьбе лома-лись. Думая только о том, как быстрее раздеться и согреться, я дома поставил ружье в угол, забыв вытащить из него патроны. Через несколько дней, снова собираясь на охоту, попросил шестилетнего брата Алика принести ружье из другой комнаты. Принес он его не сразу, причем, после его ухо-да слышались щелчки спускаемых курков, на что я не обратил внимание. Когда взял при-несенное ружье в руки и переломил его, то обомлел: на обоих пистолах не вынутых па-тронов были следы от бойков. На вопрос: “Что ты делал с ружьем?” Алик ответил, что он немного поиграл со Славиком, наводил на него ружье и два раза щелкнул...

Фортуна выбрала свое – пистоны отсырели, произошли две осечки. Нашему младшему брату суждено было жить. Я попросил малышей ничего не говорить родите-лям.

Частенько на охоту я брал нашу собаку Кутьку. Это была обыкновенная дворняжка, небольшой кобелек черного цвета. Охотничьими навыками он не обладал, но зато был большой любитель охоты. В холодное время года Кутька по дувалу забирался на обма-занную глиной плоскую крышу нашего дома и спал там у теплой трубы с подветренной стороны. Меня всегда удивляло, как он узнавал, что я собираюсь на охоту. Только возь-мешь ружье в руки он, спрыгнув с крыши, несется, радостно повизгивая и заглядывая в глаза, как бы спрашивая: “А мне можно с вами?” Когда выходили из дома пес по тропинке всегда бежал впереди, время от времени оглядываясь – идем ли?

Во время охоты Кутька вел себя как ему вздумается: убегал вперед и разгонял там все живое, подбитую дичь не приносил. Я пытался учить его, но из этого ничего не полу-чилось.

Запомнился один эпизод. Между мной и Кутькой выскочил заяц и понесся прямо на собаку. Пес был чем-то увлечен и заяц ударился об него. Не зря говорят – “косой за-яц”. Кутька от неожиданности взвизгнул, схватил зайца зубами и тут же отпустил его. Стрелять было нельзя – мог попасть в собаку. Долго потом в кустах было слышно тьявка-нье, гнавшего зайца, Кутьки. Не догнав косого, с растерянным видом он вернулся ко мне и возбужденно стал обнюхивать место столкновения.

Таким же бестолковым был красивый сеттер Рекс коричневого окраса у моего дру-га Шурки. Фазаны, обычно, с шумом взлетают вверх, а затем начинают спокойно лететь в выбранном направлении. В момент перехода на горизонтальный полет их и стреляют. При этом необходимо, чтобы собака поднимала фазана не слишком далеко от охотника. Рекс же убежал вдаль, разгонял там всю дичь, и когда мы подходили, то оставались ни с чем. Однажды с нами на охоту пошел и Шуркин отец. Рекс своим непослушанием довел его до того, что, разозлившись, Семен Иванович зарядил ружье мелкой дробью и с больш-ого расстояния выстрелил в собаку. Шкура Рекса осталась целая, но от боли он долго катался и визжал. К концу войны с охотничьими припасами стало совсем трудно. Я в МТС доставал свинец, растапливал его и, капая в воду, лил дробь. Использовал и другой способ: в бу-мажных трубочках отливал свинцовую проволоку, рубил её, а затем в чугунной сковороде катал шарики – дробинки. Порох добывал, разматывая бикфордов шнур. Зарядив два-три патрона, отправлялся на охоту. Порой, с одним зарядом шел на убранные рисовые поля, где кормились стаи диких голубей. При выстреле с большого расстояния на месте оста-валось до десятка подбитых сизарей. На ужин нашей семье этого хватало. Были у нас и капканы, которые мы ставили на «косых». До сих пор в ушах звучит жалостный крик зай-ца, когда вынимаешь его из капкана.

Но не только промысел увлекал меня в наших охотничьих похождениях. Как я лю-бил, взяв ружье, без собаки, побродить у реки на закате осенью, когда слетались пере-летные птицы. Сколько было уток, бакланов, лысух и другой водоплавающей птицы. Ино-гда чеки убранных рисовых полей становились белыми. Это на них, в поисках зарывших-ся в ил лягушек, опускались стаи пролетных аистов. На еще не вспаханных хлопковых полях можно было встретить дроф. Высоко в небе пролетали косяки гусей, журавлей и лебедей. Выбрав у края зарослей место повыше, любил просто посидеть и послушать: вот где-то в солодке закричал фазан, в тростнике заухала выпь, просвистели крыльями ле-тящие над водой утки, “спать пора”, “спать пора” призвала перепёлка-бедона. А как инте-ресно было наблюдать из кустов за маленькими шакалятами, играющими на полянке. Ря-дом, обязательно стоят на страже родители, готовые в любой опасный момент увести свой выводок в чашу. Весной на фазаньих токах смотрел, как красавцы петухи в ярком одеянии с красно-зелеными головами и длинными прямыми хвостами ухаживали за ма-ленькими серенькими курочками. Зайцы на песчаных пятачках среди осоки, подпрыгивая, гонялись за своими избранницами... Сколько было впечатлений, которые остались в па-мяти до сего времени. Наши внуки теперь всего этого не увидят. Разве только за решет-ками зоопарков, да по телевидению. А где дети возьмут то единение с природой, тот внутренний настрой в душе, которые ощущали мы, когда совершали свои вылазки?

Некоторых представителей местной фауны мы держали дома. У нас был джейран-чик, два полосатеньких диких поросенка и шакалёнок. Последний, чаще всего, сидел под кроватью. Когда он подрос, то начал гоняться за нашими курами. Мама заставила отнести его подальше и выпустить. Не прошло и недели, как в курятнике поднялся переполох: ша-каленок утащил курицу. Несколько раз мы видели его в ближайшем хлопчатнике, потом он исчез.

Охотничьи приключения приносили не только радости. Долго меня преследовал филин, которого я по глупости убил на чинаре при возвращении с охоты. Придя домой, я свалился в приступе малярии – видно на болотах покусали малярийные комары. В бо-лезненном кошмаре этот филин все время спрашивал, за что я его убил. Это видение преследовало меня несколько дней. С тех пор просто так я ни в кого не стрелял.

Кульминацией наших охотничьих вылазок была поездка в “Тигровую балку”. Это урочище

находится в низовье реки Вахш. С 1938 года оно считается заповедником. В ок-тябре 1944 года там рыбачил Шуркин дедушка. Вот мы и надумали съездить к нему. Что-бы попасть в урочище нам предстояло перевалить горы Актау, лежащие между Нижне-кафирниганской и Вахшской долинами. Ехать надо было километров двадцать, для чего я у отчима выпросил лошадь. Мы с Шуркой взяли одно мое ружье, как более надежное. Так как было учебное время, решили использовать выходной день. Договорились с учителя-ми пропустить занятия в субботу и после уроков в пятницу, в середине дня выехали.

Странно выглядела наша экспедиция: двое на одной лошади, с одним ружьем, за седлом между нами перекинута скатанная шинель Шуркиного отца. При подъезде к горам догнали пастуха, идущего за ишаком, нагруженным большим мешком с зерном. Руки пас-туха были закинута за длинную палку, лежащую поперек спины. На нем был чапан, пе-репоясанный платком, на ногах - муки. У этой обуви из сыромятной кожи подошва дела-лась из покрышки от автомобильного баллона. Поэтому на пыльных тропинках остава-лись следы от протектора, глядя на которые создавалось впечатление, что здесь проеха-ла машина. Пастух, как принято при встрече, спросил: “Йул булсын?” – “Куда путь держи-те?” Мы объяснили. В горах наша лошадь приуслала, пастух же, раскинув за спиной руки на палке и равномерно шагая, со своим ишаком ушел вперед.

Тропинка вилась среди невысоких скалистых гряд по неглубоким ущельям и рас-падкам. Растительности было немного. Местами встречались деревца фисташки и горно-го миндаля. Около родничков, чаще всего с солоноватой водой, попадались выложенные из камня засадки для охоты на джейранов. Горы вокруг были сложены из известняков, доломитов и светло-розовых песчаников, из-за чего они, наверное, и получили свое на-звание Актау – Белые горы. Когда преодолели последние отроги, перед глазами открылась чудная панорама: предгорье плавно спускалось к пойме реки, заросшей тугайной растительностью, в кото-рой блестели зеркала озер и стариц, вдали, за извивающейся лентой реки, в знойном ма-реве виднелись чуть различимые домишки ссыльных поселенцев Молотовабадского рай-она.

Мы преодолели несколько каньонов, перерезывающих предгорное плато, и на его степной части перегнали нашего попутчика. Солнце скрылось за горами. Вниз к реке по-тянулись на водопой джейраны, различимые по своим белым задам – “зеркалам”. Устав, мы слезли с лошади и, немного размявшись, присели отдохнуть и перекусить. Пастух догнал нас и предупредил: “На ночь здесь не оставайтесь – бродят джандары (волки-оборотни)”. Вскоре он исчез вдали. Спустя некоторое время за ним последовали и мы. Начало смеркаться. Тропинки все больше и больше разветвлялись, главная тропа исчез-ла. Уже затемно впереди послышались мычание коров, бляние овец и лай собак. Мы двинулись в том направлении. Слева в пойме реки, появился яркий электрический свет, природу которого мы так и не разгадали.

Часа через полтора достигли стоянки пастухов, но пройти к ним в загон, пока хо-зьева не отогнали бросившихся на нас собак, мы не смогли. Когда все успокоилось, сре-ди встретивших нас людей увидели нашего пастуха-попутчика и знакомого нам по району русского охотника, с которым было еще двое неизвестных нам лиц с ружьями за плечами. Охотники обрадовались нашему появлению и попросили нас помочь им вытащить засев-шую в грязи автомашину.

Стало ясно, откуда взялся замеченный нами яркий свет.

Попив айрану (кислого овечьего молока), мы, ведя лошадь вповоду, последовали за охотниками. Как они ориентировались в зарослях в этой темени, было непонятно. Вы-шли прямо на машину – грузовую полуторку. У неё над кабиной была прикреплена пово-ротная фара, в кузове лежали убитые олень и кабан. С помощью веревок впрягли лошадь и общими усилиями вытащили машину из трясины. Поблагодарив нас за помощь, охотни-ки уехали. Мы, тринадцатилетние мальчишки, брошенные среди тугайных зарослей, в полной темноте и незнакомом нам месте остались одни. Немного успокоившись, стали думать в каком направлении нам лучше пробираться. Остановились на том, что надо ид-ти в сторону реки. Двинулись в следующем порядке: один впереди ведет под уздцы ло-шадь, за ней, метрах в двух-трех с ружьем в руках следует другой. Фонарика не было. В густых крепях приходилось руками раздвигать заросли и продираться сквозь них. Как еще только не выкололи глаза о

колючие ветки лоха!

К середине ночи мы вышли на открытое место, пахнуло влагой, показалась темная гладь озера. На воде в камышах тихонько перекликались гуси и кричали утки. Опустились к воде, напоили лошадь и попили сами. На душе стало спокойнее. По берегу прошли еще немного вниз и, выбрав подходящее место, расположились на ночлег. Расседливая лошадь, обнаружили, что где-то потеряли шинель. Боясь, что за неё от отца ему попадет, Шурка расстроился. Набрали дров, развели костер и рядом закинули удочки. Лошадь привязали недалеко в кустах.

Поужинали, но спать ложиться не стали: было страшно: все же “Тигровая балка”. По реке разнесся раскатистый рык. Все живое вокруг затихло. Что это было, определить мы не смогли: может тигр, а может трубил олень. Тигры там в то время еще водились, последнего видели в 1953 году. Вдобавок, около нас в кустах кто-то пропыхтел, после чего не стало слышно нашей лошади. Решили, что её кто-то задрал, от костра отойти побоялись. Шурка предложил пробиваться к пастухам. Я же настоял дож-даться утра. С ружьем в руках, трясясь от каждого незнакомого звука, досидели до рас-света. Послышалось пофыркивание нашей лошади, она оказалась жива и здорова. На озере загоготали гуси, закричали утки, над водой стали носиться бакланы. Рассвело. По своим следам мы прошли назад и на спуске к озеру нашли свою потерянную шинель. Ра-дость была неопиcуемая. При возвращении на стоянку я шел впереди. Вдруг слыша-лось ворчание и чертыхание Шурки. Обернувшись, увидел, что он распоясывается и сдергивает с себя штаны. А произошло вот что. Во время войны часто спички выпускали не в коробках, а россыпью, “чирка” в виде дощечки, прилагалась отдельно. Шурка, держа руку в кармане, нечаянно чиркнул спичкой о дощечку. Спички вспыхнули и слегка обожгли ему бедро. Помогло то, что штаны на нем были толстые, ватные.

Вернувшись на свой бивак, мы смотали удочки, собрали вещички, оседлали ло-шадь и поехали искать деда. Поднялись на возвышенность. Внизу, насколько охватывал взгляд, расстилалось море серо-желтых камышей Палван тугая – богатырских джунглей. Небо на востоке горело пожаром. Шурка встал на седле и начал звать деда. Через неко-торое время слышался ответный крик. Мы двинулись на него. Проезжая по опушке ту-гайного леса, увидели валяющиеся рога благородного бухарского оленя – хангула. Я со-скочил с лошади, подобрал рога и когда возвращался назад, услышал, что за мной гонят-ся пастушьи собаки. С помощью Шурки кое-как забрался на лошадь. Задрал ноги и отби-ваясь от собак ружьем и оленьими рогами, мы по тропинке поехали дальше. К обеду на Кривом озере мы нашли своего деда. Он накормил нас ухой и показал свой улов. Только мы собрались расставить удочки, как слышалось тархтение, и из зарослей выкатилась машина наших злополучных охотников. Они удивились, увидев нас в этом месте, и тут же занялись своим делом: бросили бутылку с взрывчаткой в озеро. Поверхность озера после взрыва покрылась золотом. Это были тысячи, лежащих на боку, маленьких глушеных са-занчиков. Браконьеры собрали рыбу покрупнее и уехали.

Наш дед при виде этого побоища расстроился и решил переключиться на соседнее озеро. На новом месте мы с Шуркой убили штук пять уток, переночевали и стали соби-раться в обратный путь. Дедушка дал нам с собой немного рыбы, и мы тронулись. К ве-черу, без приключений, добрались до дома. Но нашу рыбу пришлось выкинуть: она уже пахла.

Эта поездка запомнилась на всю жизнь. Столько дичи, как там, я в жизни больше не встречал. В “Тигровой балке” бывали случаи, когда в морозы егеря топили печи жир-ными утиными тушками. В пятидесятых годах нашему гостю – премьер-министру Афгани-стана Мухаммаду Дауду – в “Тигровой балке” устроили охоту на оленей. Тогда их там было немало.

Лет сорок спустя, мы с братом и зятем побывали на рыбалке на Вахше в местах, где раньше начиналось урочище “Тигровая балка”. Ничего мы там уже не поймали. Уху сварили из рыбы, наловленной в сбросных арках Гараутинского хлопкового совхоза.

## Глава 6

### ТРУДНЫЕ ГОДЫ ПЕРЕД ПОБЕДОЙ

Война затягивалась. Но после победы под Сталинградом в марте 1943 года наметился стойкий перевес в нашу пользу. К началу Курской битвы вооруженные силы страны и по количеству, и по качеству уже превосходили силы противника. В советской действующей армии в это время было свыше 6,6 млн. человек. У нас в районе из лиц мужского пола остались лишь мальчишки, старики да демобилизованные по ранению солдаты.

5 августа 1943 года в Москве прозвучал первый артиллерийский салют в честь подразделений, взявших Орел и Белгород. В конце этого года освободили Смоленскую область и районы восточной Белоруссии, а в январе 1944-го прорвали блокаду Ленинграда. 28 июля 1944 года наши войска заняли город Брест и двинулись дальше на запад уже по территории Польши. Население нашего района, чем могло, помогало фронту. Я помню, как мама вязала теплые носки и перчатки, вышивала кисеты и отправляла солдатам посылки с сухофруктами. Начиная с 1942 года, к нам в район, сначала отдельными семьями, а потом и партиями, начали прибывать эвакуированные с территорий, занятых немцами. Помню, как летом, в самую жару, прибыл обоз из нескольких телег, на которых на своем скарбе сидели и лежали худые и обросшие западные евреи. Их разместили в свободных домишках – развалюхах колхоза им. Карла Маркса, которые стояли на краю тугайных зарослей. Вскоре, от жары, дизентерии и малярии большинство этих беженцев умерли.

Кто так преступно распорядился судьбой людей? – разве узнаешь. А ведь прецедент был. Еще до войны, где-то в верхах решили облагородить местное стадо крупного рогатого скота. Для этого в наш район привезли десятка два высокопродуктивных холмогорских коров. Через год почти все привезенные с холодного севера буренки, не выдержав нашей жары, подохли. Уроком это ни для кого не послужило – эксперимент продолжили на людях, на этих бедных евреях.

У нас в школе появилось несколько детей из эвакуированных семей. В наш класс пришла полненькая и аккуратная девочка из Белоруссии Тамара Фабрисенко. Её отец работал заместителем председателя нашего райисполкома. Проучилась Тамара вместе с нами года два с небольшим. Когда освободили Белоруссию, она с семьей возвратилась к себе не то в Могилев, не то в Гомель, точно уже не помню.

О Тамаре у меня остались теплые и приятные воспоминания. Наверное, это было начало самой первой юношеской привязанности, а может и любви. Запомнился её мягкий вязаный серенький свитер, к которому я пытался прикасаться щекой, когда мы в 6-м классе сидели за одной партой, её запах и звонкий веселый смех, её косички, свернутые бубликами за ушами. Она была немного старше меня и, как присуще всем девчонкам, более зрелая в жизни. Сидя рядом, Тамара разыгрывала меня: рисовала в моей тетради какие-то рисунки с намеком, писала многозначительные записки, после которых я не чувствовал земли под ногами и ходил “гогом”. Мы вместе прочитали книгу “Дикая собака Динго”, после чего признались, что наши взаимоотношения похожи на отношения между главными героями повести. Эта книга до сих пор вызывает у меня воспоминания о чистых и светлых чувствах той далекой юношеской поры. Чем ближе было к концу войны, тем становилось все труднее жить. Хлеба по карточкам давали все меньше и меньше. Иждивенцы получали по 250 грамм на человека. Выручало свое домашнее хозяйство. Мы держали свиней, баранов и кур. Какие вкусные колбасы и сальтисоны делал Ян Богуславич! Этот человек был на все руки мастер. Когда исчезло мыло и все при стирке перешли на щелок, отчим начал изготавливать мыло сам. Доставал всякие мясные отбросы, добавлял черное растительное масло и каустик и из этой смеси варил суррогат мыла. Мы с ним ниткой резали застывшую массу на куски. Они были черными и не очень твердыми, но белье стирали удовлетворительно. Из жареного ячменя и цикория делали заменитель кофе. Вместо сахара пользовались сахарином, ели сушеную дыню, а иногда просто сосали солодковый корень.

Постепенно появились проблемы с одеждой и обувью. Мама шила для нас тряпочные тапочки, изредка на вещевые талоны выдавали резиновые калоши. Летом, на каникулах, бегали в трусах и майках. Начались трудности и в школе. Не хватало учебников, тетрадей, карандашей, чернил и бумаги. Стали писать на оберточной, а впоследствии на старых газетах. К 1945 году

почувствовался недостаток учителей.

Несмотря ни на что, мы, мальчишки, жили своей жизнью. Меж рыбалкой и охотой играли в лапту, “чилик” (чижика), козла и чехарду. Делали из дерева и фанеры пулеметы “Максим” с трещотками и устраивали бои. Вместо гранат бросали кульки с пылью. Особой любовью у нас пользовались игры “казаки-разбойники” и “синие и красные”, в которые, обычно, мы играли в крепости.

Крепость Кала-и-Мир находилась на старом бактрийском городище недалеко от нашей школы. Въезд в крепость был через уже не существовавшие в то время ворота. Но привратные башни еще стояли. Цитадель возвышалась над окружающей местностью метров на двадцать. Как живописно с неё гляделись цветущие весной урюковые и перси-ковые сады! На самой высокой точке цитадели стоял триангуляционный топографический знак – деревянный треножник, наверху которого торчал прут с остатками выцветшего красного флага.

Башни и стены крепости были сложены из сырцового квадратного кирпича и пахсы (глины). С годами стены оплыли, внутри крепости скопилась мягкая как пух солончаковая пыль. Чего только мы в ней не находили: толстые, с неровными краями позеленевшие монеты из красной меди, на которых можно было различить арабскую вязь, чугунные яд-ра, осколки поливной глиняной посуды и различные женские украшения. А однажды, в одной из башен нашли заржавевший, но целый наган и г-образный запал от старой гра-наты. Это были отголоски прошедших в 20-х годах боев с басмачами. Один из наших то-варищей писчим перышком начал ковырять запал – последовавший взрыв оставил любо-пытного без пальца.

Играя в “синих и красных”, мы своих “пленных” сажали в настоящие крепостные башни. Один раз в числе заключенных оказался и я. По внутренним ступенькам мне уда-лось вылезти на крышу башни, оттуда спрыгнуть на толстенную стену и, добравшись до размытого участка, убежать.

Крепость стояла в углу большого старого городища, совсем оплывшие стены кото-рого, огораживали значительную территорию. Одна из сохранившихся угловых башен внешней ограды стояла у дороги на въезде в райцентр. Мы оставляли на дороге кошелек, а привязанную к нему нитку, незаметно протягивали на башню, наблюдая оттуда за про-хожими. Сколько было смеха, когда кто-нибудь из них попадался на уловку. Наверху ци-тадели от дождей образовалась промоина. Мы с ребятами намерились обследовать её. По нашему мнению внизу должно было находиться помещение. Для спуска в него выбра-ли Леньку – самого тощего и длинного из всех нас. Обвязали его подмышки веревкой и начали опускать в темноту, уходящей вглубь промоины. Через некоторое время оттуда послышался вопль: “Поднимайте меня скорее!” Когда он оказался на поверхности, мы его не узнали – он весь был в грязи, копоти и паутине. Больше смельчаков не нашлось.

Немного позже, мы с Шуркой задумали осуществить более серьезную акцию. Сводчатое помещение предвратной охраны цитадели – кордегардии – было перегороже-но саманной глиняной перегородкой. Попробовали разрушить её ломом, но из этого ниче-го не получилось: лом вяз в стене, куски не откалывались. Тогда решили взорвать стену. Но выполнить этот замысел нам не удалось. Про нашу затею каким-то образом узнал Шуркин отец и как следует всыпал ему. Что было за стеной, мы так и не узнали.

Полвека спустя, я вновь побывал в нашей крепости. Башни на входе вросли в зем-лю, стены еще больше оплыли, углы исчезли, все было как-то сглажено. Местами видны раскопы археологов. На территории городища стояли новые дома. Башни, с которой мы дурили прохожих, уже не было – её срыли. Все оказалось таким маленьким, как по раз-мерам, так и по расстояниям. Видно масштабность изменилась соответственно с измене-нием нашего роста и нашего кругозора.

Мы выросли и становились самостоятельными быстрее, чем нынешнее молодое поколение – жизнь подталкивала, да и надеяться было не на кого. Выгребали сами. Мне не было еще и четырнадцати, а уже пришлось включаться в общественную работу: вме-сте со старшими комсомольцами меня по вечерам привлекали к дежурству в райиспол-коме и райкоме партии. Мы должны были отвечать на телефонные звонки и записывать в журнал данные сводок,

поступающих из колхозов. Помню, как в промежутках между звонками, расположившись на старом клеенчатом диване в приемной председателя райисполкома, мы рассказывали друг другу всякие истории или пересказывали прочитанное. Впервые я узнал о графе Монте-Кристо из устного пересказа книги Дюма, сделанного приезжим комсомольским работником, дежурившим вместе с нами. Как он рассказывал! – как будто, читал по книге. Мы слушали его, разинув рты. От него я услышал и о Вие Го-голя.

В школе на меня было возложено оформление стенгазеты. Когда райкомовские работники попросили директора школы помочь им в написании плакатов, учителя, естественно, порекомендовали меня. С тех пор, обычно в предпраздничные дни, я после занятий в школе шел в райисполком или райком партии и там, на красном материале, а чаще, на рулонной оберточной бумаге, писал плакаты–призывы: “Всё для фронта! Всё для Победы!”

Из культурных мероприятий, кроме кино, ничего в районе не было. Случалось, из Сталинабада приезжали национальные концертные бригады госфилармонии. Хорошо помню, как мы, ребята, забравшись на деревья, смотрели концерт в колхозе им. Ворошилова, находившегося недалеко от райцентра. На площадке под чинарами колхозники торчком врыли ось от телеги, наверху которой, на проволоке, подвесили большой круглый ком из тряпья. Это был факел-светильник. Во время концерта ответственный осветитель, по мере необходимости, поливал этот факел керосином. В освещенном круге располагались музыканты, выступали артисты. Зрители сидели кто на чем: на камнях, кошмах, камышовых циновках. Осталась в памяти молоденькая танцовщица в красивом, с блестками, национальном платье и шароварах-эзорах, исполнявшая восточные танцы.

Иногда приезжала известная в республике певица Барно Исхакова, с песнями на русском языке. Особенно хорошо у неё получалась песня из кинофильма “Актриса”: “Помни Отчизна меня, милая помни меня. За тебя, край родной, иду я в бой”. Пела она её звонко, с воодушевлением. Дома у нас был патефон. Из пластинок запомнились “Брызги шампанского”, “Рио-рита”, танго из к / ф “Петер” и “Вдоль деревни от избы до избы”. Позже, уже перед моим отъездом на учебу, появилась пластинка с дивертисментом из оперы “Кармен”. С этой вещи началось мое приобщение к классической музыке.

По вечерам наши районные девчата на выданье, взявшись под руки, ходили взад-вперед по центральной улице и пели песни. Они скучали, парней для них не было. Как-то в лунную ночь, лежа во дворе на кровати под накомарником, я услышал нашу соседку Лёльку Кульпеневу, которая где-то вдали, тоскующим голосом выводила: “Вьется в тесной печурке огонь...” Она первой в районе разучила знаменитую “Землянку”.

Эту ночь я с волнением вспомнил, когда в 1979 году, находясь в Москве, вновь услышал знакомую песню. У колонн Большого театра в День Победы белокурая девушка со своими сверстниками под гитару исполняла “Землянку” для ветеранов войны. Я же в этот момент перед собой видел нашу районную заводилу, певунью Лёльку в окружении своих подруг.

Лёлька со своей старшей сестрой и матерью – работницей райбольницы – были ссыльнопоселенцами. Свое происхождение и историю появления в районе они скрывали, но все

видели, что мать у них образованная и культурная женщина. То, что они раньше принадлежали к состоятельному классу подтвердилось, когда я однажды, случайно заметил у Лёлькиной матери золотые монеты, которые она потихоньку продавала районному зубнику Лурье. Меня поразил блеск золотого николаевского червонца. Зная об этом противозаконном занятии, мы, однако, своих соседей не выдали.

Однажды соседи из своей библиотеки дали мне почитать книгу. Это был толстый том, переплетенный в зеленый сафьян с коричневыми уголками. Цветные, с золотом, иллюстрации были переложены папиросной бумагой. В книге описывались разные континенты, жизнь и обычаи проживающих там людей. Кажется, это был труд известного немецкого географа Карла Риттера, переведенный на русский язык еще до революции 17-го года. С каким интересом я читал книгу и рассматривал картинки в ней. После моего отъезда старшая Кульпенева умерла, дочери разъехались. Их небольшая библиотека с редкими книгами пропала, её растащили. Как



я жалел, что мои родители не сохранили из этого собрания ни одного экземпляра. Наступил последний учебный год военного времени. Мы пошли в 7-й класс, но радости от этого не испытывали. Учителей не хватало, некому было вести базовые предметы: физику и математику. Зато пожилая немка два раза в неделю долбила нам: “Anna und Marta baden...” Осенью нас каждый день посылали на уборку хлопка. Иногда на бричках возили в отдаленные колхозы. На день выдавали одну черную лепешку на двоих и по одному небольшому арбузику. Мы в поле находили дополнительное питание: ели ягоды паслёна – знаменитую “бзднику”. В этом мы были конкурентами у фазанов. У этих птиц паслён является любимой пищей. Часто в хлопчатнике можно было вспугнуть фазана, который с шумом взлетал, извергая струю переваренных ягод.

Из этого периода запомнились наши дурацкие шутки. Один раз на поле в арычке мы поймали лягушонка и забросили его за пазуху нашей однокласснице Юле. С ней произошёл истерика. Никто из нас, ребят, полезть за ворот её кофты не осмелился. Пришлось бежать за девочками на соседнее поле. Пока те не прибежали и не достали лягушонка, Юля все время каталась по земле и визжала. Несмотря на наши извинения, она долго не разговаривала с нами.

Любили мы брызгать друг в друга липкой и пенящейся струей из спелых бешеных огурцов, которые росли в хлопчатнике. А как-то по дороге на хлопок, на солнышке я нашёл стручок красного жгучего перца (куда там до него перчику-чили). Не думая о последствиях, взял и мазнул этим распаренным стручком по губам своего одноклассника. Губы у него так распухли, что беднягу пришлось срочно отправить домой. Я же от стыда и раскаяния не знал куда деться. После освобождения нашими войсками западной Украины Шуркиного отца командировали на борьбу с бандами батьки Бандеры. Вернулся он живым и здоровым. В качестве подарков привез нам немецкие штык-кинжал и солдатский нож – финку. Нож был из прекрасной золингенской стали, но с расколотой ручкой. При испытании на любом нашем ноже он оставлял зазубрины. Каким-то образом об этой финке стало известно нашему районному охотнику, с которым мы встречались в “Тигровой балке”, и он её то ли выпросил у Шурки, то ли купил. Позже мы видели этот нож у охотника на боку в чехле с уже другой, удобной черной ручкой из козлиного рога.

Война уходила все дальше на Запад. Эвакуированные потихоньку начали возвращаться к себе домой. Пришел день отъезда и семьи Фабрисенко. К этому времени у школьного молодого военрука Петра Афанасьевича мы стали замечать влечение к нашей белоруске Тамаре. Ей было уже лет шестнадцать. Отвечала ли она ему взаимностью или нет, никто не знал, но в последний вечер перед отъездом мы с ребятами видели, как Тамара, гуляя с подругами, искала Петра Афанасьевича. Он же в это время, не зная о её отъезде, уехал на рыбалку с ночевкой. Утром, у машины, я скромно попрощался с Тамарой, которая до последней минуты ждала нашего военрука. Для меня это представлялось предательством. Разве тогда я мог знать, что с подобным мне в жизни придется встретиться не раз.

Когда Петр Афанасьевич вернулся с рыбалки, Тамары уже не было. Он вечером выпил и долго, всхлипывая и причитая, ходил около её дома. Утром на уроке мы осмелились и спросили, из-за чего он вчера плакал. Смутившись, наш военрук ответил: “Эх, ребята! Подростете – поймете”. В конце 1944 года настроение у всех стало улучшаться. Чувствовался конец войны. К январю сорок пятого наши войска были в семидесяти километрах от Берлина, а 1-го мая полностью овладели им. 8 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Кровавопролитная война, длившаяся почти четыре года, закончилась. 9 мая объявили Днем Победы.

В этот день у нас в районе, как и по всей стране, был праздник. На центральной улице провели митинг, развевались флаги, звучала музыка. Все улыбались и обнимались. Люди принарядились, у бывших фронтовиков на гимнастерках блестели награды, были нашиты знаки о ранениях. В сторонке, отдельной группой, стояли семьи, получившие похорожки и плакали. Особенно убивались те, у которых родные погибли в последние дни войны.

Один местный парнишка, желая выглядеть поприличнее, надел майку с фашистским орлом и свастикой на груди. По-видимому, она была прислана родственником в посылке с фронта.

Милиционер, увидев на мальчишке эту эмблему, тут же сорвал майку и разодрал её в клочья, а незадачливому пижону надавал по шее. Окружающие смеялись, а мальчишка ревел, не понимая почему с ним и с его такой красивой майкой обошлись подобным образом.

Летом начали прибывать демобилизованные фронтовики. Как их встречали! Радо-вались не только родные, но и соседи, знакомые и просто встречные. Никто не обращал внимания ни на этнические различия, ни на религиозные.

Помнится, как два местных парня вернулись домой со своим русским другом Во-лодей, у которого семья погибла во время войны на орловщине. Все трое воевали в од-ном танковом экипаже и после одного из боев, когда они чудом остались живы, назвались побратимами. Семьи наших парней приняли Володю как родного. Он устроился на работу в МТС, женился на русской девушке. Родители побратимов помогли справить свадьбу, выделили молодоженам комнату. Когда у молодых появился ребенок, его назвали в честь одного из названных братьев Володи – Али (по-русски мальчика стали звать Аликом).

Спустя 55 лет все изменилось. Народы натравили друг на друга. А на фронтови-ков, пытающихся получить полагающуюся им по праву услугу без очереди, стали кричать: “Подумаешь, участник войны. Вас много таких!”, а то и похлеще: “Лучше бы вы тогда не воевали!” Видно эти крикуны забыли истину:

”Ты точно будешь загнан в клетку,  
святынь не помнящий народ...”

Весной сорок пятого Яну Богуславичу на территории опорного пункта Института сухих субтропиков, который находился в 12 километрах от райцентра, выделили гектар земли. Этот опорный пункт (такой же находился и в Вахшской долине) являлся научно-агрономическим хозяйством, занимавшимся выведением южных культур: цитрусовых, хурмы, гранатов, тунга и сахарного тростника. До войны там был значительный штат на-учных работников, проводивших агробиологические исследования и практическую селек-ционную работу. Благодаря этим пунктам, особенно Вахшской зональной станции, сейчас в Таджикистане выращивают тонкокорые и менее кислые лимоны, хурму и знаменитые Башкалинские гранаты, которые уже продаются и на рынках России.

При первом посещении “Субтропиков” (так у нас кратко называли эту организа-цию), мы повсюду увидели следы разрухи: дома стояли не ухоженные, теплицы и парники с разбитыми стеклами, плантации, с саженцами редких растений, заросли. Ухаживать за ними было некому. На опорном пункте жила одна русская семья из трех человек: инва-лид, лет под пятьдесят, его жена и племянница – крупная перезрелая девица. Когда мы с ней познакомились, она все время приглашала меня купаться в тот же самый, что и в районе, но уже маловодный и заросший по берегам, Катта-арык. Здание, где раньше тру-дились сотрудники, пустовало, книги и журналы научной библиотеки валялись на полу. В одном из журналов, кажется это была “Яровизация”, я попытался осилить статью акаде-мика Т. Д. Лысенко о мичуринском учении, но ничего не поняв, бросил журнал на пустую полку. Это был тот самый Лысенко, которого после смерти Сталина заклеили как гони-теля генетики.

Когда пришло время, выделенный нам участок отчим вспахал, посеял на нем пше-ницу и заборонил. Стали ждать урожая. И тут в нашу семью вновь пришла беда.

Ян Богуславич работал в это время завхозом больницы. Со стороны начальства к нему никаких претензий не было. Как-то из райфина последовала комиссия с ревизией. Серьезного ничего не обнаружили. Отметили лишь небольшие недостатки: пересортицу, неправильное оформление актов на списание белья и другие мелочи. Все, вроде, про-шло. И, вдруг, нагрянула комиссия из прокуратуры. Она уже выявила недостачу матери-альных ценностей, заговорили о растрате. На отчима завели уголовное дело. Через неко-торое время к нам домой пришли с обыском (помню, как я прятал разобранный ружье под крышку стола), и тут началось. Следователь потребовал показать им имеющееся у нас золото. Родители отвечали, что никакого золота у нас нет и никогда в жизни не было. От-чима арестовали.

А суть была вот в чем. В районе у Яна Богуславича был друг, заведующий винным ларьком (американки, как тогда эти ларьки называли), грузин Матцунашвили. Был он хо-лостяк. Когда

его призвали в армию, он принес к нам свои ценные вещи и попросил отчи-ма сохранить их. Прощаясь, заявил: “Останусь жив – вернете, убьют – возьмите себе”.

Среди его вещей находилось два золотых портсигара, отделанных драгоценными камнями. Никогда в жизни таких дорогих портсигаров я больше не встречал. Прокуратура то ли знала о существовании золота у Матцунашвили, то ли Ян Богуславич где-то про-болтался, факт тот, что прокурор района задался целью заполучить эти драгоценности себе. Но точно, что они из себя представляют, он не знал. В тюрьме на отчима следова-тель начал давить и угрожать, припомнив ему арест 1937 года. Ян Богуславич был выну-жден рассказать об этих злополучных портсигарах. Его под стражей привели домой, и мама из тайника достала и отдала в трясущиеся руки прокурора оба портсигара. Как у не-го при этом блестели глаза. Тут же прокурор объявил маме, что Хакела скоро отпустят, только надо довести до конца кое-какие формальности. Вдобавок к портсигарам он при-хватил с собой и, найденный при обыске, новый бостоновый костюм нашего грузина.

Но дело затянулось. Нам с мамой пришлось ходить в “Субтропики” поливать нашу делянку с пшеницей и гонять с неё воробьев, которые тучами опускались на поле и вы-клевывали еще не вызревшие колосья. Дорога туда проходила через арабский кишлак Араб-хона и узбекский – Ляйлякуй (дом аиста). Мы часто отдыхали под старой, засохшей, без боковых ветвей чинарой, наверху которой было большое гнездо аистов. Птицы стоя-ли на краю гнезда и, задрав красные клювы в небо, трещали пулеметными очередями.

Раз в неделю носили передачи Яну Богуславичу. Запомнилось, как он, засучив старенькие брюки выше колен, ногами месил глину для толстых наружных стен вновь строящейся тюрьмы. Режим содержания у него был не строгий, и нас к нему допускали.

А в школе дела шли все хуже и хуже. Учителей физики и математики так и не на-шли. Нас оставили на повторный год. Давать семиклассное неполное образова-ние с такими знаниями было нельзя. Тем временем возраст брал свое. Мы с Шуркой на-шли новое занятие: по всему району гонялись за своими одноклассниками. Они с визгом и смехом убегали и прятались от нас, чтобы через некоторое время вновь привлечь к се-бе наше внимание.

Однажды мы вчетвером (с нами были Лина Исакова и Валя Кравчен-ко) пошли охранять нашу пшеницу. Расположились мы на соломе и всю ночь по очереди рассказывали анекдоты и всякие байки. Делились и тем, кто кем хочет стать. Вот тогда впервые у нас возникла мысль поехать учиться дальше. Однако, Шурка с семьей вскоре уехал, его отца перевели работать в центр. Мы же втроем через год поступили в техни-кум.

Фронтвики продолжали возвращаться. В один из летних дней живой и невреди-мый появился и наш Матцунашвили. На фронте он служил в интендантских частях, с тер-ритории Германии присылал в наш адрес свои вещевые посылки. Явившись к нам, он по-здоровался, поставил чемодан и снял с плеча зеленый солдатский вещмешок. Мама вна-чале растерялась, но, взяв себя в руки, со слезами на глазах рассказала, что произошло с Яном Богуславичем и с оставленными вещами. Грузин расстроился и отправился в тюрьму объясняться с отчимом. Набитый вещмешок остался лежать на полу. Снедаемый любопытством, я заглянул в него, и меня бросило в жар. Там вместе с консервами лежа-ли толстые согнутые и перевязанные шпагатом пачки красных тридцатирублевок. Кто по-гибал на войне, а кто и наживался. Я завязал вещмешок, об увиденном не сказал никому, даже маме.

О чем говорил Матцунашвили с отчимом, поверил ли он нам – не знаю. После бе-седы с прокурором наш грузин немного успокоился. Через некоторое время Яна Богусла-вича освободили, а его друг уехал. На память о себе он нам оставил два немецких чехла из красного плотного материала для перины и большой подушки. И все.

Обо всем этом я вспомнил, когда в начале восьмидесятых находился вместе со своей женой в гостях у моего дипломника Урунова. Его отец был председателем одного из правобережных Кабадианских колхозов. Хозяева показали нам свое домашнее хозяй-ство. Во дворе располагался большой лимонарий с еще зелеными лимонами. Мне при-шла мысль показать жене Тамаре (везет мне на Тamar) места, где мы в детстве рыбачи-ли и охотились. Мы с ней встали на высоком берегу Кафирнигана, откуда открывался вид на пологий противоположный

берег реки. Там, где раньше были тугаи, озера и болота везде рос хлопчатник. Все осушили и распахали. Обмелевшая река местами протекала между береговыми дамбами. Лишь кое-где виднелись отдельные кусты и деревца. Какие там кабаны!

Когда мы с хозяевами и другими гостями сели за стол, я обратил внимание на вы-сокого и еще крепкого старика—узбека в костюме, который пытался вести себя солидно и властно.

Приглядевшись, я узнал его. Это был тот самый прокурор, который когда-то ог-рабил нас.

Спросить его о судьбе портсигаров я посчитал неуместным...

В конце лета поспела наша пшеница. Ян Богуславич под часть будущего урожая нанял одного колхозника, и они вдвоем скосили и свезли пшеницу для обмолота на хир-ман (ток). Гоня лошадей по кругу, обмолотили колосья и провеяли зерно на ветру. Когда отчим расплатился со всеми, то нам осталось несколько мешков зерна. По мере надоб-ности мы возили его на мельницу и, заплатив пятую часть за помол, получали муку. На ближайшее время мы были с хлебом.

Трудно было и с деньгами. Меня, с помощью отца моего товарища Бободжана, приняли в районную библиотеку на треть ставки. Под библиотеку в центре района выде-лили небольшую глиняную мазанку. Книги свалили кучей на полу. Когда установили пол-ки, я долго расставлял книги, пытаюсь навести элементарный порядок, составил прими-тивный каталог книг, формуляры и т. д. Читателей, первое время, было не много. Боль-шую часть рабочего времени я читал книги сам. Работал в библиотеке один. Куда дева-лись остальные 2/3 ставки, можно было только предполагать.

Второго сентября 1946 года закончилась кратковременная война с Японией. Мы вновь пошли в 7-ой класс. Появились новые учителя. Учили они нас так мало, что я даже не запомнил их имен и фамилий. Физику стал преподавать худой и длинный украинец, побывавший в оккупации. Он был похож на артиста Филиппова, лектора из к/ф “Карна-вальная ночь”. Мы же, в то время, звали его “козел” и часто издевались над ним. Однаж-ды связали в кольцо небольшого желтопузика и положили под классный журнал. Подняв журнал, “козел” обнаружил “змею”, смахнул её на пол и растоптал. Мы были удивлены жестокостью учителя. Первое время мы его не очень понимали. Помню, что пузырьки он называл “бульбашки”, а масло – “олия”. После окончания учебного года его арестовали. Прошел слух, что во время оккупации он служил немцам в качестве полицейского.

Хорошо сохранилась в памяти учительница русского языка, молоденькая, малень-кого ростика, симпатичная Виктория Павловна Мацук, в которую мы, мальчишки, были все влюблены. Как нам было неприятно, когда она вышла замуж за начальника райвоен-комата, высокого и сухого памирца.

В марте 1946 года я вступил в комсомол, а в мае, наконец, закончил семилетку. Встал вопрос, что делать дальше. В руки попала газета “Коммунист Таджикистана”, где на последней странице под заголовком “Куда пойти учиться”, был приведен список учеб-ных заведений республики. Мы втроем (Лиина, Валя и я) выбрали Сталинабадский ин-дустриальный техникум, а наш одноклассник Иван Ширшов – железнодорожное училище. Птенцам пришла пора покинуть свои гнезда. Впереди предстоял самостоятельный полет. На душе было тревожно и радостно. Мы верили в себя и в свои силы.

## Глава 7

### В ТЕХНИКУМЕ. НАЧАЛО

К июню 1946 года родители наскребли немного денег, и мы с мамой стали соби-раться в путь. Мама напекла лепешек, сварила курицу. Вещи уложили в сундучок, когда-то сработанный плотниками на пароме. Дождались попутной грузовой машины – это был американский “Студебеккер” с боковыми откидными сиденьями в кузове – и покатили в Сталинабад. Ехали по новой дороге, которую только что проложили по правому берегу Вахша. Она была короче левобережной и выходила прямо к Кызыл-Кале. На участках дороги, лежащих в пойме реки, можно было увидеть перебегающих перед машиной фазанов, зайцев и лис. А на

Гараутинском плато попадались джейраны, идущие к реке на водопой. Через несколько лет их там уже не стало: всех побили браконьеры из появившихся после войны винтовок и автоматов. В Сталинабаде мы остановились у нашего вечного странника, дяди Павлика, кото-рый в то время со своей женой жил в районе железнодорожной больницы в небольшом глинобитном домишке с крошечным двориком.

На другой день после приезда мы с мамой отправились в индустриальный техникум сдавать документы. Я подал заявление о приеме на горно-геологическое отделение. Увлекала романтика профессии геолога. В то время я был пятнадцатилетним щупленьким мальчишкой небольшого роста. В приемной комиссии меня тактично отговорили от специальности геолога, предложив в физическом отношении что-нибудь полегче. Я выбрал специальность электрика по передаче и распределению электроэнергии.

В будущем, с горными делами мне все же пришлось столкнуться. После окончания техникума, а затем и института, я в течение пятнадцати лет проработал на горных предприятиях и стройках, иногда находившихся почти на четырехкилометровой высоте над уровнем моря. В горном институте, вместе с основными (электромеханическими) дисциплинами, пришлось сдавать экзамены по геологии, а на работе – соприкасаться с геологическими и маркшейдерскими службами. Работа была не легкая, здоровье, слава Богу, не подвело.

Во время поступления в техникум мне, впервые в жизни, пришлось убедиться в том, что не всегда человек человеку друг и брат, а скорее, как говорили древние, *lupus est* (волк). В один из вечеров я с трехцветным немецким фонариком, который мне привез с фронта Борис, вышел со двора на улочку поселка, где мы остановились. Ко мне подошли два парня и попросили посмотреть мой фонарик. Ничего не подозревая, я отдал его в руки старшего. Тот осветил им, переключил все три цвета... и отправился с фонариком дальше. Я попытался вернуть свой подарок, но, получив затрещину, ни с чем вернулся домой. Дядя Павлик наставил: “Тут тебе не Микоянабад. Ушами не хлопай!”

После сдачи вступительных экзаменов мне выделили общежитие, мама уехала домой. Началась самостоятельная жизнь. С тех пор до сего времени все приходится добиваться своими силами без чьей-либо помощи и протекций, ни на кого не надеясь, получая блага только за свой труд. Мои одноклассники поступили в этот же техникум: Лина – на горно-геологическое отделение, а Валя – на текстильное.

Техникум располагался в двухэтажном здании, которое позже – в пятидесятые годы – передали республиканской детской технической станции. Сейчас недалеко от здания нашего бывшего техникума возвышается башня республиканского телецентра. В те послевоенные годы индустриальный техникум был единственным в республике учебным заведением, которое готовило технические кадры для нужд промышленности. Он был открыт в 1944 году. Еще не окончилась война, как по всей стране начали возникать новые фабрично-заводские училища (ФЗУ), техникумы и институты, призванные готовить специалистов для восстановления разрушенного войной и выполнения планов новых пяти-леток. Тогда правительство, в отличие от теперешних пожарных действий и латания дырок, работало дальновидно, с заделом на будущее. Кроме индустриального техникума в Сталинабаде действовали довоенные сельскохозяйственный институт и гидромелиоративный техникум, в основном обслуживавшие нужды сельского хозяйства. Таджикский политехнический институт образовался позже – в 1956 году.

Наше общежитие находилось в районе “Заготзерно” у железнодорожного товарно-го двора. До техникума было далеко. Автобусы еще не ходили, на занятия добирались пешком. Нам с девочками выделили по комнате – бывшие солдатские казармы с остекленными передними стенками и гнилыми качающимися досками на полу, в щели между которыми проваливались пальцы ног и куда вечно закатывались карандаши и ручки. Под полом жила целая колония крыс. По ночам они устраивали драки с писком и беготней по всей комнате, зачастую заскакивая на наши постели. Выдали нам по тонкому матрасику, подушке и одеялу, сшитых из карбоса – редкой хлопчатобумажной ткани местного текстильного комбината – и слегка набитых ватой. Матрас и одеяло были не простеганы, ва-та в них сбивалась в одно место.

Простыни отсутствовали. Кровати были сварены из стальных прутков с натянутыми вдоль полосами, которые часто расходились и мы во время сна отдельными, провалившимися частями тела, касались пола.

Рядом, через стенку, жили наши девчонки, как и мы – человек пятнадцать в комна-те. Вначале было все спокойно и терпимо. Но как только по соседству разместились ФЗУшники, жизнь в общежитии превратилась в ад. Начали исчезать вещи, по ночам че-рез стеклянную стенку, осветив фонариком, проверяли нас – спим ли мы. Порой, среди ночи, можно было услышать крики наших соседок: “Ребята, к нам лезут!” С целью оборо-ны мы отломали по поперечине от кроватей, и каждый держал этот стальной пруток у своего изголовья. Похватав свое оружие, мы выскакивали на крик, выручая своих девчат. Вдобавок к этим неприятностям, у нас у всех завелись вши. Мы прожаривали белье утю-гом, в десять дней один раз нас возили на “шелкомоталку” в баню, где нашу одежду и по-стели обрабатывали в “вошебойках” – все было тщетно. Вши исчезли только тогда, когда нас перевели в другое общежитие и когда мы стали питаться лучше.

В нашей учебной группе занималось двадцать пять человек. На втором и третьем курсах (прием 1944 и 1945 годов) училось много фронтовиков. Были они и у нас – только что демобилизованные лейтенанты: Александр Деревенченко, Дмитрий Митраков, Петр Рябихин. За время войны они многое из школьных программ подзабыли, поэтому им при-ходилось помогать. В комнату общежития приносили классную доску, и я со своей свежей памятью объяснял им тот или иной материал. Приходили на эти “занятия” фронтовики и из других групп.

Вместе с этим, с нашими военными происходили и грустные вещи. Как-то, осенью сорок шестого, нас, для назидания, послали послушать судебное разбирательство в во-енном трибунале республики. Судили учащегося нашего техникума, бывшего фронтови-ка, обвиненного вместе с двумя другими военнообязанными в групповом бандитизме. Они на подъемах при въезде в город подкарауливали автомашины, сбрасывали с них груз и исчезали вместе с ним. По законам того времени всем участникам группы дали большие сроки заключения в лагерях со строгим режимом. Другой фронтовик из нашей группы, бывший старший лейтенант, Жора Н. тоже попал в неприятную историю. Жора был статным, красивым и весьма любвеобильным парнем. Однажды он с застенчивым видом подошел ко мне и попросил взаймы денег на лекарство. Тогда антибиотики еще не применяли, обходились сульфидином, который и понадобился нашему товарищу, прихва-тившему венерическую болезнь. Как он возмущался: “Разве я мог подумать, что наградит меня этим подарком дочь Героя Советского Союза, начальника железнодорожной стан-ции города! Когда мы с ней расположились в парке на траве, нас облаяла собака, Чуяло мое сердце, что добром это не кончится!” Мы все ржали, когда он рассказывал, как кра-дучись, боясь встретится со знакомыми, он посещал вендиспансер, который находился на главной улице в центре города. Жору вылечили, а на втором курсе, вместе с двумя другими учащимися, призвали на работу в органы КГБ. С одним из них, уже майором, я встретился, когда работал в Нуреке. Он обеспечивал безопасность Н. С. Хрущева, кото-рого ожидали на строительстве ГЭС. Позже этот же майор курировал Институт химии АН Таджикской ССР. Встречаясь по делам с моей женой – работницей спецчасти отдела кадров института, – он через неё передавал мне приветы. Конец 1946 года для нас, кто проживал в общежитии в отрыве от семьи, был очень тяжелым. Стипендия составляла 185 рублей в месяц, а буханка хлеба на базаре стоила 120 рублей. К этому хлебу у нас было особое отношение. Продавался он разрезанным пополам вдоль буханки. Ходили слухи, что эти половинки выносят с хлебозавода женщи-ны, пряча их в своих рейтузах. Такое же брезгливое отношение было и к продаваемому на базаре холодцу – якобы, кто-то обнаружил в нем целый человеческий ноготь.

Студенты институтов и учащиеся техникумов были приравнены к рабочим – по хлебным карточкам получали 400 грамм хлеба в день. Кроме того, раз в месяц на продук-товые карточки выдавали немного крупы, изредка – залежалую колбасу. Временами из дома приходили посылочки со съестным. Но всего этого не хватало, мы вечно были го-лодными. Пока дойдешь

от хлебного магазина до общежития, хлебную пайку потихоньку и съешь. Запьешь из водопровода и терпишь до следующего дня. Выручала нас болтуш-ка из кукурузной муки, воды и соли, которую мы называли мамалыгой. Кукурузная мука на базаре была подешевле. Промышляли мы и в садах и огородах. Помню, как накопав где-то бурака, мы ва-рили его в ведре и с удовольствием ели. Наш Толик Арефьев в критических случаях вы-ходил из затруднений своеобразной “охотой”. Когда все уходило на занятия, оставшись один дежурным в общежитии, он устанавливал ловушку и открывал дверь комнаты на улицу. Ловушка состояла из перевернутого тазика, подпертого палочкой со шнурком. То-лик насыпал дорожку из зерна от дверей до тазика и, спрятавшись на кровати с концом шнура в руках, ждал добычу. Гулявшие во дворе месячные цыплята заходили в откры-тые двери и, склевывая зерна, оказывались под тазиком. Тут наш охотник, дернув за шнурок, и ловил их. Поймав несколько штук, в маленьком фанерном чемоданчике-бочонке относил их своей сестре, которая работала в аптеке. Та реализовывала цыплят среди своих сотрудниц. Толик получал по 10 – 15 рублей, на лепешку этого хватало. Уже в зрелом возрасте, заходя в 41-ю аптеку за лекарствами, я всегда вспоминал этих цып-лят. Именно в этой аптеке в те трудные послевоенные годы работала сестра Толика. Бы-вая в кинотеатре “Хроника”, который соорудили в бывшем нашем хлебном магазине № 69, всегда всплывала в памяти та далекая четырехсотграммовая горбушка, такая вкусная и всегда такая маленькая.

Несмотря на трудности, большинство из нас не унывало: учились, ходили в парк, на озеро, в кино и театры. Но один из наших товарищей не выдержал. Он от родителей, работавших на засекреченном урановом руднике и бывших на спецобеспечении, ежеме-сячно получал из дома деньги и посылки с добротными продуктами: салом, колбасой и сгущенкой. Это его и разбаловало. Начал шататься по городу, пропускать занятия, а за-тем, вовсе забросил учебу и уехал домой. Деньги на дорогу мы собирали ему вскладчину всей комнатой.

Из этой поры запомнился случай, который тогда надолго лишил нас аппетита при еде. В одно из воскресений один из наших товарищей собрался проведать своего стар-шего брата, учившегося в мединституте. Находился институт на отшибе, на краю города. Мы с моим другом Юрой Чекрыжевым никогда в той стороне города не бывали и, кроме того, нам давно хотелось поглядеть на самое солидное учебное заведение республики. Используя случай, мы попросили товарища взять нас с собой. Автобусы туда не ходили и добирались мы до него своим ходом. Осмотрев здание учебного корпуса с мощными ко-лоннами на фасаде, мы пошли в общежитие, где с трудом нашли нашего студента-медика. Жил он в небольшой комнатке на двоих. Когда мы вошли, он сидел на своей кро-вати с книгой в руках. Рядом, на стареньком диване лежала мумия. Это было учебное по-собие: препарированный и высушенный труп мужчины, на котором студенты изучали ана-томию. Мы присели на предложенные табуретки, с опаской поглядывая на мумию. Во время беседы студент встал, оторвал от нее кусок какой-то завяленной мышцы и протя-нул нам: “Нате, закусите!” Мы шарахнулись прочь, Юру чуть не вырвало. Для нас такая шутка была непривычной.

Потом будущий врач стал рассказывать о том, как они работают в анатомичке и с чем сталкиваются на практических занятиях в больницах и клиниках. Он пространно опи-сал занятия в роддоме и в конце подвел черту: “Нет, ребята! После всего увиденного там, жениться я не смогу. Все это слишком не привлекательно”.

Еще долго после этого посещения у нас перед глазами стояло необычайное учеб-ное пособие, а я, до сих пор, читая о египетских фараонах, вспоминаю мумию, которая лежала на диване в студенческом общежитии медиков.

К этому времени наш дядя Павлик с семьей уже жил и работал на автобазе в Орд-жоникидзебаде, в 20 километрах от Сталинабада. По субботам я “зайцем” ездил к ним на пассажирском поезде из грузовых вагонов, немного подкреплялся, а в воскресенье ве-чером, закинув тапочки на палке за плечо, пешком возвращался в общежитие. С дядей Павликом жил и его сын Борис, которого устроили на работу и готовились женить. Вне-запно он исчез, и увидел я его года через два при весьма странных обстоятельствах. Но об этом позже.

Преподавательский коллектив техникума отличался разнообразием, как по про-фессиональным,

так и чисто по человеческим качествам. Был он интернационален. Нас учили русские, таджики, евреи, корейцы, украинцы и латыши. Но никогда у нас, учащихся, не было какого-либо предвзятого отношения к тому или другому учителю.

В начале учебы директором техникума недолго был Мухитдинов, а завучем Роза Абрамовна. Затем их сменили Закиров Мусахан Закирович – авиационный инженер и Ба-баев Борис Рошильдovich – железнодорожник. Позже, лет через пятнадцать, с Бабаевым и сыном Закирова мне пришлось встречаться по работе. Большим уважением пользовался у нас математик Космаков Георгий Валерианович, крупный пожилой мужчина с грубо-ватыми шутками, но добрый по натуре. Свообразием и старомодностью отличался наш литератор. Фамилию и имени его уже не помню, но прозвище осталось: Акакий Акакиевич. Жил он в нужде, ходил в старой застиранной военной одежде. Однажды он зашел к нам на урок в новой, ладно сидящей на нем, серой шинели. Мы сразу зашептали: “О, у Акакия Акакиевича новая шинель!” Преподаватель довольный, с улыбкой отпарировал: “Мне приятно, что вы запомнили Гоголя”. Литератор внушал нам какое-то чувство жалости. Мы пытались помочь ему, но как это сделать не знали. Осуществить свою задумку нам удалось после сдачи экзамена по литературе. Мы подарили нашему учителю дешево-венький портсигар, куда положили собранные всей группой 200 рублей. Он поблагодарил нас и, не открывая портсигара, положил его в карман. Как он воспринял внутреннее содержание подарка, мы не узнали, все разошлись на каникулы. Хорошо и доходчиво преподавал нам сопромат Ли Роман Александрович (Ли Тхя Дюн). С улыбкой вспоминаю его знаменитое: “Сила П тыся килограмм”. В 70-е годы Роман Александрович, будучи уже кандидатом технических наук и доцентом, работал про-ректором по науке в Таджикском политехническом институте, где мне вновь пришлось встретиться с ним. После развала СССР, когда наступили черные дни для людей интел-лектуальных профессий, жалко было смотреть на Романа Александровича, который уже в преклонных годах, с больными ногами, вынужден был читать лекции, чтобы хоть как-то прокормить себя и свою жену – бывшую балерину.

Таджикскому языку нас обучал преподаватель Бурханов. Учили мы местный язык через пень-колоду. За все время жизни в республике таджикский я освоил всего лишь на бытовом уровне и то больше понимал, чем говорил. Но в необходимых случаях изъяс-ниться мог. После создания в 1946 году Гимна Таджикской ССР мы на уроке зубрили его слова: “Чу дасти рус...” – “Под руководством русских...” Когда в конце 80-х начались на-циональные разборки, то оппозиционеры из общества “Ростохез”, в качестве одного из аргументов, ссылаясь на эти слова Гимна, стали упрекать Россию и проживающих в Тад-жикистане русских в колониальных и имперских амбициях. Но при этом оппозиция забы-ла, что слова этого Гимна сочинил таджикский поэт А. Лахути, эмигрант из Ирана, а музы-ку написал узбекский композитор С. Юдаков.

Тем временем жизнь в общежитии продолжала ухудшаться. ФЗУшники нас обво-ровывали чуть ли ни каждый день. Придут к нашим девчатам, шутя наденут на себя ка-кой-нибудь жакет или кофточку и вместе с ними уходят.

У нашего Валентина Васильева, по прозвищу “Конь”, был аккордеон и первые со-ветские наручные часы “Кировские”. Родители Валентина в тридцатые годы были сосла-ны в Среднюю Азию как “кулаки”, но и здесь они приспособились и жили зажиточно. На ночь часы “Конь” прятал в кармане брюк, свернутых под подушкой, а аккордеон в футляре прижимал кроватью к полу. В одну из ночей мы были разбужены топотом ног по комнате. Те, кто проснулись, стали осматривать свои вещи. У бедного парня Коха, немца-ссылнопоселенца из Молотовабада, исчез единственный фанерный чемодан. Выйдя на улицу, мы обнаружили его в арыке. Чемодан был раскрыт, рядом валялись книги и мешо-чек с солью – все Коховское богатство. Возвратясь, мы заглянули под кровать к Василье-ву – аккордеон отсутствовал. Растолкали Валентина. Оказалось, что нет и часов. Похити-тели подложили под ножки кровати, взятые с тумбочки книги, и спокойно вытащили фут-ляр с аккордеоном, а часы вырезали из кармана брюк бритвой. Видно кто-то из них знал, куда и как Валентин прячет свои ценные вещи. На другой день, возвращаясь из технику-ма через вещевого рынок (он был по пути), я у какого-то парня



узнал наш аккордеон, при-бежал в общежитие и сообщил об этом Валентину. Мы на рынке вместе с милиционером все обошли и осмотрели, но аккордеона так и не обнаружили. После этого случая дирекция техникума нам на ночь выставила охрану – деда с учебным автоматом ПППШ. Вскоре нас перевели в новое общежитие, комнату на 20 человек в основном корпусе техникума. Жить стало спокойнее.

В конце 1946 года мы начали посещать театр. В республиканском театре оперы и балета показывала оперетту труппа Ленинградского театра музкомедии, эвакуированная в начале войны в Сталинабад. Часть артистов потихоньку вернулась домой, оставшиеся продолжали давать спектакли. Мы с ребятами иногда покупали билеты, чаще проникали в театр “зайцами” или по контрамаркам, доставаемым через знакомых. Слушали “Коломби-ну” (которую я впоследствии нигде не встречал), “Сильву”, “Марицу” и “Веселую вдову”. Узнали о композиторах Кальмане, Легаре и Оффенбахе. Это было наше приобщение к музыкальной культуре. Тогда я впервые соприкоснулся с волнующим ожиданием начала театрального действия, когда оркестранты в своей яме настраивают инструменты, проиг-рывая те или иные пассажи, дирижер занимает место за пультом, медленно гаснет люст-ра под куполом, взмах палочки дирижера – и зазвучала увертюра оперы или вступление к оперетте или балету. Нравилась атмосфера, царящая в театре, его особый запах, лепка на потолке и колоннах, мягкие, обитые малиновым плюшем кресла и под цвет им – огромный тяжелый занавес на сцене. Впечатляли задники в глубине сцены, на которых плескались умело подсвеченные голубые волны.

После посещения театра мы ходили мурлыкая слова понравившихся арий или по-вторяли остроты из оперетт. Как мы были разочарованы, когда однажды на улице встре-тили нашу любимую приму оперетты Старикову. Она без грима оказалась гораздо старше и некрасивее, чем те героини, которых она играла на сцене.

Издредка в театре слушали оперу или смотрели балет. В то время там, наряду с произведениями мировой классики, ставили и национальные вещи: оперу “Тахир и Зухра” А. Ленского, балет “Лейли и Меджнун” С. Баласаняна и другие постановки. Солистками были Т. Фазылова, Х. Мавлянова. Мужские роли исполняли А. Муллокандов, Р. Толмасов и ряд более молодых начинающих артистов. Свои партии они пели как на таджикском, так и на русском языках. Часто можно было услышать: “Я пошеееель!” С годами уровень исполнения повысился, местный акцент в произношении стал почти не заметен, да и рус-ских исполнителей прибавилось. Особую известность Таджикскому театру оперы и бале-та им. Айни (с1971 года – академическому) принесла Народная артистка СССР Малика Сабирова. На балеты с её участием попасть было трудно. После её смерти, в память о ней, ставились концерты, на которые приезжали и выступали известные всей стране ар-тисты балета Е. Максимова и В. Васильев. Умерла Сабирова рано, в 1982 году от неиз-лечимой болезни. Похоронили её в Лучобе, на холме, возвышающемся над Душанбе.

На сцене нашего оперного театра в 1947 году выступал известный в ту пору ис-полнитель неаполитанских песен Михаил Александрович. Мы упивались песнями Тости, впервые я услышал песенку Куртиса “Вернись в Сорренто”. Многому мы научились у на-шего сокурсника, корейца Саша Осенмука. Пока с ним мы не познакомились ближе, за ним держалась кличка Чан Кайши – по имени лидера гоминьдановского режима в Китае. Саша каким-то образом вошел в круг артистов русского драмтеатра им. Маяковского, за-нимался у них в театральной студии. Во время войны в нашем драмтеатре выступал из-вестный впоследствии артист Московского театра Сатиры Георгий Павлович Менглет. После его отъезда в 1945 году, коллектив Сталинабадского театра им. Маяковского дол-го, с теплотой отзывался о нем.

Наш Осенмук все вечера пропадал в драмтеатре. Приходя в общежитие, он брал гитару и начинал петь известные русские романсы и другие старинные песни. До сих пор звучит в ушах в его исполнении романсы “Нищая”, “Везде и всегда за тобою” и “Жалобно стонет ветер осенний”. Сколько мы тогда переслушали этих романсов. От него разучили слова итальянской песни “Скажите девушки подружке вашей...” Пел Саша и ответ этой подружки парню: “Мне

не по сердцу такой смешной мечтатель...”

С Сашей нас связала долгая дружба. Когда мой друг в 1989 году приехал из Алма-Аты ко мне в гости, мы вспомнили время своей молодости и он, настроив мою гитару, спел кое-что из своего репертуара. Через год, будучи в Алма-Ате в командировке, я нанес ему ответный визит. Сашина жена Маша, которую я не видел лет двадцать пять, мало изменилась. С трудом достав через Сашиних родственников входные билеты, мы с другом сходили в знаменитые Кунаевские бани, где, несмотря на действовавший в то время Горбачевский “сухой закон”, хорошо отметили нашу встречу...

Возвращаясь к послевоенным годам, вспоминаются прекрасные музыкальные фильмы тех лет: “Большой вальс” с красавицей Милицей Кориус, “Паяцы” и “Ты мое счастье”, в которых пел известный тенор Джильи, “Серенада солнечной долины” с оркестром Гленна Миллера. Из этих картин мы узнавали о шедеврах музыкальной классики и знаменитых исполнителях. А что нам преподносит кино сегодня? – силу, страх и секс. Чем-то это все обернется?

С тех пор во многих городах мне пришлось послушать и посмотреть различные музыкальные произведения. В Большом театре побывал на операх “Евгений Онегин” и “А зори здесь тихие”, в Ленинградском Кировском смотрел балет “Лебединое озеро”. В разных театрах страны послушал многие известные оперы Верди, Пуччини, Леонкавалло и Моцарта. Но любимым остался жанр маленькой оперы. Бывая в Москве, обязательно старался сходить в Театр оперетты. Слушал Николая Рубана, Татьяну Шмыгу, Герарда Васильева, Светлану Варгузову и Юрия Веденеева. В театрах со мной случались и забавные истории. В 1979 году, приехав на стажировку в Москву, я решил сходить в концертный зал “Россия”, где исполняли “Реквием” Моцарта. Дирижировала Вероника Дударова. В антракте ко мне подошла женщина средних лет и, поинтересовавшись, не композитор ли я, спросила мое мнение об исполнении. Пришлось разочаровать её. Не знаю, на каком основании она приняла меня за композитора – может с кем-то спутала?

В другой раз, на спектакле в Кремлевском Дворце Съездов в антракте, заговорившись, со своей знакомой по ковровой дорожке стали спускаться куда-то вниз. Мы с ней так увлеклись разговором, что не обратили внимания на удивленные взгляды встречных дам. Только внизу я понял, что мы находимся в прихожей женского туалета. Я отпустил свою спутницу и поспешил вверх. Долго мы потом смеялись над нашей оплошностью. Но музыка Верди из “Трубадура”, его “Miserere” в исполнении хора за сценой быстро заставили нас забыть происшедшее.

В первые послевоенные годы в кино и на радио звучало много хороших и содержательных, с красивыми мелодиями, популярных песен. Из них почему-то больше всего запомнились грузинская песня “Реро”, прославляющая Сталина и азербайджанская “Зулейка ханум” в исполнении Рашида Бейбутова. Я тогда ходил по общежитию и без конца пел об этой Зулейке. В кинотеатрах появились иностранные трофейные фильмы. Впервые мы увидели цветной кинофильм “Девушка моей мечты”, в которой играла знаменитая немецкая кино-звезда Марика Росс. Все мы были потрясены, когда полураздетая героиня плескалась в бочке с водой. В наших картинах такого еще не допускалось. Привлекали нас в фильме легко запоминающаяся мелодия песенки (слов мы не понимали) и красивые ритмические танцы, исполняемые такими очаровательными артистами. Картина шла только в главном кинотеатре города – в к/т им. Горького. Билеты достать было трудно, но, несмотря на это наш товарищ (тот, который потом бросил техникум) умудрился сходить на этот фильм двенадцать раз.

С наступлением 1947 года у нас в общежитии началось поголовное увлечение игрой на гитаре. Вначале мы, глядя на Осенмука и разучив 4-5 аккордов, пытались подражать ему, однако серьезно стали музицировать, когда в техникуме на строительном отделении появился Володя Маильянец, который еще на фронте руководил небольшим музыкальным ансамблем. У него была ранена левая рука, но это не мешало ему играть на гитаре и виртуозно – на мандолине. Как он негромким голосом, с чувством пел песню “Киев, любимый город мой...”, аккомпанируя себе на этих инструментах! Володя организовал у нас музыкальный коллектив, научил нас азам игры на гитаре и мандолине. Мы стали выступать с концертами, сначала у себя в техникуме, а затем и в других местах.

Запомнилось выступление в военном госпитале, в котором еще лечились раненые фронтовики. Слушатели - кто сидел на стульях, а кто и лежал на носилках у сцены. До сих пор помнится запах йода, карболки и еще чего-то специфически больничного. Больше всех у раненых аплодисменты заслужила наша Наташка, которая своим звонким и краси-вым голосом исполняла песню “На катке”.

Госпиталь располагался в бывшей школе у железнодорожного вокзала. В восьми-десятых в этом здании разместился стройфак политехнического института. Зайдя туда по делу, я вспомнил как сорок лет назад, вот здесь, среди белых и серых халатов мы акком-панировали нашей солистке Наташке и по всему залу раздавалось её задорное: “Догоню, догоню...” Из событий 1947 года в памяти остались два значительных мероприятия, в кото-рых мне пришлось участвовать.

Первое – это обмен денег в масштабе 10:1, что было вызвано необходимостью со-кращения излишков денег в обращении и повышении покупательной способности рубля после войны. Нам лично обменивать было нечего. Но дирекция техникума попросила ме-ня и еще одного учащегося занять очередь в Госбанке. Простояли мы в ней что-то около суток и когда подошли к окошку обмена, появилась наша техникумовская кассирша с че-моданом денег. Обменяв их, мы все вместе принесли новые деньги в техникум. Скорее всего, вместе с государственными мы обменяли и личные деньги сотрудников. За прове-денную операцию дирекция премировала каждого из нас отрезом синей бумазевой тка-ни, из которой мама мне сшила костюм.

Второе событие – общественное. В 1947 году исполнялось 800 лет со дня образо-вания столицы государства, города Москвы. В Сталинабаде эту дату решили отметить сооружением новой площади. Выбрали пустырь перед театром оперы и балета и мето-дом народной стройки за несколько дней привели этот заброшенный участок в центре го-рода в порядок. На благоустройстве площади трудился весь город. В земляных работах задействовали и нас. Работалось весело. На фронто-не театра висел огромный кумачо-вый плакат. Коллективы предприятий прибывали с песнями и музыкой: русские с гармош-кой, таджики с дойрой (бубном). С фасадных балконов театра раздавались призывные звуки карнаев – длинных, с раструбами на конце, духовых национальных инструментов. Звуки музыки и песни сливались с рокотом моторов бульдозера и экскаватора, рывших котлован под фонтан. Через несколько месяцев фонтан облицевали гранитом, вокруг разбили сквер, установили скульптуры. В день открытия площади Имени 800–летия Мо-сквы струи фонтана высоко взмыли вверх. Сейчас это одна из красивейших площадей г. Душанбе.

После войны в городе было много пустырей и недостроенных зданий. Там где сей-час президентский дворец (бывшее здание ЦК КП Таджикистана), стояли в ряд “амери-канки” – вино-водочные ларьки-палатки голубого цвета. Будущий кинотеатр “Ватан” стоял недостроенным: среди поросших бурьяном куч строительного мусора возвышались кир-пичные стены. За оперным театром находилась не мощеная, так называемая, Крас-ная площадь. Там проводили праздничные демонстрации и другие массовые городские мероприятия. Помню показательные выступления военных кавалерийского полка, бази-ровавшегося в риссовхозе. Кавалеристы демонстрировали джигитовку и рубку лозы. Особенно нам нравились конники, которые стоя на седле, на всем скаку, лихо, с оттяжкой, срубали вертикально стоящие слева и справа от них зеленые ветки.

Через дорогу от этой площади рядом с базаром был небольшой пустырь, который облюбовали фронтовики-инвалиды. На костылях, многие без обеих ног, передвигаясь на площадках с колесами из шарикоподшипников, собравшись компаниями, целыми днями пили бражку, играли в карты, пели песни, матерились и дрались. В ход шло все: костыли, палки, камни и бидончики с брагой. Днем на виду у всех крутили любовь с пьяными жен-щинами, после чего, забыв одеться, тут же засыпали. Так продолжалось до тех пор, пока для всех этих бездомных не построили инвалидные дома и пансионаты.

На вещевом рынке, который находился там, где сейчас находятся авиакассы, чего только не продавали. Было много иностранных (в основном немецких) носильных вещей, ковров, аккордеонов, часов и всевозможных зажигалок и ножей, блестящих, с красивыми наборными

ручками. Как-то, получив очередную стипендию, я решил осуществить свою давнишнюю мечту – приобрести наручные часы. На рынке по дешевке я купил красивые на вид часы “Омега” с римскими цифрами на белом эмалевом циферблате. Часы четко тикали, стрелки показывали текущее время. Каково же было мое удивление, когда придя в общежитие, я обнаружил, что на часах то же время, которое было при покупке. Вернул-ся на рынок, но продавца часов уже не нашел. Обратился к часовому мастеру. Тот вскрыл их и, ухмыльнувшись, посоветовал: “Выбрось свои часы на помойку. В них недостает не-скольких шестеренок”. Только года через два, наконец, у меня появились часы. Это были известные в то время “цилиндры”, у которых вместо рубиновых камней подшипниками служили металлические втулки. Часы исправно ходили год, от силы – два.

На подходах к рынку сидели шулера, зазывая со своими напарниками легковых поиграть в три карты, наперстки или петельки из шнурков. Время от времени можно было услышать вопли и проклятья вдрызг проигравшихся любителей легкой наживы.

Однажды всех поразил какой-то иностранец, который ехал по рынку на шикарной пролетке, в которую была запряжена вороная лошадь с аккуратно подстриженной гривой и челкой и забинтованными выше копыт ногами. Хозяин был одет во фрак, на голове шляпа-цилиндр. Сидел он с ровной спиной, высоко поднятой головой и в вытянутых впе-ред руках в белых перчатках держал вожжи. Белые оглобли пролетки были обернуты красными ленточками. Вначале мы подумали, что это персонаж из оперетты. Только че-рез несколько дней мы узнали о турне по Средней Азии какого-то богатого графа или ба-рона из Венгрии.

С нашим рынком связана и моя последняя встреча с двоюродным братом Бори-сом. Столкнулся я с ним случайно. Он был в компании с каким-то полураздетым парнем, лежащим на земле и проклинаящим все и вся. Оба были пьяные. Борис еле узнал меня, а узнав, заплакал. Из его невнятного рассказа я понял, что он бродяжничает. Увидев ми-лицонера, брат завернул за ларек. Я, в отчаянии, побежал к дяде Павлику, который в то время опять вернулся в Сталинабад. На мой призыв пойти и найти Бориса он никак не прореагировал. Больше мы о Борисе никогда и ничего не слышали.

Через некоторое время дядя Павлик заболел и в 1948 году умер. Контакты с его женой у меня прервались. Уже работая в Такобе, до меня дошли слухи, что её видели в Сталинабаде на русском кладбище, просящей милостыню.

## Глава 8

### ЖИЗНЬ УЛУЧШАЕТСЯ. ОКОНЧАНИЕ ТЕХНИКУМА

Несмотря на общую послевоенную бедность в стране, у людей появилась надеж-да на то, что в скором времени жизнь улучшится. Недоедая и недосыпая, они восстанав-ливали разрушенное войной, достраивали прерванное ею. Работали все с энтузиазмом. Все искренне верили в то, что от результата их труда зависит будущее.

Потихоньку, незаметно, жизнь входила в свою мирную колею. Стали открываться общественные столовые, как грибы возникали ларьки, в которых продавали так нравив-шийся нам морс. По центральной улице города начал регулярно ходить автобус. У нас в общежитии появились простыни и полотенца. И, наконец, в декабре 1947 года отменили карточную систему. Хлеб просто стали продавать в магазинах. С какой радостью было воспринято это решение правительства. Люди повеселели.

Вскоре в нашем техникуме открыли студенческую столовую. До сих пор помнятся макароны по-флотски: толстые трубочки с мясным фаршем, которыми там нас кормили по низким, чисто символическим ценам.

Мы взрослели. На своих однокашниц стали посматривать оценивающим взглядом, начали завязываться взаимные симпатии. Все чаще и чаще я ловил себя на том, что ищу возможность пообщаться со своей бывшей школьной одноклассницей Линой. В техникуме она как-то быстро из щупленькой девчонки превратилась в складную, претендующую на солидность девушку. Особой взаимностью она мне не отвечала, но и нашу дружбу не прерывала. Особенно часто мы были вместе, когда ездили к себе в район на каникулы.

Дома у Лины был старенький патефон. Воспользовавшись тем, что её старшая сестра – инструктор райкома партии – целыми днями пропадала на работе, мы с Линой осваивали танцы. Она, научившись у сестры, обучала меня фокстротам, танго и вальсу-бостону. С каким трепетом и смущением я впервые положил свою руку ей на талию. А как мы оба вспыхивали, когда, сделав неправильное движение, я касался её груди или стукался об её колени, и как мы оба смеялись, если я наступал ей на ноги.

Запомнилась совместная с ней поездка на зимние каникулы. Доехав на попутной машине до Уялов, мы застряли. Прошедший дождь превратил несколько километров солончакового участка дороги в глиняное месиво. Пришлось дальше двигаться пешком. Выбирая просохшие места и прыгая с кочки на кочку, мы прошли просевший участок дороги. По пути пришлось наблюдать, как местный житель пытался спасти своего, провалившегося в глинистую жижу, ишака. Хозяин тянул длинноухого за хвост, стараясь вытащить его на сухое место. Но этим самым только усугубил положение. Осел мордой нырнул в жижу и начал биться, погружаясь передней частью все глубже и глубже. Еще долго мы слышали понукания и причитания незадачливого ездока. Поднявшись на пригорок, вдаль мы увидели одиноко бредущего хозяина осла. Его четвероногого спутника с ним не было.

Дойдя до поселка Кызыл-Кала, стали ждать попутную машину, идущую в нужном нам направлении. Народу скопилось много. Расположились в неблагоустроенной и не очень чистой придорожной чайхане, где перекусили черствой лепешкой с чаем. К вечеру со стороны Курган-Тюбе подъехали две автомашины, идущие в нашу сторону: одна – бортовой ЗИС и другая – бензовоз. Кто пошустрее и понахальнее, залез на первую, нам же – более десяти человек – за весьма высокую плату, достался бензовоз без бортов. Для безопасности между задней горловиной цистерны и кабиной мы натянули, поданную шофером веревку, взгромоздились на цистерну и, держась за страховку, поддерживая друг друга, двинулись в путь. В дороге несколько раз застревали, но благодаря тому, что на двух машинах ехало много народа, буксовавшие машины общими усилиями быстро вытаскивали из грязи. При выезде из гор, километрах в восьми от нашего района, бортовая машина оторвалась и ушла вперед. Через некоторое время после этого наш бензовоз застрял и, как мы не старались, выволить его не смогли. Оставив машину с шофером, спотыкаясь и оступаясь в темноте, пешим порядком двинулись дальше. Под утро стало холодно. Лина была одета в пальто, на мне была телогрейка. Сзади, через плечо, у меня висел чемоданчик, а спереди – свернутое байковое одеяло, в которое мы закутывались, сидя на холодной цистерне бензовоза.

Начал одолевать сон. Бороться с ним было все труднее и труднее. Я брел, время от времени открывая глаза и следя за ногами впереди идущего. На рассвете подошли к району. Лина свернула домой раньше, а мне нужно было пройти еще с километр. На дорожке к дому, которая проходила через старое мусульманское кладбище рядом с крепостью, я присел на свой чемоданчик и заснул. Когда приоткрыл глаза, то уже было светло, по главной дороге люди шли на работу. Что уж они думали, глядя на меня, сидящего в такую рань на кладбище, можно только догадываться. Через десяток минут я здоровался с родными, не поев свалился на кровать и проспал до следующего вечера.

В этих поездках на каникулы происходили и другие приключения. Однажды мы выехали из дома в Сталинабад на грузовой машине, идущей через Курган-Тюбе. Предстояла переправа паромом через реку Вахш. Не успели отъехать от района, как у машины лопнул один из баллонов, а километров через пятнадцать, один за другим, еще два. Запасных скатов не было. Пассажиры до поселка Джиликуль, расположенного по ту сторону реки, двинулись своим ходом. Когда спустились в пойму реки, шагая по песчаной дороге в камышовых зарослях и помня, что рядом в “Тигровой балке” водятся тигры, стали разыгрывать идущего с нами милиционера. Нам, мол, не страшно, у нас охрана с оружием. Приняв нашу шутку за чистую монету, милиционер на полном серьезе произнес: “Э, из этого нагана и с пяти метров ни в кого не попадешь”. Мы резонно поинтересовались: “За-чем же ты тогда его носишь?” В ответ услышали: “Положено”. Часов в двенадцать ночи подошли к паромной переправе и хором начали звать паром с той стороны. Не докричавшись, попросили нашего милиционера

выстрелить в воздух. Он немного поартачился, но все же выстрелил. С того берега слышался заspanный голос паромщика, долго ин-тересовавшегося, кто мы, и что нам нужно. Мы опять заорали, прося пригнать паром за нами. Вскоре слышался плеск воды, из темноты выплыл борт парома. Спустя полчаса мы были на том берегу. Паромщик на ломаном русском языке объяснил, что до поселка два “таша”. Посчитав это за два километра, мы бодро зашагали вперед. Прошли два, пять, десять километров, а поселка все не было. И только тогда кто-то из наших местных попутчиков вспомнил, что “таш” – это расстояние около восьми километров. Проклиная паромщика с его мерами измерения и наших горе-переводчиков, мы к утру, уставшие, со сбитыми ногами, еле-еле добрались до Джиликуля, откуда на попутных машинах выехали в Курган-Тюбе.

Сейчас на месте той паромной переправы над Вахшем возвышается современный бетонный мост, за который во время гражданской войны в Таджикистане в 1992 году между различными группировками шли бои. Мост пытались взорвать, но не успели – что-то помешало. Когда я узнал об этом, мне вспомнился наш милиционер с его наганом-пугачем, сослужившим нам добрую службу в то далекое и спокойное время.

Приезжая домой на каникулы я видел, что условия жизни родителей ухудшились. После происшедшего с Яном Богуславичем он стал работать простым огородником в больнице. Нас заставили сменить квартиру. В последнее время жизни в Микоянабаде наша семья проживала в небольшой глинобитной мазанке из двух комнат с глиняными полами. Но и там мама старалась поддерживать порядок и чистоту: регулярно белила стены и печку, мыла полы раствором коровяка. Материально было очень тяжело. Нужно было учить меня, да и подрастающие братишки требовали своего.

В районе заметно изменилось отношение наших бывших школьных товарищей к нам, учившимся в городе. С их стороны появилось какое-то отчуждение, сквозила неискренность в разговорах. Понять это было трудно и обидно. С этого наши пути стали расходиться, хотя случались и неожиданные встречи.

У нас в школе училась симпатичная смугленькая украинка Галка. Когда я приезжал на каникулы, то иногда виделся с ней. Она в то время уже была учащейся Курган-Тюбинского педучилища. Позже моя мама рассказала мне, что Галка после окончания училища была направлена в кишлачную школу, где вышла замуж за местного учителя-кунграта. В быту он потребовал от неё соблюдать местные обычаи и дома носить соответствующую одежду, вплоть до эзоров – традиционных национальных женских штанов до щиколоток.

Прошли годы. Где-то в конце шестидесятых ко мне – заведующему отделением Душанбинского индустриального техникума – в кабинет постучалась и вошла темленькая с круглым личиком девушка, наша ученица. Поздоровалась и передала привет от своей мамы. Как оказалось, её мама и была та самая Галка из Микоянабада. Девушка поведала мне, что мама живет всё в том же кишлаке, у них большая семья и что мама хотела бы встретиться со мной. Я, естественно, не возражал. Спустя некоторое время встреча состоялась. В рабочий кабинет робко вошла женщина, мало напоминавшая былую Галку: съездившаяся, в платке и цветастой одежде и с виноватой улыбкой на лице. Она долго и подробно рассказывала о своей жизни – жизни наложницы, хотя и обеспеченной, имеющей пятерых здоровых детей, но всю жизнь жалеющей о происшедшем. Уходила она от меня со слезами и просьбой помочь её дочери окончить техникум. Дочь техникум окончила, о судьбе её матери больше я ничего не слышал...

В конце второго курса мы пошли на производственную практику. Меня и еще двоих учащихся из нашей группы направили в электроцех Сталинабадского хлопкозавода. Под руководством известного среди электриков города обмотчика мы познакомились с конструкцией электрических машин, перемоткой обмоток электродвигателей. Он нам дотошно объяснял отличие петлевых обмоток от волновых, заставлял чертить их схемы цветными карандашами. На заводе вникали в работу дизельной электростанции и промышленного электрооборудования. Там я первый раз поднялся на монтерских когтях на электрическую опору. Все это, вместе с пройденным курсом электрических машин, в скором времени позволило мне впервые проявить себя с профессиональной стороны.

Находясь на каникулах у себя в районе, я ловил рыбу на одном из небольших оросительных каналов. Двигаясь вниз по течению, дошел до небольшой межколхозной ГЭС. В те годы в республике энергосистемы почти не было, электроэнергию в районах получали от небольших дизельных и гидроэлектростанций. Войдя в здание ГЭС, я увидел, что агрегат стоит. Подошедший местный пожилой мужчина, обслуживавший станцию, объяснил мне причину остановки: почему-то не возбуждается генератор. Покопавшись в своей памяти, я решил осмотреть коллектор возбuditеля. И действительно, он был почерневшим, щетки подгорели и стояли не на месте. Я попросил заменить некоторые из них, запустить турбину и почистить коллектор, а затем осторожно повернул щеткодержатель – генератор возбуждился. Мы установили нужное напряжение, ГЭС заработала.

Заведующий станцией был удивлен, что я, еще такой молодой, так быстро нашел неисправность. Поблагодарив меня, он в качестве поощрения вручил мне “мукофот” (премию) – большую продолговатую дыню.

Все это напомнило мне случай, происшедший с известным физиком, будущим академиком Петром Леонидовичем Капицей. Когда он в тридцатые годы находился в Германии, одна из фирм попросила его проконсультировать и помочь им устранить сильную вибрацию одного из работающих у них агрегатов. Капица внимательно осмотрел машину, попросил тяжелый молоток и ударил им в определенное место механизма. Вибрация прекратилась. За выполненную работу он запросил тысячу марок. Немцы усомнились: “Герр инженер, разве один удар молотком стоит таких денег?” На что Капица ответил: “Удар молотком стоит всего лишь одну марку, а остальные 999 – за определение места удара”.

Да, оценить стоимость интеллектуального труда весьма сложно, чем кое-кто у нас и воспользовался. Сейчас нашему ведущему инженеру, работающему в области атомной энергетики или ученому, сделавшему открытие в микробиологии, живется гораздо хуже, чем безголосым “звездам” или рассказчикам анекдотов, ежедневно мелькающим на экранах телевизоров.

Тогда на ГЭС я получил моральное удовлетворение и был рад, впервые увидев, как, благодаря знаниям, произошло физическое превращение – стоявшая до этого электростанция заработала. Впоследствии, в течение всей жизни, духовное удовольствие, получаемое при достижении цели, у меня всегда стояло выше меркантильных соображений.

В техникуме о ремонте на ГЭС я рассказал преподавателю курса электрических машин. Он похвалил меня, после чего, выражаясь современным языком, мой “рейтинг” среди преподавателей и сокурсников значительно возрос.

Основные электротехнические дисциплины в техникуме нам преподавали инженеры-электрики Зайцев Павел Андреевич, работавший проектировщиком и Пак Александр Иванович – главный энергетик завода “Трактородеталь”. Павел Андреевич был проще и доступней, Александр Иванович – аккуратен, всегда подтянут, даже рабочая спецовка, в которой он иногда приходил к нам на лекции прямо с работы, на нем сидела не хуже элгантного костюма.

Учеба давалась мне легко. Я внимательно слушал и конспектировал лекции на занятиях, утром только перелистывал тетрадь – в памяти все восстанавливалось. Всегда старался разобраться в процессе, тогда и запоминать ничего не надо было – одно вытекало из другого.

После войны не хватало учебников. По многу часов мы сидели в республиканской публичной библиотеке им. Фирдоуси. В летнем зале библиотеки под чинарами стояли простые некрашенные деревянные скамейки, в которых водились клопы. Как они нас ели!

В курсовом проекте я рассмотрел вопрос электроснабжения своего Микоянабада. По памяти составил план района, распределил нагрузки, выбрал подстанции и рассчитал электрические сети. Работал над проектом с увлечением. Перед глазами стояли улочки, по которым мы бегали пацанами, но уже освещенные электрическими фонарями. Интересно, почему так запоминается виденное в детстве? До сих пор, стоит только настроиться, подробно, до каждого кустика и арычка умозрительно представляю свой поселок. При этом вижу не только картинку, но и чувственно воспринимаю её детали: запахи, звуки, веяние ветра и еще что-то, чего не возможно передать словами. Может это и есть “дым Отечества”, о котором когда-то говорил

Державин.

На последнем курсе Павел Андреевич уже привлекал меня в качестве своего ас-систента при приеме экзаменов. Мои сокурсники принимали это с пониманием, без шуток и иронии. Тем временем в общежитии шла своя жизнь. Наши жилые комнаты находились рядом с классами. Спали мы чуть ли не до самого звонка на занятия, готовили еду там же где и жили, из-за чего в коридорах техникума часто ощущался запах пищи.

В нашей комнате проживало около 20 человек, все “русскоязычные”. Несколько человек были значительно старше других. Рядом с моей кроватью стояла кровать бывше-го военного моряка из Поти, постоянно носившего черную суконную форму с широчайши-ми брюками-клешь. Жил с нами и инвалид войны на протезе Валентин Лосев, знавший наизусть много стихов Есенина, которого в то время почти не издавали. Декламировал он их меланхолично, с какой-то беспросветностью. Это увлечение Есениным, его кабацким циклом и игра в городского гуляку-хулигана привели к тому, что Валентин, в конце-концов, спился, превратившись в того, кого впоследствии стали называть “бичами”, а за-тем – “бомжами”.

Как-то, спустя года три после окончания техникума, мы с мамой поехали из Такоба в Сталинабад за покупками. На базаре, проголодавшись, сели за столик и заказали пель-мени-манту. Только приступили к еде, к нам, хромая, подошел неряшливо одетый и хмельной мужчина и протянул руку с просьбой помочь. Взглянув на меня, он тут же резко повернулся и ушел. Это был Валентин. Видно и пьяный он узнал меня.

Позже о Лосеве в одной из местных молодежных газет появилась статья, в кото-рой обвинялись общественные организации, не помогающие таким людям как Валентин вернуться к нормальной жизни. Как сложилась дальнейшая судьба нашего фронтовика-инвалида, не знаю. В конце сороковых в Средней Азии прошла череда сильных землетрясений. В 1948 году был разрушен Ашхабад в Туркмении, у нас в 49-м – погребен райцентр Хаит. Случались и меньшие сотрясения. Заговорили о “Сарезском феномене”. Проблема Сареза вновь стала актуальной. Суть её заключалась в следующем.

18 февраля 1911 года на Памире во время землетрясения правобережная часть реки Мургаб рухнула вниз. Южный склон Музкольского хребта обнажился на высоту бо-лее полутора километров. Обвал был такой силы, что отдельные камни разлетелись на 15 км вокруг, а глыбы весом в несколько тонн отбросило на расстояние более трех кило-метров. Образовавшаяся каменная плотина высотой 700 м и шириной гребня в 5 км пере-городила реку. Завалило кишлак Усой со всем его населением. Со временем, перед пло-тиной образовалось озеро, затопившее несколько кишлаков, в том числе и Сарез, по имени которого возникшее озеро и назвали. С каждым годом количество фильтрующейся воды через плотину увеличивалось. Появилось опасение, что произойдет прорыв плоти-ны и накопившаяся вода ринется вначале в долину реки Бартанг, а затем Пянджа и Аму-Дарьи. Сарезское озеро находится на высоте 3239 м над уровнем моря. Поэтому, обру-шившись вниз, волна сухопутного цунами в долинах названных рек сметет все на своем пути, вплоть до Аральского моря.

В 1948 году ученые опубликовали прогноз, в котором предсказывали, что катаст-рофа может произойти через двадцать лет. Ашхабадское и Хаитское землетрясения только подогрели эти опасения. Был усилен контроль за гидрологическим режимом Сареза. К счастью, прогноз не оправдался. К 1960 г. Уровень воды в озере установился неиз-менным. В настоящее время глубина Сареза достигает 505 метров. Опасность прорыва завала остается.

Участившиеся землетрясения нагнали страху и на нас. В один из дней, мы около техникума играли в волейбол. Последовал сильный толчок. Взглянув на рядом располо-женное поле (сейчас на этом месте находится телецентр), я увидел, как по земле бежала волна вспучивания. Из окон первого этажа техникума выпрыгивали учащиеся. Внутри здания потрескались некоторые перегородки. Сила землетрясения была в пределах 5-6 баллов.

Целый день мы ждали повторения толчков, в здание не входили. Только к вечеру немного успокоились и разошлись по своим комнатам. К ночи, как всегда, кто лег спать, кто готовился к занятиям. Мы, бодрствующие, решили разыграть своих товарищей. От-крыли дверь в коридор, выключили свет в комнате и стали кричать: “Землетрясение!” При этом, за спинки раскачивали



кровати спящих, по полу с грохотом катали наше чертежное пособие – чугунную задвижку Лудло. Проснувшись, наши однокашники кто в чем, сталки-ваясь друг с другом, рванулись к освещенному проему двери. Только после нашего дружного хохота до них дошло, что это шутка.

Когда все утомонились, лег спать и я. Проснулся от ужасной какофонии, раздававшейся в комнате. Все качалось, потолок надо мной был наклонный. Я соскочил с кровати, накинул на себя простыню и босой бросился к двери. При этом ударился о ножку кровати и вывернул себе мизинец на ногу. Тут до меня дошел смех моих товарищей, и я понял, что теперь потешаются надо мной. Произошло все по таджикской пословице: “Бад ба бадхох мерасад” – зло постигло самого зложелателя.

За время жизни пришлось пережить и другие землетрясения, ощущавшиеся у нас: Газлинское, Ташкентское, землетрясение рядом с Душанбе, в результате которого оползень полностью завалил кишлак Шарора. Из всех жителей в живых осталась одна мало-летняя девочка, которую потом в детдоме так и называли Шарора – Искорка.

Сколько раз под лай напуганных собак, с бешено бьющимися сердцами, мы вскакивали ночью от подземных ударов, хватая детей и придерживая шкафы с позвякивающей в них посудой. При более чувствительных толчках становились в проемы дверей, бежать с верхних этажей было бессмысленно: лестничные клетки наименее прочны в конструкции здания.

Хорошо запомнилось как ночью, вскоре после свадьбы, мы проснулись от содрогания земли. Моя жена, ленинградка, не понимая, что происходит, бросилась мне на шею. Пришлось объяснять, что это такое и долго успокаивать её. Впоследствии подземные толчки она воспринимала уже более хладнокровно.

Города, разрушенные землетрясениями, в те годы поднимали из руин всей страной. Ашхабад, Газли, Ташкент быстро отстроили и сделали их краше, чем они были до происшедших с ними трагедий. Спитак в Армении восстановить не успели – наступил развал Советского Союза... Несмотря на происходящие потрясения в прямом и переносном смысле, мы, одновременно с учебой, старались пользоваться благами жизни. Начали увлекаться танцами. Зимой ходили в Дом офицеров, клуб авиаторов и к железнодорожникам, а в теплое время года пропадали в ЦПКиО – центральном парке культуры и отдыха. Туда проникали через забор, а на открытую танцплощадку – благодаря знакомым контролерам на входе.

В ту пору, кроме фокстротов и танго, в ходу были бальные танцы: вальс, вальс-бостон, полька, падэспань. Танцевать надо было уметь. Все движения производились синхронно с партнером и малейшее несогласование сразу выдавало танцора и приводило, в лучшем случае к оттаптыванию ног, в худшем – к падению. Я испытал это на себе. Танцевали падэспань. Мы со своей землячкой Валеи шли вальсом, а остальные как положено (у обоих танцев размер 3/4). Нас вытеснили на край, кружась, мы вылетели с бетонной площадки и оба упали. К счастью, около своих. Нас сразу окружили наши ребята и девчата, мы поднялись, отряхнулись и продолжили танец. Уже в зрелом возрасте, гуляя в парке, я показывал своим детям место, где мы с Валеи когда-то так позорно грохнулись.

На танцплощадке бывали асы своего дела. Все смотрели на них с восхищением и завистью, а если они приглашали на танцы наших девчат, то счастливицы потом долго вспоминали об этом. Девушки из общежития со своими ребятами старались не танцевать, за что мы им мстили: за один танец до закрытия потихоньку сбежали домой. Возвращаться с чужими девчата боялись, по пути встречались темные улицы. На танцплощадке городские ребята хулиганили: рассыпали местный табак “настой” в смеси с молотым красным перцем. Распаренные и вспотевшие во время танцев дамы чувствовали себя при этом не очень комфортно.

Зимой мы любили ходить в цирк. Он был деревянный, внутри покрашенный синей краской. В нем всегда пахло конюшней и было холодно. Находился цирк за парком пионером, с которым у меня связаны воспоминания еще о довоенной поре. Когда мы с мамой ездили в Сталинабад, то она водила меня в этот, так называемый, парк. Запомнилось, как я катался на роликовой площадке со ската, сооруженного из выгнутых рельс. Это была жалкая пародия на “американские горки”. Сильно растопырив ноги, я чуть не ударился о растущее рядом с

“горкой” дерево.

В начале 90-х годов в этот детский парк мы водили своих внушек. Все там изменилось. Более современной стала планировка парка, появились занятные скульптуры жи-вотных, площадки для игр детей разного возраста. Тех примитивных “горок” уже не было, я нашел только то дерево, которое когда-то чуть не принесло мне беды. Оно стояло старое и корявое...

После войны в нашем цирке выступали известные артисты. Мы с ребятами ходили на дрессировщика львов Бориса Эдера, иллюзиониста Эмиля Кио, были поклонниками борьбы, которая весь сезон шла на манеже цирка чуть ли ни каждый день. Борьба была показушной, наподобие нынешнего арм-рестлинга. Выходили Ян Цыган, Ваня Толстяк и другие, бывшие у всех на слуху, борцы. Играя бицепсами, блестя намазанными маслом телами, они начинали толкать друг друга животами, выворачивать партнеру руки и ноги, заламывать голову и прыгать на поверженном противнике. Публика распалась, криками подбадривая своих любимцев. На них делали ставки как в тотализаторе на ипподроме.

После окончания третьего курса я проходил практику на сооружении открытого распределительного устройства 35 киловольт строящейся ГЭС-2 Варзобского каскада. Оборудование было английское. Монтаж производился в самую жару, на солнцепеке. Мы то и дело бегали пить сырую воду из протекающего неподалеку арыка. В результате, вместе с моим однокурсником Виктором Саушкиным, схватили острую дизентерию. Я тут же сел на голодную диету, попивая только плиточный смородиновый чай и через неделю выздоровел. Мой же напарник надолго попал в инфекционную больницу.

Лет пять спустя, выпускник нашей группы Давид Текс, работая уже на действующей ГЭС-2, на этом самом распределительном устройстве попал под высокое напряжение. Ему повезло: он немного обгорел, но трудоспособность не потерял.

В последний год учебы в техникуме стипендия уже позволяла нам побаловаться сначала бражкой, которую по дешевой цене продавали в государственных киосках, а потом и пивом. Помню, как однажды наш Валька Конь на спор, за наш счет, за один присест выпил девять пол-литровых банок браги. Десятую не осилил. Он тут же опьянел и мы его под руки повели в ближайший туалет. Еле передвигая ноги, Валентин что-то бормотал о рекорде.

Пиво пить любили в парке. Летом по вечерам все площадки и дорожки парка поливались, зелень освежалась – становилось прохладно. Там было много цветов, росли ба-нановые пальмы, за которыми потом перестали ухаживать и они померзли. На горке показывали время цветочные часы, струи фонтанов подсвечивались цветными прожекторами. На волейбольных и городошных площадках парка слышались бурные возгласы болельщиков. По вечерам в раковине танцплощадки духовой оркестр исполнял эстрадную музыку, а недалеко, за забором, в Доме офицеров военный оркестр играл марши и отрывки из известных произведений классической музыки. Это была живая музыка, а не “кассетная”, которую мы повсюду слышим сейчас.

В парке действовало несколько маленьких уютных летних ресторанчиков, в которых за покрытыми белыми скатертями столиками, в стеклянных пузатеньких кувшинах с ручками подавалось вкусное ячменное пиво. Девушки-официантки были в белых кружевных передничках и чепчиках. Пиво все пили из высоких пивных кружек, к нему заказывали пивные сушки. У входов в ресторанчики можно было купить в кулечках жареные соленые урюковые косточки. Все было дешево, доступно даже нам, студентам.

Со временем все это исчезло. Не стало белых скатертей, их заменил пластик, веч-но скользкий после протирки несвежими жирными тряпками, куда-то пропали кувшины и графины, потихоньку исчезли и кружки. В восьмидесятые пиво в основном стали пить у передвижных бочек, на корточках, из стеклянных консервных банок. А в начале 90-х в Душанбе дошло до того, что пиво разливали в полиэтиленовые пакеты, да и от самого пива осталось лишь название: оно изготавливалось с добавками сухофруктов, было кис-лое. Для получения пены и своих доходов продавцы в бочки подсыпали стиральный порошок. Наступал начальный этап рыночной экономики.

На последнем курсе, наряду с участием в общественной жизни техникума, нас на-чали

привлекать к более серьезным мероприятиям – проводить агитационную работу в период предвыборных кампаний. Весной 1950 года проходили выборы в Верховный Со-вет СССР. От Таджикистана кандидатами в депутаты баллотировались писатель Сад-риддин Айни и академик АН СССР Павловский Евгений Никанорович.

В 70-е годы за заслуги в деле становления науки в Таджикистане в Душанбе пе-ред институтом химии установили бюст Павловского. Уже на пенсии, проживая в г. Бо-рисоглебске, мне вновь пришлось встретиться с этой фамилией: мы жили на улице Пав-ловского (названа в честь брата Евгения Никаноровича) недалеко от школы, бывшей гим-назии, в которой когда-то учился сам Евгений Никанорович.

Во время проведения выборов агитаторы ходили и поторапливали избирателей своего участка проголосовать пораньше. С утра мы барабанили в двери: “На выборы! По-ра голосовать!” И однажды влипли в историю. Я, вместе с нашей техникумовской девуш-кой-агитатором обходили свой участок. Постучав в двери одного из частных домов, мы вошли во внутрь и сразу поняли, что сделали это зря. За столом сидела веселая мужская компания выпивающих цыган. Меня тут же потащили к столу, а мою напарницу поволокли в спальню. Она с визгом отбивалась, как могла. Только тогда, когда я заявил, что за на-падение на агитаторов им крепко попадет, мужики отстали от нас. Мы пулей выскочили из этого веселенького дома. “Чавалэ” со смехом и улюлюканьем проводили нас. Все обош-лось благополучно, никуда заявлять о происшедшем мы не стали.

В техникуме со всеми ребятами-одноклассниками у меня установились нормальные приятельские отношения. Среди них были и закадычные друзья: Василий Корнев, Володя Вороненко. До сих пор поддерживаю дружбу с Александром Ивановичем Деревенченко, человеком доброй души, прошедшем Отечественную войну и работающим в свои 75 лет до сего времени. Он заканчивал войну в танковой армии Лелюшенко, которую уже после взятия Берлина бросили на помощь восставшим против немцев чехам в Праге. Саша лю-бил показывать фотографию военных лет, где он был снят стоящим на какой-то высоте. Внизу открывалась панорама небольшого городка. Саша всегда комментировал: “На фо-не завоеванных земель”.

Запомнилось, как однажды мы с Володей Вороненко во время сбора хлопка в Пах-таабадском районе решили съездить в город. На ближайшей железнодорожной станции забрались на тендер паровоза грузового состава, идущего в Сталинабад. Расположились прямо на угле, паровозная бригада в темноте нас не заметила. Когда пришли в общежи-тие, нас никто не узнал – были похожи на негров, белели лишь одни зубы. Сколько мы не трясли одежду, угольную пыль так и не вытряхнули. Пришлось заниматься стиркой. Свои повседневные штаны-бриджи из черного сатина мы намочили, пожамкав, выжали, высу-шили и одели, а вот рубашки, несмотря на стертые в кровь костяшки пальцев, так и не от-стирали. Пришлось носить их пятнистыми. Василий и Володя были симпатичными ребятами. Первый напоминал Григория Мелихова из к/ф “Тихий Дон”, а второй был небольшого роста, с узкими со смешинкой глазами. Зная, что я с этими ребятами в дружбе, многие девчонки почему-то открывали мне свои сердечные тайны, упрасывая меня свести их с моими корешами или, хотя бы, сообщить на какой танцплощадке мы будем этим вечером. Спустя годы с такими же от-кровениями обращались ко мне уже взрослые женщины, надеясь, что я помогу им уста-новить контакты с понравившимися им моими приятелями. Но я никогда в жизни не слы-шал таких объяснений по отношению к себе. Незаметно подошел последний учебный семестр. Мы сдали экзамены, получили задания на дипломные проекты и разъехались на преддипломную практику. Я остался в городе.

Практиковался на электроподстанции “Главная”, напряжением 35/6 кВ. Она была в то время единственной в Сталинабаде подстанцией повышенного напряжения. Нас, пять практикантов, оформили стажерами и закрепили за опытными дежурными смен. Мы изучали оборудование и схемы по еще довоенным синькам, зубрили инструкции по экс-плуатации и безопасности обслуживания электроустановок. К концу практики сменные, особенно в более спокойные ночные часы, уже доверяли нам проводить дежурство само-стоятельно, а сами в соседней со щитом управления комнатке, кемарили на стареньком клеёнчатом диване.

Территория, здание и электрооборудование подстанции содержалось в надлежащем состоянии, все во время ремонтировалось, красилось, белилось и убиралось. Начальник инженер Фишман, строго следил за этим.

Когда я, лет тридцать спустя, повел своих студентов на эту подстанцию на экскурсию, то был весьма удручен: здание обшарпанное, порталы на открытом распреустройстве ржавые, само ОРУ заросло травой. Везде следы запущения. Дежурный персонал в помещении щита управления играл в домино. Отчего это произошло трудно сказать. То ли из-за того, что эта подстанция потеряла свою важность (в республике появились мощные подстанции напряжением 110, 220 и даже 500 кВ), то ли из-за наступающей всеобщей разрухи.

А недавно, здесь, в Борисоглебске, я встретился с пожилой, с большими ногами и плохим зрением женщиной. Это была Нина Стадницкая – одна из дежурных подстанции, у которой мы проходили стажировку. Она тогда была молодой и симпатичной девушкой, года на три старше нас. Её постигла та же участь, что и нас – в начале 90-х вместе с семьей она была вынуждена покинуть Таджикистан.

Закончив практику, приступили к дипломному проектированию. Мне предстояло выполнить проект районной электрической сети 110 кВ и понижающей подстанции 15 Мвт. Черновик расчетно-пояснительной записки проекта у меня сохранился до настоящего времени. При проектировании вычисления мы выполняли на логарифмических линейках. А сколько приходилось держать в голове различных табличных цифр: возведенных в квадрат, извлеченных из под корня, значения тригонометрических функций и другое. Как легко и просто стало вести расчеты нынешним студентам – нажал кнопку калькулятора или клавишу компьютера и ответ готов. Правда эта механизация иногда доводит до абсурда. У меня один студент так и не смог в уме извлечь квадратный корень из двадцати пяти – полез за калькулятором в карман.

Чертежи мы чертили тушью, у всех были готовальни: у кого попроще, наши с вечно царапающими рейсфедерами, а у кого полнонаборные, трофейные немецкие. Если капали тушь на ватман, то не медля слизывали кляксу языком. Грязь с чертежей стирали подсушенными крошками от белой булочки.

Со своим проектом я справился досрочно и стал помогать своим товарищам. Кроме того, знакомые девчата с текстильного отделения попросили сделать цветную отмывку своих генпланов. С одной из этих дипломниц произошел казус. Она, в женском санблоке проектируемого текстильного комбината, предусмотрела мужские писсуары. Обнаружив это, инженер с производства – консультант проекта – долго допытывался у автора, как она собирается пользоваться этими чисто мужскими сантехническими установками. Хорошо, что он эту ошибку увидел до защиты, оградив от насмешек и дипломницу и преподавателя – руководителя проекта.

В это время мне еще раз пришлось встретиться с женским вероломством. Еще на третьем курсе у моей землячки Лины появился друг – старшекурсник с нашего отделения Петр Корохтенко. Я его немного знал, и когда Лина была на преддипломной практике на одном из рудников Киргизии, я в письме, вскользь, предупредил её, чтобы она с Петром была поосторожнее – товарищ ненадежный. Прошло время, практика закончилась. Отдыхая от проектирования, мы с ребятами пошли в парк на танцплощадку. В перерыве между танцами к нам подошел слегка выпивший Петр с Линой под руку. Он в то время уже начал работать, но их встречи продолжались. При всех он обратился ко мне: “Ну что же ты? Говоришь, я не надежный?” При этом его подруга стояла и улыбалась. Наши ребята ничего не поняли, а я готов был провалиться сквозь землю. Было стыдно и обидно за то, что я искренне доверился своей землячке, а она меня так просто предала. Не прошло и года как ей пришлось горько пожалеть о своем коварстве. Но об этом речь пойдет ниже.

На защите дипломных проектов председателем государственной квалификационной комиссии у нас был известный в республике инженер-электрик Победимский. Когда защищалась единственная в нашей группе девушка Лада, то все ребята болели за неё. Доложив проект, она нормально ответила на заданные вопросы, но в конце защиты внезапно бросилась в нашу

комнату, которая находилась напротив, упала на кровать и раз-ревелась. Мы не могли ничего понять. Когда она немного успокоилась, то рассказала нам о причине такого непонятного поведения на защите.

Во время практики наша однокурсница, дежуря на подстанции, завела телефонное знакомство со студентом Московского энергетического института, который тоже практико-вался у нас на ГЭС-2. Как-то оба дежурили в ночную смену и болтали по телефону. Между прочим, Лада попросила своего собеседника напомнить принцип работы асинхронного электродвигателя. Студент, как мог, объяснил ей это.

И вот, при защите проекта, председатель комиссии с многозначительной улыбкой, негромким голосом спросил её: “Так как же, все-таки, работает асинхронный двигатель?” Лада вспыхнула, что-то промямлила, и тут нервы у неё не выдержали, она выскочила вон.

Как потом выяснилось, во время ночной телефонной беседы наших практикантов, к линии, каким-то образом, подключился Победимский, услышал разговор о двигателе... и не удержался от вопроса на защите. После окончания техникума Лада со своим знако-мым уехала в Москву, где они вскоре поженились.

Свой проект я защитил блестяще, получил диплом “С отличием”, что в то время давало право поступить в любой технический ВУЗ страны без вступительных экзаменов. Такой же диплом получил и Кахор Махкамов с горно–геологического отделения. Он сразу же послал документы в Ленинградский горный институт, после окончания которого рабо-тал на угольной шахте в республике. Его заметили, перевели на руководящую партийную работу, где он дослужился до председателя Совета министров, а затем стал первым сек-ретарем компартии Таджикистана. Это был последний секретарь ЦК КП Таджикистана, именно при нем закончилась деятельность компартии республики. Впоследствии от поли-тики Кахор отошел и занялся (как большинство бывших партийных деятелей) крупным бизнесом.

Мне же по окончании техникума учиться дальше не пришлось. Родители находи-лись в тяжелом материальном положении, надо было работать и помогать им и своим братьям. За месяц до защиты диплома преподаватель Зайцев П. А. взял меня к себе на работу в проектную контору горисполкома. К выпускному вечеру я получил зарплату, что помогло неплохо отметить окончание техникума, которое мы всей группой вместе с пре-подавателями провели в летнем зале ресторана Дома офицеров.

При распределении на работу меня уже официально направили в ту же контору на должность техника-электрика. Началась моя трудовая жизнь. Мне было девятнадцать лет.

## Глава 9

### У ПРОЕКТИРОВЩИКОВ

После окончания техникума на работе у меня ничего не изменилось. Что я выпол-нял до этого, то же делал, став техником.

Проектная контора находилась в одноэтажном строении во дворе горисполкома, рядом со зданием Совета министров. Сейчас на этом месте жилой дом работников “Тад-жикгидроэнергостроя”. В дальнейшем судьба неоднократно приводила меня в эти места. Здесь я бывал во вновь построенном здании Совнархоза, там же начинал работать в “Гидроспецстрое”. Несколько лет спустя, рядом, в старом здании правительства респуб-лики, работал в “Госгортехнадзоре”.

В послевоенные годы наш “Горпроект” занимался проектированием небольших коммунальных объектов, а также составлением смет на ремонт зданий и сооружений в пределах города. Штат был немногочисленный. В каждом отделе было по 2-3 человека. Здесь работали архитекторы, специалисты по водопроводу и канализации, сметчики и геодезисты. В электротехническом отделе нас было двое – Павел Андреевич и я. Сметы на свои проекты мы с ним составляли сами. Проектировщиков обслуживал вспомога-тельный персонал: чертежницы, машинистки и подсобные рабочие – реечники у геодезистов.

Хотелось бы особо выделить работу чертежниц. Это сейчас, прямо с карандашно-го чертежа, копии на КСЕРОКСах печатаются на белой бумаге в любых количествах и любом формате. А в

наше время чертежницы с оригинала чертили тушью копию на каль-ке. С этой кальки в темной комнате переснимались светокпии на аммиачной бумаге. За-тем в металлических барабанах в парах нашатыря эти копии проявлялись. Чертежи полу-чались коричневые и не всегда четкие. В коридорах всегда чувствовался запах аммиака, а у чертежниц во время проявления слезились глаза. Такой процесс изготовления копий считался прогрессивным. Довоенные синьки делались еще более сложным способом.

Оплата за работу у всех была сдельная: сколько сделаешь, столько и получишь. Кроме того, мы еще подрабатывали и во внеурочное время: заказчики в обход начальст-ва платили непосредственно нам, исполнителям. Получалось быстрее. В целом набегало неплохо. В первые же месяцы работы я получил по 2500-2700 рублей, когда в других по-добных организациях оклады составляли всего лишь 800-1200 рублей. Появилась воз-можность одеться, понемногу высылать родителям.

Хуже обстояло дело с жильем. Наша организация жилплощади не предоставила, и мне пришлось поселиться у своего однокашника Саши Осенмука. Он по знакомству уст-роился на работу на машинно-экскаваторную станцию не по специальности, но зато с предоставлением двухкомнатной квартиры. В одной комнате расположились мы с Сашей, а в другой – его старенькая мать с Сашиным младшим братом. У них я познакомился с блюдами корейской кухни: кукси, кимчи и другими экзотическими кушаньями. Особо за-помнился острый соевый соус (наподобие нашей горчицы), который мы намазывали на хлеб. Вначале я им обжигался, но, привыкнув, без этой приправы за стол уже не садился.

На работе я познакомился с двумя нашими чертежницами. Обе были одного воз-раста со мной, ростом немного выше меня. Мила – натуральная блондинка с ярко покра-шенными пухлыми губами, мягким характером и плавными женскими манерами. Лена – более рассудительная, молчаливая и не бросающаяся в глаза. Она была немка из спец-переселенцев с Поволжья. Раз в неделю Лена со своей семьей ходила в комендатуру и отмечалась там. Выезд из города им был запрещен.

Часто мы втроем оставались после работы и, когда все расходились, начинали ду-рачиться. Девчата пытались побороть меня, я же старался их зачекотать. Стоял хохот и визг, падали стулья, со столов летели рейсшины, линейки и карандаши. Бутылочки с ту-шью мы предусмотрительно убрали. Барахтаясь, Мила, как бы нечаянно, иногда каса-лась окрашенными губами моего плеча – на рубашке оставался след губной помады. Потом мы оттирали эти пятна тем же нашатырным спиртом, который применялся при проявлении копий чертежей.

В октябре, по разнарядке, мы всей конторой поехали на субботу и воскресенье на сбор хлопка. В колхозе нам выделили сарай с настланной рисовой соломой на полу, по-ставили титан для кипячения чая и каждому выдали по фартуку-мешку для сбора хлопка и по три лепешки на день. Вечером после работы при свете фонаря “летучая мышь” мы поужинали и разошлись спать. С одним из сотрудников, заядлым охотником, захватив-шим с собой ружье, я договорился на рассвете пойти на охоту на уток. На ночь мы с дев-чатами втроем зарылись в солому в углу сарая. Спали одетые. Утром, когда было еще темно, наш охотник меня искал, но не нашел. Сколько потом по нашему адресу отпуска-лось шуток, намеков и многозначительных улыбок.

Как-то однажды Лена пригласила меня к себе домой в гости. Жили они в районе радиостанции, у медгородка. Жили бедно, но дом отличался чистотой и уютом, везде бе-лые занавесочки и скатерти, на стенах фотографии в рамках. На ужин подали вкусную лапшу с курицей. Выпили по рюмочке сухого домашнего вина, посидели и разошлись.

Через несколько дней секретарь парторганизации, позвав меня к себе, поинтере-совался, в каких отношениях я с Леной. Я ответил, что у меня с ней, так же как и с Милой, простые товарищеские контакты. Он, улыбаясь, предупредил меня: “Ты, как комсомолец, должен быть осмотрительнее. Лена, ведь, на спецучете”. Откуда он узнал, что я у Лены был в гостях? В то время я об истинной роли КГБ ничего не ведал.

Сколько тогда у нас в республике было ссыльнопоселенцев. В том числе и немцев, которых

сразу можно было отличить по образу жизни: дома всегда побелены, во дворе чисто, жили не богато, но в достатке. Какие среди них были специалисты, особенно в строительном деле! Все ответственные здания: ЦК партии, Совмина, горисполкома, театры, библиотеки и гостиницы, которые строились в те годы, в основном отделяли немцы. Те, кто был побогаче, на строительство своих частных домов тоже приглашали мастеров из немцев. Они все делали аккуратно, качественно и надолго.

В восьмидесятые и в начале 90-х годов почти все немцы уехали на свою этническую родину – в Германию.

На работу я ходил пешком, напрямую через дворы, по переулкам. Однажды, проходя через небольшой скверик (потом на этом месте построят здание “Геологоуправления”), я заметил несколько прохожих, которые, наклонившись, что-то обсуждали. Подойдя ближе, я увидел лежащую на спине убитую молодую женщину, к груди которой с простреленной головой приник капитан-пограничник. Они были одеты, он в форме, платье на женщине аккуратно одернуто. Рядом с ними лежала зеленая форменная фуражка с торчащим из нее стволом пистолета. Я был потрясен увиденным. Впервые в жизни мне представился случай насильственной смерти и, причем, не одного, а сразу двух человек.

Это было ЧП. Целый месяц город только и говорил об этом. Были задействованы все правоохранительные органы. Как потом выяснилось, убил свою жену и её военного любовника из его же штатного оружия, один из злостных ревнивцев.

Сейчас к подобным случаям мы привыкли. Убивают тысячами в год. Убивают прямо на глазах у всех. Стреляют, взрывают и все это беспрерывно афишируется на телевидении с подробным показом происшедшего: кровь, трупы, оторванные руки и отрезанные головы. Ежедневно мы слышим и видим разборки, теракты, не говоря уже о войне между гражданами своей страны. Москвичи воочию, а вся страна по ТВ спокойно наблюдали, как танки расстреливали свой же парламент. Американское телевидение, заранее зная о том, что будет, на крыше соседнего здания оборудовало передвижную студию, откуда на весь мир показывало шоу, разворачивавшееся перед нашим Белым домом. А москвичи, тем временем, рядом в скверике спокойно прогуливали своих собак, гадая по-падет снаряд в окно или нет. Как случилось, что за какие-то 10-15 лет мы адаптировались к такому насилию?

Постепенно, под руководством Павла Андреевича, я стал выполнять несложные проекты самостоятельно. Все шло нормально. Но вот при проектировании электрической части базарного гостиничного комплекса я допустил плюху, о которой у нас в конторе долго помнили. Практически, этот комплекс представлял собой современный караван-сарай, в котором должны были останавливаться приезжавшие на базар колхозники. Там была предусмотрена небольшая гостиница, столовая и чайхана. Вокруг них располагались складские помещения и конюшни. При проектировании освещения этих конюшен я, сверившись с нормами, в каждой отдельной секции предусмотрел по одной лампочке. Мой руководитель с таким решением согласился. Когда же проект попал на утверждение к председателю горисполкома, тот все перечеркнул, приписав свое замечание: “Лошади газет не читают! Достаточно поставить во дворе столб со светильником!” Коллеги после этого над нами издевались: “Ну, как? Ваши лошади и ишаки поумнели?”

С тех пор, на протяжении всей жизни в Душанбе, я, бывая на “Зеленом базаре” и заходя на территорию построенного по нашему проекту комплекса, каждый раз с улыбкой вспоминал ту давнишнюю категорическую приписку “мэра” города. А преподавая в институте, в качестве наидания, неоднократно рассказывал своим студентам об этой поучительной истории.

Моего непосредственного начальника Зайцева П. А. знали почти все руководители электрослужб города, а также работники пожарнадзора с которыми мы согласовывали проекты. Посещая их вдвоем, Павел Андреевич познакомил с ними и меня, что пригодилось в моей дальнейшей профессиональной деятельности.

Мой наставник был раза в два старше меня. Он и его жена, Елена Васильевна, относились ко мне с родительской заботой. Часто, вначале по приглашению, а потом и просто при желании, я ходил к ним в гости. Жили они в центре города на главной улице, почти что напротив дома,

где я когда-то родился. Жена Павла Андреевича была красивой женщиной, любившей порядок в доме. Диван и кресла – в светлых полотняных чехлах, на окнах и на полу в кадках росли цветы, все всегда было прибрано. Их сын Саша, худенький темноволосый мальчик учился музыке. Порой, в другой комнате, можно было услышать его пикиканье на скрипке. За обедом Павел Андреевич обязательно выпивал сто-почку-другую водки из графинчика, всегда стоящего на столе. Впоследствии это перешло в дурную привычку и сократило ему жизнь. Когда я уже преподавал в институте, как-то меня на кафедре разыскал еле стоявший на ногах Павел Андреевич. У него, вдруг, появилось желание пообщаться со мной, а мне было так неудобно перед своими коллегами за такого моего знакомого. Встретившаяся после этого случая Елена Васильевна, со слезами на глазах поведала мне о последних годах своей жизни: муж опустился, пьет, немного подлечится и начинает снова. Вскоре мы, несколько человек бывших техникумовцев, встретились на похоронах своего учителя. Он был хорошим специалистом, но слабым человеком.

Их сын Саша музыкантом не стал. Он окончил вечернее отделение энергофака нашего института, я у него принимал несколько экзаменов.

Лет десять спустя после смерти Павла Андреевича мы проводили в последний путь и Александра Ивановича Пака – нашего уважаемого преподавателя и известного в республике энергетика.

“Умирают мои старики,  
мои боги, мои педагоги...”

Проживание в семье Саши Осенмука позволило мне ознакомиться с нравами и привычками, присущими корейцам. Основная черта, которая их отличает, это порядочность и искренность в общении. И еще – трудолюбие. Мы с Сашей ходили в гости к его родственникам и знакомым. У них я всегда видел доброе отношение к людям и поддержку друг друга.

В один из таких визитов Сашу познакомили с девушкой-корейкой Машей, которая и стала его спутницей на всю жизнь. Я же так и продолжал дружбу со своими чертежниками. Мы втроем ходили в кино, в парк, просто шатались по городу.

Однажды на работе меня позвали к телефону. Звонила Лина. Я знал, что она после окончания техникума была направлена на один из рудников Ленинабадской области. Поэтому этот звонок для меня был неожиданным. Она объяснила, что находится в Сталинабаде и очень бы хотела со мной увидеться. После работы в условленном месте мы с ней встретились. Лина смущенно со мной поздоровалась. Окинув её взглядом, я все понял: пальтишко на ней еле сходило – она была беременна. Мы присели на скамейку, где она поведала мне грустную историю своей любви. Петра забрали в армию. Узнав о своей беременности, она обратилась к его матери, но та её не приняла. Петр на письма не отвечает. На работу в таком положении не берут, жить негде. Пока остановилась у подруги.

Что я ей мог посоветовать? Во мне боролись два чувства: жалость к ней и злорадство за то, что когда-то она меня не послушалась, посмеялась и вот теперь наказана. Мы еще немного посидели, я рассказал ей про свои дела, про наших общих знакомых и разошлись. Прощаясь, она пообещала позвонить.

Тем временем, у нас на работе пошли разговоры об укрупнении организаций. Нашу контору предполагалось объединить с более солидным “Таджикпроектом”. Через месяц реорганизация состоялась. Мы сразу потеряли в заработках. Квартиру мне так и не предоставили, предложив взять земельный участок под строительство своего дома в северной части города. Ни материальной возможности, ни опыта в этом деле у меня не было, и я от участка отказался. У моего друга Саши дело шло к женитьбе, что вынуждало меня срочно искать жилье. Да и дальнейшую судьбу моих родителей тоже надо было решать.

В конце 1950 года я встретился с Дмитрием Митраковым, который вместе с двумя другими нашими техникумовскими выпускниками работал на Такобском горно-обогатительном комбинате, находящимся в 58-и километрах от Сталинабада. Узнав о моих проблемах, он тут же стал звать меня на комбинат. В канун Нового 1951 года я съездил туда. Руководство предприятия предложило мне работу по специальности и место в общежитии, через полгода



пообещали выделить квартиру. Я дал согласие и после новогодних праздников переехал в Такоб.

## Глава 10 ТАКОБ. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Сейчас среди многих россиян бытует расхожее мнение, что окраинные республики бывшего Союза, особенно среднеазиатские, сидели на их шее. Да, действительно, на-циональная политика того времени строилась на помощи русского народа в преодолении хозяйственной и культурной отсталости народов других республик. Но одновременно и Россия получала из этих республик огромные сырьевые ресурсы, без которых нельзя бы-ло создать современную промышленность, позволившую преодолеть мощь фашистской Германии, создать атомное оружие и освоить космос.

Еще до Отечественной войны в Таджикистане были разведаны подземные запасы полиметаллов в Ленинабадской области, в центральной части республики и на Памире. Многие из этих месторождений были известны еще в IX-X веках и даже раньше. Остатки древних рудников сохранились до настоящего времени. На их месте во время войны бы-ли сооружены современные предприятия горнорудной промышленности. Возникли горно-обогачительные комбинаты: Канимансурский (в X веке рудник эмира Мансура), Кансай-ский, Чорух-Дайронский свинцовые ГОКи. Рядом, в Табошаре, на исходе войны на 6-ом комбинате начали добывать и обогащать урановую руду. Именно из этого урана были созданы наши первые атомные бомбы. В зарубежной печати в то время Ленинабад назы-вали Атомабадом. С 1945 года за Гиссарским хребтом в Фанских горах действует Анзоб-ский ГОК, поставляющий сурьму и ртуть. На Памире стали добывать драгоценные камни-самоцветы: лазурит, благородную шпинель (Бадахшанские лалы) и рубины, в Дарвазе начали мыть золото. Все это, вместе с хлопком, вывозилось за пределы республики.

Война 1941-1945 гг. потребовала большого количества алюминия, его не хватало. В первые же месяцы войны немцы захватили Днепровский и Тихвинский алюминиевые заводы. 3 сентября 1941 года Сталин попросил Черчилля срочно поставить нам 30 тысяч тонн алюминия. Нашим правительством были также приняты меры по резкому увеличе-нию добычи сырья для получения крылатого металла. Одно из месторождений плавико-вого шпата, который шел на изготовление криолита, применяемого в электрометаллургии алюминия, было Такобское, у нас в Таджикистане.

Такобский плавиково-шпатовый комбинат (почтовый ящик № 21) начал строиться в годы войны. В «Такобрудстрое» помимо обычных строителей, работавших по найму, трудились спецпереселенцы и заключенные. Первая продукция комбината была получе-на лишь в 1948 году, за три года до моего приезда туда.

Комбинат находился в горах на высоте 1600 м над уровнем моря, севернее Стали-набада, в 8-ми километрах от автодороги, идущей через Анзобский и Шахристанский пе-ревалы на Самарканд и Ленинабад. На развилке от этой дороги построили перевалочную базу, куда подтянули узкоколейную железную дорогу. Она шла по Варзобскому ущелью и при мне уже не действовала – большая часть её была смыта горными паводками и селя-ми. Все перевозки осуществлялись автотранспортом.

Сам комбинат и его жилой поселок располагались в узком ущелье, по которому протекала небольшая речушка. Свое название комбинат получил по названию кишлака Тагоб (в переводе с таджикского – низководье), лежащему немного выше комбината. Слева и справа над предприятием круто вздымались отроги Гиссарского хребта. В дожд-ливый период с нависающих скал каскадами стекали многочисленные белые нити водо-падов, разбиваясь внизу на мелкие брызги. Их шум сливался с шумом речки, бегущей по каменистому дну ущелья. Над прилипшими к скалам облаками возвышались зубчатые вершины горных гряд. Весной и во время таяния ледников в горах, уровень воды в реке возрастал в десятки раз. Если в межень её можно было перескочить по камням, то в па-водок даже подойти к реке было опасно. Вода

несла камни объемом по несколько кубо-метров. Под водой слышался глухой грохот, на берегу чувствовалось содрогание. Иногда эти камни подпирали мосты. После спада воды огромные валуны разбуривали и взрыва-ли.

Строения комбината и дома поселка были вытянуты по ущелью. Строили их из местного материала – рваного камня. Для этого в отделе капитального строительства (ОК-Се) была специальная бригада, которая на сухих участках ложа реки заготавливала ка-мень. Кувалдами валуны раскалывались на куски нужного размера и складировались в штабеля.

При моем поступлении на комбинат, флюорит (плавиковый шпат) и свинец добы-вались на левом берегу р. Такобки в заросшем растительностью склоне горы. Добытая руда вывозилась по штольне в бункер обогатительной фабрики, расположенной недалеко от устья штольни. На фабрике руда дробилась на дробилках американского производства и измельчалась в шаровых мельницах. В классификаторах, в воде, отделялась мелкая взвесь руды и полученная пульпа с добавлением химических реагентов на флотацию. Там флотомашини отделяли минерал от пустой породы – получался концентрат, который сгущался, сушился и отправлялся потребителю. Из руды с содержанием флюорита 1,5-2 % получался концентрат, в котором этого минерала было уже 70-80 %. Отходы (хвосты) сбрасывались прямо в речку. Иногда хвостопровод забивался, хвосты растекались по до-роге, по всему поселку разносился специфический запах реагентов. Только лет через пятнадцать после пуска комбината соорудили хвостохранилище.

По такой же технологии получали свинцовый, а затем и цинковый концентраты. Разница была только в добавляемых в пульпу реагентах.

Обогащение руд флотационным способом само по себе интересно. Во флотома-шинах к воздушным пузырькам, поднимающимся в пульпе, прилипают частицы только нужного минерала. Избирательность создается химическими реагентами. Пена из пу-зырьков, с прилипшим к ним минералом, собирается и доводится до нужной консистен-ции.

Говорят, что этот метод обогащения руд изобрел американский инженер, после то-го, как увидел, как некоторые песчинки прилипли к пузырькам мыльной пены, выплесну-той при стирке его женой на пологий песчаный берег реки. Идея была схвачена. Остава-лось соорудить установку и решить, какие добавки вызывают прилипание определенных минералов.

Но вернемся к Такобу. За обогатительной фабрикой располагались гараж, механи-ческий цех, электроцех и компрессорная. Ниже фабрики находились здание управления, столовая, магазины, поселковый совет и жилые дома. Вниз по ущелью стояли дома 1-го и 2-го западных поселков. При впадении реки Диамалик в Такобку разместилась больни-ца и столярный цех. Над ними, на противоположном крутом берегу, возвышался Дом культуры.

Электроэнергию комбинат получал от двух своих гидроэлектростанций. На въезде в Такоб, километрах в четырех от фабрики, была построена так называемая Большая ГЭС (БГЭС). Оборудование на ней было все английское, фирмы «Метрополитен-Виккерс». Работало два агрегата по 750 киловатт. Вода на ГЭС большей частью поступа-ла по закрытому деривационному каналу. На реке Диамалик водозабор был тирольского типа. Поперек реки проходила бетонная траншея, закрытая решеткой из рельс. Вода про-валивалась в неё, а камни катились дальше по руслу. Недостатком такой конструкции яв-лялось то, что весь песок, идущий по реке, вместе с водой попадал в канал. Для его за-держания на входе в отводной канал имелось два отстойника для песка: один пропускал воду, а другой в это время промывался. Собранный песок использовался на строительст-ве.

На маловодной Такобке для забора воды реку перегораживала плотина с подъем-ными щитами-шандорами.

За обогатительной фабрикой, выше по ущелью, окруженная рощей из деревьев грецкого ореха, стояла малая ГЭС 400 кВт. Энергия обеих ГЭС передавалась по 6-ти ки-ловольтным линиям на подстанцию, находившуюся на территории фабрики. В поселках имелись свои трансформаторные киоски. Все это хозяйство впоследствии находилось в моем ведении.

Каналы ГЭС подходили к напорным бассейнам, откуда вода по трубопроводам по-ступала к турбинам. На БГЭС излишек воды из напорного бассейна сбрасывался со ска-лы вниз, возникал

живописный водопад, высотой метров в тридцать. Им любовались все, кто проезжал по дороге в Такоб. А мне он запомнился в связи со случаем, происшедшим с моей молодой женой. Вскоре после женитьбы я решил показать ей этот водопад. По-дойдя к нему, она для защиты от водяной пыли, раскрыла летний китайский зонтик, натя-нутый на каркас из бамбуковых реечек. Не успели мы отойти от водопада, весь зонтик расклеился и развалился. Сколько у Тamarы было сожалений о таком красивом, с китai-скими пейзажами, моем подарке.

Но это было позже. А в то время, когда я приехал в Такоб, стояла холодная зима. Снега в горах было больше, чем в Сталинабаде, да и мороз доходил до 20 градусов. На мне был плащик, на ногах – туфли. В отделе кадров дали направление на работу на БГЭС, записку в жилотдел о предоставлении общежития и ордер на спецодежду.

Первым делом я побежал на склад, где мне выдали телогрейку, шапку и кирзовые сапоги. Жилье предоставили в комнате для приезжих, на первом этаже дома, в котором жило все начальство комбината.

На БГЭС я был оформлен электромонтером релейной службы, а спустя два месяца – начальником смены электростанции. С этого началась моя производственная деятельность. Первые шаги начались с ознакомления с хозяйством станции. В машинном зале работало два горизонтальных агрегата, в соседнем помещении находилось распределительное устройство 6 кВт и щит собственных нужд. Над ними, на верхнем этаже – щит управления, с которого был виден машзал. Кроме того, имелось помещение аккумулятор-ной батареи, лаборатории и летняя открытая веранда, где дежурил охранник станции. Все было компактно, под одной крышей. Трансформаторы собственных нужд стояли сна-ружи за зданием ГЭС.

Оборудование станции отвечало последнему слову техники того периода. Пуск и работа агрегатов осуществлялась автоматически. Дежурный персонал состоял всего лишь из двух человек: начальника смены, который во время своего дежурства отвечал за все электроснабжение комбината и машиниста, обслуживающего турбины. В состав смены входили также дежурный малой ГЭС, дежурный подстанции и два канальщика: один на отстойнике и один – на напорном бассейне БГЭС. Связь со всеми поддерживалась по телефону. Первые месяцы, числясь электромонтером, я, фактически, был стажером начальника смены. С каким волнением я приступил к своему первому самостоятельному дежурству!

Ответственность была большая. Надо было обеспечить нормальную работу оборудования и гидротехнических сооружений, не допустить простоя цехов из-за отсутствия электроэнергии и не оставить поселки без света. Вначале мне доверяли лишь дневные смены, когда рядом находились и начальник станции, и ремонтный персонал. После того как я освоился и хорошо изучил работу оборудования и должностные инструкции, стал дежурить и ночью.

Как было тяжело работать в ночные смены, особенно летом. Монотонный гул агрегатов, ритмическое пощелкивание регулятора напряжения, буквально, усыпляли. Что только мы не предпринимали: выходили по одному и во дворе делали пробежки, облива-лись холодной водой, просили дежурную телефонного коммутатора почаще звонить – все было напрасно. К четырем часам сон смаривал и меня, и машиниста. А тут еще началь-ник ГЭС, живший в домике рядом со станцией, взял моду проверять работу ночных смен. Подойдет к окнам станции и наблюдает, кто чем занимается. Со своей стороны мы, на-чальники смен, к своему персоналу тоже применяли не очень гуманные меры: задремав-шему пожилому машинисту заклеивали очки бумагой, а потом криком будили, у уснувш-его охранника, старого чапаевца, прятали винтовку.

В то время начальником станции был техник-электрик с Урала Сашенков А. А. Начальниками смен, кроме меня, работали наши техникумовские ребята Митраков Д. В. и Друзин Ю. В., а также практик Ковалевский М. И. Позже в этой должности поработало много молодых специалистов-электриков, присылаемых к нам. Запомнился москвич Жук В. С., который подробно рассказывал о том, как он со своими товарищами в дни похорон Сталина в Москве чудом остался жив. Когда они пытались пройти к Колонному залу, то попали в давку. С трудом им удалось выбраться из обезумевшей толпы и уйти по крышам домов.

Ремонтом оборудования станции занимались слесаря под руководством мастера Куянова Д. Это

были опытные специалисты своего дела, закалки еще тридцатых годов. Многому тогда я научился у них. Когда я уже в зрелые годы на Пасху посещал могилу своего отчима на кладбище в Такобе, то обязательно находил и могилы моих уже умерших старших коллег и с благодарностью кланялся им за рабочие навыки, которые они мне привили в молодости. Между делом наши работяги любили розыгрыши – «приколы», как теперь выражаются. Однажды, в начале моей рабочей деятельности, во время ремонта слесаря попросили меня повернуть вал агрегата, который вместе с ротором генератора, рабочим колесом турбины и маховиком весил несколько тонн. Как это сделать, не сказали. Я подошел к маховику, взялся за него, и в этот момент что-то заставило меня оглянуться – все смотрели на меня с улыбками, готовые от души посмеяться над тем, как я буду пыжиться, пытаясь повернуть маховик с валом. Поняв, что розыгрыш не удался, шутники в свое оправдание объяснили мне, что надо было воспользоваться поворотным устройством, специально предназначенным для этого. Помню и другой случай. Как-то к нам на ГЭС с контрольным обходом пожаловал главный энергетик комбината Хамлов В. Е. Дежуривший Миша Ковалевский попросил его поддержать в определенном положении один из ключей на пульте управления, а сам спустился вниз, якобы для того, чтобы проверить контактор, работающий от этого ключа. На самом деле, Миша вышел во двор станции и сел на скамейку покурить. Вернулся на пульт минут через двадцать. Наш главный начальник уже устал держать подпружиненный ключ. Увидев это, Миша сделал удивленное лицо и воскликнул: «Василий Ефимович! Вы еще держите?! Я все давно проверил!» В ответ последовала брань, приправленная крепкими шахтерскими эпитетами. С нашим энергетиком у меня связан и другой запомнившийся эпизод. Зимой в реках воды было мало, энергии не хватало. Приходилось отключать маловажные объекты. Во время больших морозов по реке шел мелкий лед – шуга, которая на напорном бассейне забивала решетку, она обмерзала, турбины могли остановиться. Один из ленинградских докторов технических наук разработал способ размельчения этой шуги. Для этого на решетку перед трубопроводом спускался щит, сечение трубы уменьшалось, в результате, перед решеткой в воде образовывалась мощная воронка, в которой, вращаясь с большой скоростью, льдинки дробились и, не успевая замерзнуть на решетке, проскакивали по турбинам вниз. Пройдя через рабочие колеса, ледяная каша сбрасывалась в нижний бьеф. Побывав на других горных станциях, ученый приехал провести внедрение предложенного им способа к нам. При испытании были получены положительные результаты, но для постоянной эксплуатации требовалась установка подъемных механизмов, которых (кроме ручных лебедок) у нас не было. И вот, однажды, при шуге, во время дежурства я вечером отключил верхнюю жил-площадку, где в это время в одном из домов проходило какое-то празднество, на котором находился и наш Хамлов. На ГЭС последовал звонок. Нетвердым голосом он спросил меня, по какой причине у них нет света. На мое объяснение, что это из-за шуги, наш шеф громко закричал в трубку: «А ты её винтом, винтом пусти!». Он, видно, забыл, что после испытаний мы все разобрали, капитально ничего не сделав. Долго еще при нехватке воды в разговоре между собой на станции советовали друг другу: «А ты пусти её винтом!».

На весь комбинат был известен и другой, почти анекдотический случай, тоже связанный с нехваткой электроэнергии. В то время инженерно-технические работники, мастера и высококвалифицированные рабочие на комбинате были «русскоязычные». Местное население в основном было занято на общих и подсобных работах. В один из зимних дней, когда из-за нехватки электроэнергии отключили дробилку на фабрике, мастер-шутник дал ведро подсобному рабочему цеха и послал его на подстанцию за энергией, что тот добросовестно и выполнил. Дежурная подстанции долго не могла понять, что от неё требуют, а поняв, со смехом выпроводила этого странного просителя.

В начале пятидесятых годов в стране всю развернулась борьба с космополитизмом. Сначала мы слышали только постановления и соответствующие песни: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна», а затем последовали действия. Как-то наш начальник, придя с очередного совещания, дал нам указание убрать со всего оборудования все надписи не на русском языке. Так как оборудование было английское, то пришлось зубилом срубить все

фирменные марки на турбинах и генераторах. Вот уж по-истине: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет». Хорошо, что нам еще хватило ума оставить таблички паспортов с техническими данными.

Такобский комбинат в те годы был в ведении «Глвалюминия» Минцветмета СССР, а административно подчинялся Варзобскому району. Всё материально-техническое снабжение осуществлялось централизованно. Отдел рабочего снабжения (ОРС), его магазины, столовая также обеспечивались из центра. К нам ездили за продук-тами даже из Сталинабада. В магазинах всегда была недорогая колбаса, конфеты и кон-сервы, стояли банки с никому не нужными крабами. До сих пор в глазах маленькие бело-красно-зеленые блестящие баночки с надписью: Chatka. Одно время завалили дешевой черной икрой. Идя в гости к девчатам, мы набирали в карманы шоколадные конфеты в виде фигурок животных и птиц с коньячно-ромовой начинкой. В зубах у нас обязательно торчали папиросы «Казбек». Мы, холостяки, питались в столовой. Иногда приходилось голодать в течение суток. Это бывало тогда, когда по какой-то причине днем на работе тебя не сменяли, и придя домой ночью, есть было нечего. С собой на работу, по молодости, мы обычно ничего съестного не брали.

Директором комбината в ту пору был опытный хозяйственник, бывший боцман, Ку-сов Л. М. Был он грузный; когда садился в свою персональную «Победу», то машина про-седала.

Технической политикой руководил главный инженер, лауреат Сталинской премии Рейтаровский О. Л., который внес значительный вклад в дело обогащения флюоритовых руд. При нем комбинат (и авторы предложения) получили хорошую денежную премию на Всесоюзном конкурсе рационализаторов Минцветмета за предложение об использо-вании рудничных вод во флотационном процессе. Вода, выходящая из штольни, в любое время года была теплее, чем в реке. На её подогрев в котельной расходовалось гораздо меньше топлива, что давало приличную экономию. Правда, потом мне, как энергетика комбината, пришлось повозиться с котлами: они от этой воды усиленно забивались наки-пью.

В те годы рационализаторские предложения в конкурсные комиссии посылались в запечатанных конвертах под девизами, без указания фамилий авторов. Это уменьшало возможность присуждения премий своим, «по благу». Фамилии сообщались уже после решения комиссии о занятом призовом месте. Помню, что предложение по использо-ванию подземных вод шла под девизом «Горная вода».

В бытность Кусова и Рейтаровского на комбинате строго соблюдалось основное требование для горных предприятий, обеспечивающее постоянную и стабильную добычу руды: подготовительные работы должны опережать добычные. Кроме того, эти руководи-тели сумели так организовать работу всех цехов и служб, что установленный месячный план по выпуску концентратов выполнялся за 27-28 дней. Затем три дня во всех цехах производился ремонт оборудования. И не дай бог, остановиться внепланово – премии будешь лишен беспрекословно. Этот порядок соблюдался годами, коллектив привык к такому режиму и иначе свою работу не мыслил.

Сколько я впоследствии знал предприятий, на которых все ремонты производи-лись уже после поломок и аварий, в пожарном режиме.

Премии нам платили за выполнение и перевыполнение плана при условии без-аварийной работы. Выплачивали от одного до трех окладов. Премии в три оклада я не помню, два платили редко, но в течение тех лет, пока директорствовал Кусов, по допол-нительному окладу, за исключением редких случаев, мы получали ежемесячно. Кроме премий выплачивались доплаты за выслугу лет и единовременные пособия: на дорогу при поездке на курортное лечение, по заявлениям в случае рождения ребенка, свадьбы, похорон и т.д.

Профсоюзы часто выдавали бесплатные санаторные путевки. На торжествах по случаю праздников работники премировались денежными и вещевыми премиями. Все это стимулировало наш труд, люди работали на совесть. Сейчас работу при советской власти пытаются преподнести нашей молодежи как нечто подневольное, труд из-под палки. Ду-маю, что это делают те, кто и близко не видел настоящей работы и никогда не испытывал радости созидательного труда.

Дисциплина на комбинате была исключительная. Рабочие горного цеха работали по шесть часов. Четыре раза в сутки по ущелью разносился гудок компрессорной, оповещающей о начале смены.

Году в 52-ом откатку руды по штольне перевели с конной на электровозную. Вначале пустили малые аккумуляторные электровозы-карлики, а года через три перешли на троллейные.

Освободившихся на откатке лошадей отдали на склад ВВ возить взрывчат-ку. Когда их там после работы выгоняли пастись, они, по привычке, приходили к устью штольни, в которой они раньше тянули вагонетки, протягивали головы навстречу выходящему из штольни влажному воздуху, пахнувшему гнилым деревом и газами после взрывов, и ... плакали. Из глаз этих трудяг текли слезы – то ли от непривычно яркого солнца, то ли от чего другого.

В это же время повели борьбу с профессиональной болезнью горняков – силико-зом. До этого бурение производили всухую. Образовывающаяся при этом каменная пыль, забивала легкие, они цементировались. Рабочие становились инвалидами, некоторые бурильщики преждевременно умирали. Но вот, во все забои и блоки подвели воду, бурение разрешили только мокрое, взорванную горную массу стали орошать. Болезнь резко пошла на спад. Как-то ради любопытства, я с провожатым поднялся в добычный блок и был поражен представшей передо мной картиной. Отражая лучи прожекторов, всеми цветами радуги сияли кристаллы флюорита и кварца – горного хрусталя. Среди них блестели кусочки свинцово-цинковых руд – сфалерита и пирита. Увиденное напоминало подземные кладовые хозяйки медной горы из фильма «Каменный цветок».

Когда нашему главному бухгалтеру отмечали пятидесятилетний юбилей, то в мех-цехе ему из большого куска зеленого флюорита выточили вазу. Основание сделали из латуни. Ваза выглядела эффектно, юбиляр был очень рад такому подарку.

От дома, где меня поселили, до БГЭС было около четырех километров. Ходили мы на работу по дороге вдоль ущелья пешком. Иногда нас подбирали попутные машины. Сейчас удивляюсь, как мы умудрялись в безлунное время, без фонарей, в любую погоду не опаздывать на ночные смены. И при этом ничего не боялись, а ведь в округе водились волки, кабаны и медведи.

Когда я приехал в Такоб, была очень снежная зима. Дороги расчищали трактором, тащившим за собой треугольный струг. По краям дороги возникал вал выше пояса чело-века. Если шла машина, приходилось заранее забираться на этот крутой снежный барьер.

Такая зима приносила и свои радости. Помню, как наши первые леди, жены директора, главного инженера, начальник ОК и другие дамы устраивали ночные катания при луне. Они гурьбой садились в распряженные конные сани без оглобелей и неслись по дороге под уклон. Иногда в этом участвовал и я, так как жил в одном доме с ними. Сколько было веселья, смеха, визга и шуток, когда сани переворачивались. Снег набивался всюду. Все были разгоряченные, краснощекие и разлохмаченные. Кровь бурлила. Никто не думал о солидности и собственном авторитете. Все, в меру своего темперамента, радовались жизни.

Нравы тогда были проще и чище. Людские отношения – искреннее и не так меркантильные. У нас на ГЭС наш начальник, получив в кассе комбината зарплату на весь свой коллектив, оставлял её вместе с расчетной ведомостью в столе у дежурного смены. Каждый отсчитывал свою сумму и расписывался в ведомости. Недостачи никогда не было. Жена директора комбината в магазинах всегда вставала в очередь. Даже если стояло несколько человек, она без очереди ничего не покупала, - глядя на неё и все остальные соблюдали порядок. Это потом, в 60-е, другому начальству прихлебатели стали доставлять все блага прямо на дом, зачастую бесплатно.

В процессе работы я старался участвовать во всех ремонтах, усиленно занимался изучением схем. Они были выполнены по английским стандартам, с английским текстом. Приходилось пользоваться словарями. Вскоре я уже мог быстро находить неполадки, возникающие в цепях защиты, автоматики и управления электростанции.

Видя это, меня стали привлекать к устранению повреждений в электроустановках других цехов. В связи с этим, вспоминается случай остановки шаровой мельницы на фабрике, произошедшей из-за отказа главного двигателя. Спецы из электроцеха определить причину выхода из строя

двигателя быстро не смогли. Фабрика простаивала. Главный инженер, не помня моей фамилии, распорядился: «Позовите усатого с ГЭС». Я в то время форсил: носил тоненькие усики а-ля Рой из к/ф «Мост Ватерлоо». Придя в цех измельчения и, ознакомившись с результатами предшествующего обследования, я предположил, что причина неполадки находится в обмотке ротора. Двигатель вновь разобрали и при более тщательном осмотре ротора нашли причину – нарушилась пайка на торце обмотки. Её пропаяли, и двигатель заработал нормально.

Потихоньку начали улучшаться и мои жилищные условия. После трехмесячного проживания в комнате для приезжих, мне дали маленькую комнатку на «Первой западной». Напротив была квартира начальника мехцеха. Глава семьи любил воронить стволы охотничьих ружей, из-за чего часто в коридоре стоял чад от обжигаемого паяльной лампой масла. Их маленький сынишка играл двумя настоящими малокалиберными пистолетами, привезенными отцом после войны из Германии.

Осенью 1951 года я вызвал родителей к себе и тут же подал заявление на расширение жилплощади. К их приезду мне выделили квартиру, состоящую из большой комнаты и кухоньки. Вещей у родителей было не много. Кровати и стол на кухню мне выдали казенные, а круглый стол и этажерку в общую комнату я соорудил сам. Хотя и тесновато, но жить было можно. Братишки мои подросли, родители постарели, но держались бодро. Пенсию они не получали, так что я вначале оказался единственным кормильцем в семье. Спустя несколько месяцев Яна Богуславича с небольшим окладом приняли на работу канальщиком к нам на ГЭС.

Мое старенькое ружье из Микоянабада родители не привезли. Брат Алик его угробил – в патрон зарядил много пороха, и при выстреле один ствол разорвало. Хорошо хоть сам остался цел, только сильно перепугался. Спустя год после начала моей работы в Такобе, я приобрел охотничью двустволку, с которой ходил по окрестным горам и ущельям за кекликами – горными куропатками.

Как красиво было зимой в горах. Среди сугробов чистейшего снега стояли зеленые треугольники арчи, над которыми высоко в небо вздымались желто-коричневые скалы с белыми шапками на вершинах. Снег был сухой и пушистый. Провалишься в него по грудь, выкарабкаешься, отряхнешься и пробираешься дальше. Лавины нас щадили. А какой был воздух: чистый, прозрачный и морозный – не надышишься.

На охоте с Сашенковым произошло ЧП. У него был многозарядный «Винчестер». Разряжая ружье, для выброса патронов наш начальник часто пользовался запрещенным приемом: открывал затвор и, держась за конец ствола, встряхивал ружье – патроны один за другим вылетали из магазина. Однажды один из патронов застрял в патроннике, затвор при встряхивании ударил по нему, произошел выстрел. Нашему незадачливому охотнику оторвало на руке фалангу большого пальца, которым он прикрывал ствол при встряхивании. Впоследствии, в компании с незнакомыми людьми, Сашенков любил пока-зывать фокус: приставит к носу культю, создавая видимость, что палец засунут в нос.

На комбинате было несколько «Студебеккеров» и один маленький джип «Виллис». Этот джип списали, но он был еще на ходу и находился в неплохом состоянии. Заведующий гаражом с какой-то целью эту машину держал у нас во дворе БГЭС. Мы на ней раскатывали по двору, а наш Сашенков, сносно умевший управлять автомобилем, выезжал за ворота станции.

Неоднократно на этом «Виллисе», большой компанией ребят с ГЭС, сидя даже на капоте, мы ездили к находящимся километрах в пятнадцати от нас, горячим источникам Ходжа-Обигарма. Там находилась могила какого-то святого ходжи, к которому на поклонение и излечение летом съезжались мусульмане из многих мест Средней Азии. В одном и том же источнике купались люди с различными, зачастую заразными, болезнями. В воздухе стояла вонь от разлагавшихся под обрывом внутренностей жертвенных животных.

Лет десять спустя, положение с антисанитарией несколько улучшилось. В Ходжа-Обигарме построили хороший противоревматический санаторий с соответствующим медицинским обслуживанием. Немного выше, на плато, горнолыжники поставили свои домики и соорудили подъемник. Из Душанбе стали организованно приезжать любители покататься на лыжах.

В начале пятидесятых годов большое внимание стали уделять медицинскому обслуживанию населения. В это время на комбинат приехали молодые и энергичные, влюбленные в свое дело врачи. Они лечили не только работающих на комбинате, но обслуживали и население близлежащих кишлаков. Главврачу Раисе Григорьевне, будущей нашей соседке, приходилось проводить большую разъяснительную работу в кишлаках, особенно среди женщин, пока население не доверилось медикам. Муллы всячески старались отговаривать односельчан от лечения у врачей, так как они при этом теряли свои доходы. Несмотря на это, через пару лет после настойчивой работы медиков, многие женщины-таджички стали рожать в Такобской больнице, а не дома, как было раньше. В случае болезни жители кишлаков начали обращаться к врачам.

Недалеко от комбината находился горный кишлак Диамалик, большинство жителей которого болели сифилисом – даже дети. Когда мы ходили на охоту или рыбалку через этот кишлак, то старались быстро пройти его. Мы встречали вялых и изможденных людей попадались и с проваленными носами. Врачи стали систематически посещать этот кишлак, тяжело больных госпитализировали, остальных лечили на месте. Проводили профилактическую работу. К середине шестидесятых годов в кишлаке, в основном, уже было здоровое население.

В Сталинабад мы ездили за покупками или просто погулять: зимой сходить в театры или цирк, а летом – покататься в Комсомольском озере. Посещали и рестораны.

В один из приездов в город я зашел к Осенмукам. Саша тут же сообщил мне новость: Лина родила и живет недалеко от них. Нашел я её в доме, принадлежащем управлению «Таджикзолото», на улице Красных партизан, в небольшой комнатке на втором этаже. В оцинкованной ванночке спала новорожденная. Её мать поведала мне о своей нелегкой жизни. С Петром и его семьей по-прежнему контактов нет, ей надо работать, и поэтому дочку придется отдать в дом ребенка. Со странным чувством я смотрел на свою одноклассницу, когда она, ничуть не стыдясь, вынула грудь и начала кормить свою дочь. Как мне было жалко её, хотелось приласкать и успокоить. Но я сдержался, попрощался и ушел.

Саша, выслушав меня о бедственном положении Лины и, зная о моих чувствах, предложил мне жениться на ней. Я пообещал подумать, но, уехав, так и не решился на этот шаг.

Впоследствии судьба над моей однокашницей сжалась, все встало на свои места. Петр вернулся из армии, они сошлись и стали жить вместе. Я бывал у них в гостях, о причудах молодости старались не вспоминать. Когда работал в институте, учил их дочь Ольгу – ту самую кроху, которая когда-то помещалась в ванночке. Да, пути Господни неисповедимы.

Вскоре после приезда родителей я стал подумывать о своем дальнейшем образовании. Послал запрос в Казанский авиационный институт о возможности поступления на факультет самолетостроения. Была мечта стать авиаинженером. Оттуда сообщили, какие документы необходимо выслать. Каким-то образом об этом узнал наш главный энергетик. Он стал уговаривать меня отказаться от своей затеи, пообещав послать на существовавшие тогда высшие инженерные курсы. Для техников эти курсы были двухгодичными, после окончания их выдавали диплом инженера. Подумав, я согласился. Но когда пришло время, вместо меня послали электромеханика горного цеха Виктора Татаренко, мужа начальницы службы вентиляции. А через год эти курсы закрыли. Кто знает, не согласись я тогда на уговоры Хамлова, может быть, мне удалось бы внести свой вклад в развитие авиационно-космической техники, так бурно развивающейся в те годы.

Только в 1957 году я поступил во Всесоюзный политехнический институт на инженерно-физический факультет. Вскоре произошло реформирование заочного обучения. Всех заочников закрепили за институтами, близкими к профилю и месту работы студента. Меня перевели в Ташкентский политехнический институт на горно-металлургический факультет по специальности «Горная электромеханика».

В начале пятидесятых инженерно-технические работники горных и угольных предприятий аттестовывались, им присваивались звания. Они носили форму с молоточками в петлицах и нашивки на рукавах. Я тоже прошел аттестацию, получил звание горного техника какого-то ранга. Но аттестат и форму получить не успел: пока шло оформление – звания отменили.



Поселок Такоб был небольшой. Почти все жители знали друг друга, многие были близко знакомы. Вскоре после моего приезда у меня тоже появились друзья и товарищи, с которыми я проводил свободное время. Помимо моих старых приятелей-однокашников, я завел знакомство и с новыми: с техником-механиком Земченко Николаем Федоровичем, исполнявшим в то время обязанности главного механика комбината, горным техником Павловым Анатолием Васильевичем, нашим машинистом на ГЭС Бутовым Николаем и другими молодыми рабочими комбината. Дружба с некоторыми из них продолжалась и после Такоба. У сына Бутова я впоследствии стал крестным отцом, с Земченко поддерживаю связь до сих пор. Многих друзей уже нет в живых. Еще в Такобе, преждевременно, от болезни ушел из жизни наш техникумовец Юра Друзин, в Ташкенте в конце 60-х умер Дмитрий Митраков. В 1972 году трагически оборвалась жизнь Анатолия Павлова. К тому времени, закончив Ташкентскую высшую партийную школу и поработав вторым секретарем Айнинского райкома партии, он был директором Анзобского горно-обогатительного комбината. Вылетев с республиканской правительственной комиссией на обследование одного из месторождений, он вместе с зампредом Совмина республики Зубаревым В. Г., секретарем ЦК КП Таджикистана по промышленности Эргашевым С. Б. и другими членами комиссии, погиб при падении вертолета во время посадки в горах.

Но тогда, в начале пятидесятых, у нас только начиналась самостоятельная жизнь. Мы мечтали о будущем, влюблялись, веселились, работали и отдыхали.

В июле 1952 года мне и еще двум работницам комбината, Рае Куяновой и Татьяне – будущей жене Земченко Н.Ф. – профсоюзный комитет предложил путевки в дом отдыха в Ялту. Путевки были горящие. Нам срочно оформили отпуск, выдали деньги (в том числе и на дорогу), и мы выехали в Сталинабад. Чтобы попасть в дом отдыха к сроку, нам необходимо было лететь в Крым самолетом. С горем пополам, с брони, нам выдали авиабилеты.

Это был мой первый полет и первая далекая самостоятельная поездка, начавшаяся комом.

Приехали мы в аэропорт на такси. Мой пиджак был перекинут на спинку переднего сиденья (оно у «Победы» общее) между водителем и сидящей рядом Татьяной. Когда остановились, я бросился к багажнику за чемоданами, в надежде, что пиджак захватят мои дамы. Они же о нем даже и не вспомнили. Так и пришлось весь отпуск проходить в рубашке, благо время было летнее. Хорошо, что я перед отъездом (как чувствовал) переложил все деньги и документы из пиджака в карманы брюк.

Летели мы на двухмоторном грузопассажирском ЛИ-2, нашем варианте американского «Дугласа». Внутри он был без обшивки, с боковыми откидными металлическими скамейками. Когда заправлялись в Ашхабаде, фюзеляж так накалился, что, пока мы не поднялись на высоту, были, как в душегубке. Зато, пролетая над Каспием, я без пиджака замерз. После посадок в Баку, Минводах и Краснодаре, наконец, добрались до Симферополя. Пересели в автобус и через Ай-Петри приехали в Ялту.

Дом отдыха стоял на склоне, в верхней части города. Оттуда открывался чудесный вид на море, был виден порт и маяк, вдаль виднелся Гурзуф. Купались мы на диком пляже. Когда спускались к нему с крутого и высокого берега, под нами оказывался женский пляж, с лежащими на нем, словно стадо морских котиков, голыми женщинами. Деревянный забор ограждал их только с боковых сторон. Сверху все было видно.

За двадцать дней пребывания в доме отдыха мы на катерах и автобусах объехали все побережье: Алупку, Симеиз, Кореиз, Гурзуф, пионерский лагерь Артек. Побывали у Ласточкиного гнезда, в Воронцовском дворце и Ливадии, в Гаспре, где когда-то жил Л. Н. Толстой, и Ялтинском музее А. П. Чехова, в котором к нам вышла еще жившая в то время сестра Антона Павловича – Мария Павловна. Запомнились росшие перед домиком магнолии и небольшая, вытянутая вширь, картина Левитана над камином.

Съездили в Никитский ботанический сад. Там, кроме экзотической растительности, сохранился в памяти мальчишка, лазающий по деревьям и подражающий крику Тарзана – герою нашумевшего в ту пору фильма.

Смотрю сейчас на крымские фотографии: я в широкополой, с бахромой, мягкой ку-рортной шляпе и в широких, из белой чесучи, брюках. Как давно это было...

Кормили нас в доме отдыха на убой. Заранее можно было заказать понравившееся блюдо. На набережной мы посещали магазин «Массандра», где из больших деревянных бочек, вделанных в стены, продавали приятное недорогое вино. Там я познакомился с молодым матросом, который провел меня на свой, стоящий в порту, корабль «Россия» - самый большой по тем временам пассажирский теплоход в нашей стране. Это был бывший немецкий «Герман Геринг», полученный нами после войны по репарации. После того как американцы у нас его чуть не отобрали в счет долгов по лендлизу, теплоход держали только в акватории Черного моря, где он совершал туристические рейсы без захода в иностранные порты.

Посещали мы и не очень дорогие, но приличные рестораны, которые были нам по карману. В Сталинабад решили возвращаться поездом, очень хотелось посмотреть Москву. Около Джанкоя расстилалась Крымская степь, на краю которой, на горизонте, садилось огромное оранжевое солнце. В горах такого заката не увидишь, там солнце заходит рано и высоко за гору. Ночь наступает быстро. На заброшенных путях перед железнодорожной станцией Белгорода стояло несколько старых бронепоездов, в Орле проезжали около здания с пробитыми снарядами стенами. Не все еще успели восстановить после войны.

В Москве в промежутке между поездами у нас было всего несколько часов. Сдав багаж в камеру хранения Казанского вокзала, мы на метро поехали на Красную площадь. По пути с интересом рассматривали интерьеры станций, учились пользоваться эскалаторами. В первый момент Красная площадь меня разочаровала, я её представлял гораздо большей. Но представший передо мной ансамбль, конечно, поразил меня. Кремлевская стена с её башнями, увенчанными рубиновыми звездами, зеленый купол здания Верховного Совета, с развевающимся над ним красным флагом, мавзолей Ленина, храм Василия Блаженного и бой курантов вызвали у меня внутренний трепет: наконец-то я наяву увидел наши святыни.

От Москвы до Сталинабада ехали семь суток. Пока на станциях паровоз заправлялся углем и водой, мы бежали к торговым прилавкам купить какую-нибудь снедь на завтрак и ужин: курицу, яйца, варенец с золотистой корочкой или другой местный деликатес. Обедали в вагоне-ресторане. От станции «Аральское море» состав отходил, оцети-нившись подвешенными за окнами связками копченой рыбы. Перед покупкой нас предупредили, чтобы мы не брали слишком жирную: при копчении жулики мазали рыбу соли-долом, она получалась на вид привлекательная, сочная и золотистая, но через несколько дней пропадала.

В то время из окон вагона еще была видна голубая вода моря-озера. В конце семидесятых в реке Аму-Дарье воды стало меньше, а Сыр-Дарью на поливы разобрали со-всем, море обмелело, вода отступила. На берегу остались занесенные песком рыболовецкие суда. Воду можно было увидеть только с самолета.

Вернулись мы домой в Такоб загорелые, полные впечатлений от увиденного.

Вспомнил я это свое первое путешествие и невольно возник вопрос: почему поездки по железной дороге в то время, когда пыхтели паровозы на угле и мазуте, были для простого люда экономически доступнее, чем теперь, когда по всем магистралям с большой скоростью бегают электропоезда и тепловозы? Почему прогресс пошел во вред народу? Или по вине политиков благами этого прогресса стали пользоваться только избранные? Будущее покажет...

На комбинате, как и повсюду, имелась комсомольская организация, костяком которой являлись мы – молодые специалисты ГЭС и девчата из химлаборатории. На одном из общих собраний меня избрали не освобожденным секретарем комитета комсомола комбината. Не освобожденный – это значит на общественных началах, бесплатно. Обязанностей прибавилось. Надо было в свободное от работы время заниматься организацией культурного отдыха, спорта и озеленения поселка, выпрашивать у администрации и профкома комбината деньги на приобретение спортивного инвентаря или музыкальных инструментов. В различные

предвыборные кампании комсомольцы помогали парторганизации в агитационной работе. На выборах наши девчата «сидели на буквах» при выдаче бюллетеней. Идеологический сектор комитета занимался политехбой, производственный – трудовой деятельностью молодежи. На заседаниях и собраниях разбирали случаи нарушения дисциплины, пьянок и аморальных поступков. Хотя эти случаи были редки, но все же были. Регулярно проводились плановые заседания комитета, общие и цеховые собрания. Мне приходилось готовиться к ним, выступать. Сколько времени отнимало оформление протоколов, отчетность по взносам. Кроме того, надо было ездить в Вар-зобский райком комсомола с отчетами, участвовать в съездах и конференциях молодежи республики.

Обычно, вечера мы проводили в нашем Доме культуры, чаще называемом клубом. По выходным дням, а порой – перед фильмом, там проводились танцы под духовой оркестр. Для этого через рудком мы добились покупки музыкальных инструментов, приобрели ноты. Нам разрешили иметь платного руководителя, которого оформили слесарем мехцеха. Он собрал небольшой коллектив ребят, обучил его, и оркестр начал сносно играть вальсы, фокстроты и танго. Для торжественных случаев разучили гимн, марш и туш. В начальный период случались и конфузы: вдруг кто-нибудь из наших «лабухов» выдаст такой кошачий визг, что слушатели, да и сами исполнители, взрывались от смеха.

В этом оркестре стал участвовать и я – играл на втором альте. Музыкальный слух был неплохой, партии были не сложные, вторить научился быстро.

Вспоминается история, связанная с этим оркестром, на танцах музыканты сидели на сцене, танцующие были ниже нас – в зале, для чего стулья расставлялись вдоль стен. Во время одного из танцев мы обратили внимание, что наш руководитель, играя на трубе, все время косится на танцующих. Вдруг он прекратил играть, спрыгнул со сцены вниз и трубой ударил по голове одного из парней, который за руку, насильно тащил его жену танцевать. Пьяного вывели, мы заиграли вновь. Наш руководитель долго сожалел о своей разыгранной трубе: она согнулась дугой, и её пришлось заменить новой.

Кроме духового у нас выступал небольшой самодеятельный струнный оркестр. В нем я играл то на гитаре, то на мандолине. Заведующий клубом, бывший цирковой работник, показывал клоунады, пожилая женщина, имевшая музыкальное образование, руководила хором. Хор пел под баян, на котором играла Татьяна Земченко. Навсегда запомнилось, как мы исполняли «Уральскую рябинушку» и «Земля моя раздольная...» из только что появившегося кинофильма «Свадьба с приданым».

Рядом с клубом мы с ребятами расчистили и оборудовали волейбольную площадку, на которой стали проводить игры между цеховыми командами. Победителям присуждали призы. Болели за свои коллективы не только молодые.

Начальник отдела капристроительства Столяров Д. У. возглавил кампанию по озеленению поселка, он был энтузиастом этого дела. Вдоль дорог и тротуаров вырыли траншеи, завезли плодородную землю, саженцы. В посадке принимали участие коллективы всех цехов, с задором трудились и наши комсомольцы.

Сейчас комбината уже нет, но высаженные когда-то нами деревья шумят своими уже разросшимися кронами по всем дорожкам оставшегося поселка.

Да, тогда мы не ждали, что кто-то преподнесет нам все блага на блюдечке с голубой каемочкой. Все приходилось делать самим. Как только на все это нас хватало!

Если отбросить идеологическую сторону, то комсомольская работа научила нас сплоченности, самостоятельности в принятии решений, работе с людьми и бескорыстному служению своей стране. Больно слышать, когда сейчас нашим внукам со всех сторон внушают, что все делается только за деньги.

На себя у нас времени оставалось мало. Приходилось свои личные дела совмещать с общественными.

Участвуя в этой круговерти общественных дел, я «положил глаз» на работавшую лаборанткой в химлаборатории комбината евреечку Алевтину Файн, как все её называли. Наши простые товарищеские и деловые (она была членом комсомольского комитета) отношения

продолжались более двух лет. С годами она мне нравилась все больше и больше. Только потом, узнав меня в общении поближе, она ответила взаимностью. Я каждый вечер старался быть с ней, ходил к ним домой, провожал и встречал в ночные смены. Жила Аля со своими несчастливymi старшими сестрами, у которых мужа погубили: один попал под поезд, другой – повесился. Принимали меня сестры благосклонно. В поселке мы били на виду, все знали о наших с Алей отношениях. Где мы только с ней не бывали. Весной любили уходить в «Прорабское ущелье», в котором в лунные ночи так заливались соловьи, что мы забывали обо всем на свете. Но грани дозволенного я никогда не переступал.

Помнится, как на день рождения я привез ей из Сталинабада в подарок косметический набор «Красная Москва». В фигурном, покрытом малиновым атласом футляре были духи, одеколон, пудра и мыло. Французской косметики в продаже тогда еще не было. Когда Аля съездила на отдых в Пятигорск, то подарила мне свою фотографию, где она была снята у памятника Лермонтову. Через год я отдыхал в Кисловодске. При поездке на экскурсию в Пятигорск, я снялся точно на том же месте и по приезде домой вручил этот снимок Але.

Дело двигалось к свадьбе. Но, неожиданно, я почувствовал со стороны Али некоторое охлаждение ко мне. Не подумав, я вдобавок совершил поступок, который еще больше усугубил разлад в наших отношениях.

В начале пятидесятых годов в госпродаже в магазинах впервые появились легковые автомобили марки «Москвич» и «Победа», которые встречаются на дорогах до сего времени. «Москвич» стоил 8 тысяч рублей, а «Победа» – 12-15 тысяч. Продавались и мотоциклы. На комбинате я первый приобрел личный транспорт – купил ковровский мотоцикл «Кашку» и на нем гонял по всему поселку и ближайшим окрестностям. Прав на вождение у меня не было, и дальше Варзоба я не выезжал.

В один из дней меня вместе с моими друзьями пригласила на свои именины дочь начальника горного цеха Гаврюшенко. Зная, что Аля на работе и не видя в этом ничего предосудительного, я согласился принять участие в торжестве. После застолья мы с именинницей прокатились до БГЭС и обратно. Ехавшие на смену работницы фабрики нас видели и, по-видимому, сообщили об этом Але. На другой день, придя к ней, я увидел со-всем другого человека: она не улыбалась, отвечала односложно. С этого и пошли разлады. Наши отношения становились то более теплыми, то вновь наступало отчуждение. И, наконец, все прервалось, как оказалось – навсегда. Я уже был начальником ГЭС, когда по поселку разнесся слух: Аля вышла замуж. Я был шокирован. Больше всего поразило, кого она выбрала. Это был только что освободившийся после длительного заключения осетин, устроившийся на комбинате проходчиком в горном цехе. Скорее всего, он где-то подкараулил её и добился своего, а дальше Аля подчинилась судьбе. А, впрочем, разве можно знать, что у женщины в голове.

Как бы мне в насмешку, им дали комнату в соседнем с нами доме. Можно предположить, что творилось в моей душе, когда в их окнах по вечерам гас свет.

Я старался с Алей не встречаться, а случайно встретившись, не здоровался, но мой счастливый соперник Петр (опять Петр) почему-то начал меня преследовать. Пришлось просить её сестер объяснить ему, что у меня с Алей ничего серьезного не было, когда она была свободной, тем более не может быть после того, как она стала женой другого.

Однако, моя «лав стори» имела свое долгое продолжение. Когда я женился, моя жена стала работать в химлаборатории вместе с Алей. Как-то в откровенном разговоре Аля открылась моей Тамаре: «Если бы Марат был посмелее, то его женой была бы я». И мне вспомнилось, как однажды Аля пригласила меня к себе. Мы были одни, и она предложила мне раздеться, добавив поговорку мистера Кука из «Угрюм-реки»: «Без рубашки – ближе к телу». Не вникнув в смысл сказанного, я снял только пиджак. Думаю, что тогда в моей любви к ней я больше следовал Платону, чем Эросу, что не позволило мне закончить тот вечер так, как желала моя женщина. И вот, три года спустя, через мою жену она все же сказала мне об этом.

Вскоре Аля с мужем переехали в Сталинабад. У них родилось двое детей. Петр работал на мыловаренном заводе и вскоре умер от белокровия. Аля, как и её сестры, оставшуюся жизнь прожила вдовой. Сын в подростковом возрасте попал в трудколонию, но, выйдя оттуда, взялся

за ум.

Где-то в середине семидесятых я встретился со своей бывшей пассией в местном доме отдыха «Каратаг». Это была располневшая, уже тронутая сединой женщина. От прежней Али остался только голос. Никаких особых чувств к ней у меня уже не было, не считая желания спросить у неё, что заставило её тогда внезапно выйти за Петра? Но я удержался: вспоминать старое и беречь душу не хотелось ни себе, ни ей.

Последний раз я видел Алю вместе с сестрами в Душанбе на похоронах нашего бывшего начальника отдела кадров. Я был уже кандидатом технических наук, доцентом. Мы постояли, поговорили о том о сём и разошлись.

Сейчас из всех трех сестер в живых только старшая – Надежда Геннадьевна. Аля скончалась в 1997 году в России в г. Дедовске у своего сына. Была ли она счастлива, не знаю. Мир её праху. Но вернемся к прошлому. 5 мая 1953 года умер Сталин И. В. Как сейчас помню, я пришел с ночной смены, поел и лег спать. Рядом с кроватью на тумбочке стоял приемник «Балтика». Включив его, я услышал о смерти вождя. Навернулись слёзы. Я оделся и пошел в управление. Около здания управления уже собирались люди на траурный митинг, многие плакали. Плакали по всей стране не только простые люди. В траурные дни у гроба Сталина плакал Хрущев Н. С. Через три года выяснилось, что его слезы были «кроко-дильими». В то время мы знали о Сталине только хорошее. Все, что происходило в стране, было связано с его именем: индустриальный рывок в первые пятилетки, победа в Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства. Каждой весной снижались цены, народ верил в дальнейшее улучшение жизни. О том, что творилось в стране на самом деле, нас не информировали, а мы не особенно в это вникали. Те же, кто знал побольше – помалкивали. Через месяц после смерти Сталина меня приняли кандидатом, а в апреле 1954 года я стал членом КПСС. В то время я искренне верил, что в рядах партии состоят в основном порядочные люди. Да и сейчас считаю, что большинство рядовых коммунистов были людьми долга и чести. После вступления в партию общественной работы прибавилось. Заканчивалась эпоха Сталина. Начали меняться руководители страны: Маленков Г. М., Булганин Н. А., Хрущев Н. С.

В 1956 году, как взрыв, прозвучал доклад Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». Нам на партсобраниях зачитывали закрытые письма ЦК о нарушениях, допущенных сталинским режимом. В головах людей началось раздвоение, появились диссиденты. Монолит стал давать трещины. Это было началом конца. Спустя 45 лет СССР не стало. Не об этом ли говорил Сталин своим соратникам в последние годы жизни: «Останетесь без меня – погибнете». Он еще в 1930 году в беседе с А.М. Коллонтай предсказал: «...многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже... И мое имя тоже будет оболгано и оклеветано...»

Сталин оказался прав, хотя допущенную им массовую гибель невинных людей оправдать ничем нельзя.

Вскоре после XX съезда началась реабилитация незаконно осужденных в сталинское время. У нас в технической библиотеке работала незаметная, небольшого роста и всегда опрятная пожилая женщина Елена Васильевна Шмидт. Она никогда ничего и ни кому о себе не рассказывала. Тихо выполняла свою работу и уходила домой. Жила одна, её взрослый сын работал в Ленинграде. И вот, в один из дней, она со слезами радости на глазах пригласила нас, работников управления, в библиотеку на чай с тортом и объявила нам, что её реабилитировали. Показав нам свои фотографии, на которых она еще гимназистка. На другом стоит вдвоем с мужем – дореволюционным горным инженером, которого расстреляли в 1937 году, а её сослали в Казахстан, потом к нам в Такоб. Никто из нас, кроме начальника отдела кадров (он же и начальник спецчасти), не знал, что Елена Васильевна – спецпоселенка.

Радуюсь, хозяйка торжества плакала и все время спрашивала: «За что, за что же нам сломали жизнь?» Что мы могла ей ответить?

Оформив нужные документы, Елена Васильевна тут же уехала к сыну.

## Глава 12 СТАНОВЛЕНИЕ

Все дальше и дальше уходит пора нашей молодости, время нашего взлета и взросления, набора опыта и приобретения навыков жизни. Каждый раз, просматривая фильм Марлена Хуциева «Весна на Заречной улице», я возвращаюсь к годам, прожитым в Такобе. Конечно, масштабы производства разные, но жизнь героев картины показана такой же, какой она была у нас. Мы так же одевались, похоже отдыхали, бренчали на ги-тарах, имели такие же манеры поведения, похоже ухаживали за учительницами нашей вечерней школы. И так же увлеченно работали. Эта картина вызывает у меня (да и у многих других) не только ностальгию по про-шедшей молодости. В ней ощущаешь дух того времени, когда люди были победнее, но, несмотря на это, жили наполненной жизнью. Их не точил червь наживы, не сушила жажда личного обогащения, они меньше болели «болезнью красных глаз», как китайцы называют зависть. Не это было главное. Конечно, приятно было получить денежную премию, но еще большее удовлетворение человек получал, когда его фамилия «звучала» в сообще-ниях о трудовых достижениях. Нынешнему молодому поколению все труднее и труднее становится понять это.

В конце 1953 года меня назначили заведующим электролаборатории ГЭС. Дело в том, что вместе с оборудованием самой станции англичане поставили нам и необходи-мые приборы и аппаратуру для проведения измерений и испытаний различных электро-установок и сетей. Высокоточное лабораторное оборудование и приборы навалом лежа-ли в небольшой комнатке на БГЭС. Передвижная установка для очистки трансформатор-ного масла ржавела во дворе станции.

Приняв все это не используемое хозяйство я первым делом выявил состояние и работоспособность каждого прибора, свозил их в Сталинабад на госповерку. Заготовил необходимую документацию и бланки протоколов испытаний и только после этого занял-ся наладкой релейной защиты, испытанием разрядников и проверкой щитовых приборов. Работы находилось все больше и больше. Стали поступать заявки на производство ис-пытаний и из других цехов.

Наладив центрифугу, мы занялись сушкой трансформаторного масла у себя, что избавило нас от необходимости делать это в Сталинабадской горэлектросети. За счет этого была получена некоторая экономия денежных средств.

К этому времени в ВУЗах и техникумах начался массовый выпуск студентов по-слевоенных наборов. В стране стали повсеместно заменять практиков дипломированны-ми специалистами. К нам приехали молодые горные инженеры, маркшейдеры, геологи и обогатители. Даже в детский сад прислали образованных воспитателей.

В сентябре 1955 года, вместо не имевшего специального образова-ния Хамлова В. Е., главным энергетиком комбината назначили нашего Сашенкова А. А. На его место, начальника ГЭС, поставили меня.

Как раз в ту пору в горном цехе приступили к значительным капитальным работам: прокладывались штольни «Западная» («Дренажная»), «Восточная», началась проходка ствола и камеры подъемной машины. На обогатительной фабрике расширяли цеха из-мельчения и флотации, в компрессорной установили более мощные компрессоры. В по-селке строились новые жилые дома.

Все это требовало дополнительной электроэнергии. Её стало не хватать. Мы по-лучили чешскую электростанцию с дизелем заводов «Шкода» мощностью 300 кВт, кото-рую смонтировали во дворе БГЭС. На фабрике пришлось расширять электроподстанцию.

Организация монтажа, наладка и ввод в работу новых мощностей легли на наши плечи – Сашенкова и мои. Опыта было мало, приходилось рыться в литературе, обра-щаться к старым мастерам, рабочим.

Кроме решения практических задач по электроснабжению комбината надо было присутствовать на планерках и у директора. Какие это были планерки! Директор Кусов Леонид Михайлович требовал круто, иногда устраивал разносы. Но никто не обижался, все понимали, что попало за

дело, а точнее – за не выполненное дело.

Начальник ОКСа Столяров Д. У. плохо слышал, пользовался слуховым аппаратом. Когда его во время планерки начинали ругать, он незаметно отключал аппарат и сидел с отсутствующим видом. Директор взрывался и, указывая пальцем на его ухо, кричал: «Да включи ты свою бандуру!»

Бывали случаи, когда Кусов просил наших дам – начальника химлаборатории Клименко В. В. и начальника ОТК Сашенкову А.И. – выйти погулять. Он объявлял им: «Будем решать чисто мужские вопросы». Вопрос же заключался в следующем. Ствол проходил при большом потоке воды. Взрывчатка, закладываемая в шпур, намокала – происходили отказы. Что только взрывники не придумывали: обмазывали заряды пара-фином, битумом – ничего не помогало. Кто-то предложил помещать взрывные патроны в презервативы. Способ оказался удачным. После этого на планерках начальник горного цеха часто жаловался на нехватку «изделий № 2». В ответ снабженцы объясняли, что они в городе уже обобрали все аптеки. Директор предлагал им расширить зону поиска этого интимного товара. После окончания обсуждения деликатной темы секретарь дирек-тора приглашала дам продолжить планерку.

Как-то обсуждался вопрос о спецобуви. Дело дошло до того, что рабочие вынуждены были ходить в рваных резиновых сапогах. Кусов обратился к своему заму по хозяйству, интересуясь, когда же решится этот вопрос. Тот что-то невнятно промямлил. Еле сдерживаясь, директор попытался: «Ясно. Вопрос с сапогами решен – сапог нет». Тут же вызвал секретаря и продиктовал приказ о вынесении выговора своему заму.

Эту фразу нашего директора я запомнил и часто применял в своей дальнейшей деятельности, когда хотел подчеркнуть, что тот или иной вопрос не решается. Да, много полезного я почерпнул тогда на этих планерках: как решать вопросы, как обращаться с людьми и как экономить время при проведении различных совещаний.

Весной 1955 года я по путевке отдыхал в Кисловодске. Принимал нарзанные ван-ны, рано утром ходил к «Храму воздуха» смотреть на Эльбрус, ездил к «Медовым» водо-падам, посетил Железноводск и Минводы. В Пятигорске с экскурсией побывал в домике Лермонтова и на месте его дуэли, у «Провала» вспомнил Остапа Бендера.

Домой возвращался поездом с пересадкой в Москве. Время между пересадками использовал для посещения Третьяковки. Хотя и бегло, но успел посмотреть большинст-во наиболее известных картин. Почему-то запомнилась небольшая работа Перова «Уто-пленница», особенно изображенный на ней сидящий жандарм, думающий, по-видимому, о бренности жизни. Позже, всякий раз бывая в галерее, я старался найти эту картину и молча постоять перед ней.

Ездить поездом на дальние расстояния было интересно. В купе со всеми перезна-комишься, выпьешь с ними невероятное количество чая из стаканов с обязательными подстаканниками. Работники ресторана в белых курточках разносили по вагонам всякую мелочь. В корзинках у них всегда были конфеты, печенье, бутерброды, колбаса, пиво и папиросы. В обед посидишь в вагоне-ресторане, а потом залезаешь на полку и наблюда-ешь за пробегающими за окном вагона пейзажами.

Нудно ехать по казахской степи. Глаз останавливается только на родовых казах-ских кладбищах с разнообразными склепами-мавзолеями, да на пасущихся у дороги дву-горбых верблюдах-бактрианах.

Нравятся мне на среднеазиатских железных дорогах продуманная, в националь-ном стиле архитектура маленьких станций, полустанков и разъездов, построенных еще в царское время. Станционные домики небольшие, с крышами-куполами. Даже водонапор-ные башни выглядят по-восточному. Подъезжая к станции «Туркестан», начинаешь ощу-щать дыхание оазисов Средней Азии. К запахам степной полыни и разнотравья добавля-ется благоухание садов. А когда пахнёт химикатами с хлопковых полей, то окончательно убеждаешься – ты дома. Дорога от Москвы до Сталинабада, по сравнению с 1952 годом, заняла уже только пять с половиной суток. После отпуска приступил к работе с новыми силами. Как раз на-мечались неполадки с дизелем. Наша солярка была некачественной, заводские фетро-вые фильтры

покрывались масляной пленкой, забивались. Вместо фетра в несколько слоев намотали ткань, из которой изготавливают вафельные полотенца. Стали забивать-ся форсунки, отрываться головки алюминиевых корпусов топливных насосов. Сделали по-русски: корпуса выточили стальные. Дизель заработал нормально. Только справились с этим, произошла другая авария: из-за того, что электромонтер перепутал концы кабеля при разделке воронки, сгорел щит дизельной электростанции. Взамен поставили более простой, наш, отечественный.

Следуя порядкам, введенным еще моим предшественником, я регулярно проверял работу ночных смен. В одну из октябрьских ночей я заглянул на отстойник, убедиться на месте ли канальщик. Его на работе не оказалось. При выходе из будки канальщика, сто-явшей перед отстойниками, подгнившая доска у порога обломилась, и я рухнул в канал. Поток воды меня затянуло между столбиками глушителя, успокаивающего воду в от-стойнике. Сверху над головой оказался мостик, вокруг с брызгами и шумом проносились струи холодной воды. Кричать о помощи было бесполезно. К моему счастью, несколько столбиков оказались спиленными. Благодаря им, я сумел пробраться в отстойник. Но вы-лезть из него было не просто. Он был трапециевидной формы со скользкими, обросшими водорослями наклонными бортами. На мне было длинное кожаное пальто и тесные рези-новые сапоги, снять которые мне не удалось. Плыть к другому концу отстойника, где мож-но было по шандору вылезти наверх, я не решился: намокшая одежда утянула бы на дно. Началась борьба за жизнь. Сколько раз я по гладкой и скользкой бетонной поверхности добирался почти до верха и вновь соскальзывал вниз! Содрав ногти на руках до крови, я все же добился своего – вылез. Меня трясло от холода и нервного потрясения. В будке включил «козла», разделся, немного согрелся и подсушился. Придя в себя, поспешил до-мой. Родителям подробности своей купели не рассказал. Несмотря на то, что я часа пол-тора находился в ледяной горной воде, после этого «крещения» у меня не было даже на-сморка.

В этом же отстойнике искупался и наш Ян Богуславич. Зимой, во время морозов, он, дежуря вместе с другим канальщиком, чистил отстойник от снега и шуги. Поскольз-нувшись, отчим оказался в воде. Хорошо, что напарник быстро подал ему багор и помог выбраться на борт. После этого случая мы по краям отстойника срочно соорудили метал-лические перила ограждения.

Сколько забот и труда отнимали у нас гидротехнические сооружения ГЭС. Когда в горах шли ливни и сели, реки несли песок, камни, вырванные с корнем кусты и деревья. Отстойники не справлялись с песком, канал заносило. Его приходилось чистить вручную, объявлялся аврал. Из горного цеха выводили бригады рабочих, которые лопатами вы-брасывали песок из канала. Порой это приходилось делать в течение нескольких суток. Работники столовой доставляли еду во флягах прямо на место работ. Мы в это время почти не спали.

В паводковые периоды случались и более серьезные вещи. Как-то камни и плы-вущие деревья подперли щиты на плотине Такобки. Открыть шандоры, пропускающие воду, мы не смогли. Вода перед плотиной начала прибывать. Появилось опасение, что подмоет высокий левый берег, наверху которого стоял Дом культуры. Согласовав с глав-ным инженером, приняли решение щиты плотины взорвать. Поставили оцепление. Взрывники привязали взрывчатку к куску рельса, подожгли шнур и бросили заряд в бур-лящую воду перед плотиной. Все спрятались за огромными валунами, лежащими на бе-регу. Прошло положенное время, но взрыва на плотине не последовало. Чуть позже, уже за оцеплением, в реке с грохотом взвился столб воды. Рядом по берегу шли ничего не знавшие о готовящемся взрыве люди. Оглушенные, они шарахнулись, кто куда. Все отде-лались испугом. Мы пришли в себя только тогда, когда выяснили, что никто не пострадал. Оказалось, взрывчатка оторвалась от рельса и под щитом её унесло вниз по реке. Взрыв произошел в неожиданном и не охраняемом месте.

Тем временем уровень воды в реке начал спадать, угроза подмыва берега мино-вала. Мы освободили щиты от подпирающих их камней и деревьев, открыли несколько шандоров и пропустили паводковые воды вниз по реке. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Плотина осталась целой.

Как начальнику электростанции мне с семьей пришлось переехать жить в домик у БГЭС. Из



того времени запомнились прекрасные мамини соленья из овощей, которые выращивал в огороде у напорного бассейна Ян Богуславич. Мы в речушке, протекающей рядом с домом, на зиму вмораживали под лед бутылки с солеными корншономы и бочонки с томатами и квашеной капустой. В них мама всегда добавляла вишневый лист и какие-то горные травы и корни. Огурчики и капуста получались крепкие, хрустящие, с особым привкусом и ароматом. Помидоры сохранялись целыми, были ядреные и острые на вкус. Начальство и близкие знакомые, проезжая мимо, всегда заходили к нам попробовать эти разносолы. Часто в баночках захватывали с собой – на закуску.

Только мы в этом домике пообвыкли, как в моей карьере произошел очередной скачок. У Сашенкова с женой возникли трения, они разошлись, и он уехал из Такоба. На его место назначили меня. Я стал исполняющим обязанности главного энергетика комбината. Основное место работы – в управлении – опять оказалось далеко от дома. Выручал мотоцикл.

К этому времени на руднике начала работать подъемная машина, поднимавшая вагонетки с рудой в клетях. Руда шла с первого горизонта. На втором еще проводились подготовительные работы: проходились штреки, готовилась камера насосной главного водоотлива. Комбинат получил последнюю модель аппаратуры управления и сигнализации подъемом. Не успев вступить в новую должность, мне тут же пришлось заняться организацией монтажа и наладки этой установки. Для её обслуживания подготовили стволых сигнальщиков.

В начале эксплуатации не все проходило гладко. Однажды ночью ко мне домой приехал раздраженный начальник горного цеха Певзнер И. Б. Из его неразборчивых слов я ухватил основное: из-за неправильной работы сигнализации (все время звонит звонок), подъем стоит. Руда на фабрику не подается. Своего электромеханика он не нашел и был вынужден приехать за мной. Меня Певзнер обвинил в присвоении электрослужбой монопольного права на обслуживание этой аппаратуры. Первым делом я заинтересовался, кто в данный момент работает в качестве стволых. Оказалось, что вместо обученных нами лиц, начальник смены горного цеха поставил стволых простого откатчика. Еще по пути к руднику, в машине, я уже догадался о причине такой работы сигнализации. Прибыв на место и, подойдя к щиту сигнализации на верхней приемной площадке, я тут же убедился в правоте своего предположения. При переключении ключа с одного горизонта на другой, чтобы привлечь внимание машиниста подъемной машины, был предусмотрен предупредительный звонок. В данном случае кто-то поставил ключ в промежуточное положение и, когда включали сигнализацию, звонок звенел непрерывно. Я чертыхнулся, в присутствии Певзнера и начальника смены повернул ключ на нужный горизонт. Звонок перестал звенеть, подъем заработал как положено. Начальнику горного цеха пришлось объяснить, что вина неправильной работы сигнализации заключалась не в нашей «монополизации», а в их разгильдяйстве, в том, что они к обслуживанию техники допускают первых попавшихся. Он извинился за то, что из-за пустяка потревожил среди ночи, дал нагоняй начальнику смены и попросил водителя дежурки отвезти меня домой.

Подобное происходило неоднократно, иногда заканчивалось бедой.

Для обучения машинистов электровозов наша служба организовывала курсы, куда ходили заниматься рабочие, представленные руководством горного цеха. На каждую смену мы подготовили по несколько электровозчиков. Но начальники смен, в случае невыхода аттестованного машиниста, несмотря на категорическое запрещение, доверяли управлять электровозом любому откатчику.

Как-то мы с электромехаником горного цеха Киселевичем Л. что-то обсуждали около устья штольни «Дренажная». Мимо нас, в сторону штольни пронесся электровоз без машиниста, за ним вдогонку с криком бежало несколько рабочих. Мы отключили троллей, электровоз остановился. Киселевич с матом набросился на откатчиков: «Вы что? Под суд хотите меня отдать?!». Побег электровоза произошел из-за того, что предыдущая смена отключила троллей, забыв поставить контроллер на электровозе в нулевое положение. Принявший смену неопытный откатчик, не проверив положение контроллера, включил питание троллея – электровоз и покатил.

Бывали случаи и похуже. На той же самой штольне откатчик (а не машинист) во время рейса решил подремонтировать токосъемник электровоза. Он отдернул его от троллея, но не отключил контроллер. Встав между электровозом и крепью со стороны, где был малый просвет, рабочий устранил неполадку и, сев на свое место на электрово-зе, отпустил токосъемник. Электровоз тронулся и боком прижал нарушителя к деревян-ным стойкам крепления штольни. В результате, для его спасения, пострадавшему в больнице отхватили часть селезенки. Начальника смены за происшедший случай сняли с работы, нам с Киселевичем предписали заплатить штрафы по пятьсот рублей. Когда я у председателя комиссии по расследованию поинтересовался, за что меня наказали, тот объяснил: «В понятии элек-трово-з содержится слово «электро». А ты за все электрическое отвечаешь». Спорить с представителем «Госгортехнадзора» было бесполезно и опасно.

Горное производство разгильдяйства не прощает. На промежуточном штреке ваго-нетки с рудой возили маленьким электровозом АК. У него аккумуляторная батарея воз-вышается перед водителем, закрывая передний обзор, крыши у кабины нет. Заводом для машиниста предусмотрено маленькое деревянное угловое сиденье, сидеть на котором весьма неудобно. Один из машинистов, стоя в кабине в полный рост, подавал электровоз назад, не глядя в сторону движения. Выступающим погрузочным люком для руды его при-гнуло и прижало к батарее. Рабочий погиб.

Как назло на электровозе не оказалось злосчастного сиденья. Придравшись к этому, комиссия по расследованию к электромеханику горного цеха и ко мне предъявила серьезные претензии. Горняки всеми всеми путями старались всю вину переложить на нас – работников электромехслужбы. Дело принимало серьезный оборот. Я еще раз вни-мательно осмотрел место происшествия и нашел чертежи устройства и сооружения по-грузочного люка в штреке. Попросил маркшейдера сделать тщательную съемку фактиче-ского положения люка. И тут выяснилось, что люк установлен с грубыми отклонениями от проекта. Находясь вверху и сбоку штрека, он не должен был доходить до отметки рель-совых путей. На самом же деле его соорудили нависающим над всей шириной колеи, что и явилось причиной несчастного случая. Когда я предъявил необходимую документацию в комиссию, то главными виновни-ками уже оказались горняки. Мы же, работники электромехслужбы, отделались штрафа-ми.

Чудом остался живым один из откатчиков, когда по неопытности, направил элек-трово-з в клеть, которая в этот момент находилась на нижнем горизонте. Он перед ство-лом успел выпрыгнуть, а электровоз, сбив решетчатые двери, улетел вниз. Клеть при-шлось менять.

К уголовной ответственности был привлечен один из начальников электроцеха. Он в течение года платил государству четверть своего оклада за случай, происшедший с его электромонтером. В штреке бригада электриков подвешивала кабель. Рядом вниз уходил рудоспуск, обычно прикрытый решеткой из рельсов. В этот раз, перед прокладкой кабе-ля, горняки решетку сняли, и рудоспуск забился рудой. Один из электриков, закрепляя кабель на боковой стороне штрека, встал на горку руды над рудоспуском, и в этот момент руда вместе с рабочим провалилась вниз. Электрика откопали, но было уже поздно: он задохнулся. Сколько за время моей работы в Такобе было несчастных случаев со смертель-ным исходом. Рабочие гибли при взрывах, вывалах, от отравления газом, на транспорте. Мне самому однажды пришлось после массового взрыва бежать от газа по штольне на расстояние более километра. Как ответственному за электрохозяйство мне везло: ни од-ного случая гибели людей непосредственно от электротока в мою бытность на комбинате не было. За электробезопасностью мы следили строго.

Трагические случаи приносили горе, лихорадили производство. Различные комис-сии, прокуратура, встречи и объяснения с родственниками и организация похорон – все отвлекало от дела, нарушало нормальный ритм работы. Еще долго рабочие старались не работать там, где произошел несчастный случай, производительность падала. Со временем все забывалось. В середине пятидесятых стало меняться руководство комбината. Вначале у нас забрали главного инженера Рейтаровского. Его назначили техническим руководителем на вновь построенную Той-тюбинскую обогатительную фабрику в Узбекистане. Затем уехал и наш

директор Кусов Л. М. В 1965 году я случайно повстречался с ним в Алмалыке, где он работал заместителем директора по капстроительству на Алмалыкском полиметаллическом комбинате. После Кусова в Такобе недолго директорствовал грамотный горный инженер Куш-нарев, который много внимания уделял подготовительным работам на руднике. Мне он запомнился своими приездами на БГЭС. Приедет, достанет из красивого футляра технический стетоскоп и начинает прослушивать работу дизеля. Давал послушать и нам, высказывал свое мнение о работе двигателя, что-то советовал.

В должности и.о. я проработал год. В 1957 году меня назначили главным энергетиком комбината. В это время в стране отраслевой принцип управления промышленностью и строительством заменили на территориальный. Организовали местные органы управления – Советы народного хозяйства. Наш комбинат перешел в ведомство Таджикского Совнархоза, председателем которого был назначен Гачичеладзе Дмитрий Захарович. Мы находились в подчинении отдела горнорудной промышленности.

На комбинате появилось новое начальство: директор Проскурин И. И. и главный инженер Селин В. И. Главным механиком стал, приехавший из Казахстана, пожилой, с большим опытом работы Крикунов Н. В. Характер у него был сложный, с начальством он не уживался, за что его неоднократно снимали со своей должности, но когда дело заваривалось – вновь назначали главным механиком. Не всем нравились его педантизм, любовь к бумажкам, что, по-видимому, у него осталось от прежней военной службы – в армии он был заместителем начальника штаба полка. Крикунов отличался независимостью в суждениях, был упрям, но справедлив. В связи с этим запомнилась история его стычки с бухгалтерией.

Аванс и зарплату на комбинате выдавали с мелочью. Почти все, получая деньги в кассе, мелочь не брали, оставляя её кассиру. Крикунов, обратив на это внимание, пошел к директору и добился издания приказа о том, чтобы аванс выдавали круглой суммой в рублях, без мелочи, а в зарплату выплачивали остальное. В результате, большинство работающих, получавших деньги непосредственно в кассе, стало получать в среднем на рубль больше, но зато кассир потеряла значительную долю своего дополнительного заработка.

Долго после этого расчетные бухгалтера и, особенно, кассирша, скрипели зубами на автора нововведения.

Наш главмех обладал своеобразным чувством юмора. Как-то для выполнения определенной работы в отдел главного механика потребовался рабочий, способный ходить на дальний объект по несколько километров в день. Крикунов звонит начальнику отдела кадров с просьбой подобрать здорового, крепкого мужика: «Только смотри, чтобы обязательно здоровый! А то, знаю я тебя, пристроишь какого-нибудь своего ошно (по-таджикски – «близкого знакомого») с килой, а то и вовсе кастрата». Горную и обогащающую технику Николай Владимирович знал прекрасно, обладал широкой технической эрудицией. Работать с ним было интересно. Будучи впоследствии в объединенном отделе электромеханической службы замом Крикунова, я многому научился у него.

Мы с ним составляли подробные и обоснованные заявки на оборудование и материалы, которые всегда без особых «обрезаний» утверждали в отделе материально-технического снабжения Совнархоза. Но однажды с нами произошел казус. Машинистка вместо «напильники драчёвые», напечатала – «напильники драчёные». Мы с Крикуновым этого не заметили, совнархозовские же снабженцы, обнаружив опisku, долго потешались над нами.

С тех пор я возвел себе в правило не подписывать никакие бумаги, пока внимательно их не вычитаю.

Вместе с ростом в своей профессиональной деятельности, я поднимался и в общественной работе. Как секретаря комсомольской меня избрали в партийный комитет комбината.

Секретарем парткома был Пастухов П. С., затем его сменил Дерев В. А. На мне лежала работа с молодежью, но порой приходилось заниматься и другими вопросами.

Запомнился случай, когда секретарь парткома ушел в отпуск, его заместитель заболел, и я остался за старшего. Ко мне в комитет пришла жена начальника ОКСа Столярова с жалобой на мужа: живя с ней, он деньги ей не доверяет, выдает лишь по три рубля в день, а у них трое

детей. Что мог я на это ответить я, молодой холостяк, не имеющий жизненного опыта.

Пришлось просто пообещать, что мы вызовем её мужа и поговорим с ним.

1957 год я заканчивал в Крыму на курорте в Феодосии. Санаторий находился пря-мо на берегу моря. Время было не пляжное, мы больше занимались ознакомлением с достопримечательностями города и окрестностей, изредка принимали лечебные процедуры – подкрепляли нервы.

Наш корпус был трехэтажным. Я с двумя другими отдыхающими жил на верхнем этаже. В одиннадцать часов вечера двери в помещение и ворота на территории санатория закрывались на замок. Любители погулять изыскивали всевозможные способы проникновения в корпус после отбоя, вплоть до влезания на крышу по пожарной лестнице. Однажды мы допустили оплошность: оставили открытыми двери на балкончик. Ночью на него с крыши спрыгнули двое запоздавших гуляк и через нашу комнату прошли в коридор. После этого наш отдых превратился в ад. Каждую ночь в комнате слышался топот ног, а если мы закрывали балконную дверь, то нас будили стуком, требуя открыть её. Пришлось под каким-то предлогом просить главврача санатория сменить нам комнату.

В Феодосии я осмотрел сохранившуюся башню и развалины генуэзской крепости XIV – XV веков, несколько раз побывал в картинной галерее И. К. Айвазовского. Меня поразило, как выписана бушующая морская стихия на его картине «Среди волн». Солнечный луч, выглянувший из-за туч, пронзает гребень волны, вода светится изнутри.

Наняв такси, я съездил в Керчь. Водитель, помимо города, показал мне гору Митридат. По пути мы заехали на «Золотой пляж» - пустынный в это время года пологий берег моря с чистым, белым ракушечным песком. Пляж протянулся дугой на километры.

От Феодосии до Керчи и обратно более двухсот километров, да еще водитель такси был в качестве гида. Мы даже перекусили с ним в небольшом ресторанчике. Разве сейчас может позволить себе такую поездку рядовой инженер-производственник?

В те годы в стране не пытались довести стоимость бензина до мирового уровня. Жили своим умом и по своему карману. Поэтому простые люди и имели возможность ездить на такси на такие расстояния.

Встречу Нового 1958 года в санатории организовали во дворце бывшего табачного магната.

Елка, танцы, лотерея, шампанское. Кругом серпантин и конфетти. Люди в масках. Паркетный пол натерт до блеска, ноги расползаются, как на льду. Вальсируя, надо было быть внимательным. До сих пор вспоминается, как мы танцевали под радиолу, под модную в те годы песню про пожарного, которую исполнял своим негромким голосом с приятным мягким тембром Аркадий Райкин: «Нет дыма без огня, ты в сердце у меня...»

Пока мы веселились, наши соседи-преферансисты закрылись у себя в комнате и весь праздник расписывали «пульки». Мы им доставляли еду, курево да выпивку. Вылез-ли они из своей комнаты через три дня: осунувшиеся, небритые и с темными кругами под глазами. Каждому – свое.

Вскоре отдых закончился, и мы разъехались. В Москве, на Красной площади, стоя в фуражке в очереди в Мавзолей, я на ветру чуть не отморозил себе уши. Бегом перебежал площадь, в Гуме купил себе зимнюю шапку и вернулся в очередь. В Мавзолее покоились Ленин и Сталин. Сталин оказался небольшого роста, на лице были заметны оспины. В правление Хрущева Сталина из Мавзолея убрали и захоронили у Кремлевской стены. Когда пишу эти строки, слышу, как новоявленные «демократы» требуют перезахоронить и Ленина. Неужели судьба Кромвеля и Наполеона их ничему не научила...

После Мавзолея через Спасскую башню прошел в Кремль, зашел в соборы, взглянул на наши реликвии: Царь-колокол и Царь-пушку. Много раз в продолжении своей жизни мне пришлось бывать на Красной площади и в Кремле, был там один и с семьей, но такого чувства, которое я испытал при первом посещении, больше у меня никогда не было. Когда я впервые увидел Мавзолей и красный Пантеон у Кремлевской стены, Соборную площадь, колокольню «Иван Великий» и царские усыпальницы в соборах, то меня от сознания того, что я воочию соприкасаюсь с нашей историей и нашими святынями, вместе с благоговейностью охватило

чувство необычайной радости.

Вечером того же дня наш поезд увозил меня в Сталинабад. По прибытии домой вновь навалилась куча повседневных проблем и забот.

На комбинате, год от года, добываемая руда беднела. «Линзы» с богатым содержанием флюорита и свинца, которые в свое время находил наш главный геолог Клименко А. С., были выбраны. Пошли в ход руды с малым содержанием минералов. Для выполнения плана по поставкам концентратов пришлось увеличить количество перерабатываемой руды.

Протяженность горных выработок все увеличивалась, они опускались все глубже и глубже. Начались проблемы с вентиляцией. На штольне «Восточная» установили вентилятор центрального проветривания. Для покрытия новых мощностей мы в боксах гаража дополнительно установили две передвижные электростанции с танковыми дизелями В-2-300. На БГЭС подходила пора менять рабочие колеса гидротурбин. Мы с Земченко Н. Ф. и Крикуновым Н. В. подготовили чертежи, разместили заказ на изготовление новых колес на одном из заводов Урала. Через некоторое время колеса пришли, но не бронзовые, а стальные. Работали они не хуже фирменных, да и восстанавливать их при ремонтах с помощью сварки было проще.

Только немного развязались с дефицитом энергии, как на нас навалились новые заботы. Решением Совнархоза Такобскому комбинату передали Майхуринское рудо-управление, включающее в себя вольфрамо-оловянный рудник, примитивную обогатительную фабрику и небольшую ГЭС. Надо было ехать и принимать все это хозяйство.

## Глава 13

### МАЙХУРА

Майхуринский рудник располагался в горах на высоте около 4000 метров над уровнем моря у истоков небольшой речушки Майхура, которая под Анзобским перевалом, сливаясь с рекой Зидды, образует реку Варзоб (по-ягнобски – «бурлящая вода»). На выходе из гор в Гиссарскую долину р. Варзоб меняет название и становится Душанбинкой.

От Сталинабада рудник находился в ста, а от Такоба в шестидесяти километрах. До р. Майхуры дорога была хорошей, она имела стратегическое значение: связывала южную часть Таджикистана с северной и выходила в Узбекистан. Её постоянно поддерживали в надлежащем состоянии. А проезд до рудника вдоль Майхуринки был затруднительным. Дорога была грунтовая, пробитая по левому борту ущелья. Она размывалась и заносилась селевыми потоками и сходящими сверху оползнями и требовала постоянной расчистки. Зимой дорога покрывалась метровым снегом, местами на неё сходили снежные лавины. Поэтому рудник был сезонным, работал только с мая по ноябрь.

Разработка Майхуринского месторождения началась после Отечественной войны. Рудник находился в ведении «Цветредмета». Вначале там работала небольшая старательская артель. Куски с богатым содержанием шеелита (вольфрамовой руды) вручную выбирали, отсортировывали и отгружали на металлургические заводы.

Оплата труда рабочих осуществлялась не рублями, а бонами, отоваривание которых производилось в магазинах системы «Золотоскупка» – бывших «Торгсинов» (торговля с иностранцами). Это были прообразы появившихся в 70-х годах магазинов «Березка», где качественные товары и продукты отпускались по не всем доступным чекам или долларам США.

После того как богатую руду выбрали, в трех километрах ниже рудника, в урочище, называемом местным населением Шаит, на склоне горы построили небольшую обогатительную фабрику. Там руду дробили и обогащали на концентрационных столах. Помимо вольфрамового концентрата дополнительно стали получать и оловянный. Затаренную в небольшие мешочки продукцию отправляли на металлургический передел. У рудника и рядом с фабрикой, среди крупных скальных обломков, были разбросаны маленькие приземистые

домишки-лачуги из рваного камня или бетона, в которых жили сезонные рабочие. Они поднимались на рудник в конце апреля. Передовые бригады шли еще по снегу. Для защиты от яркого солнца все отпускали бороды, губы красили дамской “губнушкой”, на глазах – обязательные темные очки. Пионерная группа, пробивавшая тропу, шла с осторожностью, внимательно следя за нависшими наверху снежными массами. Разговаривали тихо, стрелять не разрешалось. Громкие звуки могли вызвать сход лавин. Все помнили трагедию, происшедшую в начале пятидесятых годов, когда спускавшаяся поздней осенью бригада в составе восьми человек погибла под лавиной, обрушившейся с ближайшего склона горы. Нашли их только следующим летом.

Прибыв на место, рабочие начинали откапывать из-под снега жилье, производственные помещения, расчищать дороги и канал Казнокской ГЭС, лежащей в нескольких километрах ниже фабрики. Главной задачей было, как можно быстрее запустить электро-станцию, дававшую свет и тепло и от которой зависела работа всего производства.

К моменту передачи Майхуринского рудоуправления Такобскому комбинату оплату бонами уже отменили и майхуринские рабочие получали как и все – рублями. Но по сравнению с такобскими работниками оплата труда у майхуринцев, за счет прибавки за высокогорье, была выше.

Контингент работающих на Майхуре был неоднородным. Основной костяк инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих трудился годами. Зимой они жили в Сталинабаде, на своей базе занимались подготовительными работами. Остальные рабочие нанимались только на летний сезон. Среди них были “летуны” и бывшие заключенные. Для поддержания дисциплины руководство рудника было вынуждено ввести “сухой закон” – завоз спиртного (кроме пива) на Майхуру был запрещен. Рабочие работали четыре недели без выходных, а затем на четыре дня спускались в Сталинабад. Там сезонники за это время свою зарплату успевали прогулять, после чего вновь поднимались на рудник, питаясь в рабочей столовой в кредит – “под карандаш”.

Несмотря на то, что на Майхуре милиция отсутствовала, серьезных правонарушений в мою бытность там не наблюдалось.

Принимать рудоуправление мы поехали комиссией во главе с главным инженером комбината Селиным В.И. Кроме меня, в комиссию вошли главный механик Крикунов Н. В., начальник Такобской обогатительной фабрики Бобков Н. Г., главный геолог и главный маркшейдер комбината.

Выехали мы на грузовой машине. Главный инженер сел в кабину, остальные расположились на скамейках в открытом кузове. Обзор был прекрасный. Свернув с основной дороги, запетляли по боковому склону ущелья, на дне которого шумела Майхуринка. Местами заднее наружное левое колесо машины повисало в воздухе, а кабина справа чуть ли не касалась скалы. Проехав речушки Казнок и Як-Арча, по серпантину полезли вверх. Крутые повороты – “тещины языки” – сходу брать не удавалось. Приходилось разворачиваться в два приема. Неприятное ощущение возникало, когда во время поворота, при сдаче машины назад, задняя часть кузова зависала над обрывом. Водитель, выполняя данный маневр, даже не поворачивал головы. Вез нас шофер-ас, осетин Руслан, который эту трассу знал до камушка.

Поразил нас своим мастерством и встретившийся на расчистке дороги бульдозерист Азим. Он иногда ставил бульдозер в такое положение, что нож зависал над бездной. Как Азим чувствовал границу дозволенного, причем, на рыхлом грунте, ему непостижимо. Чуть нарушишь равновесие, и бульдозер вместе с бульдозеристом загремит под обрыв на сотню метров вниз. С неопытными шоферами это, видно, и случалось: внизу у воды местами валялись перекореженные и ржавые остовы автомашин.

Не все водители могли ездить по этой дороге. Бывали случаи, когда шофер из России или Казахстана, имея права вождения высшей категории, после первого же рейса в Майхуру отказывался от дальнейшей работы.

В Шаите на обогатительной фабрике нас встретило майхуринское руководство. Остановились мы у начальника рудника Дробизова А. М. Воспользовавшись гостеприимством хозяев,

обильно поужинали и, наметив план действий на предстоящий день, зава-лились спать. Утром, оставив Бобкова на фабрике, мы начали осматривать объекты предприятия сверху вниз – с горного цеха. На машине через узкие скалистые “Медвежьи ворота” под-нялись непосредственно к самому руднику. Вокруг вздымались гряды скал. Немного вы-ше по ущелью на фоне голубого неба, выделялся пик с белоснежной вершиной. Левее пика была видна заснеженная седловина перевала с опускающимся с неё небольшим ледником, из-под которого вытекала Майхуринка. Пенящийся ручей сбегал вниз, извива-ясь среди моренных камней. За приемной площадкой рудника, где находилась компрес-сорная, привод канатного подъемника и жилой поселок, речушка разливалась, образуя небольшое и неглубокое озерцо. Я попробовал помыть в нем руки, они заняли: вода бы-ла ледяная. Вокруг разлива громоздились россыпи камней и скальных обломков, покры-тых ржавым налетом. Это был, так называемый “солнечный загар” – поверхностный слой железа и марганца. Трава на этой высоте не росла. Над приемной площадкой, почти вертикально, круто вверх поднималась отвесная скальная стена, в которой на высоте 50-70 метров виднелись окна – отверстия горных выработок. Это напоминало старые скальные китайские жилища или Гранитный дворец колонистов из “Таинственного острова” Жюль Верна. Из одного “окна” наклонно вниз спускался канат, по которому руда в кузове вагонетки транспортировалась в бункер, а от-туда самосвалами доставлялась на фабрику. Люди поднимались по тропинке-серпантину, проложенному по осыпи, доходящей до другого “окна” в стене.

Когда мы в сопровождении Дробизова начали подниматься по этой тропинке, то пожалели о тостах, поднятых во славу процветания предприятия на вчерашнем ужине. Сердце не тянуло, ноги были ватными, сил не хватало. Через каждый десяток метров мы останавливались, хватая воздух и чувствуя себя рыбами, вынутыми из воды. Высокого-рье сказывалось. А тем временем Дробизов, быстрым шагом уходил вперед и с улыбкой ожидал нас на очередном повороте. Зайдя в рудник, мы очутились в огромных каменных залах, потолки которых подпи-рались толстыми целиковыми колоннами из руды. Система отработки так и называлась – столбовая. Представившаяся картина была безрадостная: освещение выработок было плохое, механизация скудная, вагонетки к канатке подавались вручную.

Не лучше обстояло дело и на обогатительной фабрике. Оборудование изношено, щековая дробилка, шаровая мельница и концентрационные столы то и дело ломались, нарушая технологический процесс.

Было ясно, что для увеличения производительности рудника и повышения извле-чения металла из руды необходимо провести капитальную реконструкцию как самого рудника, так и обогатительной фабрики.

Хуже всего обстояло дело с электроснабжением предприятия. Мне предстояло тщательно ознакомиться с электрохозяйством и выяснить возможность повышения гене-рирующих мощностей электростанций.

Для этого мы с электромехаником рудника Палием И. М. спустились на ГЭС, кото-рая была сооружена на слиянии реки Казнок с Майхурой. Там стояло два приземистых здания. В старом была установлена ковшевая гидротурбина мощностью 150 кВт, а в по-строенном позже – более современная турбина, вращающая шестисоткиловаттный гене-ратор.

Вода на станцию поступала по двум наклонным трубопроводам, опускающимся по склону горы. К водонапорному бассейну вода из реки Казнок подводилась по небольшому отводному каналу, проложенному на крутом боковом склоне глубокого ущелья реки.

Палий предложил посмотреть водозабор. Для этого мы, держась за веревку, по вырубленным уступам спустились в колодец, пробитый в снегу, заполнявшем весь кань-он реки. Внизу был снежный тоннель, в котором слева по ходу, прилепившись к склону, шел бетонный канал, а справа по дну ущелья шумела невидимая в темноте горная ре-чушка. Мы включили на касках шахтерские светильники и по тропинке сбоку канала, а то и по закрывающим канал бетонным плитам, двинулись к водозабору. До него было около двухсот метров. Грунт рыхлый, дресвяной, осыпающийся. Местами бетонная обделка ка-нала имела трещины, из которых брызгали струйки воды, которые размывали тропинку и склон горы. Со снежного свода тоннеля

за шиворот капали холодные капли. Палий пре-дупредил, что идти надо осторожно, в случае падения – валиться в сторону канала. Ина-че сорвешься вниз в темноту, в речку на дне каньона. Еще больше страху нагоняла мысль о том, что над тобой без всякого крепления лежит двадцатиметровый слой тяже-лого опрессованного фирнового снега. Некоторые годы он не успевал растаять даже за все лето. Дойдя до водозабора, мы обнаружили, что он нарушен и требует ремонта.

Когда мы вылезли из колодца наружу и вновь увидели яркое солнце и зелень, ус-лышали пение птиц и посвист сурков, то на себе ощутили, что “жизнь – хороша, и жить хорошо”.

С ГЭС на фабрику и на рудник энергия передавалась по линии 6 кВ на низких опо-рах из стальных труб. Местами до нижнего провода можно было дотянуться рукой. Спа-сало то, что линия проходила там, где люди почти не ходили.

Произведенный осмотр электрохозяйства позволил мне сделать неутешительные выводы: установленные на ГЭС мощности не используются по причине нехватки воды из-за малой пропускной способности канала и трубопроводов. Расширять действующие гид-ротехнические сооружения не представлялось возможным: это вызвало бы остановку производства. Встал вопрос о строительстве дополнительных электростанций – ДЭС и ГЭС.

По приезду в Такоб наша комиссия на техсовете комбината доложила о состоянии горных работ, переработке руды, механизации и электроснабжении майхуринского произ-водства. Было принято решение о проходке рудоспуска и штольни к нему, вводу электро-возной откатки в горном цехе. На обогатительной фабрике предусматривалась реконст-рукция цеха измельчения и строительство цеха флотации. Для надлежащего энергообес-печения производства предлагалось в срочном порядке построить дизельную электро-станцию рядом с существующей ГЭС. Сооружать ДЭС на Шаите не имело смысла: из-за большой высоты, при разреженном воздухе, терялась бы значительная мощность дизеля. Казнокская же ГЭС располагалась гораздо ниже, на высоте 2600 м над уровнем моря, что почти на один километр ниже Шаита. В дальнейшем мы предполагали построить более мощную ГЭС на реке Як-Арче. Для осуществления намеченного было решено подключить соответствующие про-ектные организации республики. Вопросами технологии обогащения майхуринских руд в то время занялся инженер-обогачитель, аспирант института химии АН Таджикской ССР, будущий вице-президент Академии Соложенкин Петр Михайлович.

Производство в Такобе было более-менее налаженное. Поэтому в летнее время больше внимания приходилось уделять Майхуре, неоднократно выезжая туда на не-сколько дней, а то и недель.

Первым делом занялись улучшением работы Казнокской ГЭС. Напорный трубо-провод состоял из двух ниток полуметровых стальных труб, проложенных открыто на юж-ном склоне горы. Температурный компенсатор отсутствовал. Верхние сварные швы часто лопались. Для производства ремонта вода из трубопровода спускалась, под солнцем пус-тые трубы нагревались. После заварки лопнувших стыков пускалась вода, она была ле-дяная. Резкий перепад температур вызывал сокращение трубопровода, что приводило к разрыву швов в других местах. Все надо было начинать сначала. Это было мучение.

Кроме того, подшипник генератора был установлен на отдельном фундаменте (строители сэкономили цемент). Во время работы он проседал, появлялась недопустимая вибрация, агрегат станции приходилось останавливать на ремонт. Часто отказывала и защита генератора от коротких замыканий.

Пришлось срочно организовывать дополнительное бетонирование фундаментов и трубопровода, налаживать релейную защиту. На сооружении бетонных тумб под трубо-провод, ремонте канала и напорного бассейна нас выручали рабочие из местных кишла-ков. Они по крутой тропинке, с мешком цемента на спине, быстрым шагом поднимались наверх. Аборигены были адаптированы к высокогорью. Мы же к напорному бассейну, да-же без груза, добирались с трудом.

Через год начало поступать заказанное оборудование. На обогатительной фабрике установили мощную дробилку, смонтировали классификатор и флотомашинны. В горном цехе пустили



электровоз, заработали скреперные лебедки, резко увеличились проходче-ские работы. Доставлять оборудование в Майхуру было не легко. Его приходилось разбирать на транспортабельные части. Автомашины с прицепом на рудник не проходили, длинномеры доставлялись на специально устанавливаемых в кузовах машин “козлах”. Трубы и рельсы крепились на них, нависая над кабиной и капотом машины. Для перевозки выделялись особо опытные водители. Фамилии их уже забылись, но имена помнятся. Это был уже упомянутый мной Руслан, его земляки Алик и Петр, а также житель кишлака Зидды, Му-заффар. Последний был хорошим водителем, знавшим особенности всех дорог в округе, но отличался лихачеством. Это его и подвело. Превысив скорость, он на повороте не справился с управлением и улетел в реку Варзоб. Пассажиры встречной машины видели, как его рука долго хлопала по верху кабины, через которую перекатывались бурлящие потоки горной реки. Дверки, видно, заклинило, а может его придавило, сам водитель вылезти из кабины не смог. Помочь ему без соответствующего снаряжения люди на берегу не сумели. Они с криком так и бегали у воды до тех пор, пока рука утонувшего не остановилась в последнем судорожном призыве о помощи. Потом на месте гибели Музаффара на берегу сложили небольшой каменный памятный знак. Проезжая около него наши водители всегда подавали сигнал. Сколько таких памятников стоит по дорогам Таджикистана. На некоторых, стоящих у поворотов над обрывами, кроме фамилий выбито: “Он поехал прямо”. Не доезжая до Оби-Гарма у дороги видна металлическая пирамидка в память моего погибшего друга Саши Цатуряна, а немного дальше, за Рогуном – маленькая каменная стела, напоминающая о моем молодом коллеге по кафедре Абдумалике Бабаеве. На этих местах мои друзья, которые слишком торопились, на своих машинах поехали прямо – прямо в небытие...

Осталась в памяти моя поездка на Майхуру с водителем Петром. Загрузившись, на машине ГАЗ-51 мы в обед выехали из Такоба с расчетом засветло попасть на место. Но, как говорят: “Человек предполагает, а Бог располагает” – до Майхуры мы в этот день не доехали. Километрах в пяти за кишлаком Гушары дорога была преграждена языком снега, толщиной метра три, вышедшего из бокового ущелья. На расчистке дороги ковырялся один маломощный бульдозер. Дорожники на своей машине поехали за экскаватором, на-ходящимся в нескольких километрах от завала. Очередь из подходящих машин стала расти. Некоторые, видя, что расчистка затягивается, сразу разворачивались и возвращались назад. Мы с Петром решили дожидаться открытия дороги. Стало темнеть, экскаватор не появлялся. Сзади нашей машины выстроилось с десятков других. Теперь, даже если мы и захотели бы вернуться, то из колонны выбраться уже было невозможно. Пришлось за-ночевать. Недалеко стоял, сложенный из бутового камня, небольшой домик дорожных рабочих. В него набилось десятка полтора водителей и пассажиров, среди которых, на земляном полу, расположились и мы с Петром. Было холодно, дверь плотно затворили. Вот тогда я воочию увидел, что значит кислород в нашей жизни. В стенной нише горела керосиновая лампа без стекла. Спустя некоторое время, она начала потихоньку гаснуть. Подумали, что кончается керосин, но, проверив, убедились, что лампа заправлена. По-ставили её на пол у дверной щели – пламя разгорелось. Оказалось, что мы в своей хи-барке выдышали кислород, и горение затруднилось. А вот люди терпели, человеческий организм вынослив.

К утру завал расчистили. Колонна собравшихся машин по пробитой дорожной техникой снежной траншее медленно двинулась вперед. Часам к двенадцати мы, наконец, прибыли на рудник.

Я любил ездить по этой дороге. Места были красивые: речка Варзоб с чистой бурлящей водой, слева и справа круто вверх вздымаются живописные скалы. В Кабутах, где виднелись отвалы породы заброшенного рудника, на берегу реки росли кусты черной смородины. Местами у дороги встречались небольшие рощи грецкого ореха, в боковых ущельях росли березы, клен и барбарис. На 53-м километре на скале над головой были видны остатки древнего пути: из щелей торчали кольца старого овринга.

Недалеко от развилки, в начале Майхуринского ущелья на зеленом пологом берегу стояли три ветлы, под которыми, обычно, водители делали передышку. Если у нас было время, то мы в

заводях у бурлящих перекаатов успевали поймать на удочки несколько красивых и вкусных радужных форелей. Выше рыба уже не водилась, да и деревья в ущелье исчезали, уступая долинным участкам альпийским лугам.

Рядом с Казнокской ГЭС встречались поляны, поросшие разнообразными травами, в которых было много местных грибов-шампиньонов. Травы не косились, верхний слой почвы состоял из векового перегноя. Одна семья, обслуживающая ГЭС, попробовала посадить картошку – урожай превзошел все ожидания. С тех пор большинство работников электростанции все свободное от работы время стали проводить на своих земельных участках.

В одну из зим подвижкой снежных масс на приемной площадке рудника разрушило бункер для руды. Руду из вагонеток канатки пришлось ссыпать прямо на грунт, а для её погрузки в самосвалы мы в разобранном состоянии, по частям доставили в Майхуру экс-каватор. Для организации быстрой сборки и ввода его в работу на рудник выехал Крикунов Н. В. Через несколько дней туда вызвали и меня: снегом завалило часть канала у напорного бассейна ГЭС. Пришлось аврально создавать бригаду рабочих, которые вручную лопатами откапывали канал. Мы с Палием, разбившись по сменам, руководили работами по расчистке. Все вроде бы шло нормально. Но как-то Палий понадобился на руднике, а вместо него решил побыть с рабочими на канале Крикунов. Вот тут и произошла беда. Висевший над расчищенным участком канала козырек из тяжелого опрессованного снега рухнул, завалив под собой двух рабочих. Одного быстро откопали, он оказался немного помятым, но вскоре отошел. Его даже не пришлось отправлять в больницу. Другой же по-гиб. Начались комиссии по расследованию, приехал инспектор “Госгортехнадзора”. Все обошлось штрафами и выговорами. Никого не судили – сослались на стихию.

Кстати об инспекторе. Когда он с нами ездил в Майхуру, то перед самым опасным участком дороги всегда вылезал из машины и проходил его пешком. Мы, проехав километра два, останавливались и в ожидании нашего трусливого попутчика устраивали перекур.

Установка нового оборудования и изменение технологии извлечения металлов из руд на Майхуринской обогатительной фабрике вызвала необходимость усиления инженерно-технических кадров. Вместо практика Чабанова Р. начальником фабрики назначили молодого инженера-обогапителя Туниадзе М. А.

С этим Туниадзе произошел занятный случай. По склонам гор, спускавшимся к фабрике, обитало много сурков. Издали, в бинокль можно было наблюдать, как они возились около своих нор. Всегда где-нибудь рядом виднелся столбик сторожевого. И как только появлялась опасность, по всей долине, от одной норы к другой, перекатывался тревожный сурочий свист. Вся колония исчезала в норах. К осени сурки набирали много лечебного жира, из-за которого их и отстреливали. Взяв малокалиберку, отправился на охоту и наш Миша Туниадзе. Но вместо сурка он при выстреле почему-то попал в пасущуюся недалеко от норы корову, принадлежащую местному рабочему фабрики. Хозяин коровы, узнав об этом, заставил нашего “снайпера” выкупить у него раненое животное с простреленным животом. Туниадзе, чтобы замять скандал, деньги заплатил, корову зарезал, но за проданное мясо выручил всего лишь около половины уплаченной за корову суммы. Долго еще мы потешались над нашим горе-охотником, интересуясь, почему он не продолжает свою такую “прибыльную” коммерческую деятельность.

Помнится и другой эпизод, связанный с тем укладом жизни на руднике. Однажды холостяк-маркшейдер, когда завезли пиво в столовую на верхнюю площадку, закупил и прикатил к себе в хибару целую бочку этого пива. Напившись до отвала, он начал приглашать всех своих знакомых. А так как знакомыми были все работающие в горном цехе, то через некоторое время целая смена почти в полном составе не вышла на работу. Начальнику цеха пришлось срочно принимать меры.

Драматически могла закончиться и другая история, приключившаяся с радистом рудника Юрием. Обычно для охраны хозяйства на зиму на руднике оставляли два-три человека по их желанию. Чаще всего соглашались Юрий с женой. Им оставляли необходимые продукты питания, топливо и керосин. Связь с Такобом зимовщики поддерживали по рации, имеющей

достаточный запас батарей. И вот, в конце одной из зим радиостанция Майхуры перестала отвечать. Не отзывалась она на наши запросы в течение нескольких дней. Мы в Такобе начали беспокоиться о судьбе зимовщиков. Руководство комбината дало команду готовить спасательную группу для подъема на Майхуру. Вертолеты в ту пору в подобных случаях еще не применяли. И вдруг, по радиации пришло сообщение, что на руднике все в порядке. Юрий объяснил, что из-за отсутствия хлеба он был вынужден спуститься в кишлак Зидды за мукой. Все были удивлены. Куда же делись оставленные двум зимовщикам несколько мешков муки? Причина выяснилась только тогда, когда начался сезон работы рудника. Оказалось, Юрий от скуки из подручных деталей соорудил себе аппарат, и всю муку и са-хар перегнал на самогон. Без сахара то жить было можно, а вот без хлеба – трудно. Вот он и спустился по снегу в лежащий в тридцати километрах от рудника кишлак, наказав жене не отвечать по радиации. Хорошо, что все обошлось благополучно, в этот период с гор начинали сходить снежные лавины.

Радиосвязь доставляла мне частые неприятности. Она находилась в моем ведении и требовала постоянного контроля за её работой. Начальник связи комбината Ники-тин Н. отвечал за телефонный коммутатор и одновременно являлся радистом в Такобе. Радиосвязь осуществлялась при помощи полевой аэродромной радиации ПАРКС. Сеансы связи проводились в определенное время по азбуке Морзе. Но радисты, для простоты, часто переходили на связь голосом, порой применяя нецензурные слова. Кроме того, чтобы усилить сигнал, они снимали с передатчиков кварцевые стабилизаторы, что приводило к отклонению от разрешенной частоты. Все случаи нарушений тут же фиксировала контрольная станция госбезопасности в Самарканде, присылая нам грозные телеграммы. На основании этих телеграмм республиканская радиоинспекция штрафовала комбинат. А директор всю сумму штрафа перекладывал на меня и Никитина: “Делите, как хотите!”

В августе 1958 года на Казнокской ГЭС сгорела обмотка одного из генераторов, изготовленного ленинградским заводом “Электросила”. Нужно было принимать срочные меры для производства ремонта.

В это время в Ленинграде вместе с женой отдыхал наш сосед, техрук горного цеха Семенов П. И. Я послал ему письмо с просьбой сходить на завод и добиться, чтобы они изготовили нам пару секций к нашему генератору. В конце письма я приписал, что для ускорения дела, для “смазки”, будет выслано финансовое подкрепление.

На завод Петр Иванович сам не пошел, а послал свою жену – она в таких делах была более пробивной. Та нашла на заводе нужного человека и, не разбираясь в технических тонкостях, отдала ему мое письмо, предварительно загнув приписку о финансовой поддержке. Читая письмо, работник завода приписку отогнул, быстро сориентировался, нагородил кучу трудностей, но всё же пообещал помочь.

Получив сообщение об этом, я в кассе комбината получил необходимую сумму (мне её провели как премию), оформил отпуск и вылетел в Ленинград. Пока секции готовили, я отдохнул и познакомился со своей будущей женой Тamarой. К моему возвращению из отпуска секции были уже в Такобе.

Прилетев, я тут же вместе с обмотчиками выехал в Майхуру восстанавливать генератор. Вечером работники Казнокской электростанции в своем домике среди гор потчевали меня местными жареными грибами с картошкой, маринованным горным луком анзур и поили чаем со сгущенкой. А я в это время вспоминал о том, что еще позавчера сидел с Тamarой в шикарном кафе на Невском за бокалом шампанского.

К открытию сезона 1959 года мы получили новую дизельную электростанцию тоже чешского производства. Как только открылась дорога и на Казноке с площадки, намеченной под строительство ДЭС, сошел снег, тут же приступили к рытью котлована и заливке фундамента. Дизель доставили в разобранном виде. Монтировали оборудование ударными темпами в две смены. Эта стройка напоминала возведение эвакуированных заводов во время Отечественной войны на новом месте. Мы сначала установили дизель, запустили его, а потом только начали поднимать стены здания и сооружать перекрытие. Такой способ строительства позволил нам

получить дополнительную электроэнергию уже через месяц с начала рытья котлована под ДЭС. К этому времени был закончен проект сооружения на реке Як-Арче ГЭС мощно-стью 1200 кВт. Мы подали в Совнархоз заявки на необходимое оборудование и материа-лы, а сами приступили к подготовке площадок под здание станции и напорного бассейна. Наметили трассу подводящего канала и место водозабора. Вода должна была забирать-ся из реки Як-Арча, которая впадала в Майхуринку в километре выше Казнокской элек-тростанции. В Як-Арчинском ущелье когда-то росла одна арча, из-за чего речка и получи-ла такое название. Ущелье было широкое с пологими травянистыми склонами. В её ни-зовьях снег сходил рано, что давало возможность запускать ГЭС сразу с открытием сезо-на. Летом в урочище веял теплый, настоянный на горных травах мягкий и ласковый ветерок, были слышны трели сурков и крики горных куропаток-кекликов, паслись отары овец. Каким диссонансом в эту идиллию ворвались взрывы, которыми мы начали углуб-лять котлован под здание ГЭС.

Запомнился эпизод, когда мы при взрывах спрятались в рядом лежащие стальные трубы большого диаметра. Камни от раздробленной взрывом скалы с таким звоном и щелканьем стучали по трубам, что у нас в ушах чуть не полопались барабанные перепон-ки. Мы были готовы выскочить из своих убежищ под град падающих камней, но, к сча-стью, этот камнепад быстро закончился.

Строить саму станцию мне уже не пришлось. В 1961 году я перешел на более со-лидную по своим масштабам стройку – возведение Нурекской ГЭС на Вахше.

\* \* \*

Прошло больше десяти лет. В 1972 году я, работая над диссертацией, производил эксперименты по определению воздействия электрического тока на организм человека в условиях высокогорья. Одним из доступных и недалеко находящихся объектов для про-ведения нужных замеров была Майхура. К тому времени рудник был уже выработан, на его месте работала одна из партий Южно-Таджикской геологоразведки, со знакомым мне электромехаником. К нему я и обратился за помощью. Поехали мы с ним с тем же води-телем Русланом уже работавшим в ЮТГР. Большая часть дороги лежала теперь по лево-бережью р. Варзоб, где было меньше выходов селей. В Майхуринском ущелье дорога была заброшена, больше напоминала широкую тропу со следами автомобильной колеи, по которой изредка проезжала машина геологов.

Подъехав к Казноку, я увидел заброшенные здания бывших электростанций. Они зияли пустыми глазницами окон и были без крыш. На Як-Арчинской ГЭС с горем-пополам работал один агрегат, вырабатывая энергию для геологической партии. В Шаите от обо-гатительной фабрики остались только стены. На верхней площадке торчали погнутые рельсы и под размытыми породными отвалами валялись покореженные кузова вагонеток. Внутри горных выработок и в окрестностях бывшего рудника работали всего лишь две-три буровые установки геологов.

Тоскливо было смотреть на это “мертвое царство”, вспоминая, как еще недавно здесь бурлили производственные страсти, сновали автомашины, слышался смех и ру-гань, шум механизмов. На ночлег мы с электромехаником расположились в одной из лачуг. Было холодно, спали в спальных мешках. Утром, выйдя наружу, я увидел странную картину. К проте-кающему рядом холодному горному ручью на четвереньках подполз один из рабочих гео-логической партии, окунул лицо в воду, напился и тут же на бережку лег отдышаться. Ми-нут через пятнадцать он с трудом встал и, пошатываясь, поковылял в свое жилище. Вид-но “сухого закона” в ГРП не существовало.

Я за два дня постарался произвести свои замеры и с тяжелым чувством от увиден-ного вернулся домой.

Последний раз о майхуринских местах я слышал в конце восьмидесятых. Дорога через Анзобский перевал на зиму закрывалась. Чтобы обеспечить круглогодичное сооб-щение с северным Таджикистаном, решили под перевалом пробить транспортный тон-нель. Но слабые и

водообильные горные породы в районе Анзоба не позволили проложить тоннель в этом месте. Тогда приняли другой вариант – разведочную штольню начали проходить в верховьях р. Майхуры. Довести замысел до конца не удалось. Началась перестройка.

## Глава 14

### РАБОТА ПЛЮС УЧЕБА

Жизнь продолжалась. Каждый год с разных концов страны на комбинат прибывали молодые специалисты. Со многими из них судьба связала меня на долгие годы.

Из Казахстана приехал горный техник Анатолий Павлов. У нас с ним сразу установились дружеские отношения. Он был целеустремленным и волевым парнем, быстро поднялся от начальника смены до техрука горного цеха. Затем его послали на учебу в Ташкентскую высшую партшколу.

После окончания Ереванского политехникума к нам со своим однокашником Заробяном прибыл Саша Цатурян. Заробян на русском языке разговаривал с трудом, Саша, хотя и с акцентом, изъяснялся по-русски сносно. Не обладая достаточными профессиональными знаниями, он отличался исключительным трудолюбием. Став электромехаником горного цеха, Цатурян мог по несколько смен кряду работать под землей, поднимаясь на поверхность только чтобы перекусить. Технику он любил, но относился к ней с халатностью, руководствуясь принципом – “и так сойдет”.

Как-то в мехцехе Саша заказал изготовить несколько нестандартных болтов. На чертеже он их изобразил в таком виде, что работники мехслужбы комбината долго не могли вспомнить об этом без смеха.

Всех потешил Цатурян и другим происшествием, случившимся с ним. Он катился на своем мотоцикле, у которого не работали тормоза и сигнал, по дороге, идущей под уклон. Впереди, прямо по середине дороги шел дед-бабай, который поперек спины нес металлическую кроватную сетку. Сетка перегородила почти всю дорогу. Сколько не кричал наш мотоциклист, прося деда отойти в сторону и развернуться, тот его так и не услышал. На всей скорости Сашка врезался в сетку: вместе с мотоциклом он полетел в одну сторону, дед – в другую.

Поднявшись, оба с криком стали обвинять друг друга.

Позже, работая с Сашей в Нуреке, или просто обращаясь с ним, я был неоднократно свидетелем его легкомысленного отношения к технике, что, по-видимому, и привело его к трагическому концу. За рулем “Газика”, торопясь на планерку в Рогун, он сорвался в глубокий каньон реки Вахш...

В конце 1956 года из Подмосковья приехал к нам на работу горный электромеханик, выпускник Московского горного института Королев Игорь Александрович. По приезду он был оформлен к нам в отдел. Жил он со своими друзьями, тоже молодыми специалистами – горняками Лубенко Б. и Тарабукиным Г. и маркшейдером Коротовских В. В той самой комнате, в которой начинал свою такобскую жизнь и я. Ребята были молодые, быстро нашли своих избранниц, и вскоре все переженались. Королев выбрал себе совсем молоденькую лаборантку из химлаборатории Аню Мифтахову.

Из этого периода запомнилась сцена в отделе. Придя на работу не выспавшимся, Игорь за чертежом задремал и чуть не упал со стула. Наш шеф Крикунов Н.В. не удержался: “Опять Королев всю ночь исследовал Прорабское ущелье”.

Игорь частенько бравировал: “Когда я работал в почтовом ящике...”, иногда вспоминал своих преподавателей, профессоров МГИ Гладилина, Озерного, Еланчика. Разве я тогда мог представить, что лет через пятнадцать я с этими профессорами встречу, не-которым из них буду сдавать кандидатские экзамены, а у профессора Гладилина даже бывать дома.

Уехав из Такоба, Игорь Александрович немного поработал в “Госгортехнадзоре” Таджикской ССР, а затем перешел в “Гидроэлектромонтаж” Минэнерго СССР, где стал одним из ведущих специалистов по наладке электрооборудования. Он вводил в строй энергетические объекты на Памире, в Нуреке, на Таджикском алюминиевом заводе, а затем на Хоабиньской ГЭС во

Вьетнаме.

Начиная с Такоба, до сегодняшнего времени мы поддерживаем близкие отношения с семьей Королевых. Дружба старших передалась нашим детям, а теперь и внукам.

Мы, молодые холостяки, свое свободное время проводили в клубе или на спорт-площадке, ходили на охоту и на рыбалку, делали вылазки в горы. Когда к нам в Такоб из Сталинабада приезжали знакомые девчата, то мы устраивали пикники в живописном “Прорабском ущелье” или в ореховой роще за Малой ГЭС. Собираясь в компаниях, конечно, выпивали, но делали это для веселья, в меру и, не теряя ума. Спиртное было дос-тупно, суррогаты встречались редко. У меня в тумбе рабочего стола стояла бутылка с хорошим питьевым спиртом, пред-назначенным для разведения пропиточного лака, используемого при ремонте обмоток электродвигателей. Отпуская спирт в электроцех, я тут же в моем присутствии заставлял обмотчиков всыпать в него сухой шеллак. С каким сожалением они смотрели на эту про-цедуру. И все же, несмотря на принимаемые мной меры, часть спирта уходила на “лич-ные нужды”. Электрики, бросив в приготовленный лак горсть соли, выбрасывали образо-вавшиеся сгустки шеллака. Оставшийся спирт фильтровали через коробку противогАЗа или самоспасателя и, разбавив водой, пили его. В памяти осталась одна история, связанная со “спирти вини ректификаци”, как мы тогда выражались. В доме одной из наших подружек мы с друзьями собрались отметить первомайский праздник. Пока девчата накрывали стол мы с ребятами прошли на кухню и для поднятия духа решили пропустить по рюмочке. Выпив стопку водки, я схватил стояв-шую на столе пол-литровую банку с предполагаемой водой и на выдохе глотнул из нее. Глотнул... и тут же задохнулся: дыхание замкнулось, слезы выступили на глазах. Мои друзья, думая, что я поперхнулся, со смехом хлопали меня между лопаток, усугубляя си-туацию. Кое-как я пришел в себя, отдышался и с трудом заговорил. В банке оказалась не вода, а неразведенный спирт, который девчата принесли из химлаборатории, не преду-предив нас об этом.

Спирт тогда не считался дефицитом. На Памир на зиму завозили только чистый спирт – водка там замерзала.

Массового пьянства на комбинате не замечалось. Отдельные злостные случаи об-суждались в коллективах, были у всех на слуху. Молодой заведующий складом Борис Кранцберг за выпивку неоднократно получал предупреждения, выговоры и лишался пре-мий – ничего не помогало. Тогда директор вызвал его к себе в кабинет и принял свои “кардинальные меры” – врезал ему в ухо. Мера воздействия сработала. Борис после это-го на работе не пил и частенько хвалился, каким образом Леонид Михайлович отучил его от чрезмерных возлияний.

Долго закрывали глаза на выпивки электросварщика мехцеха Женьки Лядова. В трезвом состоянии у него тряслись руки, работать он не мог. Но “подлечившись”, Женька становился виртуозом своего дела: варил любые швы в любых условиях, они получались ровные и непрерывные. При армировке вновь пройденного ствола Женьке вниз спускали выпивку и еду, он работал по несколько смен подряд. После этого подняться наверх по лестницам он был уже не в состоянии, его выдавали “на гора” в проходческой бадье.

Трагически окончилась встреча председателя профсоюзного рудкома со своим приятелем, нормировщиком горного цеха. Поздно вечером, когда у них закончилась вы-пивка и все магазины уже были закрыты, они вспомнили, что в электровозном депо во-дится спирт. Зайдя в помещение зарядной, друзья обнаружили стоящие на стеллаже стеклянные банки с прозрачной жидкостью. На радостях, не разобравшись, они хватанули из этих банок... А это оказался крепкий раствор щелочи, предназначенный для пригото-вления электролита, заливаемого в аккумуляторные батареи электровозов. В результате, нормировщик через несколько дней в мучениях скончался в больнице, а председатель остался инвалидом – каустик обжег ему желудок.

За такие случаи попадало многим, начиная от непосредственных виновников и кон-чая директором и секретарем парторганизации: кому-то объявляли выговора, а кого-то лишали премий или снимали с работы.

За время жизни в Такобе я излазил все окрестные горы. Как-то со стороны “Про-рабского ущелья” по гребню отрога поднялся на вершину горы, возвышавшейся прямо над верхней

площадкой комбината. Справа и слева скалы отвесно обрывались вниз. Прямо подо мной на дне ущелья виднелись, похожие на спичечные коробки, здания фаб-рики и жилые дома. Страшно было смотреть вниз: сердце холодело, ноги подкашивались. Инстинктивно стараешься отодвинуться от края обрыва.

С другой стороны Такобского ущелья, над столяркой, тянулся небольшой отрог от правобережной гряды, в расщелинах которого я находил друзы горного хрусталя. За этой грядой на дне ущелья попадались заросли дикого винограда, а выше по склону росли старые деревья арчи. Их корни, обходя камни, исчезали в трещинах скал, уходили в поч-ву. Дерево арчи (можжевельника) при горении дает сильный жар, поэтому местное насе-ление, несмотря на имеющиеся запреты, вырубает арчовые рощи на топливо. В хвое ар-чи содержатся вещества, убивающие микробов. Во время Отечественной войны из арчо-вой зелени варили отвары для лечения раненых в госпиталях. У местного населения есть поверье, что если гавхара – детская колыбель – сделана из арчи, то ребенок будет все-гда здоровым. Древесина арчи долго сохраняется. При раскопках в Пенджикенте архео-логи нашли арчевые бревна тысячелетней давности. Как-то, бродя в сае за штольной “Восточная”, я наткнулся на остатки старых выработок, в которых еще в начале века ме-стные рудокопы добывали “кургашин” – свинец. В опасных местах верх выработок подпи-рался арчовыми стойками.

Так незаметно, год за годом, прошло шесть лет моей такобской жизни. Когда я приезжал по делам в Сталинабад, главный инженер “Таджикглавэнерго” Васильев В. И. встречал меня со словами: “Привет Такобскому министру энергетики!”, подчеркивая этим нашу оторванность и независимость от их главка. Вскоре я стал понимать, что мы в своей такобской автономии варимся в собственном соку, начинаем заикливаться, а молодость, тем временем, проходит. Хотя я и занимался самообразованием, но внутренне осозна-вал, что этого было недостаточно. В это время началась эра освоения космоса. 4 октября 1957 года наша страна за-пустила первый искусственный спутник земли. Из приемников слышались его сигналы “Бип-бип”. По вечерам, как только стемнеет, в небе над горой, расположенной за столяр-кой, мы находили медленно движущуюся звездочку и наблюдали за ней до тех пор, пока она не скрывалась за дальней грядой.

Осенью 1957 года я послал документы во Всесоюзный заочный политехнический институт (ВЗПИ) с просьбой принять меня на инженерно-физический факультет. Вскоре Хрущев начал претворять свою новую задумку – переводить ряд организаций из Москвы на периферию. По поводу Тимирязевской сельхозакадемии им было заявлено: “Нечего им пахать по асфальту”. С трудом академию отстояли и оставили в Москве. В связи с этими веяниями разукрупнение провели и в системе заочного обучения. Студентов-заочников ВЗПИ раскрепили по ведущим вузам регионов, причем зачисляли обязательно на факультеты, близкие к профилю работы заочника. Так, я в 1958 г. оказался студентом горнометаллургического факультета Ташкентского политехнического института, обучаю-щимся по специальности “Горная электромеханика”. Мне выслали учебный план, кон-трольные задания и методическую литературу. Моя вольная жизнь закончилась. Придя с работы и поужинав, я садился за выполнение контрольных работ по математике, физике и начертательной геометрии.

В июне 1958 года пришел вызов на экзаменационную сессию. Я оформил свой первый учебный отпуск и вылетел в Ташкент. Пассажирские самолеты ЛИ-2 из Сталина-бада в столицу Узбекистана летали не напрямую, а в облет высоких гор, с посадкой в Самарканде. Из Гиссарской долины выбирались на юго-западе, перевалив невысокий Байсунский хребет. Позже, когда появились самолеты ИЛ-14, рейсы в Ташкент и Ленина-бад стали совершать прямо на север над Гиссарским, Зеравшанским и Шахристанским хребтами без промежуточных посадок. При этом, пролетая над горами, пассажиры наде-вали кислородные маски, висящие перед каждым креслом. Когда же стали летать ИЛ-18, то все упростилось: никаких масок, рейс в Ташкент практически состоял из взлета и по-садки, весь полет длился не более часа. Какая красота открывается за иллюминатором, когда пролетаешь над горами, осо-бенно утром. На дне ущелий еще сумрачно, а заснеженные пики озарены солнцем, от-свечивая нежным розовым цветом. При вечерних полетах далеко на западе на фоне тем-ного неба резко

выделяется зелено-оранжево-красная полоса заката. Местами пики гор как островки возвышаются над белыми рыхлыми облаками. В ясные дни панорама про-сматривается до самого горизонта. Скалистые кряжи под крылом самолета проносятся быстро, дальние гряды медленно уплывают назад. Иногда внизу, в ущелье, промелькнет голубое зеркальце горного озера.

Остановился я в первую сессию в Ташкенте у родителей нашего Митракова, кото-рые проживали в районе авиазавода в небольшой двухкомнатной неблагоустроенной квартире. Там они оказались после того как Хрущев провел очередное значительное со-кращение армии. Отец Митракова до этого был начальником Шурабадской погранзаства-вы на границе Таджикистана с Афганистаном. Он был кадровым военным, всю жизнь прослужил в погранвойсках. И вот, еще не старыми, он и его сослуживцы были демобили-зованы и оказались не у дел.

Гражданской специальности у них не было, устроились на работу кто как сумел: снабженцами, преподавателями военного дела в школах и даже сторожами.

Как тяжело было смотреть на них когда они, собравшись вместе за бутылкой вод-ки, с грустью вспоминали свои пограничные будни. Иногда к их разговору подключалась и жена Василия Ивановича, которая также никак не могла привыкнуть к этой унылой пен-сионерской жизни. На заставе она была хозяйкой, участвовала в общественных делах, к ней обращались при решении многих бытовых вопросов. Теперь же, кроме мужа, она ока-залась никому не нужной.

Переносили супруги такую никчемную жизнь очень тяжело.

Политехнический институт был разбросан по всему городу. Вначале мы занима-лись в корпусе на улице Асакинской. Там мы работали в чертежных классах, проводили лабораторные занятия, слушали обзорные и тематические лекции. Сдав необходимые зачеты и экзамены, я вылетел домой.

Полет был неудачным. Перед взлетом у самолета ЛИ-2 долго не заводился один из двигателей. Когда набрали высоту, началась ужасная болтанка, многие схватились за санпакеты. Пролетев какую-то речку, внезапно ухнули вниз. Падение прекратилось с же-стким ударом. Я не мог себе представить, что воздух может так твердо сопротивляться плоскостям самолета. Альтиметр (раньше он был и в пассажирском салоне) показал, что мы моментально сбросили высоту метров на двести. Сердце колотилось где-то под левой ключицей. Сидящий передо мной пожилой пассажир с шумом выдохнул: “Я думал – до земли!” Потом нам объяснили, что мы попали в разряженную среду – “безвоздушную яму”. После посадки в Самарканде заправились бензином и двинулись дальше. Через не-которое время под крылом проплыли скалы Байсунского перевала, а вскоре появились зеленые прямоугольники хлопковых полей Гиссарской долины. Внизу, словно на карте, просматривались поймы рек и линии шоссе-ных дорог. Показался Сталинабад. Над Кок-ташем стали делать левый разворот на посадку. В этот момент я обратил внимание, что пассажиры по левому борту, глядя в иллюминаторы, сначала тихо, а потом все громче зароптали. И, наконец, послышалось: “Горим!” Действительно, из левого двигателя выры-вались языки пламени, и тянулся шлейф черного дыма. Вскоре в салоне почувствовался запах гари. Все, а нас летело человек шестнадцать, соскочили со своих мест и бросились в хвост самолета к выходному люку. Из кабины выскочил один из членов экипажа и за-кричал: “Садитесь по местам! Иначе упадем!” Пассажиры встали в проходе между крес-лами, женщины визжали, у одного мужчины по лбу стекали крупные капли пота. Это была паника.

Как выглядел я – не знаю. Хотя летчик и успокаивал нас, объясняя, что бензобаки находятся далеко от двигателя, в голове у меня, да, наверное, и у других, сверлила мысль: вот сейчас прозвучит взрыв и мы кусочками полетим вниз.

До посадочной полосы не дотянули километра три. Пилот выключил и второй дви-гатель, мы стали планировать на лежащее впереди клеверное поле. Сели удачно. До сих пор не помню, как мы покидали самолет: то ли сошли по трубчатой лесенке, то ли попры-гали из люка на землю. Отбежав от самолета метров на сто, мы обрели дар речи и нача-ли обсуждать происшедшее. Выскочившие летчики ручными огнетушителями пытались потушить горящий двигатель. К счастью, в двигателе горел не бензин, а масло – лопнула трубка маслопровода.



Когда мы выскакивали из самолета, то видели, как над аэропортом взвилась сиг-нальная ракета, через десяток минут к нам примчались пожарная машина и скорая по-мощь, а затем подъехал автобус, на котором нас доставили в здание аэропорта. По доро-ге один из пассажиров умолял всех не рассказывать об аварии встречавшей его жене – она была сердечница.

Месяца через два я вновь полетел, теперь в Ленинград. В Джусалах, пока заправ-ляли самолет, на летном поле я поинтересовался у стоящих рядом летчиков, чем же за-кончилась июньская история с самолетом бортовой номер 4919 (номер помню до сих пор). Узнав о том, что я был одним из пассажиров того злосчастного рейса, они объясни-ли, что этот самолет все еще находится в ремонте и добавили: “Вам повезло. Если бы вы загорелись над Байсуном, легко бы не отделались!”

В 1958 году я последний раз использовал свой трудовой отпуск с целью отдыха. Затем все шесть лет обучения в институте отпуска уходили на выполнение учебных за-даний. Один, а то и два раза в год приходилось летать в Ташкент на экзаменационные сессии. Останавливался у знакомых – Митраковых или Клименко , или же в общежитии. Чаще всего на сессиях я встречался с заочником моей специальности Рвачевым Никола-ем, который работал в г. Чкаловске Ленинадской области. Между сессиями мы с ним переписывались, обменивались контрольными работами.

В один из приездов я в общежитии поселился в одной комнате со студентом-заочником со стройфака Ненаховым Виктором Яковлевичем – будущим начальником строительства Рогунской ГЭС, скоропостижно скончавшимся в 1978 году. Его именем на-звали улицу в Обигарме – административном центре района, куда входил Рогун.

Во время нашей учебы Виктор Яковлевич работал на строительстве Кайраккумской ГЭС на реке Сыр-Дарье, а затем – головной ГЭС на Вахше. Вспоминается, как в Ташкен-те мы с ним ходили на обед в ближайшую к общежитию столовую Управления железной дороги, которую называли “прокурорской”. В ней, кроме железнодорожников, обедали со-трудники рядом расположенной прокуратуры, поэтому обеды там были вкусные и деше-вые: за пять рублей можно было прилично поесть. Только пускали нас туда после того как пообедают работники учреждений.

Иногда мы питались на ходу. На улицах Ташкента в больших казанах готовили и тут же продавали вкуснейший узбекский плов, а в тандурах пекли “самбусу” – пирожки с мясом, луком и обязательным кусочком курдючного сала. Съев косу (большую глубокую чашку) плова, целый день бегаешь сытым. В чайхане можно было взять горячую лепешку, каймак или кисть янтарного виноград, и все это запить зеленым или черным чаем. Мы любили пить чай в чайханах, расположенных в тени деревьев над арыком Анхор, проте-кающим через весь город. В них на деревянных топчанах, на паласах и курпачах (длин-ных и узких ватных одеялах) восседали с пиалами в руках благообразные “аксакалы”, це-лыми днями ведущие неторопливые беседы о жизни. Там же устраивали соревнования народных певцов. Во время исполнения певец сбоку рта, в качестве резонатора, держал фарфоровую тарелку.

Ненахов был родом из Намангана, хорошо говорил на узбекском языке, я же был смуглый и черноголовый, меня многие принимали за узбека. Поэтому мы с ним легко впи-сывались в местную среду. Попутно скажу, что в Баку со мной заговаривали по-азербайджански, а в Тбилиси, однажды, парикмахерша-грузинка, намылив мне лицо, что-то долго рассказывала мне на грузинском языке. Когда она закончила бритье, я по-русски спросил её о стоимости услуги. Как она была возмущена! Ведь надо было так ошибиться.

Частенько мы с Виктором Яковлевичем готовились к экзаменам на воздухе, в скве-рике, в дальнем конце которого в зарослях кустарника валялись отдельные части разби-той статуи Сталина. Только что по всему Союзу прошла кампания, напоминавшая суще-ствовавший в Древнем Риме “Закон об осуждении памяти”, по которому при смене поли-тической конъюнктуры статуи осужденных царей и императоров сбрасывали и разбивали. Разрушались рельефы и надписи, созданные в свое время в честь этих властителей. Де-лалось все, чтобы облик и имя осужденного не сохранились в памяти живущих и после-дующих поколений. Об этом законе я вновь вспомнил, когда в начале 90-х годов у нас в Душанбе кра-нами срывали

с постамента стацию Ленина, а в Москве – Держинского. Просто снести памятник было мало. Месть надо было продемонстрировать. Самые рьяные “демократы” на повергнутых памятниках исполняли свои ритуальные танцы. “Толпа превращается в стаю и капает пена с клыков...” По воскресеньям мы изредка позволяли себе расслабиться – ходили в парк им. Тельмана или в парк Победы, где вскладчину с другими заочниками готовили плов. Для этого при парковых чайханах имелись небольшие казанки, мангалы и все, что надо для приготовления восточных блюд. Продукты приносили с собой или за определенную плату получали их у чайханщика: морковь нарезана, лук очищен.

Заглядывали и в старый ЦПКиО недалеко от курантов. Там по вечерам играл во-енный духовой оркестр. Удавалось сходить в театр оперы и балета им. Алишера Навои, на стадионе “Пахтакор” смотрели футбол со знаменитым Э. Стрельцовым. В то время ог-ромной популярностью пользовался узбекский певец Батыр Закиров, исполнявший свои песни на разных языках. У него были слабые легкие, но пел он прекрасно, тембр его го-лоса нельзя было спутать ни с каким другим. Повсюду из громкоговорителей лился его чистый и задухшевный голос.

За время экзаменационных сессий я побывал во многих районах города. Запом-нился Алайский базар, старый город, Куйлюк с его вечными автомобильными пробками. В первые годы моей учебы на железнодорожном вокзале еще действовал знаменитый на весь Союз “6-й зал” – зал ожидания под открытым небом.

Начиная с третьего курса занятия в институте стали проводиться в недавно по-строенном здании горнометаллургического факультета на улице Алишера Навои, неда-леко от стадиона “Пахтакор”. Начались затруднения с общежитиями. В одну из сессий нас, человек двадцать, разместили в старой мечети недалеко от учебного корпуса на противоположной стороне улицы. Все расположились в бывшем молитвенном зале. Кро-вати стояли так, что лежа на них, мы взглядом упирались в михраб – резную нишу, указы-вающую в какой стороне находится Мекка, и куда должны обращаться мусульмане во время молитвы. Высоко вверху сходилась купол мечети, в помещении было гулко. Как мы кошунствовали, когда лежа на кроватях до поздней ночи по очереди рассказывали смач-ные анекдоты.

Рядом с мечетью стояла столовая-чайхана, в которой мы, обычно, завтракали. Ка-ждое утро приходилось наблюдать акт возрождения человека. За одним и тем же столом у входа в столовую появлялся изможденный, обросший, бледный и весь трясущийся по-жилой русский мужчина. Чайханщик ставил перед ним чайник чаю, пиалу и подавал ле-пешку. Посетитель дрожащими руками доставал из кармана грязную тряпочку, долго раз-вязывал ее, высыпал содержимое в пиалу и заливал чаем. Выждав некоторое время, он выпивал настой, до крошечки выскребал чашку и вылизывал остаток. На глазах этот че-ловек преображался: дрожь исчезала, движения становились координированными, на щеках появлялся румянец, взгляд оживлялся. Он начинал кушать. Это был наркоман-кукнарист. Без сухих головок опийного мака он не мог жить. Где и как он добывал “кукнар” неизвестно. Чайханщик из жалости, не требуя платы, подкармливал его не давая умереть с голоду.

До летней сессии третьего курса контрольные работы я выполнял вовремя, экза-мены сдавал в соответствие с учебным планом. Но вот подошел экзамен по курсу “Тео-ретические основы электротехники”, последняя часть которого почти вся базировалась на высшей математике. Тут большинство студентов нашей группы и посыпалось. В этом ви-новаты были мы сами. Когда сдавали математику, то старались попасть на экзамен к бо-лее покладистому профессору Топорнину. К сожалению, в памяти не сохранились имя и отчество профессора, но, помнится, что он был из славного рода Топорниных, из которо-го вышла и Евгения Сергеевна, супруга известного исследователя ледников Н.Л. Корже-невского, назвавшего один из пиков Памира именем своей жены. Наш профессор был уже в преклонных годах. Во время экзамена мы подсаживали к нему за стол самую моло-дую и симпатичную студентку, с которой профессор, поглаживая ей ручку, вел милую бе-седу. Мы же тем временем всюю “шпаргалили”. Обычно Топорнин давал вычислить ка-кой-нибудь несложный интеграл и сам же помогал его определить. Чтобы не сдать ему экзамен, надо было быть абсолютным дураком.

Тогда мы радовались, не подозревая, что доброта профессора сыграет над нами злую шутку при сдаче экзамена по ТОЭ, который принимала ученица известного ученого-электротехника Неймана, принципиальная и беспощадная доцент Федорова З. С. Ни на какие уступки она не шла - из всей группы экзамен ей сдали всего два человека.

Видя, что Федоровой экзамена не сдашь, я решил сделать ход конем: взял направление на сдачу экзамена по ТОЭ в недавно образованный в Сталинабаде политехнический институт. Приехав домой, не торопясь, как следует подготовился и сдал экзамен старшему преподавателю кафедры ТОЭ Таджикского политехнического института Гуртовой Е. В. Принимала экзамен она у себя дома. Спустя двенадцать лет, преподавая в ТаджПИ, я часто встречался с Еленой Васильевной. Она меня не признала, я же о нашей давнишней встрече промолчал.

Тем временем в Такобе появились затруднения с рудой. Её становилось все меньше и меньше, с постоянно уменьшающимся содержанием полезных минералов. Было принято решение начать разработку Кандаринского месторождения недалеко от посёлка Варзоб. Судя по названию (по-таджикски «кан» – рудник, «дара» – ущелье) и по оставшимся старым выработкам, там еще в прошлом веке добывали свинцовую руду.

Срочно начали бить штольню к будущему стволу, строить компрессорную, решать вопрос с электроснабжением. Мне приходилось разрываться между Такобом, Майхурой, Кандарой и Ташкентом. Вскоре добавились и дела семейные.

## Глава 15

### ЖИЗНЬ ДЛИННОЙ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Мы выросли. Мои старшие товарищи стали обзаводиться семьями. Вначале нашли своих избранниц фронтовики: Земченко Н. Ф. и Митраков Д. В. За ними последовали и мои ровесники. Женились Юра Друзин, Анатолий Павлов, а затем Саша Цатурян. Погуляли на свадьбе у моего братишки Алика. Я же после истории с Алей Файн разуверился в искренности представительниц слабого пола и, если у меня с ними и завязывались какие-либо отношения, то они были не серьезными и кратковременными.

Осенью 1958 года в Ленинграде проводили отпуск наши Такобские соседи: техрук горного цеха с женой Лидой. Они остановились у Лидино брата, который жил на Невском проспекте, в доме, где находился кинотеатр “Аврора”. Как раз в то время у меня возникли производственные дела на Ленинградском заводе “Электросила”. Семеновы предложили приехать и пожить с ними у их родственника. Я заодно решил отдохнуть, оформил отпуск и через Москву вылетел в Ленинград.

Это сейчас от Душанбе до Москвы полет занимает три с половиной часа. В описываемые же годы по этому маршруту летали раза в два дольше. Вылетев из Сталинабада, делали посадки в Самарканде, Ташкенте, Джусалах, Актюбинске и Куйбышеве, везде заправлялись горючим. Ленинград встретил меня неожиданно. Приехав из аэропорта в центр города, на углу Невского проспекта и улицы Садовой я стал искать дом № 60. Шел по Невскому с чемоданом в руке и, задрав голову, глазел на вывески. В толпе прохожих ко мне подошла молодая, прилично одетая женщина и попросила меня отойти в сторонку. Рядом под аркой, ведущей во двор, был подъезд. Заведя меня в него, незнакомка заинтересовалась, откуда я приехал и, назвавшись москвичкой у которой украли деньги, попросила помочь ей. Ошарашенный, я достал из кармана двадцать пять рублей, сунул их в её протянутую руку и выскочил из подъезда. В глубине двора спросил у жителей дома об интересующем меня адресе. Оказалось, что нужная мне квартира находится как раз в том подъезде, в который меня заволокла та странная просительница.

Найдя восьмую квартиру, я позвонил: дверь открыл хозяин, из-за спины которого выглядывали мои знакомые Семеновы. Я облегченно вздохнул. Поздоровавшись, рассказал о странной встрече на тротуаре. Мне объяснили, что таких аферисток в городе полно, и что впредь надо быть осторожнее. А я при этом думал о том, каким путем эта мошенница определила, что я провинциал: то ли по самолетной бирке на чемодане, то ли я действительно выглядел натуральным “лохом”, как принято сейчас говорить.

Мы перекусили, и Петр Иванович тут же повел меня показывать город. Прошли к памятнику

Екатерины II, на котором меня поразило, что среди её фаворитов оказался и Суворов, полюбовались ансамблем улицы зодчего Росси. На Фонтанке у Аничкова моста сели на прогулочный катер и, выйдя в Неву, проплыли под мостами, около “Авроры” и стрелки Васильевского острова. С реки открывались великолепные виды.

С этого началось мое знакомство с Ленинградом. За две недели я побывал в Эр-митаже и Русском музее, дворце Петра I в Летнем саду и Петропавловской крепости. В Исаакиевском соборе убедился, что Коперник был прав: там при помощи подвешенного тяжелого маятника демонстрировали опыт, доказывающий вращение Земли. С группой экскурсантов поднялся к куполу собора, откуда открывалась прекрасная Невская панорама. Долго гулял по Дворцовой площади и на Марсовом поле, не раз возвращался к гениальному творению Фальконе – “Медному всаднику”.

От всего увиденного захватывало дух, особенно после знакомства с Петергофом. Его Большой дворец со времен войны еще не полностью отреставрировали (внутри вид-нелись развалины), но Монплеизр был восстановлен, и фонтаны действовали.

Сколько раз в течение своей жизни мне приходилось бывать в Ленинграде и его окрестностях, знакомиться с их достопримечательностями, но больше всего впечатлений осталось от той первой поездки. Город был чистый и спокойный, люди – приветливы.

Иван Иванович Лузгин, хозяин квартиры, где я остановился, любил со мной беседовать. Для лучшего понимания друг друга я спускался в находящийся рядом “Елисейский” гастроном, брал чекушку водки и нарезанной докторской колбаски. Ах, какая она была вкусная и нежная – таяла во рту! Как сейчас помню висящее в магазине световое табло, на котором было высвечено с десятков предлагаемых колбас различных наименований. В продаже имелась икра, ананасы, апельсины и кофе в зернах. Запах в магазине был “колониальный”.

У Лузгиных я впервые увидел телевизор. Это был КВН с маленьким экраном, перед которым стояла водяная линза, увеличивающая изображение. Иван Иванович иногда крутил свой старый музыкальный инструмент, этакую шкаф-шарманку, куда вставлялись большие сменные диски из оцинкованной жести. На одном из дисков был записан (системой отверстий) вальс “На сопках Маньчжурии”, который мы слушали чаще других вещей.

В один из вечеров жена нашего такобчанина Петра Ивановича Лида пригласила меня в гости к своей подруге Дусе. Мы втроем отправились на Средний проспект Васильевского острова. Хозяева нас радушно встретили, усадили за стол, на котором стояли вино и торт. Вместе с нами выпила винца и старенькая бабушка Дусино мужа, бывшая дворянка, которая все время пыталась перейти на французский язык. В разговоре подруги неоднократно вспоминали какую-то Тамару Рыбакову. Разве мог я тогда подумать, что это решается моя судьба.

На другой день Семеновы потащили меня на ткацкую фабрику им. Желябова, где все три подруги работали раньше, искать эту Тамару. Но там она уже не числилась, место её проживания никто не знал. Единственное, что нам сообщили, это то, что Тамара уже не Рыбакова, а Заломина. Петр Иванович обратился в справочное бюро. Получив необходимую справку, мы с Лидой пошли по указанному адресу. Это оказалось общежитие, расположенное недалеко от метро «Площадь Восстания». Тамары дома не было, она работала во вторую смену. Нам показали её кровать и тумбочку, отгороженные занавеской, натянутой между шкафами. В комнате в основном проживали женщины – одиночки с детьми. Лида оставила записку, в которой приглашала Тамару к своему брату.

10 сентября 1958 года рано утром я лежал в постели и просматривал газету. Вместе с Лидой в комнату вошла молодая, стройная и симпатичная женщина в строгом сером костюме с сумочкой в руках. Она чем-то напоминала известную в то время киноактрису Дину Дурбин. Лида представила нас друг другу. Лежа под одеялом, я чувствовал себя весьма неловко. Когда женщины вышли в другую комнату, я встал, оделся, привел себя в порядок и предстал перед ними в более respectableм виде. Мы спустились вниз позавтракать в кафе на Невском. За столом Тамара вкратце рассказала о себе: неудачно вышла замуж, развелась, живет с пятилетним сынишкой Сашей, работает прессовщицей электродов на судостроительном заводе им. Жданова.

С этого началось знакомство с моей будущей женой. Мы стали с ней встречаться, оставшееся до моего отъезда время часто проводили вместе. Ходили в кино, в театры, посещали кафе. Хотя с тех пор прошло уже почти полвека, дни, проведенные вместе, мы с Тamarой помним до мельчайших подробностей.

Помним, как мы в Кировском театре (бывшей Мариинке) смотрели балет “Лебединое озеро” и как, сидя в ложе, я угощал свою даму конфетами. Когда шли пешком после оперетты в Театре музыкальной комедии на мостике через Фонтанку, разглядывали северные звезды, в подвальчике кафе “Север” пили шампанское и ели пирожные.

С каждой новой встречей у меня к Тамаре стали проявляться все более теплые чувства. Мне нравились её простота и отзывчивость, чистое человеческое отношение ко мне. Она познакомила меня со своим сыном, у нас с ним сразу возникла взаимная симпатия. Тамара незаметно ввела меня в курс своей нелегкой жизни. Она - коренная ленинградка, детство прошло в рабочей слободке рядом с Кировским заводом. Когда родители умерли во время блокады, её с детским домом вывезли на Волгу, в Сенгелей, недалеко от Ульяновска. Старший брат Лёва и тётки остались в блокаде, все выжили. Лёва тринадцатилетним парнишкой ремонтировал танки на Кировском заводе. После снятия осады эвакуированных детей вернули в Ленинград, Тамару и других детдомовок вместе с названной сестрой Ирой, направили в ФЗО при ткацкой фабрике им. Желябова. После обучения их оставили там работать ткачихами. Когда подошло время – вышла замуж, муж запил, они развелись. Стоит в очереди на получение квартиры.

В конце месяца ленинградский сентябрь начал себя показывать. Временами ветер с залива нагонял облака, холодная морось – что-то среднее между туманом и мелким дождем – неприятно проникала за воротник. Мне, азиату, такая ненастная погода была не по душе, я чувствовал себя скованным, активность снижалась.

Отпуск кончался. Завершив свои производственные дела, я взял билет на самолет, на ночной рейс Ленинград – Сталинабад. Семеновы устроили небольшие проводины, Тамара поехала со мной в аэропорт. Сдав чемодан в багаж, мы с ней сели на скамейку в скверике и так заговорились, что не услышали объявления по радио – я чуть не опоздал на посадку. При прощании с Тамарой второпях швырнул окурок папиросы на бетон посадочной площадки. Работник аэродромной службы сделал мне замечание и потребовал отнести окурок в урну. Я покраснел, выполнил волю ретивого служаки, чмокнул Тамару в щеку и побежал к трапу самолета. В душе была пустота и неприятный осадок от этого чертового инцидента из-за окурка. Как встретил меня Ленинград нелепо, так и проводил. Правда, в следующие поездки туда все обходилось нормально.

По возвращении домой у нас с Тамарой завязалась переписка. К Новому году мы с Лидой пригласили её к нам в гости. Приехала Тамара с Сашей чуть позже – ко дню моего рождения. Я их встречал на вокзале. Саша, увидев меня, так обрадовался, что, бросившись ко мне из тамбура, чуть не упал в щель между вагоном и платформой перрона. Я еле успел схватить его за капюшон шубки. Остановились они у Лиды. По Такобу сразу разнесся слух, что ко мне приехала жена. Мы с Тамарой об этом еще не говорили, но оба чувствовали, что дело идет к этому. Мои родители несколько дней поприглядывались к моей избраннице, после чего дали добро на женитьбу.

17 января 1959 года мы с Тамарой сыграли свадьбу. На свадьбе народу было много.

Поздравить меня пришли мои друзья и многие сослуживцы. Практичная Лида Семенова это предвидела и заранее заквасила брагу, а Петр Иванович приготовил нужное оборудование. Забравшись в подвал, мы с ним выгнали чистейший хлебно-сахарный самогон. Я тогда впервые в жизни встретился с технологией его изготовления. Первач горел синим огнем. Когда за свадебным столом стала кончаться водка, гости с удовольствием принялись за наше зелье. Как принято на Руси, погуляли на славу.

Закончились свадебные дни. Надо было думать о нашей дальнейшей жизни. При одном воспоминании об осеннем ленинградском климате меня пронимала дрожь, поэтому мы с Тамарой решили остаться жить в Такобе. Она оставила Сашу у нас, а сама уехала в Ленинград

рассчитываться. В марте Тамара вернулась, началась наша семейная жизнь.

Я в то время вместе с родителями жил в одном из вновь построенных недалеко от клуба коттеджей. В них поселилась местная “аристократия”: главный инженер, главный врач, парторг, Семеновы и я, как главный энергетик. Впервые в Такобе в этих домах были оборудованы ванные комнаты и внутренние туалеты, коттеджи имели земельные участки с уже посаженными плодовыми деревьями и ягодниками.

Жить мы с Тамарой стали вместе с моими родителями и младшим братом Слави-ком, которому в ту пору исполнилось 17 лет. Алик с женой жили отдельно. Особым рас-положением пользовалась Тамара у Яна Богуславича. Он в саду на ГЭС выращивал крупные и вкусные, покрытые нежным пушком персики. Самыми спелыми и сочными, в первую очередь, угощал свою новоявленную невестку Тамару. Эти персики она вспоми-нает всю свою жизнь.

Сашу я усыновил, он стал ходить в детский садик. Здоровый Такобский климат и размеренный образ жизни подействовал на него благоприятно: он окреп, перестал бо-леть. Тамара по моей протекции устроилась лаборанткой в химлабораторию комбината. Там же работала и моя бывшая зазноба Аля. Отношения между ними установились нор-мальные и доброжелательные. Начались будни. Мы с Тамарой стали притираться друг к другу. Учитывая, что она Овен, а я Козерог и наши натуры во многом отличаются, эта притирка растянулась на долгие годы.

Продолжается она и теперь. Проще было решать бытовые вопросы, напри-мер, вопрос с питанием. Многолетняя жизнь по общежитиям и еда в столовых привели к тому, что моя жена вначале не знала рецептов приготовления многих домашних блюд. Но с помощью моей мамы она быстро научилась этому. А вот готовить восточные блюда: манту, лагман, плов и пити Тамара постигала у поваров в национальных столовых. Пом-нится, в Нуреке мы с ней ходили к пожилому повару-китайцу, который своими манту был известен на всю округу.

Хуже обстояло дело с духовным развитием – я так и не приучил её к чтению книг. Зато она оказалась большой любительницей вязания: всю жизнь обвязывает детей и вну-ков, всю душу отдает им.

Скоро полвека как мы вместе. Было все: раздоры и примирения, обиды сменялись взаимным влечением. Будучи в отъездах я всегда старался хотя бы по телефону услы-шать голос Тамары, особенно в трудные времена. На её плечи ложились домашние тяго-ты, когда я занимался своим образованием. Без её моральной поддержки и посильной помощи окончить институт, аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию я бы не смог. Так что мои дипломы частично принадлежат и Тамаре.

Поженились мы с ней на исходе своей молодости, Конечно, той горячей и безум-ной влюбленности, о которой пишут в книгах, у нас в ту пору уже не было. Её заменило взаимное тяготение друг к другу. А дальше эмоции сменились здравым рассуждением. Меньше стало неуправляемых порывов, вспышек по пустякам. Наступила пора не брать от людей, а отдавать им. В этом, наверное, и заключается понятие о добре. Особенно ко-гда речь идет о добре к своим ближним.

## Глава 16

### ЗАГАДКИ ПРОИЗВОДСТВА

Работа на Такобском комбинате постоянно требовала от меня решения тех или иных инженерно-технических задач. Чаще всего это были общеизвестные стандартные ситуации, но встречались и неожиданности, разрешить которые сходу мы не могли – не хватало знаний, или же факты, с которыми мы при этом сталкивались, были еще не ве-домы никому. Некоторые из этих, загадочных по тем временам случаев, запомнились на-долго. Преподавая в институте, я их приводил своим студентам в качестве примеров тех-нических курьезов. О наиболее врезавшихся в память, расскажу поподробнее.

#### Неудавшееся погружение

Как-то в один из летних дней у нас на отстойнике канала БГЭС оторвался болт, со-единяющий щит донного промывочного шандора (щитового затвора) с подъемным вин-том. Отстойник стал заполняться песком, промыть его из-за поломки подъемного устрой-ства стало невозможно.

Нужно было как-то зацепить щит, находящийся на глубине около трех метров, и поднять его. Тогда бы открылся донный промысловый канал, и накопившийся в отстойнике песок был бы смыт.

Мы решили эту операцию провести при помощи “водолаза”. Не задумываясь о физиологии человека, взяли маску от противогаза, подсоединили к ней резиновый шланг и опробовали это несложное водолазное снаряжение на добровольце. Свободный конец трехметрового шланга мы держали в руках. Испытание на суше прошло удовлетворительно, наш Миша дышал нормально. Но как только он скрылся под водой, тут же пулей выскочил на поверхность и, задыхаясь, сорвал с себя маску. Подумав, что пережало шланг, мы все тщательно проверили, и наш водолаз вновь пошел под воду... и снова выскочил задыхающимся. Так повторилось несколько раз. Не поняв в чем дело, мы отказались от своей идеи.

Пришлось воспользоваться другим, тоже не безопасным вариантом: по донному сбросному тоннелю небольшого сечения рабочий снизу добрался до щита и ломиком немного приподнял его. Мы дождались, когда в образовавшуюся щель вода из отстойника сошла, отремонтировали шандор и смыли песок.

Еще мальчишками, посмотрев какой-то фильм, в котором японские шпионы прятались в воде, дыша через камышинки, мы пытались повторить этот трюк в своем Катта-Арыке. Толстой, раскаленной на костре проволокой, прожигали перегородки в камышинке, брали один конец полученной трубки в рот и опускались на дно канала. Другой конец трубки торчал над водой. Но у нас из этого ничего не получалось – под водой мы задыхались.

При совершении погружения в Такобе об этой неудаче в детстве я не вспомнил, никому из нас в голову не пришел и такой вопрос: почему у любителей подводных картин дыхательные трубки не более тридцати сантиметров?

Только спустя годы, когда я прочел книгу Ива Кусто о подводном плавании, мне стало ясно, почему тогда наш “водолаз”, дыша через шланг, соединенный с атмосферой, не смог нырнуть на глубину даже одного метра.

Объясняется это очень просто. На глубине уже в полметра при дыхании через трубку у большинства из нас грудные мышцы не в состоянии преодолеть давление воды, и вдох не получается. Водолазы же и аквалангисты дышат воздухом под давлением, со-ответствующем глубине погружения. В легких внутри создается контрдавление, которое уравнивает воздействие столба воды над ныряльщиком, в результате человек дышит так же свободно, как и на суше.

Мы в начале своего трудового пути об этих гидравлических и физиологических премудростях не знали (или забыли), отчего и приняли такое рискованное для людей решение. К счастью, все закончилось благополучно.

#### История с омагниченной водой

Для того, чтобы повысить извлечение минералов из руды, вода на флотомашинной обогатительной фабрики подавалась, особенно в зимнее время, слегка подогретой. Гре-ли её в паровых котлах котельной, расположенной рядом с цехом флотации. Вода в кот-лы поступала из штольни, в ней содержалось много различных солей, которые при нагре-вании оседали в трубах котла в виде накипи. Иногда трубы забивались полностью, котлы выходили из строя. Чего только мы не предпринимали для их очистки: отложения растворяли кисло-той, сдирали проволочными ершами и даже бурили перфораторами. Но эффективность этих способов была не высокой, зачастую, при очистке мы повреждали и сами трубы.

Я где-то вычитал, что с накипью можно бороться, обработав котловую воду маг-нитным полем. В отличие от существовавших установок, в которых вода обрабатывалась постоянными магнитами, предложил конструкцию с вращающимся магнитным полем. Из-готовленную в электроцехе установку установили перед котлом и стали ждать результа-та. Через пару недель вскрыли котел и не поверили своим глазам – накипь была рыхлая, она осыпалась при постукивании по трубам и легко соскабливалась. Проблема с накипью была решена.

С помощью инженера по рационализации я оформил рацпредложение и получил неплохое денежное вознаграждение. “Котлонадзор” предложил мою разработку и другим предприятиям

республики. Перелистав имеющуюся под рукой литературу по омагничиванию воды и убедившись, что там нет установки подобно моей, я подал заявку в Комитет по изобретениям при Совмине СССР. Но, не разбираясь в тонкостях при оформлении подобных документов, допустил ошибку – вместо заявки на установку, послал заявку на способ магнитной обработки воды. Он же был уже известен, в авторском свидетельстве на изобретение мне было отказано. После этого описание своей установки я опубликовал в одном из республиканских сборников рацпредложений, чем окончательно лишил себя права на получение официального авторства... Прошло лет десять. В специальной научной и технической литературе появились сообщения о том, что применение омагниченной воды при флотации повышает извлечение полезных компонентов из руды на 15-20 %. На эту тему были защищены кандидатские и докторские диссертации, получены авторские свидетельства и патенты на изобретения.

Когда я впервые ознакомился с этими публикациями, то с огорчением понял, что тогда в Такобе, в конце 50-х годов, думая только о сохранении своих котлов, мы прошли около значительного технического новшества, если не сказать открытия. Ведь омагниченная нами вода, пройдя котлы, поступала именно на флотацию. Стоило мне с технологами-обогащателями провести анализы по определению уровня извлечения полезных минералов из руды, и мы бы обнаружили разницу в количестве получаемого концентрата при использовании простой воды и омагниченной. Но тогда связи между качеством обработанной магнитным полем воды и флотационным процессом никто из нас даже не подозревал, полученную разницу в объемах продукции никто не заметил, а если и заметил, то не понял, за счет чего это произошло. В то далекое Такобское время идея о влиянии омагниченной воды на различные процессы инженерами и учеными только начинала осмысливаться. Мы были рядом с практическим использованием этой идеи, и, не догадавшись, прошли мимо.

#### Радиация

Где-то в середине пятидесятых годов у нас на центральном складе я обнаружил несколько портативных радиометров – счетчиков Гейгера. Это были коробочки, величиной с папиросную пачку. Они не давали цифровых показаний, просто пощелкивали – чем больше уровень излучения, тем чаще.

Иной раз я ходил по Такобу со счетчиком в кармане, прислушиваясь к его сигналам. Наиболее активно прибор вел себя в районе штольни “Восточная”, из которой вытекала родоночная вода. Чем ближе я подходил к штольне, тем щелчки счетчика становились все чаще и чаще, а у устья выработки они начинали трещать пулеметной дробью.

Однажды электромеханик горного цеха Л. Киселевич обратился ко мне помочь ему выяснить причину странных пощелкиваний, которые порой раздавались в подземной камере подъемной машины. Придя туда, мы выключили все, что издает шумы, вплоть до люминисцентных светильников, и в темноте стали прислушиваться. Через некоторое время в распределительном щите напряжением 380 В раздался щелчок, похожий на звук, возникающий при разряде конденсатора. За ним последовал ряд других. Визуально мы ничего не заметили.

Когда же включили свет и тщательно осмотрели щит внутри, то на краске токоведущих шин, отстоящих друг от друга на расстоянии пятнадцати сантиметров, обнаружили поклевки, похожие на кратеры микроскопических вулканчиков, расположенных на разнополярных проводниках друг против друга. Все это говорило о том, что в этих местах происходил какой-то разряд. Природу этого явления тогда мы с Киселевичем так и не установили.

Только после окончания института, когда у меня прибавились знания по физике и электротехнике, я смог объяснить себе картину процесса, когда-то происходившего в щитовой камере подъема. Там, за счет повышенной влажности и наличия радиации между токоведущими частями возникала ионизация воздуха, которая во время коммутационных перенапряжений в сети вызывала прохождение электрического заряда. Временами это приводило к возникновению искрового разряда, следы которого мы и видели на краске. В пятидесятые годы о радиации говорили мало. Геологи в Такобе проводили замеры интенсивности излучений, но о результатах замеров население не информировалось. Кто сколько получил рентген или бэр никто не знал. А там, судя по тому, с чем я встретился, в



некоторых местах радиация была немалая. Позже, немного ниже штольни “Вос-точная” построили пионерский лагерь. Проверяли в этом месте уровень радиации или нет – неизвестно.

Необычная изоляция

Электроэнергия Казнокской ГЭС на обогатительную фабрику и Майхуринский руд-ник передавалась по шестикиловольтной линии, сооруженной на опорах-свечках из стальных труб. Линия шла по пологому склону горного отрога, по которому, кроме пасту-хов с отарами овец, практически никто не ходил. В некоторых местах провода провисали так, что человек высокого роста, при желании, до нижнего провода мог дотянуться рукой. Когда однажды в начале сезона я приехал на Майхуру, электромеханик рудника Палий рассказал мне удивительную историю. Они только что поднялись на рудник, запустили электростанцию и, включив линию, подали энергию на производство. Вскоре Палий решил сам проверить состояние линии и по снегу пошел вдоль её трассы. Снежный покров еще не растаял, лежал толстым сло-ем. Местами провода линии едва не касались снега. В районе “Медвежьих ворот” в одном из пролетов Палий увидел на снегу цепочку свежих следов человека, пересекающих эту линию прямо под провисшими проводами. Расстояние от нижнего провода до поверхно-сти снега в месте перехода составляло не более метра. Палий двинулся по следу и вско-ре пришел на взрывсклад, где обнаружил охранника, оставившего эти следы. На вопрос: как же он прошел под линией? – охранник на ломаном русском языке объяснил, что он, сокращая путь на склад, пошел напрямую и, оказавшись у линии, приподнял голый рукой нижний провод, нагнулся и пролез под ним. При этом он ничего необычного не ощутил. Палий отругал его и предупредил, что впредь на работу пусть ходит по дорогам.

Для нас, электриков, этот случай был экстраординарным. Охранника от поражения током спас толстый, около двух метров, слой чистого высокогорного снега, который ока-зался хорошей изоляцией. Ну и, конечно то, что при этом наш нарушитель коснулся толь-ко одного провода, а генератор работал с изолированной нейтралью.

## Глава 17

### ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ТАКОБЕ

К концу пятидесятых годов основное месторождение руды в Такобе стало иссякать. Потихоньку пошла руда с Кандары. Но она была очень бедная. Чтобы как-то удержать былую производительность, в дополнение к уменьшившимся объемам концентратов флюорита и свинца, на обогатительной фабрике наладили извлечение цинка. Однако по-требителей цинкового концентрата не находилось. Совнархоз запланировал построить в Такобе фабрику по изготовлению цинковых белил, а до этого сырье стали складировать на берегу речки у столярки. Фабрику так и не построили, в 1961 г. (уже без меня) больши-ми паводковыми водами весь заготовленный цинковый концентрат снесло. Пропал мно-голетний труд сотен человек, комбинат понес большие убытки.

Несмотря на то, что производительность падала, нам, техническому персоналу, работы все прибавлялось и прибавлялось. Чтобы получить то же количество исходного сырья, приходилось все больше и больше добывать и перерабатывать руды. Рудничное хозяйство разрасталось, на обогатительной фабрике установили дополнительное обору-дование. Да и на Майхуре и Кандаре тоже вводились новые мощности. Все это требовало постоянного внимания и обеспечения надлежащего контроля за нормальной работой тех-ники.

Много времени отнимали различные контролеры и инспекторы. Не успеет уехать инспектор “Госгортехнадзора”, появляется представитель техинспекции “Совпрофа”, за ним жалуется работник “Госпожнадзора”, а затем “Котлонадзора”. Хорошо, что от “Энерго-надзора” мы были избавлены: электроэнергию вырабатывали сами, а несчастных случа-ев от электричества не было.

Каждый контролирующий товарищ требовал к себе внимания и соответствующего обхождения, его надо было кормить (а некоторых и поить), устраивать отдых и развле-кать. Много неприятностей доставлял нам инспектор “Госгортехнадзора” Евшиков А. И. Он был дотошный

и несговорчивый, спустившись в рудник, проверял каждый предохранитель и каждую счалку кабеля. Увидев отступления от норм и правил, тут же отключал рубильник, ставил пломбу и уезжал в город. За такие простои руководство комбината меня наказывало: лишало премии, объявляло выговоры. Потом я приспособился: во время евшиковских обходов просил электромеханика рудника и дежурного слесаря находиться где-нибудь поблизости, при обнаружении недостатков набрасывался на них, заставляя тут же устранить замеченные недостатки. Инспектор ворчал, записывал неполадку в акт, но участок не обесточивал. К своим обязанностям я привык, дело шло своим чередом, в семье вроде бы тоже был порядок. Но внезапно к нам пришло горе.

Ян Богуславич в свои 74 года еще работал канальщиком. Он посменно дежурил на напорном бассейне БГЭС. Работа была легкая – надо было следить за уровнем воды и по телефону сообщать об этом начальнику смены. Мы убедили его, чтобы он отработал этот летний сезон, а когда наступят холода – уходил на заслуженный отдых, на пенсию.

Перед маминым днем рождения Ян Богуславич ушел на дежурство в ночную смену. Его сопровождал наш пес Дозорка. Утром к положенному времени наш отчим и отец домой не вернулся. Мы подумали, что он по пути с работы, как это делал не раз, зашел к Алику. В обед выяснилось, что у брата его нет. С мыслью, не утонул ли он в канале, мы помчались на БГЭС. Там сменщик рассказал нам, что он видел, как Ян Богуславич, сдав смену, вместе со своей собакой по тропинке направился в сторону “Прорабского ущелья”. Мы, все три брата, двинулись туда на поиски. Облазили все ущелье и боковые распадки, кричали, но Яна Богуславича не обнаружили. Наступил вечер. Мы вернулись домой, поужинали и, захватив с собой брата жены Алика, уже вчетвером продолжили поиски. Стало темно. Проходя по дороге на второй западный поселок, нам показалось, что наверху гряды, возвышающейся метров на сто пятьдесят над дорогой, лает собака. С фонарика-ми в руках, по крутому скалистому откосу, мы полезли наверх. Чем ближе приближались к вершине, тем все тише становился лай. Наверху гряды никого не оказалось. Когда утром увидели в каком опасном месте мы влезли на гору, пересеченную скальными полками, выступами и карнизами, то испугались – днем по этому маршруту подняться бы не рискнули.

О пропаже Яна Богуславича поставили в известность руководство комбината. Нам выделили молодых рабочих, и мы вместе пошли прочесывать склоны и дно ущелья. Напротив того места, где ночью мы слышали лай собаки, в распадке ребята нашли нашего Яна Богуславича. Он лежал в заросшем камышом ручье, обратив лицо к небу. А мы ночью, ничего не подозревая, чуть ниже из этого ручья пили воду...

Пока мы с братьями не прибежали, собака никого к нему не подпускала. Рядом с Яном Богуславичем валялась сумка с грецкими орехами: он ко дню рождения мамы надумал сделать ей подарок, пошел в ореховую рощу по пологой стороне склона, а возвращаясь по крутой. На обрыве над ручьем наступил на выступающий из земли камень, тот вывернулся, и Ян Богуславич покатился вниз. Сломавшееся ребро прорвало ему легкое. Врачи сказали, что если бы не это, он бы жил еще долго: сердце у него было крепкое.

Похоронили Яна Богуславича на русском кладбище на высоком мысу между Такобкой и Диамаличкой. Наверное в Чехии (или Словакии) еще живы его внучатые племянники, которые даже не подозревают, что в горах далекого Таджикистана покоится их родственник-интернационалист. После великого исхода русских из стран СНГ, вызванного развалом СССР, многие христианские кладбища, в том числе и в Такобе, остались беспризорными. Хорошо если могилки на них только зарастут, а ведь могут оказаться оскверненными и запаханными. Через день после похорон наш Дозорка бесследно исчез, никто его больше в поселке не видел. С тех пор в день рождения мамы мы заодно поминаем и Яна Богуславича. Он не много не дожил до рождения своих внуков. Через месяц после его смерти у Алика родилась Люба, а спустя пять месяцев, 2 марта 1960 года у нас с Тamarой появилась дочь Лена. Впервые я увидел её сразу после рождения: она лежала под кварцевой лампой и обсыхала. Знакомая врач, принимавшая роды у Тamarы, “по-блату” пустила меня в родильную палату больницы. В августе 1960 года по линии научно-технического общества меня и еще пять других

энергетиков республики направили на Всесоюзную конференцию по экономии электроэнергии, которая проводилась в Красноярске. В составе нашей делегации были и мои техникумовские однокашники – Деревенченко А. И. и Акатов М. М. Главный энергетик мясокомбината захватил с собой целый чемодан мясных деликатесов, которые впоследствии нам оченьгодились.

В полете над Сибирью меня поразили бескрайние, делящиеся часами полета, просторы зеленой тайги. Когда добирались из аэропорта до общежития Красноярского лесотехнического института, где нам предстояло расположиться, всех нас обворожили бойкие и розовощекие кондукторши троллейбусов.

Конференция проходила на ТЭЦ, куда мы ездили по старому понтонному мосту через Енисей. Новый современный мост только еще строился. В промежутках между докладами нам устраивали экскурсии. Мы побывали на заводе “Сибтяжмаш”, свозили нас в заповедник Столбы, показали строительство Красноярской ГЭС на Енисее. Стройка в то время была заморожена, котлован – затоплен. Плыли в Дивногорск на небольшом катере. Добрый капитан ознакомил нас со всем своим хозяйством, вплоть до машинного отделения. Навсегда запомнился могучий Енисей с его скалистыми суровыми берегами, поросшими густой растительностью. Впереди нас вдоль берега долго шлепал по воде плечами боковых колес и дымил черным дымом старый пароход. Мы догнали его, обогнали, а он все топтался почти на одном месте. Естественно, всем нам вспомнилась знаменитая “Севрюга” из кинофильма “Волга-Волга”.

Один из наших товарищей, назовем его Михаилом, попал в неприятную историю. Мы всей компанией решили сходить в ресторан “Енисей”, ознакомиться с блюдами сибирской кухни. Во время застолья Мише приглянулась одна из официанток ресторана. Закончив трапезу, мы собрались домой, Михаила уговорить не удалось – он остался. В общежитии до поздней ночи ждали его, но так и не дождались. Рано утром побежали в ресторан и узнали, где проживает нужная нам официантка. На окраине города мы нашли ее жилье, постучали в дверь какой-то клетушки – нам не ответили. Толкнули дверь и остолбенели... Наш лавелас, свернувшись клубочком на старой телогрейке, спал на полу, а его краля с каким-то мужиком, голая, храпела на кровати. Мы еле растолкали Михаила и повели домой. Он никак не мог понять, где он и что с ним произошло. Бумажник его был пуст.

Долго после этого приключения Миша не мог смотреть нам в глаза, мы же старались не напоминать ему о происшедшем.

Назад от Новосибирска до Ташкента летели на первом советском реактивном пассажирском самолете ТУ-104. Из всех полетов, которые мне пришлось совершить в жизни, этот оказался самым неприятным: душа почему-то ныла, хотелось быстрее приземлиться. Тревога возникала, когда турбины меняли режим работы: вместо монотонного гудения раздавалось меняющееся по тону завывание. При посадке тормозной парашют осаживал самолет, словно коня удил. То ли дело ИЛ-18. В полете только покачиваются концы крыльев. Надежная оказалась машина, до сих пор летает.

В качестве сибирских гостинцев я привез домой кедровых орешков и яблочек-ранеток, которые не произрастают в Таджикистане, а своей крохе Леночке – меховую шубку, так пригодившуюся ей в холодные Такобские зимы.

Тем временем на комбинате началась смена инженерно-технических работников. Уехали главный геолог и главный маркшейдер, начальник горного цеха и заведующая химлабораторией. Их заменили вновь прибывшие. Сменилось и руководство. Совнархоз назначил нам нового директора Болотова М. П. и главного инженера Брянцева В. И. Произошли изменения и в нашем отделе: Крикунова перевели инженером техотдела, главным механиком стал Земченко Н. Ф.

Заметно изменилась на комбинате и общая атмосфера: во взаимоотношениях между людьми стало меньше доброты и больше меркантилизма, появились карьеристы, интриганы и подхалимы. Новый заместитель директора занялся аферами с лесом и пило-материалами, на чем впоследствии и погорел.

Приходя с работы домой, я частенько стал замечать плохое настроение Тамары, она как-то замкнулась, больше молчала. Наконец, в один из дней, рассказала мне о причине такого поведения: у неё с моей мамой начались трения. В основном это происходило на бытовой почве: то посуду помыла не так, то постирала не по-маминому. Подчас за-ставал своих женщин, плачущими в своих комнатах. Как мог, старался успокоить и поми-рить их, но мир между ними после этого длился не долго. Поговорив с Тамарой, мы задумали уехать из Такоба.

В это же время электромеханик Майхуры Иван Палий, с которым у меня установились приятельские отношения, тоже решил перебраться к себе на родину – на Украину. У него в Сталинабаде, в доме, где жили майхуринцы, была двухкомнатная квартира, и он предложил мне вселиться в неё. Мы надеялись, что со временем мне выдадут ордер на это жильё. Но не тут-то было. Только я перевез Тамару с маленькой Леной в эту кварти-ру, сначала соседи, а затем и официальные лица подняли шум, обвиняя меня в незакон-ном вселении и требуя освободить занятую нами площадь.

Я обратился к нашему директору Болотову, но он мне навстречу не пошел. Тогда я решил уволиться с Такобского комбината.

В эти годы в стране повсюду шло большое строительство. Строились электростан-ции, заводы, новые города, каналы и космодромы. У нас в Таджикистане заканчивалось строительство Головной гидроэлектростанции и начиналось возведение Нурекской ГЭС. Я всегда старался идти в ногу со временем, поэтому, поразмыслив, надумал двинуться на одну из строек пятилетки. Съездил к своему знакомому, начальнику строительства Го-ловной ГЭС Ненахову В. Я. Тот посоветовал подумать о работе на строительстве Нурек-ской станции – стройка грандиозная, есть, куда приложить свои силы и знания.

Устроиться на строительство Нурекской ГЭС помог мне все тот же Крикунов. Он перед этим тоже ушел с Такобского комбината и устроился работать прорабом мехработ в Таджикском спецуправлении Всесоюзного треста “Гидроспецстрой” Минэнерго СССР, занимавшегося буровзрывными работами на крупных стройках республики. Этому управ-лению было поручено и строительство всех тоннелей Нурекской ГЭС.

Первое время контора управления находилась в Сталинабаде в здании Совнархо-за рядом с Совмином Таджикистана. Постоянные поездки в Нурек Крикунову не понрави-лись, и он решил уйти из “Гидроспецстроя”, предложив свое место мне.

Заканчивая свои Такобские дела, мне часто приходилось ездить в Душанбе (как раз в это время так переименовали Сталинабад) к своей семье. Из этого периода запом-нилась знаменательная дата – 12 апреля 1961 года. В городе на центральной площади им. Ленина проходил митинг в честь первого полета в космос космонавта Юрия Гагарина, а в это же время у здания ЦК компартии Таджикистана собрались дехкане (крестьяне) из различных районов республики с жалобой на местное руководство. Разбираться с этим вопросом из Москвы прилетел секретарь ЦК КПСС Козлов Ф. Р. Как шутили местные ост-ряки, он кое-кому “повытряхивал халаты”: первый секретарь ЦК КП Таджикистана Уль-джабаев был снят со своего поста, председателя Душанбинского горисполкома Бобод-жанова отдали под суд, получили “по заслугам” и другие местные руководители.

В Душанбе появилась улица им. Гагарина. Наша Леночка впервые произнесла бук-ву “р”, повторив название автобусного маршрута “ДОК – ул. им. Гагарина”. У неё получи-лось: “ДОК – Гагар-р-рин”.

2 августа 1961 года, договорившись с руководством СУ “Гидроспецстрой”, я по пе-реводу перешел к ним на работу. Официально должность называлась – прораб мехработ, фактически же мне приходилось выполнять обязанности главного механика управления. Мы с Тамарой сняли хибарку во дворе у семьи бухарских евреев на улице Красных пар-тизан (организация найм жилья оплачивала) и начали новую жизнь.

Моя такобская эпопея закончилась.

\* \* \*

Вновь побывать в Такобе мне удалось уже в 70-е годы. Ездили мы туда на Пасху, на кладбище

помянуть Яна Богуславича и просто отдохнуть на природе у своих старых сослуживцев. В Варзобском ущелье вдоль реки как грибы возникли зоны отдыха различных предприятий и организаций. К некоторым из них через речку были перекинута подвесные мосты. Подъехав к Такобской БГЭС, я увидел, что на месте домика, в котором мы когда-то жили, находится подстанция 35/6 кВ, питающая Такоб электричеством от энергосистемы. Электростанция не работала, водопад исчез.

Комбинат существовал за счет богатой привозной руды из Монголии, которую разбавляли бедной местной из Бегара и Могова. Такобское месторождение было выработано – на склоне горы выше первой штольни среди зелени виднелся глубокий провал.

Мы с Тamarой побывали в доме, где начиналась наша совместная жизнь, в гостях у сменившего меня главного энергетика Демина В. В., при мне работавшего начальником электростанции. Наша бывшая соседка, главврач больницы Раиса Ивановна, державшая пчел, угостила нас хмельной медовухой. Мы помянули её недавно скончавшегося мужа, хирурга Алексея Александровича Еременко, могила которого была недалеко от ограды нашего Яна Богуславича.

Демин свозил меня на БГЭС. Станция была законсервирована. В машзале было тихо и сыро. С каким волнением и щемящим чувством в груди я подошел и погладил не работающий генератор. Сколько он вынес на своих “плечах”. Перед глазами промелькнули кадры двадцатилетней давности: мои друзья и старшие товарищи учат меня запускать этот генератор, я впервые нажимаю нужный ключ, агрегат разворачивается, глядя на синхроскоп, ловлю момент синхронизации и включаю генератор в сеть. Меня переполняет радость от того, что я справился с этой умной машиной...

Грустно было смотреть на царящее запустение, которое мы увидели, зайдя на обогатительную фабрику и пройдя по поселку. Везде неухоженность, дороги размыты, откосы оплыли, штaketники около домов поломаны и повалены. Все указывало на то, что комбинат доживает свои последние дни.

Зато километрах в десяти за Такобом на плато Сафеддорак “Совпроф” и республиканские комитеты по спорту и туризму открыли горнолыжный маршрут. Там построили базу отдыха, пустили несколько подъемников. Плато стало любимым местом зимнего отдыха душанбинцев, на нём стали проводиться соревнования по лыжному спорту. Была надежда, что этот лыжный центр составит конкуренцию северокавказским лыжным базам. Но грянула перестройка, а затем и борьба за суверенитеты республик. Вместо лыж многие схватились за автоматы Калашникова.

Когда подросли наши дети они, наряду с другими пионерскими лагерями, стали бывать и в Такобском лагере, построенном в ореховой роще за малой ГЭС, а взрослыми они с нами ездили в горы за кишлаком Такоб. Останавливались мы у моего хорошего знакомого, бывшего электромонтера электроцеха, жителя этого кишлака Расулова Нусрата.

У него была большая трудолюбивая семья, все дети – а их было три девочки и три мальчика – знали свои обязанности и без напоминаний с утра приступали к их исполнению. Отец с матерью только наблюдали за их работой и, в случае необходимости, подсказывали как лучше сделать. Помогать детям в работе на Востоке не принято. Старшие ребята, оседлав своего ишака, отправлялись в горы за травой или дровами, девочки помогали матери убирать и готовить пищу.

Осла в хозяйство Нусрат привез из Каршинской степи. Это был крупный породистый жеребец серо-желтого цвета с темной короткой гривой и таким же ремнем вдоль верха спины – типичный кулан пустынь Центральной и Средней Азии. Ни у кого в кишлаке такого сильного и выносливого ишака не было. На него дети грузили целый стожок сена, садились сами, и он бодро семенил по каменистым горным тропинкам. Из сена торчали только нос, уши да хвост осла. Но нрав у него был отвратительный. К себе подпускал только младшего сына Нусрата, который ухаживал за ним и кормил его. И то, однажды, что-то ишаку не понравилось, он вцепился зубами в плечо своего маленького погонщика. Хорошо, что это было подбитое ватой плечико пиджака – кость руки не затронуло.

Я всегда с завистью смотрел, как дети Нусрата слушались родителей, не пререкаясь с ними и не отлынивая от дел. Все выполнялось спокойно, без суеты, понуканий и без повышения голоса.

В таджикских селениях, особенно в глубинке, до настоящего времени сохранились нормы этического поведения, основанные на адате – древних обычаях, поучениях и советах нравственного характера. Детям с малых лет внушается уважение к старшим, почитание родителей, неукоснительное соблюдение правил гостеприимства и вежливости.

В ираноязычных странах молодому поколению стараются привить основные принципы социального поведения не только в семьях, но и в школах, институтах и средствах массовой информации. И сейчас еще в афганских школьных учебниках можно встретить предписания морально-этического характера. Вот некоторые из них:

“Нельзя входить без разрешения в чужой дом или комнату. Если разрешение не получено, следует вернуться обратно. Не следует вмешиваться без разрешения в чужие дела, не следует прислушиваться к чужим разговорам. Нельзя читать без разрешения чужих писем. На улице и базаре следует соблюдать осторожность, чтобы не толкнуть ко-го-нибудь. Когда несколько человек идут по дороге (тропе), им следует идти гуськом, чтобы не мешать другим людям. Когда кто-нибудь говорит, следует слушать. Если вы тоже хотите что-нибудь сказать, потерпите, пока не кончит другой, потом попросите разрешения и тогда говорите. Никогда не нарушайте покоя других людей. Если кто-то спит, ведите себя тихо, не шумите. Если вы развлекаетесь поблизости от чьего-нибудь дома, никогда не нарушайте покой живущих в нем людей. Всегда следует заботиться о том, чтобы не причинить кому-либо ущерб. Если вы хотите сделать или получить что-нибудь, чего хотят другие люди, следует подождать, пока настанет ваша очередь, и только тогда осуществить свое намерение; никогда не следует стараться добиться чего бы то ни было раньше других. Уважайте и почитайте других – они будут уважать вас и станут вашими друзьями”.

Неплохо бы эти общечеловеческие ценности почаще напоминать нашей современной молодежи. Общество от этого только бы выиграло.

Вместе с этим хотелось бы отметить и другое. Работая в Таджикском политехническом институте, с сожалением мне пришлось наблюдать как у местных сельских ребят, попавших в городские условия, постепенно происходит трансформация традиционных норм поведения и, чаще всего, не в лучшую сторону. В начале 90-х годов в Таджикистане многие молодые люди, разоженные политиками и религиозными экстремистами, включившись в междуусобные разборки, вовсе забыли о морали. Они, вдруг, ни за что начали убивать своих учителей и ученых, известных деятелей культуры, своих единоверцев по каким-то причинам, не понравившимся им. И все это делалось под флагом борьбы за демократию и национальную независимость.

Еще в восьмидесятые мы с местным населением жили в мире и согласии. Расуло-вы принимали нас с искренней радостью и уважением. Нам отводилась отдельная комната, растилался дастархан, готовился плов. Младшим детишкам хозяев мы привозили по-дарки.

Поев и отдохнув, мы, когда одни, а когда в сопровождении старших Нусратовских детей отправлялись в ближайшее ущелье. Вдоль речушки с прозрачной, пенящейся на водопадах водой поднимались к снегам. На пологих склонах ущелья росли деревья грецкого ореха, выше – арча. Небольшие долинки были покрыты буйной растительностью, разнотравьем, в котором на фоне зелени как огоньки светились красные тюльпаны – не чета садовым голландским: цвет яркий, сочный и флюоресцирующий. Попадалась горная лилия, повсюду торчали “лисы хвосты” – эремурусы. От камола и югана по всему ущелью разносился особый, пьянящий запах. Прикасаться к югану было опасно – он обжигал, оставляя на теле водянистые волдыри. В расщелинах скал и на осыпях росла “чукура” – горный ремень. Местами встречались грибы, которые хозяева жарили нам на зигирном (льняном) масле. Какая это была вкусотища! Весной недалеко от кишлака по ночам слышалось пение соловьев, а днем кричали иволги и куковали кукушки, на деревьях можно было заметить пролетных райских мухоловок – этаких маленьких фазанчиков с хохолком как у жаворонка. В верховьях ущелья кричали горные

куропатки-кеклики. У местного населения была интересная примета: как закукует кукушка, значит в Кабадиане (на 250 км южнее) начал поспевать урюк.

Однажды Нусрат принес сверток, завернутый в поясной платок, пригласив меня посмотреть содержимое. Мы сели на айване (открытой веранде перед домом) и развязали платок. Там оказались бумажные деньги: николаевские, Российской Федерации 1919 года, большие разлохмаченные ассигнации Бухарской республики. Встречались листы даже неразрезанных купюр с подписью наркома финансов Н. Красина. По номиналу мы насчитали более чем на сорок миллионов рублей. От денег шел запах земли и тлена.

Клад Нусрат нашел в глиняном кувшине, вмazanном в стену, когда разбирали дом умерших родителей. Отец Нусрата – Расул – до советской власти был амлякдаром – сборщиком податей. Я посмеялся: “Наверное в кувшине было и кое-что более ценное?” Нусрат ответил: “Ба худо (клянусь Богом), кроме этих денег в кувшине больше ничего не было”.

Семья Расуловых приезжала к нам в гости в Душанбе. Я помог Нусрату закончить Курган-Тюбинский энерготехникум, а его старшему сыну – вечернее отделение нашего института. В конце 80-х он стал главным энергетиком уже отживающего Такобского ком-бината. Перед нашим отъездом из Таджикистана Нусрат стал болеть и года через три скончался. Наши связи с Такобом прервались навсегда.

Когда умерла наша мама, то согласно её прижизненной просьбе, мой брат Славик попытался похоронить её в Такобе рядом с Яном Богуславичем. Сделать это ему не удалось. В Варзобском районе шныряли боевики, проехать в Такоб было опасно. Похоронили маму на кладбище в Душанбе.

## Глава 18

### ОТ ВАРЗОБА ДО НУРЕКА

До Октябрьской революции (переворота – по нынешней терминологии) 1917 года в Таджикистане электроэнергетики, как таковой, практически не существовало. На частных заводиках хлопкоперерабатывающей, маслoбойной и мукомольной промышленности работали небольшие локомотивные электростанции. Самой мощной была электростанция Среднеазиатского нефтяного товарищества (САНТО) недалеко от Ходжента с дизельной установкой в 500 л.с.

На Памире в 1913 году в кишлаке Хорог специалистами расположенного там отряда Памирского военного отряда на реке Гунт была построена и введена в действие первая в мире высокогорная электростанция. 5 августа 1914 года начальник погранотряда подполковник Г. А. Шпилько в своем рапорте в штаб ТуркВО доносил: «... с 1 июля сего года керосиновое освещение Хорогского поста вверенного мне отряда фактически заменено электричеством. Пост освещается 2 дуговыми фонарями по 900 свечей и 88 лам-почками... Машина-турбина, динамо ... работают вполне исправно».

Н.И. Вавилов, побывавший на Памире в 1916 году, писал: «Офицерский состав Хорогского пограничного поста на редкость предприимчив и энергичен. В Хорогском посту использована энергия Гунта для электрического освещения ...»

На юге Таджикистана – в Восточной Бухаре – электричества не знали до установления советской власти.

В начале 1920 года профессор Петроградского политехнического института Г. К. Резенкампф получил указание от председателя Государственной комиссии Г. М. Кржи-жановского подготовить материалы по электрификации и ирригации Туркестана. Преобразование всего народного хозяйства этого края предусматривалось на основе богатых гидроресурсов горных рек.

Вопросы электрификации и ирригации районов Средней Азии, в том числе и Таджикистана, рассматривались в работе «Электрификация Туркестанского района», которая являлась составной частью плана ГОЭЛРО. В ней особо подчеркивалась взаимосвязь энергетики и ирригации.

По плану в Туркестане в первую очередь предусматривалось построить пять гидростанций

общей мощностью до 180 тыс. кВт. Беговатская и Ходжа-Бакирганская ГЭС должны были обслуживать Голодностепский, Ходжентский и Дальверзинский районы.

2 сентября 1924 года в Душанбе, к празднованию четвертой годовщины революции в Бухарском эмирате, красноармейцы пустили первую на юге Таджикистана электро-станцию, которая позволила включить 200 лампочек, освещавших почти всю тогдашнюю столицу республики. Через два года в Душанбе вошла в строй вторая дизельная электро-станция. Однако быстрый рост нагрузок потребовал увеличения генерирующих мощностей. Для снабжения столицы республики в 1927 году намечается строительство ГЭС на реке Душанбе-дарья. В это же время инженеры-гидростроители начали задумываться о строительстве гигантской электростанции на реке Вахш в районе Пулисангинского моста.

На севере республики в Ходжентском округе работали маломощные дизельные электростанции в самом Ходжете, Канибадаме, кишлаке Костакоз.

К началу первой пятилетки общая мощность электростанций всей республики составляла всего 690 кВт. Для удовлетворения потребности развивающегося хозяйства и нужд населения в электроэнергии требовалось создание мощной энергетической базы.

В 1931 году открывается новая страница в развитии электроэнергетики республики. 25 февраля в торжественной обстановке в 11 километрах от Душанбе заложена Верхне-Варзобская ГЭС мощностью 7200 кВт. Через пять лет, 31 декабря 1936 года, она вошла в строй. Её энергия передавалась в город на подстанцию «Новая» по первой в республике линии высокого напряжения 35 кВ. На строительстве этой станции начинал свою деятельность известный гидростроитель Гиндин – будущий начальник строительства мощных сибирских ГЭС.

В эти же годы введены в эксплуатацию небольшие электростанции в Шаартузе, Исфаре, Канибадаме, Ленинабаде, Шурабе и других районах республики. К 1937 году общая мощность электростанций составляла уже 17,5 тыс. кВт.

Накануне войны, в январе 1941 года на Памире была пущена первая турбина Хоррогской ГЭС им. В.И. Ленина.

Когда у стен Сталинграда шли кровопролитные бои, правительство страны принимает меры для дальнейшего развития производительных сил и их основной базы – энергетике. В 1943 году Народный Комиссариат электростанций принял решение об организации в Сталинабаде управления по строительству Нижне-Варзобской гидроэлектростанции (Варзобская ГЭС-2) «Варзобгэсстрой». В республике началось планомерное развитие электроэнергетики, освоение огромных гидроресурсов, запасы которых уступали только гидроресурсам РСФСР.

Несмотря на трудности военного и послевоенного периода, в марте 1949 года был запущен первый агрегат Нижне-Варзобской ГЭС. Но электроэнергии всё-таки не хватало. Бурный рост народного хозяйства требовал повышения темпов электрификации республики. Во всех районах на оросительных каналах начали сооружаться небольшие межколхозные гидроэлектростанции. В Сталинабад прибыл энергопоезд, началось строительство ТЭЦ и Варзобской ГЭС-3. В 1952 году она была введена в строй – завершилось создание каскада Варзобских ГЭС.

Наступило время освоения гидроресурсов Вахша. Управление «Варзобгэсстрой» в 1956 г. преобразовали в трест «Таджикэнергострой», возложив на него возведение всех энергетических объектов в республике. В начале 1959 года была введена в строй Перепадная ГЭС мощностью 30 тыс. кВт, сооруженная на Вахшском магистральном ирригационном канале, построенном еще в тридцатые годы. Параллельно со строительством Перепадной ГЭС, вблизи г. Курган-Тюбе на Вахше, чуть выше головного сооружения легендарного Вахшского канала, начались работы по сооружению одной из крупнейших гидро-станций в Средней Азии – Головной ГЭС мощностью 210 тыс. кВт. Одновременно строится линия электропередачи Сталинабад – Курган-Тюбе напряжением 110 кВ.

В это же время тресту «Таджикэнергострой» поручают достроить начатую узбекскими строителями Кайраккумскую ГЭС на реке Сырдарья в Ленинабадской области мощностью 126 тыс. кВт. К 1960 году Головная, Кайраккумская, а также Центральная ГЭС мощностью 18,6 тыс. кВт, построенная на отводящем канале Перепадной станции, были введены в строй.



Вместе с возведением электростанций в республике прокладывались сотни кило-метров высоковольтных линий, сооружались подстанции. Эксплуатацией этого сложного и ответственного хозяйства занимались «Таджикглавэнерго» и «Таджиксельэнерго», во главе которых стояли опытные руководители: Победимский, Беляков, Леонгард А.О., Ва-сильев В.И., Люльчак В.И., Сироджев Б.С. и другие специалисты-энергетики высокого класса. В эти же годы приступили к осуществлению давней мечты гидростроителей. В 1957 году начались изыскательские работы для сооружения на Вахше Нурекской ГЭС мощностью 2700 тыс. кВт. В феврале 1961 года было принято решение о её строительстве.

## Глава 19

### НУРЕК. ПУЛИСАНГИНСКИЙ СТВОР

Таджикское специализированное управление Всесоюзного треста «Гидроспец-строй» Минэнерго СССР, во время моего поступления туда, располагалось в Душанбе. Контора СУ ГСС была на площади Ленина, в здании, рядом с Совмином Республики. Этажом ниже размещался генподрядчик строительства Нурекской ГЭС – управление «Нуректаджикгидрострой» (бывший «Таджикэнергострой»). На окраине города, по дороге в поселок Айни, наше управление имело базу, где находились ремонтные цеха, гараж и складские помещения. Мне, как руководителю электромеханической службы, кроме кон-торских дел, ежедневно приходилось бывать и там. Начальником Таджикского СУ ГСС в то время был Головань Федор Феропонтович, главным инженером – Серпокрьл Иван Стефанович. СУ «Гидроспецстрой» являлось главным субподрядчиком на строительстве Нурек-ской ГЭС. На него было возложено строительство всех подземных сооружений, производ-ство буровзрывных и цементационных работ. В то же время управление имело дела и на других объектах: на Головной ГЭС, Душанбинской ТЭЦ и на противоатомном убежище в Харангоне. Не успел я поступить на работу в «Гидроспецстрой», как на меня свалилась масса организационных и технических дел. На стройку начала поступать техника, нужно было организовывать приемку, разгрузку и доставку её в Нурек. Срочно потребовалось оборудование кузницы для изготовления буров и заправки буровых коронок. В Нуреке, к началу проходки подземных выработок, необходимо было установить насосы и емкости для технического водоснабжения и смонтировать компрессоры для обеспечения буровых работ сжатым воздухом. Много было и бумажных дел: составление заявок на оборудование и материалы, оформление документов в ГАИ, «Госгортехнадзоре» и «Котлонадзоре», пере-писка с трестом. И все это надо было делать в пожарном порядке – стройка не ждала. Немного ознакомившись с общими делами, я с Серпокрьлом на грузовом УАЗике отправился в Нурек, находящийся в 75-и километрах от Душанбе. Дорога шла через пе-ревал Чормазак, миновав несколько «тещиных языков», она круто спускалась к Вахшу. Нурекская ГЭС получила свое название от одноименного кишлака Норак («нор» – огонь), кибитки которого были разбросаны на правом берегу реки. В декабре 1960 года, авансом, кишлак Нурек получил статус города. В его состав вошли и близлежащие киш-лачки: Диссабур, Лангар и Сары-боло. Сам створ станции находился километрах в четы-рех выше, в горловине Пулисангинского ущелья. В этом месте река прорезала в скале узкую и глубокую щель, на дне которой бесновался Вахш. Еще в конце XIX века здесь был каменный мост, по которому получило свое название и все ущелье («пул» – мост, «санг» – камень). В смутные времена мост разрушали, перекидывали временки. Были случаи, когда пастухи в этом узком месте, опираясь на палки, перепрыгивали Вахш с од-ного берега на другой, а басмаческий курбаши Ибрагимбек перескакивал его на коне. За-тем, при советской власти, здесь был построен деревянный, а позже – добротный под-весной металлический мост, через который шла дорога на Куляб. По левой стороне ущелья возвышалась гора Сандук, по правой – Нор. Между ними должна была подняться каменнонабросная плотина высотой в триста двадцать метров. Для её сооружения, воды Вахша предусматривалось отводить по трем строительным тоннелям,

пробитым в теле Сандука. После возведения плотины эти тоннели перекроют-ся, и вода по напорным водоводам, проложенным в горе Нор, пойдет на турбины. Выше строительных тоннелей закладывался сбросной и у гребня плотины – катастрофический тоннель. В здании станции, запроектированном под плотину, предполагалось устано-вить девять агрегатов по 300 тыс. кВт каждый. Перед плотиной возникало водохранили-ще, заполняющее ущелье на 70 километров вверх по реке. При этом затапливался всего лишь один небольшой кишлак Туткаул, лесные угодья и пахотные земли не затрагива-лись. В поливной период часть воды из водохранилища рассчитывалось сбрасывать для орошения земель не только Таджикистана, но и Узбекистана и Туркмении. Первоначаль-ная сметная стоимость станции составляла 430 млн. рублей. Как выяснилось потом, в ней не были учтены многие работы. К концу стройки, когда запустили последний агрегат, расходы на сооружение станции превысили 1,5 миллиарда рублей.

На въезде в Нурек мы увидели нерадостную картину. Под чинарами у чайханы и рядом, где была хоть какая-нибудь тень, на узлах и чемоданах сидели приехавшие со всего Союза на стройку рабочие. Многие были семейные, с детьми. А работы на всех еще не было. Это место у чайханы шутя прозвали – “Казанский вокзал”. Название привилось. Когда двадцать лет спустя, я привозил студентов на практику уже на действующую элек-тростанцию, то по главной улице Нурека можно было увидеть городской автобус, курси-рующий по маршруту “Казанский вокзал – ГЭС”.

Наш главный инженер Серпокрыл остался в управлении строительства решать ка-кие-то свои вопросы, а я проехал на створ плотины, где наше СУ уже вело взрывные ра-боты и готовилось к проходке первой подземной выработки. Я остановился у самого Пу-лисангинского моста – панорама была удручающая: в узком ущелье на земляных работах ковырялся один экскаватор ЭКГ-4 управления мехработ (УМР) “Нурекгесстроя”, во вре-менном небольшом здании гудел наш десятикубовый стационарный компрессор, чуть подальше тарахтели два передвижных компрессора, которые подавали сжатый воздух к перфораторам бурильщиков, разбуривающих скальные валуны.

Ко мне подошел механик нашего участка Мельник В.Ф., который и ознакомил меня с ближайшими задачами и трудностями, стоящими при выполнении их. Главными были: частые перерывы в электроснабжении, нехватка сжатого воздуха и отсутствие нормаль-ного технического водоснабжения. Не было никакой ремонтной базы – даже изготовить простой болт и то приходилось упрашивать механика КИЭ-3 (Третья комплексная изы-скательская экспедиция) Среднеазиатского отделения “Гидропроекта”, которая работала в Нуреке уже три года и имела свой небольшой мехцех с токарным станком.

Если внешнее электроснабжение створа лежало в компетенции управления строи-тельства, то все остальное необходимо было организовывать мне. В душу закралось со-мнение – справлюсь ли?

Стоял июль месяц. Ко второй половине дня скалы в ущелье разогрелись так, что дышать было трудно. Вспомнилась бытующая у местного населения поговорка: “О, Ал-лах. Зачем ты создал Нурек, когда есть ад?” Я попросил у рабочих попить. Они прямо с моста опустили на веревке ведро, зачерпнув в него бурой Вахшской воды. Прежде чем выпить, её пришлось отстоять, почти наполовину в ведре был песок. Недалеко от моста кто-то соорудил каменную ванну, в которую стекала вода из родничка. Она была серово-дородная. Мы искупались в ней, немного остыли, работоспособность восстановилась. Потом, когда пробрили первый строительный тоннель, этот родничок исчез, а мы от лет-ней жары спасались в тоннелях, где было прохладнее. Наметив план работы и взяв у ме-ханика заявку на необходимые материалы, я вернулся в Душанбе.

Через несколько дней сомнения в своих силах у меня исчезли, я посоветовался с женой и решил остаться работать в “Гидроспецстрое”. Потекли мои нелегкие нурекские трудовые будни. Кроме Нурека приходилось выезжать в Калининабад, на строительство Головной ГЭС, где наше СУ вело буровзрывные работы. Посещал и другие участки. Как-то меня пригласили на закрытый объект – подземное противоатомное убежище, расположенное недалеко от Душанбе,

в Харангонском ущелье. Там автономная дизельная электростанция сильно вибрировала. Дополнительная центровка ничего не дала. Я предложил под агрегат, в местах крепления, подложить толстые амортизирующие резиновые подушки из гусматика от танковых катков. Предложенный способ себя оправдал – вибрация значительно уменьшилась и стала в пределах допустимой нормы.

Но главной заботой все же оставался Нурек. Туда приходилось ездить через день, а иногда и на несколько дней. С жильем в Нуреке было трудно. Между управлением строительства Нурекской ГЭС, с одной стороны, и дирекцией строящейся ГЭС, горкомом и горисполкомом – с другой, шли ожесточенные споры по вопросам градостроительства. Строители, в том числе и сам начальник строительства Калижнюк С. К., были за скоро-спелое жилье. Они в начальный период стройки решили возводить двухэтажные деревянные дома, и это-то в таком жарком климате. Местные административные и партийные органы были заинтересованы в строительстве капитального города с кирпичными и крупнопанельными современными домами и культурно-бытовыми объектами. Строительство домов шло медленно, жилья катастрофически не хватало, людей поселяли в палатки, юрты и вагончики.

Вначале гидроспецстроевцы базировались в кишлаке Туткаул, который разбросал свои глиняные кибитки на повороте Вахша в восьми километрах выше створа плотины. Через него проходила дорога на Дангару и Куляб. Кишлак был древний. Учитывая, что он в ближайшее время будет затоплен, археологи там проводили раскопки, которые подтвердили его существование еще в домусульманский период.

В этом кишлаке поселилась значительная часть наших работников. Для этого под-ремонтировали помещения бывшего скотного двора, приспособив их под временное жилье. Часть семейных расположили в кибитках местных жителей. В центре кишлака, у дороги, была чайхана, столовая и летний кинотеатр, огороженный глиняным дувалом, куда наши гидроспецстроевцы ходили смотреть кинофильмы со своими табуретками.

На территории скотного двора вместе с рабочими проживало и руководство нашего Нурекского участка: начальник участка Колесников, которого вскоре заменил, приехавший из Донбасса, горный инженер Минаков Николай Владимирович и механик участка Мельник Вадим Федорович с женой, прибывшие из Кузбасса. Когда мы приезжали в Нурек, то чаще всего останавливались у гостеприимных Мельников, которые частенько угощали нас вкусно приготовленным блюдом из дикобраза. В первое время эти ночные животные в большом количестве водились в близлежащих горах и предгорьях, но из-за своего диетического мяса они и пострадали, вскоре их в радиусе десятка километров от Туткаула найти было уже трудно – их выбили наши многочисленные охотники.

В первые месяцы проживания гидроспецстроевцев в Туткауле с ними нередко происходили курьезные, а порой, просто анекдотические случаи. Как-то группа наших молодых рабочих задержалась в кино в самом Нуреке. Время было позднее, попутного транспорта для возвращения домой не было. Тогда ребята оседлали пасшихся на окраине Нурека ишаков и на них отправились в Туткаул. Утром местное население удивлялось: по-чему это нурекские ишаки ночью очутились у них в кишлаке, наверное не к добру?

Насмешил всех и другой случай. Н.В. Минаков, родом из Воронежа, жил один в комнатухе (бывшем конском стойле), кое-как приспособленной под жилье: внутри подштукатурили и побелили, проббили окно, установили легкую дверь, потолки подшили обойной бумагой, за которой бегали фаланги и скорпионы. В одну из жарких и душных летних ночей Николай Владимирович раскрыл оконные ставни и лег спать. Проснулся он на рассвете от страшного рева, раздававшегося в комнате. Он с колотящимся сердцем соскочил с кровати и тут только понял причину своего испуга: соскучившись по своему бывшему стойлу, длинноухий хозяин каморки с улицы просунул голову в окно и во всю свою ишачью глотку проревел: “Иа-Иа!” Минаков кое-как прогнал незваного посетителя и долго не мог прийти в себя.

В Туткауле же мы принимали и свою технику, поступавшую для проходки тоннелей. Грузоподъемных механизмов, за исключением одного старенького пятитонного автокрана, который часто ломался, у нас не было. Тяжелые буровые и погрузочные машины приходилось

разгружать, сдергивая их с автомашин и трейлеров бульдозерами. При этом кузова автомашин или площадки трейлеров притыкали к пригоркам, земляным насыпям или же сами автомашины и трейлеры скатывали в заранее подготовленные траншеи. На въезде в кишлак можно было увидеть разбросанную там и сям технику – часто приходи-лось разгружать ночью, разгружали, где было удобнее. Затем эту технику на “пенах” (тол-стых металлических листах) бульдозерами волочили на створ плотины в тоннели или на, впоследствии построенную в Нуреке, базу “Гидроспецстроя”.

Тем временем работы на створе потихоньку расширялись. К местам закладки под-земных выработок пробивались дороги, готовился фронт работ для экскаваторов, уби-рающих наносы до скальных целиков, к которым будет примыкать плотина. Объемы бу-ровзрывных работ увеличивались с каждым месяцем. Бурильщикам, для их перфорато-ров и отбойных молотков, требовалось все больше и больше сжатого воздуха, его не хва-тало. Мы срочно раздобыли старый, еще с плоским приводным ремнем, сорокакубовый компрессор и в короткие сроки смонтировали его на створе, рядом с уже работавшим де-сятикубовым. Вода для охлаждения компрессоров бралась из небольшого бассейна, куда она закачивалась из Вахша насосами. Но вскоре экскаватор ЭКГ-4 подошел к нашему бассейну и разобрал его. Авральнo пришлось рядом с дорогой, проходящей выше ком-прессорной, устанавливать несколько больших металлических цистерн и прокладывать между ними и компрессорами водоводы. Из этих же емкостей, по трубам, подавалась во-да на бурение.

Техническое водоснабжение доставляло нам много забот и нервотрепки. Горные реки в течение суток резко меняют свой приток воды. В районе створа плотины летом уровень воды в Вахше менялся в пределах 2-3 метров. Установленный на берегу насос по несколько раз в сутки приходилось перетаскивать с места на место. Чего мы только не предпринимали, но при тех наших возможностях ничего рационального так и не придума-ли. На берегу пробурили скважину и установили погружной артезианский насос, но он, проработав несколько дней, вышел из строя: песок, содержащийся в Вахшской воде, бы-стро съел резиновые подшипники насоса. Только через год-полтора, когда мы окрепли, и у нас в Нуреке появились свои механический и сварочный цеха, нам удалось более-менее решить проблему водоснабжения своих работ на створе плотины. Сварили метал-лический понтон и на нём соорудили плавучую насосную. А лет через пять, уже без меня, водоснабжение створа осуществили более капитально: “Нурекгэсстрой” проложил трех-километровый водопровод с забором воды из родников одного из саев.

Много простоев в начальный период стройки вызывали перерывы в электроснаб-жении створа. Энергию получали от дизелей, которые частенько ломались в самое не-подходящее время, наши компрессоры останавливались и бурильщики, не разбираясь по какой причине это произошло, все претензии предъявляли к моей службе. А дизельная электростанция и всё внешнее электроснабжение находилось в ведении главного энерге-тика “Нурекгэсстроя” и начальника участка энергоснабжения Гончаренко. Приходилось все нелестные отзывы наших рабочих о работе электрослужбы переадресовывать ген-подрядчику.

Поверхностные работы на створе проводило строительное управление Плотины, которое КраЗовскими самосвалами УМР вывозило грунт из-под экскаваторов в саи, ле-жащие километрах в трех выше по Вахшу. Главный инженер этого СУ, Овсянников С.А. – мой знакомый, бывший начальник техотдела Такобского комбината – из-за отсутствия транспорта, ездил на объекты на машине скорой помощи, закрепленной за их управлени-ем. Завидев его, рабочие часто ухмылялись: “Едет доктор Айболит”.

Кстати, о легковом транспорте. Наш управляющий трестом Мнацаканов Л. Н., по-бывав на строительстве Асуанской ГЭС в Египте, которую в те годы строила наша страна, рассказал нам об истории, связанной с субординацией, царившей там между местными рабочими и нашими руководителями среднего звена. Первое время эти руководители ни-как не могли понять, почему их распоряжения рабочими-феллахами не очень-то выпол-няются. Потом выяснилось – вся беда в том, что они, глядя на западных и американских специалистов, привыкли видеть своих “шефов”, разъезжающими по стройке на машинах, наши же начальники все больше

перемещались на своих двоих. А такие руководители авторитетом у местных рабочих не пользовались. Пришлось начальнику “Асуангэстроя” выделить руководителям участков по легковому ГАЗику.

В первые месяцы стройки на створе часто можно было встретить странного молодого человека, мастера экскаваторного участка управления мехработ, который мог в любое время дня расположиться прямо на земле, рядом с работающим экскаватором и заснуть. Сколько раз мы его будили, опасаясь, что на него наедет самосвал или же сам экскаватор. Парень был здоровым, ходил разлохмаченным, одевался неряшливо, кеды носил со стоптанными задниками. Рассказывали, что, возвратившись с работы в общежитие, он не раздеваясь, прямо в обуви, заваливался на кровать и с книгой в руках засыпал. Это был выпускник МИСИ, сын какого-то московского генерала, и, как позже выяснилось, подражатель начавшегося на Западе движения “хиппи”. Вскоре он со стройки исчез, такая работа и условия жизни были не для него. Из начального периода работ в памяти запечатлелась одна трагическая история, происшедшая прямо за Пулисангинским мостом. Земляные работы, проводимые в районе моста все время меняли трассу Кулябской дороги, прямо на выезде с моста дорога образовала крутую петлю. Водитель проезжавшей в Куляб машины, загруженной холодильниками, с ходу не справился с этим поворотом и стал сдавать назад, но переборщил и застрял в рыхлом грунте, задняя часть кузова зависла над скальной щелью, в которой шумел Вахш. Подошел бульдозер, машину зацепили тросом и попытались её вытащить на дорогу. В ожидании, пока освободится проезд, пассажиры подошедшего рейсового автобуса вышли из него и стали наблюдать за тем, как вытаскивают машину. Одна из женщин приблизилась к натянутому как струна тросу. И в этот момент он порвался, смахнув женщину в каньон, в кипящий внизу Вахш. Грузовая машина от рывка последовала вслед за женщиной. Все ахнули и побежали на мост – под ним как всегда бурлила река, на поверхности которой никого и ничего не было видно.

Спустя год ниже моста, в Вахш свалилась и другая, уже наша, машина. Прямо за мостом на скальном берегу стояли вагончики, куда привозились рабочие смены, производились раскомандировки, там же находилась и наша диспетчерская. Однажды, привезя смену, водитель поставил машину носом к реке, затянул ручной тормоз и, забыв включить скорость, ушел в вагончик. Когда он вышел, машины уже не было: тормоз не удержал, и машина под уклоном самокатом ушла в реку. Дело замяли. Заведущий гаражом, имея хорошие связи с ГАИ, под оставшиеся документы собрал новую машину, водитель заплатил только за сборку. Вспоминая неприятные события того периода, приведу случай, который, волею судьбы, закончился благополучно. Покончив с делами на створе, мы с главным инженером Серпокрылом в сумерки возвращались на свою базу. Ехали стоя у кабины в кузове грузовой машины, я стоял слева. Навстречу шел грузовой лесовоз. И вдруг я инстинктивно почувствовал, что на меня что-то надвигается. Бросившись вправо, я чуть не вытолкнул Серпокрыла из кузова. Не поняв, что произошло, он возмутился: “Ты что, чокнулся?” Рядом со мной, на уровне головы, пронесся какой-то предмет. Мы обернулись и поняли все – у лесовоза одна из досок вылезла из переднего крепления и под углом торчала как раз с нашей стороны. Не смотри я вперед и будь менее внимателен, мы бы с коллегой остались без голов. Осознав, что смерть пролетела рядом и судьба пощадила нас, мы еще долго не могли унять охватившую нас дрожь. . .

Первое время моей работы в “Гидроспецстрое” мы с Тamarой, Сашей и маленькой Леной в Душанбе ютились в комнатухе (подремонтном курятнике), которую снимали во дворе у старых бухарских евреев. Отношения у нас с хозяевами были хорошие, мы им не докучали – я постоянно находился в разъездах. По утрам хозяин, небольшого ростика с бородкой-эспаньолкой, наматывал себе на руку и лоб какие-то ремешки и, раскачиваясь, негромким голосом читал Талмуд. По субботам они ничего не делали, только принимали гостей, пищу готовили заранее. В “Праздник кущей” во дворе из ковров и занавесей строили шалаш, украшали его зелеными ветками и там веселились.

Прожили мы у них четыре месяца, после чего мне выделили квартиру в большом частном доме, конфискованном у какой-то проворовавшейся кассирши, и переданном горисполкомом нашему

управлению. Дом находился в Якка-чинаре, в правобережной части города. Он был далеко от центра, но зато близко от нашей базы. Когда-то это был Сталинабадский сельский район. В 1960-70 годы правобережье застроилось многоэтажными крупнопанельными домами, и Якка-чинар вошел в состав Центрального района г. Душанбе. Кроме меня в этом доме жила семья Минакова Н. В. Во дворе, в комнатках флигелька, поселился наш снабженец, пожилой холостяк Курихин И. Ф. и моя мама, ко-торую я привез из Такоба. Алик со своей семьей остался там, Славик был в армии.

Рядом с домом находился небольшой парк с кинотеатром, летней столовой, чай-ханой и лепешечной. Позже, приезжая к семье на воскресенье, мы в парке за столиками после изнуряющей Нурекской жары с удовольствием пили прохладное бочковое пиво, за-хватывая домой горячие и ароматные, посыпанные кунжутом, только что выпеченные лепешки. Осенью 1961 года работы в Нуреке уже потребовали постоянного нашего присутствия. База “Гидроспецстрой”, в двух километрах ниже створа плотины, была еще не до-строена, но начальник управления принял решение перебраться туда, быть ближе к главному объекту. На территории базы стояло здание конторы, несколько подсобных по-мещений и открытых навесов. Работникам управления выделили кое-какую жилплощадь, и мы перебрались в Нурек. Жили по-холостячки, к семьям в Душанбе ездили только на выходной день – помыться в Якка-чинарской бане, да повидать своих. Помню первое со-брание на новом месте. Прямо во дворе базы, вместо скамей, на камни положили доски, на которых расположились сотрудники управления. Начальник СУ Головань поздравил нас всех с новосельем и кратко рассказал о предстоящих в ближайшее время задачах: главное – это начать проходку тоннелей.

Вскоре долгожданное событие произошло. Подготовив оголовок, начали проходку подходного тоннеля 1-с к первому строительному тоннелю. Бурение производилось руч-ными перфораторами, погрузка взорванного скального грунта в вагонетки – ковшовой погрузочной машиной, откатка вагонеток – вручную, крепление выработки – деревянное. Часто проходчики простаивали: то выключат электричество, то нет воды. В первый месяц не прошли даже и десяти метров тоннеля. Все понимали, что это очень мало, но начало было положено.

По окончании календарного 1961 года руководство нашего управления вызвали в трест с годовым отчетом. Вместе с начальником управления в Москву выехали главный бухгалтер, начальник планового отдела и я, как руководитель электромехслужбы. Трест “Гидроспецстрой” находился на улице 25-го октября. Явившись туда, мы были представ-лены управляющему трестом Мнацаканову Л. Н. и руководителям основных отделов. Нам были забронированы места в гостинице, а на вечер предусмотрена культурная програм-ма – взяты билеты в Кремлевский Дворец съездов, который недавно открыли. Там, сидя в первом ряду, мы с удовольствием послушали концерт только что входившей в моду пе-вицы Эдиты Пьехи с её “Веселыми ребятами”. В антракте поднялись в буфет. В большом зале были накрыты столы, на которых стояли шампанское, лимонад и пиво в маленьких бутылочках. Рядом, в тарелках и вазочках живописно были разложены различные закус-ки-деликатесы, фрукты и сладости. От всего этого изобилия разбегались глаза и текли слюнки. У нашего немолодого главного бухгалтера, любителя застолий, затряслась боро-да. Мы выпили пива, закусили его балычком и жульенами, расплатились с милοвидными официантками и с повышенным настроением дослушали вторую часть концерта.

На другой день в тресте было собрано совещание. Мы отчитались о положении дел на стройке. Головань перечислил трудности, которые мы без помощи треста решить не могли. Нас выслушали, отметили некоторые упущения и разослали решать свои кон-кретные вопросы с начальниками соответствующих отделов. Вечером меня пригласил к себе в гости домой инженер тоннельного отдела Ратин В. И., с которым у нас, в дальней-шем, сложились хорошие деловые отношения.

После того, как я на складах треста отобрал необходимое нам оборудование и ма-териалы, и Мнацаканов дал команду своим снабженцам отгрузить их в наш адрес, ко-мандировка закончилась, и мы вылетели домой.

Стройка, тем временем, набирала темпы. Чтобы увеличить фронт работ по про-ходке первого

строительного тоннеля (идти несколькими забоями), метрах в четырехстах ниже по его ходу, заложили второй подходной тоннель 3-с. Расширились и вспомогательные службы. На базе в мехцехе смонтировали металлорежущие станки, оборудовали электро- и сварочный цеха, кузницу и гараж. Набрали инженерно-технический персонал и рабочих соответствующих профессий.

Работали в Нуреке люди со всего Советского Союза, более сорока национальностей. У нас были рабочие-тоннельщики из Мингечаура и Красноярска, шахтеры из Кузбасса, Донбасса и Воркуты, горняки с Урала и Казахстана. Главным критерием при оценке качества человека было одно – его отношение к труду.

В начальный период стройки дисциплина среди рабочих была невысокая, случались прогулы, пьянство на работе. Однажды, на подходе к забою в тоннеле 1-с, мне под ноги сверху упала каска. Подняв голову, я на полк, с которого проходчики обуривали верхний ярус забоя, увидел свисающую руку, судорожно сжимающую пальцы. Окрикнув бурильщиков, я спросил их, что у них там происходит. Те посмотрели вниз себе под ноги и продолжили бурение. Пришлось найти мастера участка и заставить его выяснить, что же творится в забое. Оказалось, наверху, рядом с работающими, лежал один из членов бригады, напившийся до состояния невменяемости. Мы перекрыли сжатый воздух и заставили вынести пьяного на поверхность. Вспоминается и другая, почти криминальная, история. В первые месяцы сооружения тоннелей, проходящая рядом с ними дорога на Куляб, все время меняла свое место: сегодня она здесь, а завтра на этом месте работает экскаватор. Пастухи, перегоняющие огромные отары овец на летние пастбища, подойдя к тоннелям, и не зная, куда дальше гнать своих баранов, терялись. Тут же из числа наших проходчиков находились “лоцманы”, которые направляли пастухов с их отарами в тоннель. И как только часть овец втягивалась туда, свет выключали и в темноте парочку баранов прятали за крепью. Перепутавшиеся пастухи кое-как выгоняли овец из тоннеля, после чего им показывали нужную дорогу. О пропаже хозяева даже и не подозревали. Бараний шашлык рабочие запивали вином-сырцом, которое добывали у шоферов виномозов, проходящих по этой же дороге из Куляба и Восе.

В поисках легкого заработка в начале стройки в Нурек съехалось много людей с антиобщественными наклонностями: бывшие “зеки”, хулиганствующие элементы, а вслед за ними и проститутки. Одна милиция справиться с нарушениями общественного порядка не могла. Помогли комсомольцы. Был создан комсомольский штаб по охране общественного порядка, который возглавил электрик Валерий Саакян – будущий начальник строительства Курской атомной электростанции. Молодые дружинники быстро навели порядок в городе. Первым председателем Нурекского горисполкома был старый коммунист, бывший военный Р. Д. Джалилов, которого я видел в шинели, будёновке и с шашкой на боку еще в начале Отечественной войны, когда он в должности политрука кавалеристского полка, приехал к нам в Микоянабад попрощаться с семьей перед отъездом на фронт. Его первая жена, Дарья Андреевна, была нашей соседкой, с дочерью Галей мы учились в школе, а сын Юсуф от второго брака, был моим товарищем. В Душанбе, в Якка-чинаре, Галя жила со своей семьей недалеко от нас, мы ходили друг к другу в гости. Её дочь после окончания Таджикского университета в качестве военного переводчика участвовала в афганских событиях восьмидесятых годов. В августе 1962 года на общегородском партийном собрании коммунисты стройки избрали нового, рекомендованного ЦК КП Таджикистана, секретаря Нурекского горкома партии Горбачева Павла Ивановича, который с первых же дней своей работы, энергично взялся как за наведение порядка в городе, так и за решение производственных вопросов. Чуть ли не каждый день его можно было увидеть на объектах стройки, беседующего с рабочими и инженерами, которые просили его помочь протолкнуть те или другие вопросы. Рабочие относились к нему с уважением. Правда, в “Гидроспецстрой” он навещался редко, всю информацию о положении дел у нас, в основном, получал от нашего секретаря партбюро А. Попова.

Руководил стройкой, одновременно являясь и управляющим трестом “Нурекгидро-энергострой”, генерал в отставке Калижнюк Семен Константинович, прибывший со строительства Туркменского канала. Несмотря на свой возраст (ему было под шестьдесят) и

перенесенный инфаркт, работал он запоем, с юношеским увлечением. В холодное время года ходил в генеральской папаше и шинели. Запомнился эпизод, когда он у Пулисангинского моста, показывая наверх, что-то объяснял проектировщикам из Москвы и Ташкента. Не сумев им доказать свою точку зрения внизу ущелья, он по осыпи из скальных обломков энергично полез вверх по склону, увлекая за собой своих собеседников. Более молодые инженеры-проектировщики еле поспевали за ним. В памяти остался и другой случай. Чтобы обезопасить дорогу, проложенную к выходным порталам первого и второго строительных тоннелей от осыпающихся со склона камней, Калижнюк из воинской части вызвал артиллерийскую батарею, которая обстреляла склон, взрывами сбросив нависающие над дорогой камни. Позже, подобную операцию по очистке склонов стали производить рабочие-скалолазы, которые ломиками обирали склон и укрепляли его металлической сеткой.

Где-то в середине 1962 года сменили нашего начальника. Голованя перевели на стройку под Куйбышев, вместо него трест прислал специалиста-тоннельщика Зверева А. С.

Вскоре у нас появились первые неприятности. В одну из смен в тоннеле 1-с во время зарядки забоя по неизвестной причине начали преждевременно взрываться заряды в шпурах. Хорошо, что бригада взрывников успела спрятаться за рядом стоящей тяжелой погрузочной машиной – все на время оглохло, но остались живыми. Ни они, ни мастер смены так и не рассказали, что же послужило причиной неожиданных взрывов. А через некоторое время у нас произошел первый смертельный случай – погиб крановщик автокрана. Он рано утром ехал из Туткаула на створ, и на одном из поворотов ушел под обрыв к Вахшу. Когда мы приехали на место аварии, то с дороги внизу у реки увидели, валяющийся на боку, покореженный автокран с обвитой вокруг него стрелой. Недалеко от машины в красной рубашке лежал крановщик. Спустившись вниз, в камнях мы нашли его разбитые часы, показывавшие время гибели своего хозяина. Похоронили мы нашего товарища на кладбище в Диссабуре. Это была первая гидроспецстроевская производственная потеря. А сколько их было впоследствии!

Подходный тоннель 1-с был короткий. Вскоре проходчики подошли к первому строительному тоннелю, основному нашему объекту, без которого не могло быть перекрытия Вахша. На “кресте” разошлись в разные стороны: одна бригада пошла налево, к входному portalу, другая направо – навстречу забоя, который должен был проходиться из соседнего подходного тоннеля 3-с.

Строительный тоннель был сечением 10X11 метров (в четыре раза больше чем перегонный тоннель метро) с полукруглым сводом и корытообразным дном. Крепление свода при проходке вначале делалось из полигональных стальных двутавровых балок 22-24 номера, устанавливаемых через каждый метр. Промежутки между балками закладывались толстыми досками. Затем делалась бетонная обделка тоннеля, в которой эти балки и оставались. После сооружения плотины тоннель замуровывался. Длина только первого строительного тоннеля составляла 1600 метров. Представьте, сколько металла было загублено. Таким же образом сооружали и второй строительный тоннель и только после него нашли более экономичный и безопасный анкерный способ крепления сводов.

Для изготовления металлической крепи из балок нам на базе пришлось организовать три смены сварщиков, которые еле успевали готовить её вслед за проходкой забоя.

К этому времени начала поступать новая горнопроходческая и транспортная техника. Ручные перфораторы заменили самоходные буровые установки СБУ-2 и СБУ-4, которые намного сократили время обустройства забоя. Для погрузки взорванного грунта мы получили из Коврова подземные электрические экскаваторы с емкостью ковша 0,4 кубометра. Грунт из забоя стали вывозить на самосвалах МАЗах, которые для уменьшения загазованности тоннелей, оборудовали жидкостными фильтрами очистки выхлопных газов. Скорость проходки тоннеля ежемесячно начала возрастать. Особо хорошо работали бригады А. Короля и Ф. Мороза. Прокладка второго подходного тоннеля 3-с оказалась сложнее, чем 1-с. Из-за его большей протяженности ручная откатка занимала много времени и труда. Решили вагонетки с грунтом вывозить троллейным электровозом. Для этого в тоннеле быстро настелили рельсы, подвесили троллей и возле устья соорудили выпрямительную подстанцию. В монтаже ртутного



выпрямителя участвовал и находящийся на преддипломной практике студент-электромеханик Тульского политехнического института Кулаев А. И. После окончания института Александр Иванович был направлен к нам на работу и впоследствии вырос до главного инженера Таджикского СУ “Гидроспецстрой”.

Когда подошли к “кресту” 3-с, то туда загнали однокубовый электрический экскаватор-костромич, который вначале обслуживал оба забоя данного участка первого строительного тоннеля. Рельсы и троллей из подходного тоннеля убрали, грунт стали вывозить самосвалами. С этим экскаватором связаны неприятные воспоминания. Доставили его с базы к устью 3-с на трейлере. Я, убедившись в том, что экскаватор на месте, и машинист экскаватора с бульдозеристом, под руководством мастера мехцеха Денисова, приступили к разгрузке, отправился по своим дальнейшим делам. Отойдя на сотню метров, я сзади услышал грохот. Сердце ёкнуло – уронили! Пока возвращался, мучила мысль – жив ли экскаваторщик? Причиной падения оказалось то, что при погрузке под гусеницы не подложили деревянные прокладки, когда машинист только взялся за рычаги и попытался съехать, экскаватор как на льду развернулся и свалился с трейлера. Хорошо, что он упал на бок стороной, противоположной кабине, машинист экскаватора не пострадал. Мы при помощи бульдозера поставили экскаватор в нормальное положение, внимательно осмотрели его, подремонтировали, опробовали и погнали в забой. Но небольшой дефект так и остался – при падении от удара немного погнулся центральной вал.

К этому времени большинство руководящих инженерно-технических работников нашего СУ проживало в общежитии в поселке Сары-боло на положении холостяков. В одной из комнаток жил, переселившийся из Туткаула, наш начальник Минаков. С другой стороны здания обитала инженер-проектировщик из “Гидроспецпроекта”, москвичка Гусакова Л. А. В большой комнате стояли кровати молодых инженеров-тоннельщиков. Меня поселили вместе с механиком буровзрывного участка В. Гагариным. Практически, мы в общежитии только ночевали. Проснувшись и приведя себя в порядок, часов в семь утра шли в Лангарскую столовую, откуда кто шел в контору на базу, а кто добирался на створ плотины. Обедали, где придется. Прокрутившись целый день между конторой, створом плотины и, неоднократно побывав в тоннелях, к вечеру, уморенные делами и жарой, мы шли в чайхану-столовую у “Казанского вокзала”, где восстанавливали силы шашлыком, пловом или манту.

Придя в общежитие, расслаблялись и остывали – на открытой веранде допоздна играли в “Кинга”. Помнится, как однажды во время игры наш снабженец ни с того ни с сего запрыгнул на стол с разложенными на нем картами, показывая на огромную фалангу, сидящую на ограждении веранды. Она пришла поохотиться на мошкарку, привлеченную ярким светом лампочки, висящей над нашим столом. Когда в Нуреке разваливали глино-битные кибитки старых кишлаков, фаланг и скорпионов можно было встретить повсюду.

В связи с переходом в Нурек и навалившимися делами на новом месте, я забросил свою заочную учебу в институте. Летом 1962 года мне прислали предупреждение, что в случае неликвидации задолженности по контрольным работам, меня отчислят. Пришлось, несмотря на свою огромную загруженность, вновь приниматься за занятия. Большой долг накопился по сдаче “тысяч” по английскому языку. Нужно было перевести газетный текст. Находясь в Нуреке, я сам этого сделать быстро не мог. Кто-то подсказал, что-бы я обратился к одному из наших взрывников, Славке Н. Было ему лет тридцать, жил он в общежитии в Диссабуре, ходил всегда в рабочей одежде, часто выпивал. Когда я принес ему большую статью из газеты “Moscow news”, он через три дня вернул её мне вместе с весьма грамотным русским переводом, изложенным карандашом на тетрадных листках. Я был удивлен. А все было просто. Вячеслав был сыном советского дипломата, долго работавшего вместе с семьей то ли в Гонконге, то ли в Сингапуре. По какой-то причине их высокообразованный отпрыск порвал связи со своими родителями и очутился у нас в Нуреке. Как раз в то время начали появляться “БИЧ”и – бывшие интеллигентные люди. Славка, по-видимому, относился к ним.

Чтобы как-то подогнать свою задолженность, я у начальства выпросил трудовой отпуск, который целиком посвятил выполнению контрольных работ и курсовых проектов. Много

времени отняли расчеты и чертежи по “Деталям машин”. С трудом, потихоньку, я вошел в нормальную учебную колею, но год учебы все же был потерян.

Глава 20

### СКВОЗЬ ГОРУ САНДУК

1961-62 годы в Нуреке были временем организации строительства. Много было недоработок, часть затрат оказалась неэффективными. Нужно было организовать работу так, чтобы каждый построенный объект сразу же начинал служить дальнейшему расширению стройки.

На основных сооружениях тоннелестроители оказались звеном, определяющим сроки ввода первых агрегатов гидроэлектростанции. Пока Вахш не отведут по тоннелям из его русла, нельзя было приступать к возведению плотины, нельзя начинать строительство здания станции.

С целью ускорения темпов сооружения первого отводного тоннеля, мы стали готовить плацдармы для закладки входного и выходного порталов, с которых должна была начаться проходка навстречу забоям из 1-с и 3-с. Но наши старания не увенчались успехом. Пробивая дорогу к входному portalу, мы встретились со сложными геологическими условиями залегания скальных пород в этом месте: крутопадающие пласты при их подрезании во время взрывов соскальзывали вниз почти что с самой вершины горы. Нужно было вначале укрепить эти скальные пачки стальными анкерами, а затем уже пробивать дорогу. На все это требовалось значительное время.

С выходным порталом дело обстояло еще хуже. Первый строительный тоннель предполагалось вывести сразу после расширения каньона до поворота реки налево. Выходил он в крутом скальном берегу чуть выше наибольшего уровня воды в реке. Чтобы не ждать, когда туда проложат дорогу, мы с другого берега перекинули к месту работ канат, закрепили его, и наш механик буровзрывного участка Вася Гагарин на люльке начал переправлять к месту работ необходимое буровое оборудование и перетаскивать шланги для подачи сжатого воздуха и воды. Только бурильщики поверхностного участка начали бурение, поступила команда прекратить работы. Оказалось, проектировщики ошиблись в месте выбора выходного портала. Напротив должно было разместиться здание ГЭС. Тоннель пришлось повернуть и вывести за поворотом реки, что удлинит его на 400 метров и, соответственно, увеличивало сроки строительства. Выходной портал мы начали проходить только после сооружения подходной дороги к нему.

Объемы работ на створе все возрастали. Кроме сооружения тоннелей, с каждым днем расширялись буровзрывные работы на поверхности. Надо было прокладывать дороги, готовить фронт работ для экскаваторов УМР. При этом часто приходилось производить массовые взрывы, требующие умения и обеспечения надлежащей безопасности. Сколько десятков километров в день приходилось потопать по раскаленным скалам начальнику поверхностного буровзрывного участка А. Бахтину вместе со своими мастерами! Сколько потаскать тракторами, а порой и вручную, по еле обозначенным на крутых скальных откосах дорогам, буровые станки и передвижные компрессоры! Проживая в одной комнате общежития с механиком участка Гагариным, в зимние морозные ночи час-тенько приходилось будить его, тревожно спрашивая, слили ли из системы охлаждения неработающих компрессоров воду. Покряхтывая, Вася вставал, одевался, сверху натянул свой всепогодный брезентовый плащ и отправлялся в горы проверять компрессоры. А их было более десятка – наших КС и ПК, австрийских “Штрагеров”. Всю ночь с фонариком он лазил среди скал, а утром начиналась обычная дневная работа. На трудности он не роптал никогда. Любимым его изречением было: “Ничего. Хороший шатун себя всегда покажет”.

Количество тоннельных участков увеличивалось. Для руководства работами требовались дополнительные инженерно-технические кадры. Прибыли молодые специалисты, выпускники Ленинградского института железнодорожного транспорта и Тульского политехнического института. Ребята приезжали с женами. Помню, как в один из жарких летних дней к нам пришла оформляться группа молодых инженеров. Их подруги сидели на пропыленных чемоданах рядом со зданием конторы и удивленно озирались вокруг – куда их черт занес. Приезжали специалисты и из других мест. Запомнился один спокойный, малоразговорчивый и

работящий мастер тоннельного участка, который по политическим мотивам отсидел в лагерях десять лет. Когда вышла книга Солженицина “Один день Ива-на Денисовича” о лагерной жизни, то наш коллега прокомментировал её: “Мне пришлось встретиться и с не таким”. Мы работали, делали свое дело, не особенно реагируя на то, что происходило в стране. Это сейчас те годы называют временем “шестидесятников”, наступлением “отте-пели”. А тогда мы жили в период бесконечных хрущевских реорганизаций: министерства преобразовывались в совнархозы, партаппарат делился на промышленный и сельский, появлялись новые комитеты и комиссии. Было провозглашено, что коммунизм мы по-строим “при жизни нынешнего поколения”. С высоких трибун прозвучали обещания за 3-4 года создать потребительское изобилие, чуть позднее – отменить налоги с населения и сделать бесплатными услуги. Появились призывы: “Догоним и перегоним Америку”. По дорогам на этих лозунгах можно было увидеть приписки: “Не уверен – не обгоняй”.

Шутники оказались правы. Денежная реформа 1961 года привела к реальному обесцениванию денежных знаков, что повлекло за собой рост цен. В 1962 году повысили цены на мясо и молочные продукты на 30 % и на масло на 25 %. Мясо, вместо 1р. 60 коп. за килограмм, стало стоить 2 рубля ( моя зарплата составляла 270 рублей). В следующем году начались перебои с хлебопродуктами. Впервые наша страна закупила зерно за гра-ницей. С тех пор и пошло. Из экспортера хлеба Россия превратилась в импортера. Все это привело к роптанию среди народа: “При Сталине каждый год цены снижались, а те-перь повышаются!” В некоторых городах дошло до массовых возмущений. Мы с женой хорошо помним, как во время перебоя с хлебом, я привозил домой в наволочке макароны и манку, полученные по разнарядке на стройке. Непокойно было и в международных отношениях. Осенью 1962 года СССР доста-вил свои ракеты с боеголовками на Кубу. Американцы это заметили и потребовали от нас немедленно убрать их, разразился Карибский кризис. 27 октября мир висел на волос-ке. Наши вооруженные силы были приведены в состояние повышенной боевой готовно-сти, самолеты-бомбардировщики с подвешенными бомбами находились на взлетных по-лосах. Адекватные меры приняли и США. К счастью, у Хрущева и Дж. Кеннеди хватило мудрости - кризис завершился благополучно. Когда после окончания напряженности, я приехал из Нурека на выходной день домой, жена рассказала, что им уже объявили рай-он, в который они должны были эвакуироваться. Каково было слышать это Тамаре, пере-несшей эвакуацию из блокадного Ленинграда.

Несмотря на недостатки и непоследовательность в проводимых Хрущевым преоб-разованиях, он много сделал полезного для народа. После развенчания Сталина не ста-ло массовых репрессий, хотя, как показало новое время, именно последовавшая критика, сначала самого “вождя всех народов”, а затем и всего того, что было сделано при нём, положила начало развалу СССР. Китайцы, в этом отношении, оказались мудрее и даль-новиднее. Они своего “великого кормчего” Мао не предали анафеме. Их руководителям хватило ума понять, что критика предшественника, сваливание на него всех своих бед, к хорошему не приведет, так как это оскорбляет оставшийся народ, создавая у него впе-чатление, что он ничего в своей жизни не создал и прожил зря. У людей пропадает вера в полезность труда, исчезает стимул к нему. Последующее молодое поколение остается без стержня и опоры, насаждается нигилизм. Вместо того чтобы, выбросив плохое, дви-гаться дальше, идет беспрерывное осуждение прошлого при отсутствии серьезных кон-кретных дел в настоящем.

Освоение целинных и залежных земель позволило снизить продовольственную проблему в середине пятидесятых годов. Казахстан до сих пор благодарен Хрущеву за хлеб, получаемый с этих земель. Часть этого хлеба после отделения казахи продают России. Сейчас с ухмылкой и иронией говорят о “хрущобах”. А ведь именно эти простень-кие здания, “без архитектурных излишеств”, позволили за короткое время в какой-то мере решить жилищную проблему по всей стране. Люди в массовом порядке переселялись из коммуналок и лачуг в отдельные квартиры с ваннами и центральным отоплением. Не только в городах, но и в сельских населенных пунктах, стали возникать прачечные, хим-чистки, пункты проката и молодежные кафе. Была проведена пенсионная реформа, кре-стьянам выдали паспорта.

По всей стране зачинались великие стройки, строились города, заводы, электро-станции. Вместе с освоением целины они вызвали небывалый молодежный энтузиазм. Страна духовно помолодела. Думаю, что это было главным достижением эпохи Хрущева.

В одну из поездок Хрущева в Душанбе, нам сообщили, что он собирается посетить и Нурек. Началась подготовка к его встрече. Целую неделю рабочие наводили “марафет” в тоннелях, на створе в районе будущей плотины вырыли небольшой котлованчик, в который Никита Сергеевич должен был в торжественной обстановке заложить первый бе-тон (потом все это вывезлось бы в отвал). Рядом поставили вагончик для отдыха высоко-го гостя. И тут кто-то из ответственных за организацию приема обнаружил, что нигде нет туалета: что произойдет, если гостю приспичит? Срочно к вагончику пристроили кабину, установили унитаз, за сотню метров подвели воду. КГБешники занялись обеспечением безопасности: облазили все скалы в округе и обследовали мосты. Определенному кругу лиц, и мне в том числе, раздали пригласительные билеты на митинг, который предпола-галось провести на створе. На начальнике участка энергоснабжения НТГС и на мне ле-жала ответственность за обеспечение этого шоу электричеством. Не дай Бог, гость поже-лает побывать в тоннеле, и во время его нахождения там отключат освещение. На всякий случай, мы приготовили побольше шахтерских аккумуляторных светильников.

И вот когда уже все собрались идти на митинг, из Душанбе сообщили, что Никита Сергеевич заболел и в Нурек не придет. Рабочие долго возмущались: им за работу в дни подготовки тоннелей к показу платили по тарифу, а не от выработки, вследствие чего они теряли часть своего месячного заработка.

В конце 1962 года мы начали проходку подходных тоннелей ко второму строитель-ному. Вначале заложили тоннель 5-с, а некоторое время спустя и 6-с. Вскоре из Такоба перешел к нам на работу Саша Цатурян. Его назначили электромехаником вновь образо-ванного участка и поселили жить в наше ИТРовское общежитие.

Управление все в большем объеме получало новую технику: прибыли современ-ные погрузочные машины ПНБ, позволявшие грузить взорванную в забое горную массу прямо в самосвалы, увеличилось число буровых установок и средств транспорта. В тон-нелях и на поверхностных работах удлинялись электрические сети, которые было необ-ходимо снабжать средствами защиты, обеспечивающими их безопасность. Мне одному справляться и с механической и с электрической частью разраставшегося хозяйства ста-ло трудно. В феврале 1963 года к нам из треста направили, ранее работавшего на строи-тельстве подземных сооружений под Красноярском, главного механика Бланка Иону Ио-новича (Ивана Ивановича). Меня же назначили главным энергетиком управления.

В это же время трест прислал нам нового главного инженера, Ковалева Ивана Дмитриевича, выдержанного по натуре и очень спокойного метростроевца средних лет. Я никогда не видел его возбужденным или раздраженным. Если на него начинали наседать разгоряченные просители, он, выдержав паузу, тихо и мирно обращался к своему себе-седнику: “А тебе можно задать вопрос?» И спрашивал что-нибудь уточняющее. У оппо-нента после этого тут же спадал эмоциональный напор, и дальше беседа шла в спокой-ном, деловом ритме. Дело он знал, но работал не в том темпе, который требовала строй-ка.

Ковалев был сыном русской матери и грузина отца, жена его была чистокровной грузинкой с белой прядью в черных волосах. Жили они, во многом придерживаясь грузин-ских традиций и обычаев. Иногда нас приглашали в гости, попробовать вкусно приготав-ливаемое женой Ковалева блюдо сациви.

Тем временем в первом строительном тоннеле началось бетонирование обделки: варилась арматура, устанавливалась опалубка, за которую бетононасосами закачивался бетон. Подземные работы сами по себе опасны, здесь же к проходческим работам до-бавлялись и сложности, возникающие при укладке бетона. Отдельные операции нужно было спланировать так, чтобы они не мешали друг другу – и все это в условиях тоннель-ной стесненности. Здесь и бурение, и откатка взорванной массы, и подвозка бетона, и сварка арматуры. Только на время взрыва прекращались другие работы. Сколько эти взрывы причиняли нам, электрикам, забот и

ущерба. Только приведешь все электрохозяйство участка в порядок, по недосмотру нерадивых бригадира и мастера смены, не убравших перед взрывом кабеля и электроустановки в безопасное место, взрывом все разнесут в куски. Все восстанавливай сначала. Подаваемые рапорты начальству, о привлечении виновных к ответу, особого воздействия не имели. К началу 1963 года электроснабжение стройки улучшилось. В городе задействовали электроподстанцию, которая по линии 220 кВ получала энергию от Душанбе-Вахшской системы. Дизельную электростанцию остановили. Но у нас начались затруднения со сжатым воздухом. Пришлось недалеко от Пулисангинского моста соорудить более мощную компрессорную, которую подключили к рядом установленной передвижной чешской подстанции “Юлия”, напряжением 35/6 кВ. От неё же питались комплектные трансформаторные подстанции, которые снабжали электроэнергией все тоннели. Для обеспечения энергией района входных порталов на берегу Вахша НТГС соорудил отдельную столбовую подстанцию. Однажды с ней произошла странная авария. Речная выдра по какой-то причине забралась на самый верх подстанции и перемкнула провода подходящей линии 35 кВ, в результате, произошло короткое замыкание, один из проводов отгорел и упал на землю. Сама виновница аварии сгорела. Как мы сожалели, что её шкурка пострадала полностью. Кстати, надо сказать, что сооружение линии к этой подстанции проходило в весьма сложных условиях. Для того чтобы вывести из зоны проведения взрывов, её проложили на самом вершине отрога от горы Сандук. Деревянные опоры доставляли туда и устанавливали при помощи вертолета.

Как-то в одну из летних жарких ночей вся энергослужба НТГС была поднята по тревоге: на левом берегу на склоне горы загорелись кустарники и сухая трава. Было видно, как фронт огня поднимается к электролинии, идущей по самому хребту горы. До самого утра электрики вместе с пожарными спасали её деревянные конструкции.

Много забот доставляли нашей службе массовые взрывы. Несмотря на то, что мы защищали свои комплектные подстанции бревенчатым накатом, часто после взрыва КТП оказывались поврежденными, а линии порванными. Нужно было срочно все восстанавливать. Чтобы было меньше простоев, взрывы, обычно, производили по воскресеньям, с расчетом на то, что к понедельнику мы все исправим. Бывали случаи, когда из-за этого мы не имели выходных в течение нескольких месяцев. Ни о каких отгулах речи не могло быть.

Когда в самом Нуреке прокладывали обходную дорогу, то рабочие взрывного участка вместе с представителями милиции обошли все дома в районе взрыва и вывели людей из опасной зоны. Во время взрыва кусок скалы проломил крышу стоявшего на краю поселка вагончика, разбудив спавшего там пьяного хозяина. Тот выскочил с криком: “Что, опять землетрясение?!” Наши взрывники чуть не избивали его – при обходе жилья перед взрывом вагончик был закрыт на ключ, на стук никто не ответил.

Порой в опасные ситуации попадали и мы сами. Однажды, при взрыве я с замом главного инженера по буровзрывным работам Спицыным Ю. И. спрятались за экскаватором ЭКГ-4. Разлетевшиеся камни срикошетили от стоявшей за экскаватором скалы и посыпались на нас. Мы на карачках полезли под брюхо экскаватора, под защиту его гусениц.

В руководстве НТГС произошли изменения. Начальника стройки Калижнюка сменил приехавший из Латвии пятидесятилетний Севернад Константин Владимирович. Запомнилось, как он проводил планерки и совещания: на столе дощечка, в руках деревянный молоточек, заговорившийся докладчик прерывался резким стуком.

По вопросам энерго- и водоснабжения приходилось обращаться к нашим соседям, подразделениям генподрядчика: к главному энергетiku стройки Юдичеву, начальнику участка энергоснабжения Гончаренко В. С., в СУ Плотины, где начальником в то время был Савченков Н. Г. и к начальнику управления механизации Файнбергу Л. П. Последний прибыл в Нурек со строительства Туркменского канала. В книге Ю. Трифонова “Утоление жажды” он выведен под фамилией Гохберг.

Это был эрудированный, обладающий большим опытом, инженер-механик. Мне случайно пришлось присутствовать при приеме им к себе на работу нового сварщика, у которого в

трудовой книжке значилась квалификация пятого разряда. Лев Павлович предложил ему вначале, в качестве испытательного срока, поработать по четвертому разряду. Рабочий не согласился и потребовал провести ему экзамен. В мастерской он из капелек расплавленного металла сварил пепельницу-туфельку, по структуре похожую на ласточкино гнездо. Это был высший класс сварочного мастерства. Претендента тут же оформили по пятому разряду, а туфелька долго стояла на столе у Файнберга в качестве примера отличной работы. В этом же управлении трудился и другой весьма грамотный механик Дюпюи, по прозвищу “Француз”. Помню, как меня удивило, когда однажды он, придя к нам в цех, безо всяких справочников быстро подсчитал, какую балку нужно применить под грузо-подъемный тельфер.

Работы у нас все прибавлялось и прибавлялось. Вскоре мы приступили к проходке выходного портала второго строительного тоннеля. В управлении вновь сменилось руко-водство: начальником СУ стал наш Минаков Н. В.

Со своим непосредственным начальником Бланком у меня сложились хорошие де-ловые и товарищеские отношения. Он не имел специального образования, но зато у него был большой практический опыт – много лет проработал в системе метростроя. Иван Иванович хорошо ладил с людьми, был прост в обращении. В критические моменты за-являл: “Ну чего мне бояться? Положу я им свой профсоюзный билет на стол – партийно-го-то у меня нет”. В Москве у него была квартира, в которой жили дети, жена переехала в Нурек. Постоянные скитания по стройкам привели к тому, что Бланк потерял почти все зубы, а вставить протезы не находил времени. Наевшись в чайхане своего любимого шашлыка, он частенько мучился животом. Одолевал его и радикулит, порой мы его обез-движенного на машине отправляли с работы домой. Отлежится несколько дней и опять в строй.

Кроме своей непосредственной работы, у меня были и общественные обязанности. Я был членом партбюро нашего управления, членом народного контроля. За хорошую работу городским комитетом был премирован наручными часами, которые ходят по сей день. Как-то на одном общегородском партийном собрании я выступил с критикой каче-ства возводимых домов и благоустройства города, назвав построенные поселки “гарле-мами”. Как это не понравилось секретарю парткома Горбачеву П. И.! Но спустя несколько лет он был вынужден согласиться с этим (не знаю, вспомнил ли он мое выступление). Уже без меня в Нурек приехал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, ко-торый ознакомился не только с гидротехническими объектами, но и осмотрел строящийся город и даже побывал в квартирах у рабочих. За дома и планировку такого “социалисти-ческого” города руководство стройки, местные и республиканские партийные органы по-лучили нахлобучку. Были выделены дополнительные средства, переработаны проекты, и вскоре город приобрел более культурный и современный вид.

Весной 1963 года я выехал в командировку в Ташкент. Нужно было на заводе, вы-пускающем передвижные компрессора, выколотить запасные части. Командировку подга-дал так, чтобы заодно попасть на экзаменационную сессию и сдать задолженность по экзаменам и зачетам. К тому времени, нас, заочников-горняков, из Ташкента перевели в филиал института, расположенный в г. Алмалыке. Я съездил туда и успешно сдал все необходимое. Вернувшись, вновь окунулся в круговерть работы.

Год за годом стройка расширялась, приобретала известность. Её стали посещать журналисты и писатели. Самой первой к нам пожаловала М. С. Шагинян. Она в начале тридцатых годов написала книгу “Гидроцентральный”, в которой талантливо описала строи-тельство первой в Армении Дзорагетской ГЭС. Когда Мариэтта Сергеевна вышла из ма-шины на нашем створе, то, опасаясь, как бы чего не вышло (а ей тогда шел восьмой де-сяток), сопровождающий в качестве гида Минаков, поддерживал её под руку. Осмотрев панораму стройки и, считая себя специалистом в этих делах, она начала возмущаться по поводу того, что плотину Нурекской станции решили делать не бетонной, а каменно-набросной. Метресса даже пообещала обратиться по данному вопросу в Минэнерго СССР. Окружающие приняли её ворчание со снисходительными улыбками.

К концу стройки многие известные писатели и общественные деятели побывали в Нуреке, подарив городской библиотеке свои книги с автографами.

К нам часто навещали руководители республики и всей страны. Мы неоднократно встречались с секретарем ЦК КП Таджикистана по промышленности и строительству Эргашевым С. Б., несколько раз приезжали первый секретарь ЦК Расулов Д. Р. и председатель Совмина республики А. Кахаров.

До сих пор храню фотографии начального периода строительства, на которых министр энергетики СССР Непорожний П. С. с руководителями стройки и проектировщиками знакомится с нашим объектом. Приезжал в Нурек Петр Степанович не раз. Помню, как в один из приездов, в огромной палатке на створе, где у нас была столовая, он проводил совещание с техническим персоналом.

Где-то в середине 1965 года к нам пожаловал первый заместитель председателя Совмина СССР Мазуров К. Т. Он, с сопровождающей его свитой, побывал в забетонированном участке второго строительного тоннеля. Во время этого посещения я с электро-механиком участка и дежурным электрослесарем находились недалеко от высоконапорных персон. Мы молили Бога, чтобы ничего не случилось с электроснабжением. Подойдя к остановившейся группе посетителей, я услышал, как высокий начальник вдруг спросил у руководителей стройки: “А как у вас решается женский вопрос?” Все были ошарашены и в первый момент не знали, что ответить. Хорошо, что Мазуров, видя их смущение, пояснил: “У нас в стране есть стройки, на которых работают исключительно мужчины, из-за чего там возникают свои сложности.” Все заулыбались и стали объяснять, что в Нуреке таких проблем нет – женщин достаточно.

В конце того же года у нас побывал космонавт Беляев П. И., который приехал на празднование 40-летия комсомола Таджикистана. Когда он вышел из тоннеля, то с шуткой обратился к рабочим, окружившим его: “Ну, кто хочет поздороваться за руку с космонавтом?” Желающих было много. Я об этом эпизоде вспомнил, когда в 1979 году, будучи в Москве на Новодевичьем кладбище, подошел к памятнику на могиле Беляева, где он изображен плывущим в разорванном кольце-орбите.

Уже после моего ухода с работы в Нуреке, в 1970 году стройку посетил сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев Л. И.

Где-то в конце 1963 года экскаваторы подошли к нашим компрессорным станциям. Встал вопрос освобождения створа от всех сооружений, что позволило бы без помех производить массовые взрывы и вывозку наносного грунта с места насыпки плотины. С этой целью генподрядчик на правом берегу ниже створа, там, где когда-то была дизельная электростанция, построил мощную центральную компрессорную, возложив её обслуживание на СУ Плотины. На створ по обочине дороги проложили четырехсотмиллиметровый воздуховод. Мы вздохнули облегченно – с нас свалились заботы по эксплуатации компрессоров.

Однако, первое время новый трубопровод подводил, варили его в спешке, швы были некачественные, часто лопались. Кроме простоев, его эксплуатация была опасна. Как-то мы на “Газике” с начальником СУ Минаковым возвращались со створа. Только проехали Пулисангинский мост, как послышался взрыв, звон металла, шипение воздуха, сзади нас поднялся столб пыли. Отъехав подальше, мы переждали, когда всё успокоилось и пыль улеглась, и подошли к месту происшествия. Оказалось, что у плохо сваренного конденсатного горшка, вырвало днище, под действием сжатого воздуха он, как ракета взмыл вверх, увлекая за собой, приваренный к нему воздуховод. Толстые трубы переломало как соломинки, часть из них закинуло в Вахш, часть забросило на дорогу. Произойди это на полминуты раньше, и мы бы попали в очаг аварии. Кто знает, чем все это бы закончилось? Случай произошел как раз на том месте, где когда-то из-за своего любопытства погибла женщина.

В это же время на стройку стали поступать большегрузные 25-тонные самосвалы БелАЗы. Вывозка грунта со створа резко увеличилась.

Нашему отделу Минаков выделил мотоцикл ИЖ с коляской. Я несколько раз попробовал съездить на нем на створ плотины, но потом отказался от таких поездок: на узких дорогах 25-тонные самосвалы, не замечая мотоцикл, так прижимали меня к скале или к обрыву над

Вахшем, что эти поездки становились опасными. К выходному portalу вто-рого строительного тоннеля вначале ездили вокруг, по новому мосту, построенному через Вахш на развилке дороги в Нурек и новой дороги в Куляб, идущей на перевал Шар-шар. Через этот мост на левый берег я чаще ездил на прикрепленной за электромехслужбой грузовой машине. Частенько сам садился за руль, за что заведующий гаражом Пирожков И. В. отчитывал водителя – прав то у меня не было.

С большегрузными самосвалами у меня связано неприятное воспоминание о случае, который произошел на моих глазах. Однажды летом, мы в открытом кузове грузовой машины, предназначенной для перевозки людей на смену, ехали с обеда на работу. Мет-ров за сто перед нами шел груженный БелАЗ, который на небольшом подъемнике стал уходить на отвесную влево дорогу. Поворотные сигналы у самосвалов, чаще все-го, грязные, поэтому водитель показал маневр открытием дверки кабины. В этот момент нас обогнал мотоциклист на двухколесном мотоцикле с женщиной на заднем сиденье. И на наших глазах, на полной скорости он влетел под самосвал, прямо под огромное его заднее колесо. Мы все охнули, остановили машину и побежали к месту происшествия. Женщина вместе с мотоциклом была раздавлена, а водитель мотоцикла стонал и все спрашивал, как его жена? Из руки у него хлестала кровь. Мы вытащили несчастного из-под кузова самосвала, я снял с себя ремень и перетянул ему руку выше раны. Посадив его в нашу машину, мы отослали пострадавшего в больницу, наказав водителю заехать в ГАИ и сообщить об аварии.

Шофер самосвала, который раньше работал у нас, находясь в стрессовом состоянии, все время спрашивал у меня: “Марат Янович, вы видели, что я перед поворотом открывал дверку? Вы подтвердите это, когда понадобится?” Я его успокоил, пообещав обязательно сообщить компетентным органам об этом факте.

Через некоторое время был суд. Водителя самосвала оправдали; ему помогли мои показания и то, что у недисциплинированного водителя мотоцикла, за месяц до происшествия, за нарушение правил вождения ГАИ арестовала его тяжелый мотоцикл с коляской. Так он, на другом – двухколесном – умудрился угробить свою жену. Её гибель суд посчитал достаточным наказанием для нарушителя.

Незаметно Нурек начал принимать черты, присущие городу. На главной улице (как всегда, им. Ленина) поднялись многоэтажные дома, на одном из которых выложили цветное мозаичное панно, изображающее идущего на фоне плотины строителя со словами В. Маяковского: “Я знаю – город будет!”. Заработал новый летний кинотеатр “Электрон”, открылась вновь построенная школа-десятилетка, появились современные магазины. Хотя еще во многих местах люди в городе ходили по щиколотку в пыли, кишлак все же постепенно исчезал. Запомнилась картинка того времени. Среди развалин глинобитных маза-нок, у края котлована под фундамент дома, опершись на палку, стоял седобородый дед-бабай в чапане и наблюдал за работой экскаватора, выбирающего грунт. Лицо его было задумчивым и грустным. Может на этом месте было его жилище, где прожили его предки и где он родился сам, а может муйсафет просто удивлялся, до чего дошли люди – раньше бы, чтобы вырыть такую ямину, им всем кишлаком пришлось бы работать лопатами и кетменями в течение нескольких месяцев.

В начале стройки рабочих-таджиков в Нуреке были единицы, а у нас в тоннелях их совсем не было. Партийные и административные органы поставили задачу – из местных дехкан создать кадровых рабочих. Для этого открыли учебный комбинат, за опытными мастерами своего дела закрепили любознательных и трудолюбивых ребят местной национальности. Через небольшое время они освоили технику и производственные приемы, у них исчезли страх и неуверенность перед огромными экскаваторами и самосвалами. Через пару лет наш Тавар Курбанов и Нур Ахмедов стали бригадирами проходческих бригад, А. Саидов, М. Абдуллаев и Н. Нигматов достигли высоких показателей, работая экскаваторщиками на ЭКГ-4, а Б. Нуров – на большегрузных самосвалах БелАЗах. К концу стройки в Нуреке трудились уже тысячи квалифицированных рабочих-таджиков. Для них Нурек стал школой современного труда, у них коренным образом изменилась психология, мировоззрение, нравственные устои и взаимоотношения с товарищами на работе и в семье. Они стали чувствовать себя причастными



к большому и важному делу, стали социально более активными. Работы, касающиеся ГЭС, проводились не только в Нуреке. Для подвоза тяжелого оборудования расширялась и местами спрямлялась горная дорога от Орджоникидзебаба-да до Нурека, усиливались мосты, засыпались саи. Построили новый участок дороги Ну-рек – перевал Зардалю, сокративший путь от Душанбе на семь километров. В обход бу-дущего водохранилища, от кишлака Дуздичи («кишлак воров») перед Нуреком до перева-ла Шар-Шар пробили новый участок дороги на Куляб. В Душанбе и Орджоникидзебаде возводились перегрузочные базы и предприятия стройиндустрии. В самом Нуреке дела-лось все, чтобы как можно быстрее отвести Вахш и приступить к подготовке основания плотины.

## Глава 21

### ВАХШ ИДЕТ ПО НОВОМУ РУСЛУ

В начале 1964 года к нам с Урала, с “Кизилугля”, приехал молодой горный инженер Бородин М. И. Там он работал на одной из угольных шахт, работал успешно, за что был представлен к правительственной награде. Но в шахте завалилась лава, погибло не-сколько рабочих. Начальника участка Бородина привлекли к уголовной ответственности. Пока разбиралось дело, вышел Указ о награждении его орденом Трудового Красного Знамени. Дело закрыли, Бородин уехал в Нурек.

У нас его назначили начальником третьего участка. Михаил Иванович оказался очень грамотным и талантливым инженером. Он быстро сколотил вокруг себя костяк из только что окончивших институт молодых специалистов и сумел организовать работу на участке так, что в смену бригада успевала выполнить законченный цикл работ: бурение, взрывание и вывозку грунта. Скорость проходки на его участке резко возросла. Глядя на него, стали подтягиваться и другие. Электромехаником третьего участка работал моло-дой инженер Кулаев А. И., тоже незаурядная личность. Бородин с Кулаевым составили прекрасный тандем, они были ядром мозгового центра по рациональным способам про-ходки тоннелей. Мне нравилась манера работы Михаила Ивановича: он не спешил, сна-чала продумывал возникшую идею сам, затем обсуждал вопрос со своим инженерно-техническим коллективом, где принималось окончательное решение. После этого со сто-роны Бородина шел постоянный контроль за неукоснительным выполнением задумки. Требовал он спокойно, но настойчиво.

Но Бородин был ужасно невезучий. Его постоянно преследовали неприятности. Однажды я зашел в подходной тоннель 6-с, породы там были разрушенные, постоянно происходили вывалы. Недалеко от забоя стоял автопогрузчик, с его поднятой площадки проходчик, находясь под защитой арочной крепи, стальной пикой выковыривал зависшие на своде скальные обломки. Недалеко от места производства работ я увидел Бородина, наблюдающего за разборкой. И тут послышался шум, грохот падающих камней – рабочий вместе с погрузчиком исчезли в пыли. Михаил Иванович, ни слова не говоря, повернулся, вышел из тоннеля и пошел вверх по Вахшу. Я догнал его и стал успокаивать. Бородин был в протрации и не отвечал ни слова. Дойдя до отвала на берегу, он сел на краю его, глядя на бурлящую мутную воду реки. Боясь, что он в таком состоянии может броситься в воду, я сел рядом, придерживая его за руку и всё время разговаривая с ним. Он не реаги-ровал. Так продолжалось до тех пор, пока не прибежал сменный мастер и не сообщил, что ничего страшного не произошло – проходчик при падении с площадки всего лишь по-вредил себе руку. Бородин постепенно отошел и рассказал нам, что ему показалось, что вывалом раздавило рабочего.

Вскоре Михаила Ивановича назначили главным инженером нашего СУ. И тут нача-лось! За полгода произошло шесть смертельных случаев: от вывалов, на транспорте, при бетонировании и от поражения электротоком при сварке арматуры в тоннеле.

Один из случаев поразил всех своей нелепостью. Как-то рабочий, выйдя из тонне-ля обратил внимание на стоящий самосвал, около которого виднелся след выброса мас-ла. Водителя не было. Обеспокоенный проходчик заглянул под кузов и увидел скрючен-ного калачиком мертвого водителя, прижатого кузовом к раме машины. Когда подняли кузов, то поняли, что произошло. У самосвала отказал гидropодъемник, водитель, не подставив предусмотренную

для подобных случаев подпорку, при поднятом кузове вы-вернул пробку гидроцилиндра, масло выбросило, и кузов, как в мышеловке, опустившись, прихлопнул нарушителя.

Прошло несколько дней, уехала комиссия по расследованию, всем водителям про-вели повторный инструктаж по обслуживанию гидроподъемников самосвалов. Водители расписались о прохождении инструктажа. Мы с заведующим гаражом И. Пирожковым и еще рядом лиц стояли у себя на базе, обсуждая какой-то вопрос. Вдруг послышался ис-тошный вопль, мы бросились на него и увидели следующую картину: у самосвала стоит человек, голова его зажата между кузовом и кабиной машины. Все вместе плечами при-подняли кузов и освободили беднягу, который отделался ссадинами на голове да потря-сением. Выяснилось, что водитель повторил ошибку своего погибшего предшественника – тоже вывернул пробку, пренебрегая подпоркой. К счастью, находился он не под кузо-вом, а стоял на земле – прижало только голову. Пирожков, видя, что водитель в порядке, залепил ему в ухо: “Ты что? Посадить меня хочешь? Ведь ты только что расписался о том, как надо безопасно ремонтировать гидроподъемник!”

А у Бородин так и продолжалось: успехи сопровождалась неудачами. В Нуреке он получил второй орден Трудового Красного Знамени, в тресте его считали одним из пер-спективных технических руководителей. Но случилась беда, жизнь Бородин оборвалась внезапно. Сбылось предсказание цыганки, о котором он нам рассказывал: “Парень ты ни-чего, но не будет тебе счастья в жизни”.

Для консультации по вопросам способа проходки восстающей выработки, Бородин пригласил бывшего своего учителя, профессора Свердловского горного института. Сде-лав дело, они с группой наших и московских гидроспецстроевцев выехали отдохнуть на природу. Ехали на двух машинах – “Волге” и грузовом “Уазике”. На обратном пути поче-му-то Бородин с профессором оказались в “Уазике”, за рулем которого сидел не профес-сиональный водитель, а заместитель начальника СУ Бекиров Б. Б. На одном из поворо-тов на спуске с перевала Шар-Шар машина ушла под обрыв. Погибли: Бородин, Бекиров, профессор и одна проектировщица из Москвы. Я в это время уже работал в Душанбе, меня оповестили о трагедии, и мне пришлось участвовать в отправке гробов в аэропорту и в поминках.

Я долго вспоминал Мишу Бородин, его мягкую улыбку и рассказываемые им в редкие минуты досуга, смелые по тем временам, анекдоты про Брежнева: “ Ленин – честь партии, Сталин – совесть партии, а Брежнев – брови партии” или про Микояна, ко-торый начал свою карьеру при Ленине, а закончил при Брежневе: “ Без инфаркта и пара-лича от Ильича до Ильича”.

1964 год принес неприятности и нашей семье. Мой брат Алик приехал в Нурек и, подучившись, стал работать экскаваторщиком на подземных работах. Его жена Лида с дочкой жили в это время в Такобе. Однажды, приехав к ним, Алик в своем доме застал какого-то мужика (Лида в это время была на работе). Брат взял бутылку и решил выяс-нить отношения с гостем. Слово за словом их беседа раскалилась и перешла в драку, Алик схватил топор и нанес сопернику небольшой порез на боку. Несмотря на то, что по-страдавший на суде отчасти подтвердил свою вину и просил не наказывать подсудимого строго, нашему брату дали девять лет тюрьмы. Лида с дочкой уехала в Новомихайловку под Туапсе, где купила небольшой домик недалеко от всероссийского пионерского лаге-ря “Орленок”. Когда наша дочь Лена закончила девятый класс, мы с ней ездили к Лиде и купались на пляже этого пионерлагеря. Алик же, с учетом хорошего поведения, отсидел пол-срока и был направлен на поселение в поселок Гарауты Таджикской ССР. Дальней-шая его жизнь была испорчена.

В Нуреке я продолжал жить в ИТРовском общежитии в Сары-боло. Ездить в Ду-шанбе к семье удавалось редко, иногда на денек приезжала Тамара. По воскресеньям всегда возникали какие-нибудь неотложные дела, а то и аварийные ситуации, которые до понедельника надо было ликвидировать. Запомнился случай из серии “не было бы сча-стья, да несчастье помогло”. В одну из осенних суббот мы уже собирались на машину, отъезжающую в Душанбе. И тут со створа позвонили, что утонул понтон с насосами, все участки остались без воды. Мы с Бланком понеслись на створ – понтона не было видно, над ним проносились волны мутной Вахшской воды. Оказалось, слесарь плохо закрепил шланг, сбрасывающий за борт воду от уплотнения

вала насоса, он перекинулся во внутрь, понтон заполнился и затонул. Попытались вытащить его на берег бульдозером, но трос, которым понтон крепился к анкеру на берегу, был тонкий, он порвался. Нашли добровольцев, которые выпив по сто пятьдесят граммов выданного нами спирта, стали нырять в воду, чтобы зацепить понтон более толстым тросом. Из этой затеи тоже ничего не вышло. Мы с Бланком начали собирать бригаду, намереваясь сварить новый понтон и смонтировать на нем насосы. Приехали на базу и почти приступили к работе, как со ство-ра поступило сообщение: “Уровень воды в Вахше резко падает”. Вновь понесли на створ. Действительно, вода в реке на глазах спадала, через десяток минут показался наш утопленник. Мы вывели бригаду проходчиков и всех слесарей, которые кто ведрами, а кто снятыми с ног резиновыми сапогами, начали вычерпывать воду из понтона. Вскоре он всплыл. И тут, как по команде, вода в реке вновь начала подниматься. Но насосная была уже спасена. Мы заменили электродвигатели и включили насосы в работу. Такое везение граничило с фантастикой. В понедельник все выяснилось: гидрометслужба нам сообщи-ла, что на реке Сурхоб (а Вахш принимает воды двух рек – Сурхоба и Обихингоу), про-изошел оползень, её русло временно запрудило, и пока вода не размыла преграду, уро-вень воды в Вахше был малым. Вот этим моментом мы и воспользовались.

Кроме нас, гидроспецстроевцев, в общежитии жили работники редакции городской многотиражки “Норак”. Один из них, молодой начинающий журналист, увлекался написа-нием маленьких рассказов. Они нигде не печатались и писались впрок. Некоторые из них он доверительно читал мне. Запомнился небольшой опус о романтической встрече како-го-то молодого человека с девушкой в ресторане приморского города в Италии за бутыл-кой вина “кьянти”, в котором явно чувствовалось подражание Хемингуэю. И еще помню 28 сентября 1964 года, когда услышав о смерти своего любимого поэта Михаила Светлова, наш юный писатель, изрядно выпив, плакал навзрыд.

Работы в нурекских тоннелях все усложнялись, скученность увеличивалась, произ-водство становилось все опаснее. “Госгортехнадзор” потребовал в электросетях устано-вить защитные устройства от поражения людей электротоком. Мы установили реле УАКИ. Но соединения кабелей выполнялись небрежно, изоляция сетей была плохая, а тут еще, как только экскаватор плюхнет ковшом по луже, вода летит под брюхо на нижний токо-съемник, из-за чего реле тут же отключает сеть. Получались непрерывные простои. На-чальник СУ Минаков, бывший шахтер, хорошо знал, что делают в этих случаях – отгибают контакт у реле, тогда и “Госгортехнадзор”, видя наличие защитных устройств, не приди-рается и простоев нет. Но зато, при этом люди не защищены от поражения электричест-вом при случайном прикосновении к токоведущим частям. Начальник прямого указания на такую операцию с реле, конечно, дать не мог, но пытался намекнуть нам об этом. Мы своим подчиненным тоже подобную команду не давали, однако электрослесаря, заму-чившись с отключениями, без подсказок в сырых выработках выводили реле из строя са-ми. Сначала мы на это закрывали глаза и только после того как наладили вулканизацию кабельных счалок и заменили экскаваторы на более приспособленные к работе во влаж-ных условиях погрузочные машины ПНБ, защитные устройства стали работать как поло-жено.

Такая практика помогала мне и в моих учебных делах. Вопросы электроснабжения горных работ, защиту сетей и человека мне предстояло сдавать на экзаменах в институ-те. Со скрипом меня отпустили на последнюю экзаменационную сессию, после сдачи ко-торой, я сразу приступил к дипломному проектированию. Темой дипломного проекта яв-лялось “Электромеханическое оборудование рудника Алтын-Топкан”. Сам рудник нахо-дился недалеко от Алмалыка в Кураминском хребте на границе Узбекистана с Таджики-станом. Мне приходилось из Алмалыка ежедневно ездить туда автобусом. Некоторые данные по руднику считались секретными, поэтому сбор материалов для проекта пред-ставлял некоторые сложности. Выдав необходимые документы, меня закрывали в особую комнату с зарешеченными окнами и металлическими дверями, где я и работал. В конце рабочего дня у меня забирали все бумаги и до следующего дня закрывали их в сейф. Но для того чтобы быстрее выполнить проект, я решил работать и по вечерам у себя в гос-тинице. С этой целью я

выписывал данные в двух экземплярах: один оставлял в спецчас-ти, а другой за пазухой приносил домой. До сих пор не пойму в необходимости такой секретности – ведь защита проекта все равно шла в открытом режиме.

Проживал я в это время в Алмалыкской гостинице, которую ежедневно в обеденное время сотрясали массовые взрывы, проводимые на рядом расположенном Кальмакырском свинцовом карьере. Жил я в номере с одним молодым геологом, который однажды перепугал меня до смерти. В одну из ночей, только я разоспался, в комнате раздался грохот и громкий стук чего-то твердого об пол. Я соскочил, включил свет и на полу увидел своего геолога, который содрогался в припадке. Вспомнив о том, что в подобных случаях надо не давать человеку биться, я навалился на него, пытаюсь разжать ему пальцы рук. Но сладить с ним было не так просто, он был как железный. Через минут пятнадцать припадок закончился, больной успокоился, расслабился, и я помог ему перебраться на кровать. Тихим и слабым голосом он попросил меня вызвать врача. Я пошел к дежурной по этажу, в коридоре повернулся назад и увидел моего молодого товарища падающим навзничь. Крикнув дежурную, побежал назад – больной вновь заходился в припадке. При падении он ударился головой о выступающую пилястру и рассек себе лоб, темная кровь заливала дорожку в коридоре. Мы с дежурной вдвоем навалились на него, при этом она полотенцем пыталась остановить текущую из раны кровь. Когда припадок поутих, мы вызвали скорую помощь. Врачи установили у больного эпилепсию, дали ему необходимые препараты и уложили в постель. Я до утра уснуть уже не мог. Через день, немного оклемавшись, мой сосед уехал домой.

Во время моего пребывания в Алмалыке в стране произошло важное и неожиданное историческое событие – на октябрьском Пленуме ЦК КПСС Хрущева Н. С. сместили со всех партийных и государственных постов, Первым секретарем компартии стал Брежнев Л. И. Перед этим Хрущева, после отдыха в Пицунде ждали в Ташкенте, он планировал заехать и на Алмалыкский комбинат. Уже на дороге Ташкент – Алмалык начали посыпать обочины красным песочком, на здании нашего филиала ТашПИИ в Алмалыке вывесили огромный портрет Хрущева и вдруг, утром 16 октября 1964 года мы увидели, что этот портрет стаскивают, а вскоре поступили сообщения о смене власти. Никто сильно не возмущался и не сожалел о происшедшем в верхах тихом перевороте: народ молча воспринял это.

В декабре месяце состоялась защита дипломных проектов. По специальности “Горная электромеханика” нас, заочников, защищалось всего несколько человек. В моем проекте экзаменационная комиссия отметила новизну предложенной конструкции по автоматическому регулированию производительности компрессоров и порекомендовала подготовить документы на подачу заявки на изобретение. На заключительном заседании председатель комиссии, главный энергетик Алмалыкского комбината П. Теплов, подчеркнул, что мы фактически уже давно являемся неплохими инженерами, хотя и не имеем со-ответствующих, подтверждающих квалификацию, документов. Получив дипломы, наша немногочисленная команда вновь испеченных инженеров разъехалась по домам.

Интенсивность работ на стройке все возрастала, дела требовали постоянного присутствия. Работали весь световой день, да еще приходилось и по ночам выезжать на ликвидацию возникших неполадок и аварий. Домой к семье ездили все реже и реже – начальству наши отлучки не нравились. Побывав в воскресенье дома, мы к восьми часам понедельника должны были быть уже в Нуреке. Поэтому вставали затемно и в любую погоду, на любом транспорте старались добраться к месту работы вовремя. А сделать это, особенно в зимнее время, было не просто - перевал Чормазак часто заносило снегом, за-тягивало густым туманом.

Наконец нам, всем ИТРовцам, в Нуреке предоставили сносное жилье, и в начале 1965 года я перевез свою семью в однокомнатную квартиру только что построенного мно-гоэтажного дома по улице Набережная. В Душанбинской квартире осталась мама со Славиком.

10 февраля 1965 года наше управление отметило первую небольшую производственную победу – произошла сбойка двух забоев второго строительного тоннеля на участке между 5-с и 6-с. Наши маркшейдеры под руководством А.И. Кильдишевской (тоже та-кобчанки) почти с идеальной точностью состыковали тоннели. По поводу этого события на створе провели

небольшой митинг, на котором секретарь горкома партии Горбачев П. И. поздравил коллектив с достигнутым успехом.

В первом стройтоннеле сбойка произошла позже, так как расстояние между встречными забоями там было гораздо больше, чем во втором тоннеле.

К этому времени, вслед за бетонированием обделки тоннелей, наступил черед цементационных работ. В бетонной облицовке бурились отверстия, и через них под давлением закачивался цементный раствор, который за обделкой заполнял все пустоты, заколы и трещины. Кроме заполнительной цементации позже начали вести и укрепительную, создавать цементационные завесы – превращать скалу под плотиной и около неё в монолит.

Цементация – процесс сложный и малоизученный, специалистов по нему мало. Для организации работ и налаживании технологии к нам с Мамаканской ГЭС на Витиме прибыл легендарный инженер-цементационник Владимир Иванович Данилов. В нашем СУ его назначили заместителем главного инженера по гидротехническим работам. Ему было лет тридцать пять, он был подтянут, со спортивной фигурой, был трижды чемпионом Советского Союза по альпинизму. покорил все основные вершины Памира. В Нуреке, одновременно с выполнением своей основной работы, Данилов организовал из альпинистов группу по укреплению опасных склонов. Помню, когда надо было проложить электролинию к выходному порталу второго стройтоннеля, Владимир Иванович подошел ко мне и предложил свои услуги – установить кронштейн с траверсой на выступе скалы прямо над порталом. Такое решение, при взрывах во время проходки первых метров тоннеля, предохраняло линию от обрывов.

В своей работе Данилов принимал решения оригинальные, необычные. Им была предложена новая схема производства цементационных работ: вместо отдельных растворных узлов сооружен центральный узел, этакий небольшой завод-автомат, перекачивающий раствор на промежуточные узлы. Производительность при этом возросла в несколько раз.

В начале семидесятых Данилов уехал в Киргизию на Токтогульскую ГЭС, там он вскоре скоропостижно скончался. Сердце не выдержало таких больших нагрузок.

Весной 1965 года меня, в качестве “толкача” для выколачивания запасных частей для наших подземных экскаваторов, послали на Ковровский и Костромской экскаваторные заводы. Ковров считался городом оружейников, с полигонов оружейных заводов постоянно слышалась автоматная и пулеметная трескотня, везде встречались военспецы, с гостиницами было трудно. Одну ночь я переночевал в Доме колхозника, где была грязь, клопы и непростиранные серые простыни, а затем, за рубль в сутки, снял угол в частном секторе. Когда я впервые пришел на экскаваторный завод, то сотрудники отдела реализации продукции, глядя на мой инженерный значок на лацкане пиджака, удивились (“тол-кач” с высшим образованием) и тут же начали тянуть волюнку. Пришлось обратиться в городские партийные организации, напоминая, что за срыв поставок запчастей на Всесоюзную ударную стройку им всем не поздоровится. Со скрипом, завод необходимые нам запчасти все же отгрузил.

В Костроме я пошел другим путем. Нашел нужных работников отделов и цехов завода, “подмазал” их, и в результате, запчасти еще при мне ушли на товарную станцию. А вот в бытовом отношении Кострома преподнесла мне сюрпризы. Как-то вечером я зашел в ресторан поужинать и ознакомиться с блюдами местной кухни. Ко мне за столик подсел молодой речник в форменной одежде и, подозвав официанта, сделал себе заказ. Потихоньку мы разговорились, выпили по рюмочке. Через некоторое время он извинился, встал и отошел от стола. Вернулся назад с двумя дамами и усадил их за наш стол. Завязался общий разговор. Закончив ужинать, я попрощался с ними и вышел из ресторана. Они втроем догнали меня и предложили проводить до дома. Подхватив под руки, попытались увести меня с освещенной дорожки сквера в затемненную аллею. Это мне показалось подозрительным, я вырвался и перебежал на другую сторону улицы, где сновали прохожие. Дальше мои провожатые за мной не последовали, и я без приключений вернулся в гостиницу. В номере, вспомнив взгляд, брошенный речником на мой бумажник, когда я расплачивался с официантом, я еще больше уверился, что мои знакомцы неспроста уводили меня в темноту к краю откоса над пристанью.

Экскаваторный завод находился на правом берегу Волги, туда я перебирался на катере. И хотя был май, порой сыпала снежная крупа. Стоя на верхней палубе, обдуваем-ый холодным ветром, я любовался речным пейзажем. Даром мне это не прошло, вер-нувшись домой в Душанбе, вскоре лег на операцию по поводу гайморита.

Впервые во взрослом возрасте я оказался в больнице, столкнулся с порядками существующими там. Республиканская больница в Кара-боло отличалась хорошими и опытными врачами. Во втором корпусе (ухо, горло, нос и глаза) работали замечательные хирурги, среди них и родственники репрессированных в сталинское время врачей: Каль-штейн, Вовси и другие. Меня оперировала хирург Парамонова В. И. Помню, как она, навалившись на мою грудь своим пышным бюстом, долбила стаместкой хрящ под моей верхней губой. Голова у меня содрогалась, я боялся, как бы врач не пробила мне её насквозь. Когда она начала чистить гайморову пазуху, то “командирским” голосом повелевала: “Голову не шевели, а то задену глазной нерв!” После того как она закончила операцию, я встал и своим ходом, без сопровождения, ушел в палату. Парамонова, узнав об этом, устроила медсестре раз-нос. Лет пятнадцать спустя, когда я по своим научным делам ездил на Анзобский ком-бинат, то на самом Анзобском перевале вновь встретился с Валентиной Ивановной, ко-торая с группой медиков проводила в полевых условиях экспериментальные исследова-ния по изучению влияния высокогорья на течение ряда болезней. Когда мы на своем “Га-зике” свернули с главной дороги и подъехали к их палаточному лагерю, медики усадили нас за сколоченный из досок стол и угостили настоящим на горных травах чаем. Сидя за столом, мы обратили внимание на кружившего в вышине одинокого грифа, который что-то высматривал среди скал. Через короткое время их было уже несколько. Один за одним они начали по спирали спускаться вниз за скалу, стоящую недалеко от нас. Мы решили посмотреть, что же привлекло грифов к этому месту. Осторожно выглянув из-за скалы, увидели, как птицы-падальщики раздирают собаку, выброшенную медиками после не-удачно проведенного опыта. С поднебесья все спускались и спускались новые птицы с голыми шеями и тут же начинали драку за свою долю добычи. Мы пожалели, что с нами не оказалось кинокамеры...

Работали в Нуреке мы много, но и оплата труда была неплохая – помимо оклада частенько выплачивали премиальные, кроме того, мы занимались и рационализацией, за которую тоже получали хорошие деньги. По моему предложению на базе гусеничного хо-да от списанного экскаватора мы собрали гидроподъемник с площадкой для работы под сводами тоннеля. Конструкция получилась удачной, подъемник проработал почти до окончания стройки. Рабочие окрестили его “каракатицей”. Об этом подъемнике я опубли-ковал статью в журнале “Шахтное строительство”.

Хорошо оплачивался труд и наших честно трудившихся рабочих. Бригадир и вы-сококвалифицированные рабочие получали больше чем инженерно-технические работ-ники. Мы ввели аккордную систему оплаты, при которой бригаде давался план проходки и назначались сроки выполнения, при сокращении этих сроков производилась дополни-тельная оплата труда. Бригада была заинтересована в быстрейшем выполнении плана, подталкивать никого не требовалось – только обеспечивай бригаду необходимым да кон-тролируй качество работ. За дисциплиной следила сама бригада, выпивох не держали. Бригадир подобрался добросовестные и работящие. Их было несколько, но наиболее знатными были Ф. Л. Мороз и В. Н. Остапов, которым к концу стройки было присвоено вы-сокое звание Героев Социалистического Труда. Мы с Тамарой часто вспоминаем, как мы в Туткауле отмечали один из дней рождения Федора Мороза.

Именно бригада Мороза в 1969 году поставила рекорд проходки тоннелей большо-го сечения. За 25 рабочих дней они прошли 150 метров выработки. По сравнению с на-чальным периодом стройки, производительность возросла в десять раз. И все это благо-даря использованию новой техники и передовых методов проходки и крепления подзем-ных выработок, в разработке которых принимали участие работники треста “Гидроспец-строй” В. И. Ратин и А. М. Кельми, проектировщики “Гидроспецпроекта” Д. А. Фурта и Л. А. Гусакова. У нас отрабатывали новшества, предложенные доктором технических наук Мостковым и другими учеными в

области гидротехнического тоннелестроения.

К сожалению, не все увидели результаты своего труда. Рано ушел из жизни Д. А. Фурта, летом 1965 года в забое выходного портала первого стройтоннеля завалило два-дцатидевятилетнего вожака комсомольско-молодежного звена Михаила Дикарева, имя-име которого назвали одну из улиц Нурека.

Подземные работы требовали к себе постоянного внимания, передышки не было, нервы всегда были на пределе. Только в конце месяца, после выполнения плана и под-писания генподрядчиком процентов на оплату выполненных работ, мы позволяли себе расслабиться: захватив напитки и еду, уезжали вниз по Вахшу в сторону Байпазы (по-дальше от начальственных глаз), где купались и отдыхали.

Все мы работали на износ, домой приходили только переночевать. С семьей я ви-делся поздно вечером. Переехав ко мне в Нурек, Тамара поступила на работу в школу, где учился и наш Саша. Леночка пошла в детский садик в Диссабуре. В нём, раскаленных на солнце детей, без закалки обливали холодной водой, в результате чего, наша дочь прихватила сильнейшую ангину, которая чуть не довела её до ревмокардита.

В то время в республике, кроме наших гидротехнических тоннелей, сквозь хребет Каратау начали пробивать ирригационный тоннель, длиной семь километров. Он должен был напоить Яванскую и Оби-кийскую долины водами Вахша, где предусматривалось создать новые хлопковые совхозы. Головное сооружение этого тоннеля заложили в Бай-пазах, в 25-и километрах вниз по Вахшу от Нурека. Проходили тоннель московские мет-ростроевцы. Со стороны Байпазы на строительстве работали гражданские лица и заклю-ченные-вольнопоселенцы, а со стороны Явана – только заключенные. К середине 1965 года было пройдено около трех километров начального участка тоннеля.

Как-то в понедельник утром меня на створе разыскали наш начальник управления Минаков и уполномоченный КГБ майор Луньков М. Л., который попросил меня съездить в Байпазу помочь разобраться метростроевцам в причине происшедшего у них пожара. Ко-гда я приехал туда, то там уже находился следователь КГБ и инспектор “Госгортехнадзо-ра” при Совмине Таджикской ССР А. Горин. Мы с ним были знакомы, так как он курировал и нашу стройку. Выяснилось следующее.

В прошедшее воскресенье в тоннеле на девятом пикете (девятьсот метров от устья) в насосной находились только камеронщица (насосчица) и дежурный электросле-сарь. Они почувствовали запах гари и, сев на троллейный электровоз, поехали к выходу выяснить причину этого запаха. У устья увидели горящие стойки деревянного крепления. Пламя перегородило выход. Облив водой свои телогрейки и прикрывшись ими, они на большой скорости проскочили сквозь огонь наружу и подняли тревогу. Прибывшие по-жарные и рабочие-тоннельщики потушили пожар. Из сорока метров деревянного крепле-ния на устье тоннеля (остальное все было в бетоне) сгорело метров пятнадцать крепи вместе с электрическими кабелями, проложенными на ней. Насосная осталась без энер-гии, а так как тоннель был с обратным уклоном, то он начал затопляться грунтовыми во-дами. К нашему прибытию метростроевцы успели заменить сгоревшие кабели, но венти-ляцию выработки не наладили.

Мы, каждый по своей линии, начали выяснять причину возникновения пожара. Я вместе с метростроевским электромехаником приступил к обследованию электрической части. Осмотрев сгоревшие кабели и распределительный щит, который находился на площадке под сводом забетонированной части тоннеля, у меня сложилось мнение, что причиной возгорания явились предохранители щита, заряженные вместо нужных плавких вставок “жучками” из провода, толщиной с карандаш. При перегорании их, капли рас-плавленного металла упали на пропитанный маслом и солидолом настил и подожгли его. Затем огонь перекинулся и на деревянную крепь.

При расследовании присутствовало и руководство стройкой. Главный инженер, по-чувствовав запах солянки на обгоревших стойках, попросил представителя КГБ прове-рить версию умышленного поджога. От стойки отпилили кусок и послали на экспертизу в Душанбе. Я же в такое предположение не верил, зная, что там, где ходят электровозы, низ крепежных стоек

всегда забрызган нефтепродуктами, солидолом и смазочными мас-лами, запах которых не сильно отличается от запаха солярки.

Когда мы осмотрели место пожара, то втроем собрались в конторке недалеко от устья тоннеля и начали составлять акт осмотра и делиться своими соображениями. У ме-ня в висках стучали молоточки. Часа через полтора к нам в конторку прибежал один из рабочих и сообщил, что из тоннеля вынесли человека. Мы бегом понеслись к устью. На земле лежал неподвижный проходчик, над которым склонилось несколько человек. Ду-мая, что его поразило током, я начал делать ему искусственное дыхание методом “рот в рот”. Платочка не было, пришлось своими губами прикасаться непосредственно к губам умирающего. Наша помощь оказалась бесполезной, прибывшие медики констатировали летальный исход. Выяснилось, что рабочий умер не от электротока, а от газа, который был в глубине тоннеля.

Как оказалось, пока мы работали в конторке, события развивались следующим об-разом. Для того, чтобы не затопило весь тоннель, руководство объекта приняло решение включить насосную на девятом пикете. Для этого подобрали несколько здоровых рабо-чих, с ними пошел и электромеханик участка. На всякий случай, им выдали противогазы, а так как вентиляция тоннеля не работала, подали по трубам сжатый воздух от компрес-сорной. Дальше приведу слова одного из оставшихся в живых рабочего, который давал показания в комиссии по расследованию: “Мы двинулись вглубь тоннеля. Почувствовав духоту, надели маски противогазов. У всех противогазные коробки были привязаны на боку, а я закрепил её на плече. По мере продвижения уровень воды в тоннеле становился все выше и выше. У некоторых коробки намокли, люди стали задыхаться. Сорвав маски, открыли вентиля и стали хватать воздух из воздухопровода. Я повернул назад за новой партией противогазов. Сообщив руководству о случившемся, я с противогазами вернулся назад, но ребята уже задохнулись, их тела плавали в воде”.

Этот рабочий и вынес первого пострадавшего. Руководство стройки растерялось. У них, кроме противогазов, не оказалось никаких средств индивидуальной защиты. А про-тивогазы от угарного газа людей почти не защищали. Я позвонил в Нурек к себе в управ-ление и попросил прислать что-нибудь более существенное. Но у нас были только само-спасатели, которые по эффективности защиты не отличались от противогазов. Нужны были аппараты автономного дыхания, а их не было.

Начальник метростроевцев, в отчаянии, намочил платочек водой и бросился в тон-нель спасать оставшихся там, но, не пройдя и сотни метров, был вынужден повернуть на-зад. Вслед за ним ринулся начальник участка, которого вскоре вынесли еле живого. Мы стали его откачивать. Откуда-то нашли баллончик с кислородом и, разжав щепкой стисну-тые зубы, стали подавать ему в рот кислород. Но впопыхах забыли, что его надо пода-вать через воду или хотя бы через мокрую салфетку. В результате мы пострадавшего от-ходили, но кислородом обожгли ему бронхи – месяца три он залечивал их в больнице.

Все стало неуправляемым. Каждый пытался что-нибудь предпринять, но эффек-тивных мер не находил. О происшедшем стало известно в поселке строителей Постака-не, прибежали жены и дети, некоторые пытались прорваться в тоннель. Пришлось вызы-вать милицию.

Вскоре из Душанбе прибыл зампред Совмина Таджикистана Г. В. Зубарев, ранее работавший на горных предприятиях. Он сразу взял ситуацию в свои руки. Во-первых, тут же из Такоба вызвал горноспасателей, во-вторых, у руководителей стройки потребовал аварийный план, который обязательно должен быть на всех горных предприятиях. Бегло просмотрев его, он со злостью отшвырнул листки плана, назвав его “филькиной грамо-той”, составленной в эту ночь.

Обращаясь к руководителям метростроевцев, он заявил: “Если бы у вас был толковый аварийный план, то люди бы не погибли!” Горин и я тоже чувствовали свою вину, ведь мы слышали, что строители собираются послать после пожара людей в тоннель и, зная об этом, не вникли в вопросы обеспечения безопасности и не запретили посылку людей без предварительного контроля за атмосферой в тоннеле. А Горин, как участковый инспектор “Госгортехнадзора”, имел все права на это. Мы слиш-ком поверили в компетентность местного руководства.



Когда приехали горноспасатели, они на надувной лодке, пользуясь респираторами, доплыли до конца тоннеля и взяли там пробы воздуха. Концентрация СО превышала допустимые нормы более чем в десять раз: при пожаре после остановки вентиляции весь угарный газ по воде вошел в тоннель. Вот почему после обследования щитовой у меня “тюкало” в голове, хорошо, что мы были от устья тоннеля всего лишь на расстоянии сорока метров.

Горноспасатели вывезли из тоннеля троих погибших, среди них был и электромеханик, с которым мы проводили обследование. Немного позже они нашли там и еще одного – молодого сменного мастера. Главный инженер, увидя его уже застывшее тело, хлопая себя руками по бедрам, стал причитать: “Что я скажу его отцу? Я ведь обещал вывести парня в люди?” Это был сын его московского друга, которого после окончания института главинж взял к себе на работу. Всего погибло пять человек. Назначили государственную комиссию по расследованию случившегося. В её состав вошел и я. Виновными посчитали руководителей стройки, но до суда не дошло: начальника “Метрострой” срочно перевел на другое строительство, главный инженер ушел на пенсию и уехал в Москву.

Вернувшись к себе на работу, я еще долго вздрагивал при одном упоминании о Байпазе и Постакане.

К этому времени у нас на створе начался штурм первого строительного тоннеля и камеры аварийных затворов, подземного зала высотой с пятиэтажный дом. Проходили последние метры, бетонировали оголовки. Тоннель готовили к пропуску воды.

В начале моей работы в Нуреке можно было увидеть плакаты: “Пустим первый агрегат ГЭС в 1967 году!”. Затем эти сроки стали отодвигаться. Проходил 1966-й, а конца стройки даже не было видно. Мне стало ясно, что при таком нервном и физическом напряжении до завершения стройки я не дотяну. А тут еще начало пошаливать сердце, в груди появилось какое-то жжение. Я решил покинуть Нурек. Но в такое горячее время сделать это было не просто, как члена партии, меня сразу не отпустили. Тогда пришлось немного схитрить: по переводу я перешел в “Госгортехнадзор” участковым инспектором котлонадзора по Нурекскому участку. В январе 1966 года я покинул “Гидроспецстрой”, хотя производственные связи с ним продолжали существовать. В моем ведении оказались все краны, котлы и сосуды, работающие под давлением в Нуреке, Кулябской области, Орджоникидзеабаде и на Нурекских объектах в Душанбе.

Из этого периода запомнилась история с приемкой экзаменов у одной из нурекских крановщиц. Местные партийные и профсоюзные органы, преследуя цели создания национальных кадров, решили выдвинуть на должность крановщицы башенного крана де-вушкунтаджичку Д. Назарову. Её направили на крановый участок, где с ней провели соответствующее обучение, но сдать экзамен на право управления краном она никак не могла, не хватало ни знаний, ни практических навыков. Ко мне, как председателю экзаменационной комиссии, посыпались звонки с просьбой принять экзамен и допустить Назарову до самостоятельной работы на кране. При этом мне пытались указать на то, что я не понимаю важности национальной политики в данном вопросе. Сдала Назарова экзамен только после моего ухода из Нурека. Года через два в местной печати мне попала заметка о знатной крановщице Д. Назаровой.

Весной 1966 года у строителей Нурека наступил долгожданный праздник. Первый тоннель был закончен. Перед пуском я с гидроспецстроевцами прошел его от начала до конца. Бетонная обделка была предельно гладкой, никаких выступов и задиров не допускалось – вода в тоннеле должна была протекать без завихрений. В пустом тоннеле было необычно гулко. Мы вспомнили, как пять лет тому назад начинали его. На память пришли слова В. Кострова из “Баллады о Нуреке”:

«Помянем ночные смены в горной каменной трубе  
и крутые перемены в трудной пламенной судьбе».

23 марта на створе собрались сотни людей, которые расположились на дорогах и склонах напротив выходного портала первого тоннеля. Приехали руководители партии и правительства республики, представители Минэнерго СССР и “Гидроспецстроя”. Секретарь компартии

Таджикистана Д.Р. Расулов нажал кнопку и тысячи кубов заранее подготовленного грунта обрушились в Вахш немного ниже оголовка тоннеля, а перед входом в тоннель взлетела в воздух оставленная перемычка. Вода должна была пойти в тоннель, люди на выходном портале приготовились встречать её. Но этого не произошло – взорванная перемычка из-за неправильного расчета вновь опустилась на свое место. Народ, не дождавшись воды, через некоторое время начал расходиться. Только к утру следующего дня экскаваторы процарапали перемычку и вахшская вода пошла по искусственному подземному руслу. В Нуреке состоялся митинг. Первый этап строительства Нурекской ГЭС был закончен, можно было приступать к сооружению плотины и здания станции.

## Глава 22

### ПОСТСКРИПТУМ О НУРЕКЕ

«... строители энергогиганта, как символ победы человека над природой, как символ победы над могучим и непокорным Вахшем, закладывают эту капсулу в том месте, где по воле человека поднимется высочайшая в мире плотина»

Из письма строителей Нурекской ГЭС потомкам.

5 мая 1967 года.

После того, как в середине 1966 года я окончательно покинул Нурек, мне не пришлось бывать в нем более пяти лет. Я, конечно, из газет и встреч со своими бывшими со-служивцами знал, что там происходит. Когда в Таджикском «Гидроспецстрое» погибли главный инженер Бородин М. И. и зам. начальника Бекиров Б. Б., нурекчане разыскали меня и сообщили о происшедшей трагедии. Бориса Бекировича мы похоронили в Душанбе, Бородина родственники увезли на Урал.

Вскоре после моего увольнения из «Гидроспецстроя» там сменился начальник. Ми-наков перевелся в распоряжение Минобороны и уехал в Североморск на строительство подземных военных объектов. Перед отъездом из Душанбе он зашел к нам. Мы с ним вместе со своими семьями организовали на берегу Кафирнигана прощальный пикник. Ни-колай Владимирович, поднимая рюмку на «посошок», попросил не поминать его лихом.

Тем временем в Нуреке началась отсыпка плотины, строительство здания и монтаж гидротехнического оборудования ГЭС. «Гидроспецстрой» совместно с «Гидромонта-жем» соорудил напорные водоводы, «Спецгидроэнергомонтаж» приступил к установке генераторов. Для ускорения дел на стройке было создано движение смежников «Рабочая эстафета» – социалистические соревнования между строителями ГЭС и рабочими заводов Урала, Ленинграда, Украины, поставляющими оборудование для Нурека. Все это позволило 15 ноября 1972 года запустить первый из девяти агрегатов станции. Я, как назло, в это время приболел и не смог выехать в Нурек на торжества по случаю такой знаменательной победы. Ко мне домой заехали прибывшие из Москвы И. И. Бланк с сыном управляющего объединением «Гидроспецстрой» Э. Мнацкановым. Они осведомились о моем здоровье и поздравили меня, как участника стройки, с достигнутой нурекчанами победой. За пуск первого агрегата я наравне с другими получил неплохую премию.

Вновь увидел я Нурек только в 1973 году, когда повез туда на экскурсию своего московского научного руководителя профессора Щуцкого В. И. Плотина еще не достигла своей полной высоты, но водохранилище уже затопило кишлак Туткаул. На станции работало три гидроагрегата, шел монтаж остальных. Я был поражен не технической стороной сооружения, а цветом воды в Вахше. Она была бирюзовая. Разве я мог представить в начале шестидесятых, что увижу реку такой? Куда делась вода цвета кофе?

Позже, я часто ездил в Нурек по своим диссертационным делам, неоднократно возил студентов на ГЭС на практику. Плотина с каждым приездом становилась все выше и выше, город принимал благоустроенный вид, в нем появились красивые здания и площади с фонтанами. По

водохранилищу забегали прогулочные катера и лодки, на берегах возникли зоны отдыха. Благодаря все увеличивающемуся зеркалу воды в водохранилище, в Нуреке смягчился микроклимат, не такой обжигающей стала летняя жара. В семи-десятые годы журнал “Дружба народов” взял шефство над коллективом строителей Нуре-ка, что помогло создать уникальную многотысячную городскую библиотеку с автографами советских и зарубежных писателей и общественных деятелей.

14 декабря 1979 года мой товарищ из “Таджикгидроэнергостроя” Земченко Н. Ф. пригласил меня в Нурек на митинг по случаю завершения строительства и пуска станции на полную мощность. Строительство станции заканчивалось под руководством начальни-ка “Нурекгэстроя” Ю. К. Севенарда, сына К. В. Севенарда. За все время строительства гидроспецстроевцы Нурека проложили более 38 километров тоннелей большого сечения с огромными подземными камерами, управление основных сооружений совместно с ба-зой тяжелых машин и управлением механизированных работ насыпали самую высокую по тем временам в мире плотину, объемом в 56 млн. кубометров. Эпопея, длившаяся два десятка лет, закончилась.

Нурекская ГЭС стала энергетическим центром Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса. Её энергия позволила ввести в строй Таджикский алюми-ниевый, Яванский электрохимический заводы и другие энергоёмкие производства в рес-публике.

Мне в своей жизни пришлось увидеть два “чуда”, созданных умом и руками челове-ка. Это Коркинский угольный разрез в Челябинской области – этакая яма длиной в семь, шириной два и глубиной в пол-километра – и наша плотина Нурекской гидроэлектростан-ции, высотой более трехсот метров, отсыпанная из суглинка и скального грунта. Смот-ришь на эти творения и диву даешься, что может сделать человек, если его увлечь идеей созидания, дать ему почувствовать свою причастность к большим делам и, естественно, как положено оплатить вложенный им труд.

Нынешние “либерал-демократы” пытаются внушить молодежи, что Брежневские времена были застойными. Но они, при этом, скромно умалчивают, сколько в то время было построено заводов, электростанций и железнодорожных магистралей, разработано новых месторождений подземных ископаемых, как бурно шло освоение космоса и пере-вооружение нашей Армии. Если то время было застойное, то как назвать последние пят-надцать лет властвования этих “демократов”, при которых вообще не было создано ниче-го солидного? Вооруженные силы страны в 1998 г. получили всего один новый истреби-тель, в 2001-м затоплена наша космическая станция, чем окончательно были перечеркну-ты все наши прежние достижения в космосе.

Все дальше и дальше отодвигается время моей трудной, но интересной работы на строительстве Нурекской ГЭС и, вспоминая этот период своей жизни, я с гордостью могу заявить: “В этом, построенном на века величественном сооружении, есть и частица моего труда !”

... Еще не закончив строительство Нурекской станции, энергостроители приступи-ли к сооружению выше по Вахшу более мощной Рогунской ГЭС.

27 сентября 1976 года мне пришлось побывать в Рогуне на митинге по случаю официального начала стройки, где я встретился со своими Нурекскими бригадами про-ходческих бригад Ф. Морозом и В. Остаповым. На лацканах их праздничных костюмов го-рели звезды Героев соцтруда. На торжестве присутствовали руководители Минэнерго СССР и первые лица компартии и правительства республики. В речах с трибуны, обору-дованной на тягаче “Урал”, помимо строительства Рогунской ГЭС, говорилось и о планах развития Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса, об оконча-нии строительства Байпазинской ГЭС и начале строительства Сангтудинской гидроэлек-тростанции.

К концу восьмидесятых Байпазинскую станцию запустили, а стройка в Рогуне по-дошла к стадии монтажа первого агрегата. Но тут начался парад суверенитетов. Таджи-кистан, вслед за другими республиками, вышел из состава СССР. Все рухнуло, созида-тельная деятельность пресеклась. Ни о каком строительстве в республике (да и на всей территории бывшего Союза)

не могло быть и речи. Финансирование прекратилось, кадры строителей начали разъезжаться, техника – растаскиваться. Местные боевики под дулом пистолета запретили начальнику “Рогунгэсстрой” Н. Г. Савченкову вывозить стройтехнику в Россию. Николай Григорьевич со слезами на глазах покидал неблагодарный Таджики-стан, которому он отдал тридцать лет своей жизни.

Так закончилось невиданное по масштабам энергетическое строительство в Цен-тральной Азии.

## Глава 23

### СНОВА В ТЕХНИКУМЕ

После пуска первого тоннеля в Нуреке руководство “Госгортехнадзора” все чаще и чаще стало посылать меня на объекты, находящиеся в других городах и поселках подве-домственной мне зоны. Когда я проводил проверки или принимал экзамены в Орджони-кидзеабаде или на Нурекских предприятиях в Душанбе, то проживал дома в Якка-Чинаре, куда к этому времени вернулась из Нурека Тамара с детьми.

Находясь в Душанбе, мое рабочее место было непосредственно в “Госгортехнад-зоре” республики, который располагался на проспекте Ленина, в бывшем правительст-венном здании. Начальником комитета в то время был Косенко Василий Павлович, опыт-ный инженер, хорошо знавший горное дело и специфику горнорудных предприятий рес-публики. В мою бытность Василий Павлович был малоподвижен: за полгода до этого, спускаясь на своем “Газике” с Анзобского перевала, он попал в аварию и повредил по-звоночник, из-за чего длительное время вынужден был ходить в корсете. Но это не ме-шало ему активно и требовательно исполнять свои обязанности. Со многими своими гос-гортехнадзорскими коллегами я был знаком еще по работе в Такобе, а с заведующим отделом по контролю за безопасностью на предприятиях геологии – Ненаховым А. Ф. – еще с техникумовских лет, когда он учился на горно-геологическом отделении. Электро-механические дела возглавлял инженер Давыдовский Г. И., а котлонадзорские – Капустин В. А. По многим вопросам, касающимся не очень знакомым мне котельным делам, приходилось обращаться к опытнейшему контролеру котлонадзора инженеру Кучуруку, ранее работавшему на Душанбинской ТЭЦ.

Режим работы при оформлении различных деловых бумаг, в промежутках между проверками на предприятиях, был чисто конторский, чиновничий. Я долго не мог привык-нуть к корпению за столом в помещении; как-никак пятнадцать лет оперативной работы на производстве приучили меня к постоянному движению, повседневному “чувствованию” своего хозяйства, быстрой оценки ситуации и принятию верного решения, непрерывному общению с людьми. А здесь – рутинное составление предписаний, работа “от звонка до звонка” с перерывом на обед. Обедали мы в столовой Горисполкома или же ходили в парковую чайхану-столовую, где повар-таджик готовил прекрасный суп пители с золотистой корочкой на поверхности, мореный в духовом шкафу и подаваемый в мисочках из нержа-вейки. Частенько, после очередных совещаний или приемов экзаменов у руководителей соответствующих служб предприятий, мы коллективно отправлялись в ресторан, где об-мывали их достижения и полученные ими свидетельства.

У меня стало больше свободного времени после работы, стал чаще общаться с семьей и друзьями. Ходили купаться на городские озера, посещали театры и кино, выезд-жали за город. За время моей работы в “Гидроспецстрое” нам с Тамарой удалось скопить некото-рую сумму денег, на которую мы предполагали приобрести какую-нибудь легковушку, хо-тя бы “Запорожец”. Но цены возросли, и мы решили вместо машины обзавестись мебе-лью и купить телевизор. В магазине в Орджоникидзеабаде нашли класный по тем вре-менам “Рубин” завода Козицкого, который без ремонтов проработал у нас свыше десяти лет.

К этому времени в Душанбе началось массовое строительство жилья в правобе-режной части города. Там, где стоял наш дом в Якка-Чинаре, должен был пройти новый проспект “Правды”, дом подлежал сносу. Рядом с заводом ЖБК-1, на бывшем хлопковом поле, началось

строительство микрорайона из крупнопанельных четырех- и пятиэтажных домов. В первом из построенных домов (экспериментальном) на четвертом этаже нам выделили трехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Маме со Славой дали однокомнатную в соседнем доме. Три рядом стоящие пятиэтажки отдали ташкентцам, пострадавшим от землетрясения. Прожили мы с Тamarой в своей квартире по ул. Ломоносова двадцать семь лет – до самого вынужденного отъезда из Душанбе.

С учетом того, что я перешел в “Госгортехнадзор” по переводу, летом 1966 г. мне предоставили отпуск и выдали путевку в дом отдыха в Гудаутах на Черноморском побережье. Мы с Тamarой быстренько перевезли свои пожитки в новую квартиру, поручили детей маме и поехали отдыхать на море.

Мне хотелось показать своей жене юг нашей страны, поэтому мы полетели не са-молетом, а поехали поездом. Наш маршрут пролегал через Чарджоу, Мары, Ашхабад до Красноводска в Туркмении. Переправившись на морском пароме через Каспийское море, мы из Баку по железной дороге доехали до Тбилиси. Оттуда вдоль Куры, через Гори и Очамчири поездом попадали в конечный пункт нашей поездки – курортный городок Гудауты в Абхазии. Стоял конец июля, жара была несусветная, в вагоне было не продохнуть. Всю до-рогу по Туркмении мы провели, заворачиваясь в дневное время в мокрые простыни, ко-торые через пару часов высохали, и их приходилось обливаться водой снова. Где-то за Марами во время заката солнца на мое боковое место вдруг полез старый туркмен в ха-лате и лохматой бараньей шапке-тельпеке. Вначале я ничего не понял, но, увидев, что он, стоя на коленях на моей постели, отвешивает поклоны, я сообразил, что бабай со-вершает намаз – мое место как раз было с юго-западной стороны. Я вспомнил, что еще недавно в соседнем Иране во время вечернего намаза останавливали поезда, и все му-сульмане для совершения молитвы выходили из вагонов.

Когда стемнело, наш поезд стал проходить рядом с государственной границей. Он шел весь облитый светом – мощные прожектора пограничников освещали состав со всех сторон. До самого Красноводска достопримечательностей никаких не было, куда ни гля-нешь – все пески и пески.

В порту Красноводска нас ожидал огромный морской паром, в чрево которого зака-тывали железнодорожные составы с грузом и автомашины. Нам отвели каюту внизу. Там было душно, влажно, пахло ржавчиной и туалетом, из-за чего большую часть пути мы провели на воздухе на открытой верхней палубе. Мне хотелось проверить себя при качке на море, но погода стояла великолепная, корабль вел себя спокойно. В баре я встретил знакомых душанбинцев, которые на своем “Москвиче” совершали путешествие на Черно-морское побережье. Утром нас окутал густой туман, паром шел, постоянно давая гудки. Вдруг мы почувствовали, что корабль делает резкий поворот – справа в тумане проплыла нефтяная вышка. Вскоре мы причалили в Бакинском порту.

Не успели мы сойти с парома, как к нам подскочили частные таксисты с предложением своих услуг. Не зная города, мы наняли одного из них и попросили подвезти нас на железнодорожный вокзал. Таксист на своем открытом американском военном джипе “Додж – 3/4” поколесил по городу и только потом подвез нас к вокзалу. Впоследствии мы узнали, что порт и железнодорожный вокзал находятся недалеко друг от друга. Залы ожидания на вокзале были еще закрыты, люди сидели и лежали кто где: кто на вещах в небольшом привокзальном скверике, кто на недействующем фонтане или у стен здания. У меня вырвалось: “Это Бомбей какой-то!” Услышав мой возглас, один из местных патриотов своего города возмутился: “Какой тебе Бомбей? Это Баку!” Мне оставалось только поблагодарить гражданина за такое важное разъяснение.

Дождавшись открытия касс, с трудом взяли билеты на поезд до Тбилиси. Он от-правлялся вечером, день решили посвятить ознакомлению со столицей Азербайджана. Сдав вещи в камеру хранения, мы отправились на набережную и пообедали в небольшой национальной столовой, где ко всем блюдам подавали поднос с горькой различной зеле-ни. В каком-то скверике присели на скамейку отдохнуть, но нас, почти не спавших ночью, начал одолевать сон. Увидев

поблизости кинотеатр, купили билеты на последний ряд, надеясь покемарить во время сеанса. Но фильм оказался интересным, спать расхотелось. Кое-как дотянув до вечера, “без ног” сели в свой поезд и только он тронулся – крепко заснули.

На другой день, добравшись до Тбилиси, достали билеты на Адлеровский поезд до Гудаут. До его отхода оставалось несколько часов. Мы проехали и прошлись по городу, побывали у новой гостиницы “Иверия”, подошли к фуникулеру на гору Тацминда, полюбо-вались Курой и нависшими над ней домами старого Тифлиса. Пообедать зашли в полу-подвальный “духанчик”, в котором во время еды компания грузин с соседнего столика послала нам бутылку хорошего вина. В связи с чем это было сделано, мы так и не поняли. Купив в магазинчике памятный сувенир – небольшой кувшинчик традиционной грузинской формы, мы покинули своеобразный и уютный Тбилиси. У Мцхеты, в месте слияния Куры и Арагви, за рекой на скале виднелся старинный грузинский храм. Гори, где родился Сталин, проехали ночью. На следующий день на подъезде к Очамчири показалось Черное море. Проехав Сухуми, через некоторое время мы сошли в Гудаутах.

Путевка у нас была на одного человека, на меня. Поэтому я быстренько оформился, а Тамаре пришлось снять койку за рубль в день у работницы нашего дома отдыха, проживавшей рядом с ним. Дом отдыха находился недалеко от моря. Устроившись, мы спустились к нему. На пляже было тихо, народу мало. Пройдя немного вдоль берега, мы наткнулись на хибарку, в которой рыбаки коптили мелкую рыбешку. Мы купили у них несколько штук, но когда пришли домой и попробовали, то все пришлось выбросить – рыба была непрокопченая, с запашком. С этого начался наш отдых.

Мы купались и загорали, плавали на прогулочных катерах, ездили по всему побережью на экскурсии. Побывали на озере Рица, в Ново-Афонском монастыре, в Сухумском ботаническом саду и обезьяньем питомнике. Съездили в Гагры и Сочи.

В нашем доме отдыха проводили свой отпуск представители многих национальных республик страны. Я в палате проживал с молодым инженером-грузином, по вечерам на танцах на баяне играл чернявый весельчак из Молдавии, у нас за столом в столовой вместе со мной сидели молодая женщина из Белоруссии и мужчина из Украины. Все относились друг к другу уважительно.

В один из дней сын хозяйки дома, где остановилась Тамара, пригласил нас к своим родственникам, проживавшим за селом Лыхны. Мы поднимались туда по дороге среди чайных плантаций. Дом стоял на каменных сваях на полянке среди вековых деревьев, обвитых лианами. Внизу открывался чудесный вид: яркая зелень с разбросанными в ней разноцветными крышами домов, светлые полосы пляжей и до самого горизонта – голубое море. Хозяйка встретили нас радушно, перед домом был накрыт стол. Начались тосты. Пили чачу, закусывали курицей, сыром и кукурузной кашей. Выйдя из-за стола, молодежь затеяла игры: прыгали через палку – кто выше. Не удержался и хозяин дома, которому было под семьдесят. Глядя на него, я понял причину абхазского долголетия: чистый воздух, здоровая крестьянская пища, постоянный труд, почитание и уважение старших младшими. Возвращались мы домой изрядно “нагрузившись” – тостов было много, отка-зываться не положено.

Но порой наблюдались случаи и другого рода. Как-то вечером на подходе к дому отдыха мы с Тамарой встретили группу местных молодых ребят. Приняв их за грузинов, я поздоровался: “Гамарджоба”. В ответ слышали недовольство: “Какая гамарджоба? Мы абхазцы, а не грузины!” Тогда я впервые узнал о том, что абхазцы с грузинами не очень-то ладят.

Такие, вначале небольшие, раздоры между различными народами нашей разноместной страны, впоследствии умело разжигаемые, привели к тому, что все разошлись по своим национальным углам. Сейчас бы мы такое путешествие совершить не смогли: до рога пролегает по территории шести суверенных государств со своими границами и таможнями.

Время отпуска быстро подошло к концу. Отдохнувшие, загоревшие морским загаром и полные впечатлений, мы из Адлера вылетели домой. После посадок в Тбилиси, Баку и Ашхабаде, на другое утро мы приземлились в Душанбе.

За время моего отсутствия на работе накопился ряд проверок подведомственных объектов.

Пришлось съездить в Нурек и Куляб. И везде окончание дел отмечалось в ресторане. Каждый ответственный с предприятий старался ублажить меня, чтобы в акте проверки было записано поменьше серьезных замечаний. Это начало мне надоедать, я стал задумываться о переходе на другую работу.

Еще на производстве, в Такобе и Нуреке, я часто преподавал на различных курсах подготовки рабочих, это мне нравилось. Начальник таджикского “Гидроспецстроя” Минаков Н. В. даже рекомендовал мне перейти на преподавательскую работу. Летом 1966 года в Душанбинском индустриальном техникуме набрали русскую группу ребят для обучения по специальности “Горная электромеханика”. Узнав об этом, я поговорил с директором техникума Бабаевым Б. Р. (он преподавал нам черчение, когда я сам еще учился в техникуме), который попросил “Госгортехнадзор” направить меня к ним на преподавательскую работу. Просьбу удовлетворили и с сентября месяца 1966 года я начал учить молодых людей техническим премудростям, которые я когда-то освоил сам.

Горные электромеханики обучались на горно-геологическом отделении. Вначале, пока у них не было спецпредметов, я преподавал общетехнические дисциплины: детали машин, сопротивление материалов и черчение. Кроме них обучал и близких мне по профилю учащихся специальности “Электроснабжение промышленных предприятий” на электромеханическом отделении. В те времена в техникумах еще сохранялось преобладание преподавателей мужчин, особенно при обучении общеинженерным и специальным предметам. Многие пришли в техникум с производства. Это позже, сначала в школах, а потом и в техникумах началось женское “засилие”, учителя стали приходиться сразу после окончания институтов. Не имея производственного опыта, они не могли приводить на своих уроках примеров из практики, занятия стали книжными, у учащихся снизился интерес к получению технических знаний, инженерный дух в стенах техникумов стал пропадать.

Как я уже говорил, директором нашего техникума был инженер-железнодорожник Бабаев Б. Р., имевший большой опыт преподавательской и административной работы в учебных заведениях. Меня он знал еще с послевоенных лет. Учебной частью заведовал бывший инженер-технолог с завода “Трактородеталь” Асдачков М. С., а вечерним отделением руководил пожилой интеллигентный педагог с очень сдержанными манерами Лолаев С. А.

При моем поступлении техникум находился в бывшем здании сельхозинститута на ул. Орджоникидзе. Вскоре для нас построили четырехэтажное здание у винзавода и все, исключая геологическое отделение, переехали туда. Потребовалось срочно оборудовать учебные лаборатории. Мы узнали, что в одном из Ленинградских техникумов изготавливаются хорошие лабораторные столы и стенды. Меня послали туда в командировку. С собой я захватил свою шестилетнюю дочь Лену, с которой остановился в семье Тамариного брата Лёвы. Это было её первое посещение легендарного города на Неве. В промежутках между делами мы с Леной познакомились с достопримечательностями Ленинграда и его пригородов. Техникум находился за Лесотехнической академией, был солидный – готовил радиоспециалистов для работы за границей. Преподавали у них даже кандидаты наук. Шефом являлся завод электронного приборостроения “Светлана”. Руководство техникума пошло нам навстречу и пообещало поставить нам шесть multifunctional лабораторных стендов по электротехнике и электронике. После моего возвращения наш техникум перечислил деньги и вскоре эти стенды мы получили.

В первый год своей работы в качестве преподавателя мне было не легко. Кроме проведения самих занятий, надо было готовиться к ним, составлять планы уроков, писать конспекты. Приходилось заниматься воспитательной работой, посещать общежития учащихся. Однообразная каждодневная преподавательская работа прерывалась экзаменационными сессиями и поездками в колхозы на сбор хлопка.

О, этот хлопок!. Это одновременно и богатство республики и её беда. Эту культуру не сравнишь с пшеницей и рожью, которые посеял и собрал комбайнами. Чтобы получить урожай с хлопковых полей, их надо вручную протяпать, что в июне и июле на обжигающем солнцепеке производят исключительно местные женщины-колхозницы, провести борьбу с

вредителями, каждый рядок полить, прочеканить и затем, в большинстве случаев вручную, из каждой коробочки выбрать хлопковое волокно. А если идет машинный сбор, то предварительно самолетами сельхозавиации проводят дефолиацию – поля об-рызгивают химическими препаратами, чтобы с кустов хлопчатника опали листья. В это время над всеми долинами стоит специфический запах бутифоса, арыки и хаузы, из ко-торых пьет большинство сельского населения, заражаются – люди начинают болеть. Сбор хлопка продолжается до середины октября, а иногда и дольше. Зимой колхозники-мужчины заняты очисткой ирригационных каналов на хлопковых полях. Небольшая пере-дышка бывает только в ноябре месяце. Нам часто от колхозников приходилось слышать: “Неужели мы родились только для выращивания пахты (хлопка)?” Но, несмотря на слож-ности, они трудились не покладая рук – оплата была неплохая, колхозники хлопкосеющих колхозов по сравнению с работниками животноводческих совхозов (особенно горных) жили более зажиточно.

Когда поспевало волокно, начиналась хлопковая страда. На сбор хлопка мобили-зовывалось большинство населения республики. Прекращали занятия ПТУ, техникумы и институты, по выходным дням выезжали на сбор работники предприятий и служащие уч-реждений. В сельской местности закрывались школы.

Несколько лет подряд мы собирали хлопок в колхозе “Победа” Кумсангирского рай-она, граничащего с Афганистаном. Центром района был поселок Дусти (Дружба), назван-ный так в связи с тем, что там, наряду с коренным населением, проживало много бывших спецпоселенцев: немцев, русских и татар. Раньше это был Молотовабад. Вода на поля района поступала из концевой участка знаменитого Вахшского канала, проложенного еще в начале тридцатых годов.

Отправлялись мы на хлопок, обычно, в третьей декаде сентября. Вместе с учащи-мися выезжали почти все преподаватели. Доставляли нас в район, лежащий за двести километров от Душанбе, колонной автобусов, сопровождаемой машиной ГАИ. Жили мы в колхозе кто где: в клубе, в амбарах, в чайханах, в кое-как приспособленных для жилья мазанках. Преподаватели поселялись отдельно, но всегда недалеко от основной массы учащихся. Готовили пищу повара из местных ребят в больших казанах, врытых в землю. Продукты получали со склада колхоза. Питание было здоровое и калорийное. В первые недели, многие обеспокоенные родители, приехав проведать своих детей, привозили с собой много съестного. Но затем, видя, что их чада, находясь на свежем воздухе и нор-мально питаюсь, становились бодрыми и розовощекими, везли только что-нибудь вкус-ненькое.

Раис (председатель колхоза), Герой социалистического труда, был строг и требо-вателен. Колхозники его побаивались. Однажды мы наблюдали такую сценку. Вечером председатель прохаживался около правления колхоза. Шагах в трех сзади его, шел кол-хозник, держа в руках легкий халат. Раис сел на скамейку – сопровождающий тут же на-кинул халат на него. Хозяин встал, развел плечи, халат был подхвачен стоящим сзади услужливым Санчо Пансой. Когда мы потом спросили у этого колхозника, почему у них до сих пор допускаются такие байские обычаи, то он нам ответил: “Э, муаллим (учитель). Сейчас еще ничего. Раньше раис хлестал нас камчой (плеткой)”.

С восточным чиновничеством мы встречались постоянно. Когда сравнительно еще молодой главный бухгалтер колхоза в моменты передышки выходил на крыльцо правле-ния, то заложив руки за спину и выставив огромный живот, он с важным и начальствен-ным взором стоял и озирали все вокруг. Проходящие мимо дехкане (колхозники), склонив-шись и приложив руку к сердцу, подобострастно здоровались с ним. Он же, что-то буркнув в ответ, даже не глядел на них. Когда же этот главбух, в качестве уполномоченного от правления колхоза, приходил на хирман (место, куда свозят и где сушат собранный хло-пок) своего участка, с целью проверки выполнения плана, то колхозники, завидев его, бы-стренько ловили закрытую в загородке курицу и, пока начальник пил чай, готовили жар-кое. В одно из посещений кто-то из нас поинтересовался у главбуха почему он, каждый раз придя на участок, не узнав о том как идет сбор хлопка, в первую очередь обедает. Ответ был житейски прост: “Муаллим! Хлопок будет всегда, а курицы может не оказать-ся”.



Покушать наш финансист любил. Как-то он пригласил меня и еще двух преподавателей к себе домой в гости. Налив себе в большую пиалу почти пол-литра водки, он выпил её, закусив огромным куском жирной вареной баранины, которая горкой возвышалась на большом подносе на дастархане, растеленном на суфе под виноградником. Мы к таким дозам были не приучены. Работу по организации сбора хлопка председатель колхоза вел умело. Поздно вечером в правлении колхоза собирались планерки, на которых присутствовали полеводы, бригадиры и руководители различных служб. Приглашались и наши ответственные лица. Раис вел себя жестко, не допуская никаких возражений. Вначале рассматривалось выполнение плана уборки за прошедший день. Бригадиры, не выполнившие норму, получали от раиса нагоняй. Затем расписывалось, сколько наших учащихся и с каким преподавателем завтра поедут в такую-то бригаду. Утром после завтрака все выстраивались на линейке, где бригадиры ожидали нас уже с грузовыми машинами, оборудованными для перевозки людей. Транспортировать людей на тракторных тележках строго воспрещалось: в колхозах случалось, когда они переворачивались, унося жизни работников. После небольшого инструктажа, мы все рассаживались по машинам и разъезжались на свои участки.

Каждый бригадир был заинтересован в том, чтобы наши учащиеся как можно дольше оставались у него в бригаде. Поэтому преподавателей бригадиры старались задобрить, приглашали к себе домой в гости, старались установить с ними дружеские отношения. Со своим бригадиром-туркменом мы на его мотоцикле ездили на рыбалку на озера рядом лежащей “Тигровой балки”. После хлопковой страды он приезжал ко мне в Душанбе. Мы с Тamarой накрыли стол на открытом балконе. Взглянув вниз с четвертого этажа, он удивленно воскликнул: “Как на самолете!”...

Обычно, за нашей группой учащихся закреплялся один из колхозников, который следил за качеством уборки: нет ли огрехов, не много ли остается ощипков. Часто к нам заглядывал бригадир или полевод участка. Им интересно было пообщаться с нами, узнать что-то новенькое. Однажды, под вечер, мы сидели со своим полеводом на краю поля и беседовали о всякой всячине. Вдруг он встал и извинился: “Муаллим, я пойду сделаю намаз”. Отошел в сторонку, расстелил поясной платок и стал молиться, обращаясь на юго-запад. Когда он закончил и подошел ко мне, я его спросил, почему он молился именно в ту сторону. Подумав, он сказал: “Не знаю, все так делают”. Я ему объяснил, что в той стороне находится Мекка, где захоронен пророк Мухаммед. Он помолчал над чем-то размышляя и, ничего не сказав, ушел. На другой день, встретив меня, он подошел ко мне и тихим доверительным голосом спросил: “Муаллим, ты тоже, наверное, верующий? Откуда ты знаешь, куда надо молиться?” Я ему посоветовал просто больше читать.

При выполнении плана бригадой бригадиры резали барана или бычка, учащимся устраивали угощение – готовили плов. Когда же план выполнял колхоз, правление в торжественной обстановке вручало нашим преподавателям и отличившимся в сборе учащимся “мукофот” (премии). Вручали костюмы, приемники, фотоаппараты, а преподавательницам – только что появившиеся французские туфли. При нашем отъезде колхоз выплачивал нашим учащимся заработанные ими деньги. Хорошо работавшие ребята получали приличную оплату. За килограмм собранного длиноволокнистого хлопка колхоз платил по 10-15 копеек. Некоторые наши сборщики в день собирали по 80-100 килограмм. В конце они получали сумму, на которую они могли купить пальто и еще кое-что из одежды. Это было хорошим подспорьем к той стипендии, которую получали наши подопечные.

Преподаватели от поездок на хлопок тоже получали некоторую материальную выгоду. За время нахождения на хлопке учителям выплачивали их средний заработок. Но в течение учебного года почти все успевали полностью вычитать свои запланированные на год часы. В результате, за счет последующей оплаты часов, которые снимались при поездке на сельхозработы, к отпуску набегала приличная дополнительная сумма.

Однако и забот во время нахождения с учащимися на хлопке тоже было достаточно. Надо было на поле следить за тем, чтобы никто никуда не разбрелся, особого внимания требовали девчата, в одиночку мы их никуда не пускали. Преподаватели контролировали выполнение

норм сбора каждым сборщиком, обеспечивали безопасность при поездках на работу и с нее, отвечали за своевременное питание и следили за порядком в местах проживания после отбоя. Раз в десять дней мы всем устраивали банный день, меняли постельное белье.

Иногда нам, преподавателям, по очереди, раз-два за страду, удавалось на денек-другой съездить к семье домой. Помню как однажды я на маленьком краснокрылом самолете – чешском четырехместном аэротакси – всего за пять рублей летал в Душанбе с аэродрома соседнего Колхозабада. В Дусти самолеты не летали, район находился в погранзоне.

С нашими подопечными не всегда и не всё проходило гладко. Иногда попадались такие ученики, что всему преподавательскому составу от них становилось жарко. В памяти остался случай, происшедший в моей группе. Собирали мы хлопок на поле, где хлопчатник был высокий, стебли выше роста человека. Как группа вошла в него, так и исчезла. Пригорков и высоких деревьев поблизости не было, контроль за работой всей группы пришлось вести на слух. Через некоторое время я потерял из поля зрения и слуха одного из заводил группы Сашку Н. Встретив нескольких девчат, спросил их о нём. Девчонки по-дозрительно замаялись и стали отводить глаза. И тут я почувствовал известный мне еще с детства запах индийской конопли. Я заглянул к девчонкам в фартуки, там, кроме собранного хлопка, ничего не было. Когда осмотрел ближайшие кусты хлопчатника, то среди них обнаружил свежесоборанные конопляные ветки. Я послал девчонок найти мне Сашку. Когда он явился, я попросил его показать мне свои руки. Они были зелёные и издавали специфический запах наркотического снадобья. Я тут же заставил его все остатки сорванной конопли уничтожить. Еле Сашка успел в арыке затопить улики своего преступного деяния, как прибежал хозяин дома, стоявшего недалеко от поля.

– Муаллим! Твои ученики украли у меня на огороде...” – дальше он замаялся.

– Что же у тебя украли? – спросил я.

– А вот, то... за что могут арестовать.

– Если это запрещено, зачем же ты её выращиваешь? – перешел я в атаку.

Поняв, что он проговорился, колхозник смутился, махнул рукой и ушел. Я подзвал Сашку, заставил его отмыть руки и предупредил, чтобы он возвращался в колхоз не на машине, а пешком. Тот поблагодарил меня и попросил не докладывать о происшедшем директору техникума.

Но история с коноплей на этом не закончилась. Как-то перед отбоем мы, трое преподавателей, совершали вечерний обход. Заглянув в помещение, где проживало человек двадцать наших ребят и, убедившись, что все на месте и всё в порядке, мы отправились дальше. И тут, в рядом стоящей небольшой мазанке, услышали взрывы смеха. Заглянув через щели в двери во внутрь, увидели потрясшую нас картину. При свете фонаря “Лету-чая мыш” на раскладушках сидело человек пять наших ребят с папиросами-самокрутками в зубах. Все тот же Сашка, размахивая руками, что-то рассказывал. Все были возбуждены и излишне веселы. Понаблюдав за ними, мы поняли причину их радостного настроения. На верхней части фонаря сушились листья конопли. Завернув их в обрывки газеты, наши “анашисты”, закатывая глаза к потолку, с удовольствием втягивали в себя дым этой отравы. Через некоторое время притонщики проголодались, Сашка послал одного из них за хлебом. Только он вышел за дверь мы зажали ему рот и отвели в сторону. Так одного за другим мы задержали троих. Двое оставшихся в доме забеспокоились. И тут мы вошли. Потрясение Сашки и его друга было неописуемым. Ему особенно было неудобно передо мной – ведь там, на поле, он мне сказал, что все уничтожил. За использование наркотиков троих участников этой вакханалии исключили из техникума, Сашку через год вновь восстановили – помогли влиятельные родственники.

В один из приездов в тот же колхоз весь наш стан был ночью изрядно потревожен. Когда все уже уснули, раздался ужасный грохот, как будто рядом разорвался снаряд. Мы, преподаватели, не понимая в чем дело соскочили со своих кроватей. Директор Бабаев, бросился к двери и, вместо того, чтобы толкнуть, начал тянуть её на себя. Не сумев открыть дверь, он истошно завопил: “Нас завалило!” Когда кто-то из нас подошел и, толкнув, легко открыл её, директору стало не по себе. Мы все бросились к ребятам, ночевавшим в клубе. Они уже все были на

улице, столпившись около фонтана. Спавшие в зале со смехом рассказывали, как те, кто располагался на сцене, с перепугу попрыгали в зал и, перескакивая через раскладушки своих товарищей, выскакивали наружу. Убедившись, что все в порядке, мы попросили ребят успокоиться и пойти спать – утром на работу. Проверили мы и другие места проживания наших ребят и девочек. Что явилось источником такого ночного громкого звука мы точно так и не узнали. Говорили, что за рекой на прокладке железной дороги Душанбе – Курган-Тюбе производили массовый взрыв, но была и другая версия: якобы ночью на малой высоте пролетел реактивный истребитель.

Кстати, об упомянутом фонтане. Это было сооружение Хрущевской эпохи. Метра на четыре вверх возвышался бетонный початок кукурузы, поддерживаемый внизу тремя бараньими головами, из которых, иногда, по вечерам вытекали жиденькие струйки воды. И где-то внизу примостились несколько еле заметных коробочек хлопчатника. А колхоз был полностью хлопкосеющим, именно благодаря хлопку он стал колхозом-миллионером.

Порой к нам на стан заглядывали офицеры погранзаставы, которые интересовались, не оказалось ли среди нашего контингента посторонних лиц. Нам это помогало в установлении дисциплины и порядка, особенно если мы замечали случаи приставания к нашим девочкам парней из местного населения. Пограничники знали практически всех, стоило назвать кого-нибудь, с ним тут же проводилась соответствующая работа.

Возвращались мы в Душанбе обычно в начале ноября, когда республика выполняла план по сбору. В целом Таджикистан к концу шестидесятых годов собирал хлопка-сырца порядка 800 тысяч тонн в год.

У одного из наших преподавателей на Вахшской зональной станции работали близкие родственники. Мы по пути домой заезжали туда и по низкой цене покупали грана-ты, хурму, айву и миндаль. Как радовались мои дети, когда я вносил мешок с этими плодами в квартиру. От айвы в комнатах сразу распространялся особый аромат, она была золотистая, каждая по полкило. Гранаты – сладкие, рубиновые, хурма сочная и не вязкая, миндаль тонкошкурый. Отдохнув в октябрьские праздники, мы приступали к учебным занятиям.

Но бывали годы, когда план по сбору хлопка не выполнялся даже к середине ноября. Тогда нас снова вывозили в колхозы. Собирали “кашк;” (ощипки и остатки волокна на кустах) и “курак” (неразкрывшиеся коробочки хлопчатника). Заставляли работать даже при выпадении снега.;В этом случае перед сборщиками шло два человека, которые тянули веревку, сбивая снег с кустов. Ребята одевали на руки перчатки, отрезая у них кончики пальцев.;

Так, чередуя занятия с поездками на хлопок, проходили годы моей работы в техникуме. Я начал преподавать спецпредметы своим горным электромеханикам, поставил для них некоторые лабораторные работы. На старших курсах несколько раз выезжал с ребятами на производственную практику, которая проходила на горных предприятиях республики. Мы побывали на рудниках Ленинадской зоны, съездили на Анзобский ГОК.

Кроме меня, предметы, касающиеся горных дел, этой группе преподавал горный инженер Кацоев У. А., с которым мы работали еще в Такобе. Для ребят мы с Умаром Александровичем были ведущими преподавателями, относились они к нам с уважением. Я, вдобавок ко всему, был у них классным руководителем: занимался с ними воспитательной и внеклассной работой. Контакт у меня с группой установился тесный, но панибратства в наших отношениях я не допускал, за прогулы и “двойки” спрашивал строго. В минуты откровенности ребята делились со мной: “ Вы как родной папа – когда поругаете, а когда и пожалеете”.

Как мы все переживали и скорбели, когда уже перед самым дипломным проектированием в группе погиб наш парень Лебковский. Я его помнил маленьким мальчиком по Такобу, его отец был у нас завклубом. Находясь на преддипломной практике, наш ученик каким-то образом раздобыл патрон взрывчатки вместе с детонатором и шнуром. Возвратившись домой, он на Новый год решил устроить феерверк. Пошел на берег канала, около которого они жили, поджег короткий шнур и не успел кинуть взрывчатку в воду – взрыв произошел в руках. Парня скинуло в канал. Хоронили мы его всей группой. Этот случай показал нам, что специфика горного предприятия не допускает расхлябанности ни при каких обстоятельствах и что учили

мы своих ребят технике безопасности плохо.

В 1969 году в добавок к учебным делам навалились дела общественные: меня из-брали секретарем техникумовской парторганизации. Коммунистов было не много, но это были учителя, каждый со своим характером и образом мыслей. Чего стоил один из них – преподаватель по гражданской обороне, подполковник в отставке, который во время своей службы 1 мая 1960 года со своим расчетом засек пролет Пауэрса через нашу границу, о чем он часто любил вспоминать. Это был закоренелый догматик, читавший нравоучения всем, рьяно и бездумно защищавший любое решение вышестоящих партийных органов. Мы с ним вечно спорили. В это же время у нас появился, пришедший из школы, учитель математики некто С., имевший связи в райкоме партии. Вокруг него сколотились другие преподаватели общеобразовательных предметов, которые стали насаждать свои школьные обычаи и бороться за свое преобладающее влияние в техникуме. Возникли дразги и интриги из-за распределения нагрузки, пошли жалобы на директора о его неблагоприятной роли при этом распределении (хотя все знали, что расписывал часы в основном завуч техникума). Начались разборки на различных собраниях, я принял сторону директора. У него была сильная поддержка в Министерстве образования республики, поэтому столкнуть Бабаева со своего места заговорщикам не удалось. Но на этом дело не закончилось. Когда в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, лучших работников трудовых коллективов начали отмечать юбилейными медалями, в техникуме наградили несколько человек, в том числе, недавно поступившего математика С. и преподавателя гражданской обороны. Ни Бабаев, ни я медалей не получили. Как потом выяснилось, наши фамилии из представленного Министерством списка кто-то в райкоме партии вычеркнул.

И еще к вопросу взаимоотношений между преподавателями. Частенько ребята и девчата из групп, в которых я преподавал, встретив меня в коридоре, плотно обступали и начинали задавать те или иные вопросы, касающиеся не только учебы, но и их личной жизни. Видя это, учительницы русского языка и литературы воспринимали такое общение с зубовным скрежетом: “Чем это Вы завоевали такую любовь у ребят?” Они считали, что только им, кующим нравственные устои учащихся, принадлежит прерогатива “инженеров человеческих душ”. Я на такие выпады не обращал внимания.

На электромеханическом отделении техникума по специальности “Сварочное производство” учился и наш сын Саша. Там он сдружился со своими однокурсниками Шами-лем Кайбелевым и Александрой Денисовой. Друзья давно закончили техникум, обзавелись семьями, покинули Душанбе, но и сейчас, уже в Борисоглебске, они порой встречаются, вспоминая годы совместной учебы.

Когда Саше исполнилось шестнадцать лет, мы всей семьей отправились в Ленинград навестить наших родственников. Поехали поездом. В Москве два дня погостили у Бланка, моего бывшего непосредственного начальника в Нуруке. Он со своей женой и дочерью жили в районе Филей. Мы сходили в Панораму “Бородинская битва”, заглянули в домик, где происходил Кутузовский военный совет. До изнеможения бродили по Москве, в Александровском саду зря простояли в очереди в Мавзолей В. И. Ленина. Полюбовались Красной площадью, зашли в Кремль. Запечатлели детей на фото у “Царь-колокола” и “Царь-пушки”, осмотрели соборы с царскими захоронениями.

В Ленинграде, в Петропавловском соборе показали нашей девятилетней Лене надгробие Петра I и других царских особ. Когда же собрались в Александрово-Невскую лавру, то она с чувством недовольства произнесла: “Опять гробы!”. Мне же в некрополе лавры запомнились места вечного упокоения А. В. Суворова (под склоненными знаменами простая плита с надписью: “Здесь лежит Суворов”) и жены Пушкина – Натальи Николаевны Ланской.

Вспоминается и другая история, происшедшая с нашими детьми во время походов по городу. Мы решили показать им места, связанные с революцией 1917 года. Поехали на Финляндский вокзал, прошли к памятнику В. И. Ленину, стоящему на броневике, а затем остановились у мемориальной доски, напоминавшей события тех бурных лет. Прочли надпись и двинулись дальше взглянуть на паровоз, на котором Ленин в октябре семнадцатого года приехал из

Финляндии. У вокзала сновало много людей, в толпе мы и не заметили, что с нами нет нашей дочери. Когда обнаружили, Саша бросился назад, мы за ним. Хорошо, что Лена не отошла от той мемориальной доски, у которой мы её оставили. Со слезами она высказала нам свою обиду: "Вы меня нарочно бросили!"

После ознакомления с дворцами Петергофа, Пушкина и Павловска нас на недельку наши родственники повезли в деревню Цвелодубово на дачу. Деревня стояла на берегу Нахимовского озера, что на полдороге между Ленинградом и Выборгом. На другой стороне озера находилась летняя база курсантов Нахимовского училища, где ребята приобретали свои первоначальные морские навыки.

В первую же ночь на даче со мной произошло забавное происшествие. Проснувшись, я удивился, почему все еще спят, когда уже так светло. Оделся и вышел наружу. На небе ярко светило солнце, но на улицах деревни не было видно ни одного человека. Немного посидев на скамейке, вернулся в комнату и посмотрел на часы – было три часа ночи. Тут только я вспомнил о поэтичных "белых ночах". После этого мы на время сна стали плотно занавешивать окна.

У Алексея Васильевича, мужа двоюродной сестры моей Тамары, фронтовика-инвалида, была моторная лодка, с которой мы на "торпеды" ловили щук: на длинной леске забрасывали блесны с нулевой плавучестью и на малой скорости бороздили озеро. Мотор частенько подводил, и нам в этих случаях приходилось на веслах возвращаться домой и ремонтировать его. Подобным промыслом занимались почти все отдыхающие дачники. Однажды, уже пожилая жена профессора одного из Ленинградских ВУЗов, поймала щуку весом более восьми килограмм. Она с гордостью пронесла свою добычу по главной улице деревни. На ногах рыбацки были огромные, подвернутые сверху, болотные резиновые сапоги.

Иногда мы предпринимали вылазки в окружающие леса, собирали чернику и землянику. В один из дней мы ушли далеко. Несмотря на значительное расстояние, с нами вместе, не отставая, шла Валентина Родионовна, Тамарина тетя, которой было уже за семьдесят. А ведь она перенесла весь период ленинградской блокады. По пути нам попадались каменные надолбы и выложенные внутри гранитом, но уже без перекрытий, землянки – бывшие огневые точки. Мы оказались на линии Маннергейма времен советско-финляндской войны 1939 года. На одной из полянок я увидел небольшой холмик овальной формы, покрытый одеялом из мха. Палкой приподнял моховое покрывало, под ним оказалась аккуратно выложенная камнем поверхность. Дальше ковыряться я не рискнул – вспомнил случай, который нам рассказали: парень на Пулковских высотах нашел противотанковую мину, принес домой и ночью в своей комнате решил разобрать её, последовал взрыв – парня разнесло на части. Холмик, который я обнаружил, скорее всего, был безымянной могилкой советского или финского солдата.

Ту поездку в Ленинград и короткий отдых на Нахимовском озере мы в семье вспоминаем до настоящего времени.

Работая в техникуме, наряду с занятиями, я не забывал и техническое творчество. Там я близко сошелся с толковым инженером-электриком Фишеловичем И. И. Вместе с ним мы разработали и создали выпрямительную установку для возбуждения мощных синхронных двигателей, которую внедрили на Душанбинском цемзаводе. За эту разработку я на Всесоюзном конкурсе 1970 года по экономии электроэнергии получил Диплом и поощрительную премию, а в 1971 году мы с Фишеловичем, представив свою установку, стали Участниками Выставки достижений народного хозяйства СССР. Но вот что странно. Через год, когда мы со своим напарником уже покинули техникум, я на одной из праздничных демонстраций встретился с бывшим коллегой С. Он к этому времени занял место скоропостижно скончавшегося завуча техникума Асдачкова. При нашей встрече на груди С. я заметил знак Участника ВДНХ. Не за нашу ли установку он получил его?

Наши с Фишеловичем изыски одной выпрямительной установкой не ограничились. На упаковочной фабрике возникла проблема с нанесением краски на полиэтиленовые пакеты – она не прилипала. Директор фабрики через своего сына, который учился в нашем техникуме, обратился к нам за помощью. Мы согласились помочь, с оплатой по хоз-договору. Но, как

оказалось, такие договора заключаются только в высших учебных заведениях. Пришлось обращаться в Министерство образования, где нам, в порядке исключения, разрешили провести оплачиваемую опытно-конструкторскую работу для фабрики. Мы разработали и испытали установку, в которой при помощи высоковольтного электрического поля улучшалась адгезия полиэтилена. Краска стала надежно прилипать. Были у нас и другие задумки, но, к сожалению, наши пути с Израилем Исааковичем вскоре навсегда разошлись. Он уехал в Израиль.

В июне 1970 года я выпустил свою первую группу горных электромехаников. После защиты дипломов ребята устроили в ресторане “Душанбе” банкет, куда пригласили и меня с Тamarой. Вечер прошел весело. В мой адрес было высказано много благодарных и теплых слов. Контакты с этими выпускниками продолжались в течение многих лет. Ребята неоднократно приглашали меня на свои встречи, заходили к нам домой, некоторые из них, при возникновении неясных вопросов у себя на работе, обращались ко мне за консультацией. У меня сохранилась любительская фотография, где я снят со своей группой во время какой-то экскурсии на предприятие. Многих из изображенных на ней ребят я до настоящего времени помню по имени. Осенью того же года меня назначили заведующим отделения связи. На нем готовили специалистов среднего звена по телефонии и радио. Заказчиком выпускников было Министерство связи республики, оно обеспечивало нас необходимым лабораторным оборудованием, предоставляло базы практики, многие преподаватели-почасовики были с предприятий, подведомственных этому министерству. Заведование отделением потребовало от меня большого напряжения сил. Тут и организация новых лабораторий, и заботы о преподавательском составе, и проведение воспитательной работы. Сколько нервовтрепки возникало при составлении расписания. Каждый преподаватель (особенно женщины) требовал, чтобы часы его занятий были удобны только для него: отсутствовали “окна” и первые пары в утреннюю смену, меньше было занятий по субботам.

Постоянное участие в рационализаторской работе на производстве, наличие публикаций и результативная творческая работа в техникуме заставили меня задуматься о дальнейшем повышении своего научно-педагогического уровня. Я решил поступить в заочную аспирантуру. Когда мы были в Ленинграде, то сходил на разведку в горный институт, но ничего толкового мне там не предложили. Тогда мы вместе с бывшим преподавателем техникума Олег М., который к этому времени перешел на работу в Институт экономики Академии наук Таджикской ССР, чтобы не терять время, решили поступить на подготовительные курсы для сдачи кандидатских экзаменов по философии и иностранному языку при нашей Академии. Так как я не работал в системе АН, то пришлось дойти до самого президента Академии Асимова М. С., который разрешил зачислить меня на эти курсы. Асимов (Асими) до своего президентства был первым ректором Таджикского политехнического института. Он был высокообразованным и культурным человеком. Когда я зашел к нему в кабинет, президент вышел из-за своего стола мне навстречу, приветливо поздоровался за руку и предложил сесть. Выслушав меня о цели моего прихода, взял поданную мной бумагу, прочитал её и подписал. От него исходило добросердечие и расположение к собеседнику. Так он обращался со всеми.

Перекусив где-нибудь после работы, мы бежали на занятия, которые проводились в актовом зале АН. Увлекательно читал лекции по истории философии пожилой профессор из мединститута. Зрение у него было плохое: когда он писал на доске, то пользовался одними очками, глядя на нас – другими, а если нужно было прочитать цитату из книги, доставал большую лупу. И все это делалось без промедления, подобно жонглеру в цирке. Слушателей на его лекциях всегда было много. Любили мы ходить и на семинары по историческому и диалектическому материализму, проводимые профессором Приписновым В. И., впоследствии ставшим проректором по научной работе нашего университета.

Английскому языку нас учила вечно занятая заведующая кафедрой иностранного языка АН доцент Шахובה. Это была властная, всегда элегантно одетая, красивая таджичка, проходившая в свое время практику в Англии. Она чаще всего отсутствовала, и вместо неё занятия с нами проводил её ассистент. Шахובה вечно конкурировала со своей коллегой –

заведующей кафедрой иныа мединститута Мамлакат Наханговой. Той самой Мамлакат, которая в тридцатых годах, будучи девочкой, за успехи в сборе хлопка была удостоена правительственной награды и сфотографирована вместе со Сталиным.

Моему коллеге по курсам Олегу английский язык давался с трудом. Он часто приходил ко мне домой, приходилось ему помогать. Трудности заключались в том, что мне надо было переводить тексты технического характера, а ему – экономического. Олег отличался удивительной коммуникабельностью, пользуясь человеческими слабостями, своей цели он добивался “лисьими” приемами – лестью, преподношением сувенирчиков, устройством застолий. Когда мы сдавали экзамен по иныау, он подговорил лаборанток принести журналы с уже известным ему текстом, на стол Шахобовой поставил огромный букет цветов и в результате, без особого труда получил хорошую оценку. Мне же, для получения такого же балла, пришлось изрядно попотеть. Несколько позже, отдыхая в доме отдыха Академии наук, я встретил Олега, бегущего с набитой сумкой в руке и мангалом на плече. На мой вопрос дали ли он торопится, Олег заговорщицки подмигнул: “Надо угостить кое-кого шашлычком”. Благодаря своей настырности и умению ладить с нужными для него лицами, он вскоре, защитив диссертацию у себя в институте, стал кандидатом экономических наук.

Я продолжал заниматься английским языком и после сдачи экзамена. Со словарем пытался прочесть, купленные в магазине, “Фиесту” и “Прощай оружие” Хемингуэя, изданные на английском языке, брал в библиотеке АН журналы “National geographic”. Переводя “Песнь о Гайавате” Лонгфелло, я впервые ощутил, что при чтении произведения в подлиннике оно воспринимается по-другому, даже если его перевел великий мастер. Как ни старался И. Бунин повторить оригинал, его “Гайавата” не смогла полностью донести той музыкальности, того обаяния и настроения, которые вложил в свою поэму автор. Сейчас, когда у меня возникает желание почувствовать природу, ощутить запах леса, шум реки и пенье птиц, я беру с полки “Гайавату” на английском языке и уже с трудом читаю эти прекрасные стихи, нахожу в них успокоение.

В техникуме меня все чаще стали приглашать на заседания государственной экзаменационной комиссии при защите дипломных проектов. Я выпустил еще одну группу горных электромехаников, принимал участие в слушании защит у ребят специальности “Электроснабжение промпредприятий”. На одном из заседаний очутился рядом с председателем комиссии, заведующим кафедрой “Электрические станции, сети и системы” Таджикского политехнического института, кандидатом технических наук, доцентом Усмановым Х. М. К концу заседаний, когда у него обо мне сложилось некоторое представление, он предложил перейти мне к ним на должность преподавателя кафедры, пообещав мне устройство в заочную аспирантуру. Поразмыслив, я дал согласие и в августе 1971 года перешел в политехнический институт. Тогда я и предположить не мог, что Усманов на долгие годы станет моим “злым гением”, из-за которого будет испорчено здоровье и потеряно много времени.

Глава 24

## РАБОТА НАД ДИССЕРТАЦИЕЙ

Приняли меня в институт на должность старшего преподавателя. Наша кафедра готовила специалистов по электрическим станциям, сетям и электроснабжению промышленных предприятий, городов и сельского хозяйства. Мне поручили читать лекции и проводить лабораторные работы по курсам “Электрическая часть станций и подстанций” и “Электробезопасность”. Я как-то быстро познакомился с коллективом не только своей кафедры, но и всего факультета. Проблем с чтением лекций не было, приходилось лишь усиленно готовиться – просматривать свежую специальную литературу и писать конспекты. Вдобавок к нагрузке в институте, по вечерам я ходил в техникум, где дочитывал электрикам дисциплину, начатую в прошлом году.

Усманов года три назад закончил аспирантуру и защитил диссертацию на кафедре “Электрификация горных предприятий” (ЭГП) Московского горного института (МГИ). Поэтому, когда речь зашла о моей научной работе, он в качестве первого (главного) научно-го руководителя предложил мне своего бывшего шефа, недавно получившего ученую степень

доктора технических наук и звание профессора – Щуцкого Виталия Ивановича. Вторым руководителем Усманов пожелал стать сам. После согласования с Щуцким, мне была предложена тема диссертации: “Исследование вопросов электробезопасности на горных предприятиях в условиях жаркого климата и высокогорья”. Не особенно разбираясь в научной субординации и не представляя “вопросов”, которые мне придется решать, я согласился с предложенным. Мы с Усмановым составили план работы над диссертацией, Виталий Иванович подкорректировал его и утвердил. Я приступил к его выполнению. Для поступления в заочную аспирантуру, кроме списка печатных работ, надо было представить еще и реферат, чем я и занялся в первую очередь. Пришлось посидеть в библиотеках города. Одновременно, мы с цементным заводом заключили хозяйственный договор на проведение опытно-конструкторской работы по компенсации емкостных токов в электрических сетях предприятия. Значительные исследования в этой области проводилась в Челябинском политехническом институте. Меня, как ответственного исполнителя, направили туда в командировку. На кафедре “Электроснабжения промпредприятий” ЧПИ я ознакомился с проводимыми по данной теме работами, взял необходимую литературу. Хорошие контакты и надолго у меня установились с уже не молодым доцентом кафедры Маврициным А.М., который пригласил меня в гости к себе домой и познакомил с членами своей семьи. Александр Михайлович свозил меня в Коркино на известный всей стране угольный разрез, где он раньше работал. Стоя на борту карьера и, наблюдая как на дне его движутся, будто игрушечные, электровозы, тянущие составы с углем, я удивился мощи человека – вырыть в земле такой огромный искусственный кратер. Через год Маврицин прислал мне написанный им и только что изданный учебник по электроснабжению открытых горных работ со своей дарственной надписью.

Чтение лекций в институте и техникуме, проведение хоздоговора с цемзаводом, работа над диссертацией требовали много усилий. Большинство дней я уходил утром и приходил домой после одиннадцати вечера. Вечерние занятия возбуждали мозг, после них я долго не мог заснуть. Приходилось работать и по воскресеньям: нужно было готовиться к лекциям, посидеть над рефератом. Много времени отнимала и общественная работа: всякие собрания, заседания, дежурства в качестве дружинников и другое. А тут еще Усманов нагрузил меня административными делами по кафедре – следить чтобы не было срывов занятий, вместо него ходить на не очень ответственные заседания деканата и ректората. Кроме того, под предлогом, что это мне пригодится, он поручил мне готовить отзывы на поступающие на его имя авторефераты диссертаций. Просмотрев написанное мною, он проставлял знаки начала абзацев и отдавал в печать машинистке. Подписывал отзыв только своей фамилией, требуя при этом проконтролировать его срочную отправку. Приходилось писать за него и другие деловые бумаги. Правда, почувствовав, что по многим вопросам ко мне стали обращаться больше, чем к нему, он снял с меня некоторые обязанности.

Весной 1972 года я, взяв командировку по хоздоговору в МГИ, отправился в Москву. Как всегда, с гостиницами было сложно. Простому человеку с трудом, но все же можно было устроиться в гостиницах ВДНХ. Я в сетку насыпал молоденькой редиски, которая у нас в Таджикистане уже выросла, и, подойдя к стойке администратора в гостинице “Заря”, положил сетку с редиской на вид. Администратор Зинаида Ивановна (у меня сохранилась записная книжка с её именем и отчеством) ответила привычным: “Мест нет!”, но, бросив взгляд на редиску, попросила подождать. Через некоторое время она вышла из-за стойки и провела меня в камеру хранения, где я отдал ей свой презент. Спустя полчаса мне предоставили приличный и недорогой одноместный номер на третьем этаже.

На другой день я отправился в институт. МГИ находился в старом здании на проспекте Ленина, недалеко от метро “Октябрьская”. В конце двадцатых годов там размещалась Всесоюзная промакадемия, которая готовила квалифицированных командиров промышленности. Разыскав кафедру ЭГП, я дождался, когда профессор Щуцкий закончит лекцию и представился ему. Профессор был крупным мужчиной моего возраста с тяжелым подбородком и громким раскатистым голосом. После беседы с ним, он познакомил меня с



заведующим кафедрой, профессором Гладилиным Львом Вениаминовичем. Они просмотрели мой реферат, содержание и график выполнения диссертации. На ближайшем заседании кафедра утвердила тему моей работы, научных руководителей (Щуцкого и Усманова) и приняла решение о принятии меня в заочную аспирантуру. Спустя неделю вышел приказ по институту о моем зачислении.

Ежедневно бывая на кафедре, я постепенно познакомился со всеми её сотрудниками. Коллектив состоял из трех разновозрастных групп. Самая старшая группа – это корифеи, известные горные электротехники, профессора: Озерной, Мартынов и, уже названный, Гладилин. Каждому из них было за шестьдесят, Мартынов из-за болезни появлялся на кафедре редко. К старшим относился и пожилой заведующий лабораториями Финк А. А. В средней группе преимущественно были доценты: Переслегин Н.Г., Плащанский А.А., Глухарев Ю.Д., Бацежев Ю.Г. и недавно получивший звание профессора, мой шеф Щуцкий В.И. В группу молодежи входили ассистенты и аспиранты кафедры. Среди них был и преподаватель нашей кафедры в ТПИ Мадусманов А.М.

Старики были прежней закваски: культурные, обходительные и доброжелательные. Профессор Озерной, по книгам которого выучилось не одно поколение горных электротехников, являлся почетным членом немецкой Фрейбургской академии. Помнится, когда я при сдаче кандидатского экзамена по специальности готовился для ответа, он подошел и, склонившись надо мной, тихо спросил: “Вам все понятно? Может есть затруднения?” Я поблагодарил его за участие, с ответом на вопросы в билете справился самостоятельно.

Готовился я к сдаче экзамена, в основном, в библиотеке института. Стены широкого коридора рядом с библиотекой были увешаны портретами русских корифеев горного дела. Коридор напоминал Галерею портретов русских военачальников 1812 года в Эрмитаже. Иногда, захватив с собой нужную литературу, я уходил в Главный ботанический сад АН СССР, который раскинулся за ВДНХ, недалеко от гостиницы, где я остановился. Устав от занятий, бродил по аллеям сада, знакомясь с его растительностью. Как-то, подойдя к небольшому песчаному участку, покрытому чахлой травкой, камышом и низкорослыми кустами, я почувствовал, что подобный ландшафт я уже где-то встречал ранее. Приглядевшись, я узнал знакомые мне еще с детства солодку, терескен, джангальник, каперсник и различные солянки, которые мы встречали при охоте и рыбалке в поймах наших рек. На краю участка я увидел табличку, которая объясняла, что здесь представлена ту-гайная и пустынная растительность Средней Азии.

В свободное от занятий время я навещал своих старых знакомых – Бланков. Иван Иванович, имея квартиру в Москве, после Нурека перешел работать во Всесоюзное объединение “Гидроспецстрой” (бывший наш трест). При встречах он жаловался, что никак не может привыкнуть к этой чиновничьей работе, – “то ли дело мы с тобой работали”. Уходя от Бланков, я оставил им свой номер телефона в гостинице. И вот что из этого вышло.

За несколько дней до отъезда домой у меня в гостиничном номере раздался телефонный звонок. Подняв трубку, я услышал: “Это товарищ Хакел?” После моего утвердительного ответа, мой собеседник, не представившись, твердым и безапелляционным голосом спросил: “Это вы привезли наркотик из Таджикистана?” Я потерял дар речи, меня бросило в жар. Наступила пауза. И тут в трубке раздался смех. Оказалось, меня таким образом разыграл мой бывший начальник Минаков Н.В., приехавший в командировку из Североморска. Зайдя в объединение “Гидроспецстрой” познакомиться со своими бывшими коллегами, он повстречал нашего общего знакомого Бланка, который и дал ему мой номер гостиничного телефона. Через полчаса мы сидели у Николая Владимировича в номере в гостинице “Останкино” за бутылкой шампанского, смеялись над его “милой” шуткой и вспоминали свою совместную работу в Нуреке...

По возвращении в свой институт пришлось нагонять отставание – вычитывать лекции, которые я пропустил из-за своей поездки в Москву. Нужно было побольше поработать и со своими дипломниками. Среди них был способный студент В. Бергман, который выполнял проект по теме, связанной с нашей хоздоговорной работой. Защитив проект на “отлично”, он был

направлен в республиканский Научно-исследовательский отдел энергетике. Там он написал диссертацию, в Москве её защитил и получил кандидатскую степень. Позже, вместе со своим братом, тоже нашим выпускником, Бергман уехал в Германию, подтвердил там наш диплом и стал работать по специальности.

В моей диссертационной работе для обоснования критериев электробезопасности надо было провести эксперименты на людях. Взяв за основу уже опубликованные способы, я разработал свою безопасную методику проведения измерений, которую согласовал с Усмановым. Мы раздобыли необходимую медицинскую аппаратуру, связанную с электротерапией. Кое-что добавив к этим аппаратам, я получил безопасную портативную измерительную установку. Опробовав её на своих коллегах, выехал в Майхуру для проведения массовых замеров в условиях высокогорья. Моими «подопытными» были рабочие геологической партии, работавшие на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря. Факт проведения замеров был зарегистрирован в специальном журнале и подтвержден электромехаником ГРП. И тут у меня произошел сбой. В левом подреберье все чаще и чаще стали появляться тупые боли. Медики признали пневмонию и положили меня в Республиканскую клиническую больницу в Кара-боло. Поколов меня различными антибиотиками, на всякий случай удалили железы. Боль не прошла. Лечащий врач, заявив, что я для неё – армянская загадка, выписала меня домой. После этого я прошел обследование в клинике при институте у профессора Зайцевой. Там меня чуть не угробили окончательно. Лечащий врач предписала мне новокаиновую блокаду и сама ушла домой. Молодой врач-стажер со студентами старших курсов, увидя запись врача, решили блокаду провести самостоятельно. В операционной они со смехом, используя больший шприц, влили мне под ребра пол-стакана спирта с новокаином. И при этом еще шутили: “Если вы не выпиваете, мы вас сейчас напоим!” В палату они меня привезли уже на носилках – у меня стало прерываться дыхание. Прибежал дежурный врач, который стал заглядывать мне в зрачки. Поднялся переполох. Мне дали чего-то выпить и положили на левый бок. Через некоторое время я отошел, дыхание постепенно наладилось. На другой день на планерке у профессора был слышен её громкий голос – за происшедший случай она устроила разнос моему лечащему врачу. Что уж студенты умудрились сделать со мной, мы у себя в палате так и не узнали. Вскоре меня оттуда с непрекратившейся болью выписали. Положили меня в больницу по ул. Советской. Там начали лечить вначале от язвы желудка, а затем от воспаления поджелудочной железы. Чем только меня не пичкали и не кололи. В конце лечения объявили: “Кажется, язвы у вас и не было”.

Такое “лечение” довело меня до того, что у меня остались кожа да кости, все тряслось. А так как боли не проходили, то я вбил себе в голову, что у меня что-то неизлечимое. Я даже пригласил своего друга Земченко Н. Ф. и попросил его, в случае чего, не забыть мою семью. Так прошла зима. У врачей появилось подозрение на мой позвоночник. Меня решили обследовать в костной клинике в Орджоникидзеабаде. Когда я находился там, в Душанбе в отпуск приехал профессор Щуцкий В.И. Они с Усмановым проведдали меня и пожелали быстрого выздоровления.

Дело пошло на лад, после того как меня осмотрел психоневропатолог. Он заявил: “Ничего у вас страшного нет. Врачи запутались в диагнозах. Вам надо уходить из больницы, постараться успокоиться и заняться своими нервами. Попейте транквилизаторы и успокаивающие препараты”. Я последовал его совету. Как раз началось лето, стал загорать и купаться на речке. Постепенно боли исчезли.

С тех пор доверие к медицине и к её работникам у меня пошатнулось. Они в те годы больше думали о соматических болезнях, врачей, умеющих распознавать функциональные расстройства, было мало. Сейчас я более-менее изучил свой организм, стараюсь вылезать сам. Конечно, когда припрет – без врачей не обойдешься, в простых же случаях, предпочитаю обходиться домашними средствами.

В мае 1973 года нашего Сашу призвали в Армию. Службу свою он проходил в ракетных частях ПВО под Воскресенском, во втором кольце защиты Москвы. Когда я в ноябре того же года вновь поехал в МГИ на годовую аттестацию, то проведдал Сашу. Побыл с ним два дня. Ночевал

в доме у старенькой бабушки в деревне Грицкая, находящейся рядом с расположением части. Саша выглядел не плохо, служба у него шла как положе-но, командиры особых претензий к нему не имели.

Почти половина 1974-го прошла в поездках. В начале года был в МГУ. Официаль-но числился на стажировке, фактически же работал над своей диссертацией. Тогда я впервые попал в Ленинскую библиотеку, с её особой рабочей атмосферой, зелеными абажурами на столах и регулярными проветриваниями читального зала, во время кото-рых, посетители спускались вниз в курилку или перекусывали в буфетах. Приходилось ходить на конференции в Институт охраны труда ВЦСПС, слушать доклады по интере-сующим меня темам. Обязательно присутствовал при предварительных защитах диссер-таций, проводимых на кафедре ЭГП. Вникал в порядки работы московских вузов. Если не было утренних занятий, профессорско-преподавательский состав появлялся на кафедре часам к одиннадцати. Кто проводил занятия со студентами, кто встречался со своими ас-пирантами. Обедали в институтской столовой в специально отведенном для преподава-телей небольшом зале. В дни заседаний кафедры задерживались допоздна. В этом слу-чае зимой на кафедру звонили недовольные гардеробщики, предлагая забрать свою верхнюю одежду. На кафедре было принято негласное правило, согласно которому, про-фессоров после работы провожали до дому их аспиранты. Иногда они своих шефов отво-зили на такси.

Кажется, в это же время с инфарктом слег в больницу мой руководитель Щуцкий В.И. К счастью, все обошлось благополучно. Помню, как при посещении его в больнице, он, лежа на спине на высокой кровати, жаловался мне: “Ну вот, доработался! Сердце – вдребезги!” Только потом я от аспирантов узнал, что у них на кафедре атмосфера не очень-то дружественная, здоровья она не прибавляла. Некоторые преподаватели сред-него возраста вели подспудную борьбу против стариков. Бацежев Ю.Г. был членом парт-кома института и всячески помогал моему Виталию Ивановичу, а тот, став заведующим кафедрой, в нужных случаях поддерживал Бацежева. Такой тандем был выгоден обеим. Вскоре доцент Бацежев стал деканом факультета электрофикации и автоматики.

Старики, видя это, переживали и глотали валидол. В один из моих приездов я уз-нал, что от инфаркта скончался профессор Озерной.

Закончив свою стажировку, я вернулся домой и вскоре ушел в отпуск. Нашего Са-шу после года службы домой на побывку не пустили. Поэтому в июле месяце мы всей семьей поездом отправились к нему. В Грицкой сняли комнатку в доме у одиноко прожи-вающей женщины. В воинской части мы познакомились с Сашиными командирами, нам разрешили столоваться в офицерской столовой. Саша приходил в деревню в дневное время, мы угощали его чем-нибудь вкусеньким, фотографировались. В семейном аль-боме сохранилась забавное фото того времени: Лена, одетая в Сашину повседневную гимнастерку, в кирзовых сапогах и пилоткой на голове, стоит на фоне разваленного дома, от которого осталась одна русская печь с трубой. Иногда мы делали походы по окрестно-стям, ходили в лес за грибами. Двадцать дней пролетели незаметно.

С началом учебного года вновь приступил к занятиям со студентами. К этому вре-мени уже появился некоторый опыт по чтению лекций и проведению практических и ла-бораторных занятий. Пользуясь связями с энергетиками предприятий, я достал необхо-димое оборудование и поставил ряд новых лабораторных работ. Особенно мне помогли главный энергетик (впоследствии директор) цементного завода Севастьянов Б.И. и ди-ректор Ленинского сетевого района Леонгард А.О. Вместе с выполнением своих основных обязанностей я продолжал заниматься и диссертационными делами: в Такобе провел измерения электрических параметров горнорабочих рудника, а в Нуреке – тоннельщиков Там же провел замеры по определению времени срабатывания устройств защитного от-ключения..

В начале 1975 года меня вновь отправили на стажировку в МГИ. На кафедре ЭГП произошли изменения – вместо Л.В. Гладиллина заведовать кафедрой стал мой руководи-тель Щуцкий В.И. На занятия к профессорам я ходил редко, больше занимался своими диссертационными делами. Поселили меня в аспирантском общежитии в “Текстильщи-ках”, где проживал бывший наш

преподаватель, а ныне аспирант кафедры ЭГП, Горбачев Г.Ф. В этот приезд немало времени было проведено в Ленинке, прослушано несколько защит кандидатских и докторских диссертаций в МГИ и МЭИ, на которых у меня завязались контакты с коллегами, работающими в той же области науки, что и я. В этом же общежитии остановились и другие преподаватели, приехавшие повышать свой уровень преподавания с разных концов страны. В нашей комнате жил доцент из Владивостока, который все время угощал нас копченой красной рыбой, рядом поселились преподаватели из Иркутска и Свердловска. Вместе с нашим Горбачевым проживал краснощекий, здо- ровенный детина, ассистент из Красноярска Анатолий – Тоха, как чаще его называли. По вечерам за своими бумагами мы засиживались допоздна. Одурев, уходили по льду за- мерзшего пруда, лежащего недалеко от общежития, на тот берег, в какой-то парк, где бе- гали и валялись в сухом снегу. Накислородившись, раскрасневшиеся и возбужденные, возвращались домой, чтобы продолжить работу. Спать ложились поздно, молодежь про- сыпалась часов в одиннадцать дня.

Но частенько такой режим работы нарушался. К нашим молодым коллегам прихо- дили в гости аспирантки, живущие в соседнем подъезде. Они приносили кофе в зернах и свои кофемолки. На столе появлялось сухое вино и начинались вечерние бдения. Из всех наших дам мне запомнились наиболее активные аспирантки нашей кафедры Ста-лина с Урала и Тамара Асанбаева из Казахстана, с которой мне впоследствии пришлось встречаться по научным и учебно-методическим делам в разных городах Союза.

Как-то нас с Горбачевым до слез насмешил наш Тоха. Побывав на ВДНХ, он, не успев зайти в комнату, громогласно заявил: “Ребята! Что я видел! Вот такого большого барана с огромной черной ж...й”. Мы попытались ему объяснить, что это не то, что он имеет в виду, а курдюк, и что это был баран нашей таджикской гиссарской породы, отли- чающейся накоплением жира сзади. – “Попробовал бы ты плов, приготовленный на этом жире.” Но сибиряка, привыкшего к своим хвостатым баранам, было трудно в этом убе- дить. Он твердил: “ Какой такой курдюк, это настоящая ж...а!”

Запомнился нам Тоха и в другой, происшедшей с ним, истории. У аспирантов была любимая шутка: запихать какую-нибудь дрянь в вещи отъезжающего товарища. Тоха уез- жал раньше всех. Как всегда устроили небольшие проводины. И в это время кто-то из ре- бят незаметно затолкал ему в уже собранный чемодан старый и закопченный, без ручки, алюминиевый чайник. Через некоторое время мы получили от него открытку: “ Ребята! Получил от жены взбучку. Спасибо вам за сувенир! Буду хранить чайник как драгоценную реликвию, напоминающую о проведенном вместе с вами времени!”

В каждом аспирантском общежитии были свои причуды. Например, в Московском энергетическом институте, если у аспиранта в комнате находилась женщина, было при- нято на наружной ручке двери вывешивать галстук. Это был знак, наподобие торчащей в степи монгольской урги, предупреждающей всех, что здесь арат со своей избранницей крутит любовь.

После моего возвращения из Москвы у нас с Усмановым появилась возможность заключить хоздоговорную работу по исследованию безопасности электроустановок Ан-зобского горно-обогатительного комбината. ГОК находился в Фанских горах недалеко от озера Искандеркуль. На нем добывались сурьма и ртуть. Я на этом комбинате (тогда его больше называли Джижикрутским) был, когда проводил своих техникумовских ребят, проходивших там практику. Добирался туда из Самарканда. По пути побывал у своих бывших такобцев: у Анатолия Павлова, ставшего вторым секретарем Пенджикентского района и Николая Речкина – тоже второго секретаря, только Айнинского района.

Теперь же было лето, дорога через Анзобский перевал действовала, и мы отпра- вились на комбинат со стороны Душанбе. Поехали мы туда троим: Усманов, я и старший лаборант кафедры Кащавцев И. Встретили нас приветливо, поместили в номере люкс своей небольшой гостинички. На другой день нас пригласил к себе в кабинет директор комбината Глазунов И.Ф., где мы вместе с главным инженером обсудили содержание, план выполнения работ и порядок производства экспериментов. Туда же были включены и мои измерения на людях.

Во время нашего обсуждения я заметил недовольство со стороны Усманова. Ему не понравилось, что при решении технических вопросов руководители комбината, в основном, обращались ко мне. Но иначе быть и не могло, ведь я все-таки был горным электромехаником с десятилетним стажем работы на Такобском ГОКе, специфика которого, не особенно отличалась от Анзоба. Усманов же практического опыта работы не имел, он даже не владел терминологией, касающейся горного производства.

Оговорив финансовую сторону, мы подписали договор. Дня три знакомимся с производством, поднялись на рудник, обошли обогатительную фабрику, осмотрели поселок. Затем нам хозяева решили устроить отдых на озере Искандеркуль. Выделили машину, погрузили продукты и спальные принадлежности. В качестве гида к нам прикрепили местного жителя, повара из поселковой столовой.

Из горняцкого поселка Зеравшан вдоль речушки Искандер-дарья на грузовой машине поднялись к озеру, носящему имя Александра Македонского. Его пехота и кавалерия побывала в Согдиане в верховьях Зеравшана в 330 году до нашей эры. До сих пор в долинах рек Ягноба и Зеравшана сохранились топонимы, напоминающие те времена. Есть ущелье Фильдара, кишлак Фильмандар. «Филь» – с ирано-таджикского – слон. Не со слонами ли греко-македонского войска связаны эти названия?

По дороге на озеро нас поразили скалы кирпичной и сине-фиолетовой окраски, словно башни, возвышавшиеся по левой стороне дороги. Проехав домики турбазы, мы обогнули озеро и расположились на противоположном от нее берегу, в зеленой тополиной роще, пересекаемой заросшими ивняком, ериками и глубоко врезавшимися в берег заводьями. Озеро Искандер-Куль лежит на высоте 2550 метров, вода в нем очень холодная. Я попробовал умыться – руки заныли. Рыба в нем водится очень мелкая, плавает небольшими плотными стайками.

Выбрав сухое место, расстелили паласы и одеяла, повар начал готовить плов и шашлыки. Перед нами простиралась синяя гладь озера, вокруг вздымались пики гор. Обильно и вкусно поужинав, мы прямо в одежде залезли под одеяла, сверху накрылись брезентом и захрапели. Рано утром поспешили к берегу, внимательно наблюдая за поверхностью озера. Бытует легенда, что в утренних лучах солнца над водой озера появляется знаменитый конь Александра Буцефал. По другой – огненный Рахш – конь Рустама из «Шахнаме» Фирдоуси. Мы знали, что это народные вымыслы, но быть на Искандер-Куле и не проверить их, были не в силах. Есть версия, что виновниками этих легенд являются мышьяковистые испарения, возникающие над озером при нагревании воды лучами солнца. В тихую погоду туманные ступки принимают разнообразные формы, в том числе и похожие на коней.

После обеда мы покатались по озеру на моторной лодке, принадлежащей местной метеостанции, и, свернув свой бивуак, на приехавшей за нами машиной, спустились на комбинат. На другой день, тепло попрощавшись с нашими вновь обретенными знакомыми, мы выехали в Душанбе.

После этой поездки мне пришлось еще дважды побывать на Анзобском ГОКе. Вместе с лаборантом я провел необходимые замеры по определению уровня безопасности электрических сетей рудника и установлению критериев безопасности электротока для человека, работающего на данной высоте.

Поездки на Анзобский ГОК, помимо решения деловых вопросов, позволили мне познакомиться с Кухистаном – страной гор, включающей в себя территорию Пенджикентского и Айнинского районов Ленинабадской области. Край этот богат своей историей и достопримечательностями. Именно в верховьях и в среднем течении Зеравшана находилась историческая Согдиана, которую завоевывал Александр Македонский. В нынешнем Самарканде (греческой Мараканде – столице Согдианы) со времен Тамерлана сохранились известные всему миру комплексы медресе на площади Регистан, мечети Биби-ханум и Шах-зинда, мавзолей Гур-эмир, в котором похоронен сам Тимур. Когда я с небольшой группой туристов был в мавзолее, осмотрев надгробие с большим куском зеленого нефрита наверху, мы по ступенькам спустились вниз, в помещение, где установлен саркофаг с останками великого завоевателя. Казалось, сама история явилась перед нами.

На востоке, в 68 километрах от Самарканда, в долине Зеравшана лежит современный город Пенджикент, на окраине которого археологи раскопали городище древнего Панча, разрушенного в конце VII века арабскими завоевателями. Выше по Зеравшану, в Айнинском районе в тридцатых годах были начаты научные раскопки замка на горе Муг, при которых были обнаружены бесценные согдийские рукописи, рассказавшие о трагической судьбе прошлого Пенджикента. В бассейне реки Ягноб до сего времени встречаются кишлаки, жители которых разговаривают на языке, сохранившем древнесогдийские слова. Благодаря ягнобцам, ученые расшифровали надписи на согдийском языке, найденные в Пенджикенте и на горе Муг. В Пенджикентском районе в кишлаке Панджруд, в 941 г. родился “Гомер Востока”, родоначальник классической таджикско-персидской поэзии, поэт Рудаки. В конце жизни он из Бухары вернулся в родной кишлак, где нашел свой последний приют. Могилу его нашли уже в наше время. В 1958 году на ней соорудили мраморный мавзолей с древним орнаментом. Немного ниже поселка Анзобских горняков, у кишлака Рабат, на левом берегу Ягноба видны изогнутые пласты каменного угля. Это центр крупнейшего Фан-Ягнобского каменноугольного месторождения, до сего времени практически не разрабатываемого. Выше выхода углей постоянно курится сизый дымок – глубоко под землей более двух тысяч лет бушует подземный пожар, горит каменный уголь. Еще в первом веке нашей эры Плиний Старший писал: “...ночами пылает огненный вихрь в Бактрийском кефанте”, а средневековые арабские путешественники Истархи и Ибн Хаукаль сообщали об “огнедышащих горах Согда”. В верховьях урочища Кухи Малик нам местные жители показали места, где охотники и чабаны в “печках”, представляющих трещинный выход горячих газов, жарят мясо и готовят лепешки. Здесь не одну сотню лет люди пользовались минеральными продуктами подземного пожара, выбрасываемыми горячими газами на поверхность. С незапамятных времен до середины XX века в Кухи Малике добывали серу, нашатырь и квасцы. При раскопках развалин крепости Сарводи, видных на впадении речушки Пасруд в Фан-дарью, были обнаружены каменные ступы и ванны-отстойники для обогащения серно-нашатырных руд. Эти находки, вместе с имеющимися историческими источниками, позволяют говорить о том, что эта крепость, начиная с VIII века н. э., на протяжении длительного времени являлась крупным поставщиком минерального сырья, используемого для выделки кож, изготовления пороха и в медицине. Заканчивая разговор об этом крае, нельзя не сказать о красоте его гор, о Фанах, с их дикими скалистыми ущельями, снежными пиками, вознесенными на высоту более пяти тысяч метров, глубокими провалами долин, горными лесами и озерами удивительной синевы. Как не вспомнить слова Ю. Визбора:

“Я сердце оставил в Фанских горах,  
Теперь бессердечный брожу по равнинам,  
И в тихих беседах и в шумных пирах  
Я молча мечтаю о синих вершинах”.

## Глава 25

### ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

Проведение занятий в институте, выполнение хоздоговорных работ, отчеты по которым практически составлял я один, работа над диссертацией и написание учебно-методических пособий, к концу учебного года доводили меня до состояния близкого к нервному срыву. Чтобы как-то восстановить силы, я в отпускное время брал путевки в местные дома отдыха, где отдыхал когда один, а когда с женой и детьми. Двенадцатидневный отдых обходился всего лишь в семь рублей. Остальную часть путевки оплачивал профсоюз. Часто бывал в доме отдыха Академии наук, нравилось мне в “Каратаге” купание в канале с ледяной водой, а в горном “Яврозе” – загорание на противоположном берегу бурного Кафирнигана, куда мы перебирались по подвесному мостику.

В сентябре 1975 года, чтобы частично апробировать результаты своих исследований, я отправился в г. Орджоникидзе Днепропетровской области на 1-ю научно-техническую конференцию по электробезопасности на предприятиях черной металлургии СССР. До Киева

летел самолетом, оттуда в Днепропетровск – поездом, а дальше, на ав-тобусе, проехав весь Никопольский марганцевый бассейн, добрался до места назначения. В дороге все руки мне оттянули две большущие дыни, которые я захватил с собой из Душанбе. А тут еще и постоянно мешающий тубус с демонстрационными листами к док-ладу.

В. И. Щуцкий привез на конференцию пол-кафедры. С ним приехали доцент Баце-жев Ю. Г., который уже работал над докторской диссертацией, и человек пять аспиран-тов. В числе их были Цибизов А. М., Тамара Асанбаева и бывший ассистент из нашего института Рахимов О. С. Всех участников конференции разместили в гостинице, кормили в ресторане, который в обеденное время для посторонних закрывался. Мои дыни, разрезанные во время первого обеда за столом Щуцкого, произвели фурор. Они оказались сладкими и ароматными. Одну из них, наш шеф с королевским видом по кусочку разослал своим особо чтимым и нужным нам знакомым, сидящим в зале ресторана.

В дни конференции я познакомился со многими молодыми учеными, работающими в области электробезопасности. Особенно мне запомнились кандидаты технических наук Найденов А. И. из Иркутска и Коренев Н. П. из Ангарска, которые, как и я работали над вопросами исследования безопасных величин электрического тока. В президиуме пленарного заседания рядом с нашим Виталием Ивановичем сидел профессор Волотков-ский, по книгам которого я когда-то изучал электровозный транспорт. Доклады проводились в первой половине дня, во второй – нас возили на различные экскурсии. Запомни-лась поездка на карьер Орджоникидзе-вского ГОКа, где добывалась марганцевистая руда. Огромные роторные экскаваторы, непрерывным потоком сыпали её на широкие ленты конвейеров, таких многокилометровых бегущих дорог, доставляющих руду на обога-тельные фабрики. Из двух подготовленных докладов мне позволили сделать один: второй только на-печатали в сборнике тезисов. Устроив прощальный ужин и обменявшись адресами, мы разъехались по домам.

Это была моя последняя более-менее благополучная поездка, касающаяся дис-сертационных дел. Дальше пошла многолетняя полоса переживаний и стрессовых ситуа-ций.

Началось все с того, что Высшая аттестационная комиссия по присуждению уче-ных степеней (ВАК СССР) утвердила новое “Положение”, согласно которому повысились требования к ученым советам, в которых производились защиты диссертаций; более строго стали спрашивать с руководителей и оппонентов, изменились правила оформле-ния самой диссертации.

У меня к этому времени уже был напечатан белой вариант работы. Согласно но-вым правилам, кое-что пришлось переделать. Но это была мелочь, по сравнению с тем, что началось твориться дальше.

“Положение” требовало, чтобы официально научным руководителем работы был один человек. Им, естественно, остался доктор технических наук, профессор Щуцкий В. И., а кандидат наук, доцент Усманов Х. М. становился руководителем только на общест-венных началах. Этим самым я как бы выходил из-под его власти, что ему ужасно не по-нравилось, и он все свое недовольство перевел на меня. Ухудшились деловые отноше-ния на кафедре, со мной он стал разговаривать сквозь зубы. Но вытолкнуть меня со сво-ей кафедры он не мог, так как я уже приобрел некоторый авторитет среди преподава-тельского коллектива и студентов факультета и, кроме того, я в это время был избран секретарем парторганизации энергофака. Я неоднократно по-хорошему пытался объяс-нить Усманову, что изменения в научном руководстве произошли не по моей инициативе. Но он продолжал дуться и творить свои черные дела. Ведь он на правах руководителя рассчитывал воспользоваться моими материалами в своей докторской диссертации, а тут его планы нарушились.

На заседании кафедры, где я доложил результаты своих исследований, большин-ство моих коллег одобрило работу и дало рекомендацию специализированному ученому совету МГИ принять её к защите. Но Усманов и, подговоренный им лаборант Кащавцев, выступили с категорическим заявлением о незаконности проведенных мною эксперимен-тов, ввиду того, что они были поставлены на людях. Несмотря на мои доводы о том, что Усманов сам подписал

методику экспериментов и участвовал при их проведении, и что подобные опыты проводятся по всей стране, мои оппоненты настояли на том, чтобы их мнение было записано в протоколе. Пришлось срочно принимать меры по обоснованию легитимности моей работы. Я обратился на кафедру “Физиология человека и животных” Таджикского университета. Оз-накомившись с моими методиками, кафедра подтвердила безопасность и правомерность проведенных мною экспериментальных исследований, базирующихся на общепринятых физиологических и биологических положениях. Вдобавок, через знакомого мне вице-президента АН ТаджССР Соложенкина П. М. я вышел на министра здравоохранения рес-публики Саженина, который попросил ученых медиков нашего мединститута разобраться в сути вопроса. Вникнув в него, компетентные товарищи в моей работе не нашли никаких антигуманных, а тем более, незаконных действий.

Собрав необходимые документы, я выехал в Москву. В. И. Щуцкий, просмотрев их, дал добро на подготовку работы к защите. Но в соответствии с новыми требованиями не-обходимо было показать, что данная работа проводится в разрезе той или иной зарегист-рированной научно-исследовательской темы. То, что она проводится в соответствии с планом НИР МГИ было известно, а вот когда я позвонил домой и попросил жену сходить и узнать в научно-исследовательском отделе регистрационный номер и название темы, в соответствии с которой проводилась моя работа в нашем институте, то Тамаре там отве-тили, что такой темы не существует. Усманов успел поработать и там. Но мы то вместе с ним по данной теме выполняли и хоздоговорную работу! Только потом, вернувшись до-мой, я у себя в делах обнаружил копию регистрационной карточки, в которой были указа-ны необходимые мне данные.

На эти дразги ушло два года. У меня появились новые публикации, кафедра ЭГП успела перебраться в новое здание МГИ, на ней сменилась часть аспирантского состава. К этому времени Щуцкий внимательно отредактировал мою диссертацию и разрешил на-писать автореферат. Мы стали готовить работу к защите.

Внезапно мой шеф дал отбой. До него дошла информация о том, что Усманов, в случае моего допуска к защите, пригрозил обратиться в ВАК. В такой ситуации ни один ученый совет не принял бы мою работу к рассмотрению. Восточная коварность сработала. Расстроенный и внутренне опустошенный, я возвратился домой.

Я и раньше слышал о существовании на Востоке особой щепетильности в вопро-сах социальной иерархии, а также об азиатском вероломстве, но самому с этим встре-чаться как-то не приходилось. В первый год работы в институте по недомыслию попадал в дурацкие ситуации. Однажды, встретив нужного мне преподавателя-таджика, я, не за-думываясь произнес: “О, на ловца и зверь бежит!” Тот, ничего не ответив, прошел мимо. Только потом до меня дошло, какую бестактность я допустил. Второй раз, на одном из собраний я, выступая по поводу нецелесообразности посылки на сбор хлопка студентов пятых курсов, возмутился: “Ну что же мы? Нас ведут, как баранов на заклание, а мы даже и не сопротивляемся”. Несколько человек из присутствующих тут же надулись. Я пони-мал, что подобные инциденты с некоторыми преподавателями нашего института проис-ходят из-за недостаточной грамотности и незнания русского языка и в дальнейшем, при применении народных оборотов, старался объяснять их.

Работая на производстве, привык ценить людей и относится к ним в основном по тому, как они трудятся. Национальность значения не имела. Первый раз об этническом разграничении я услышал от И. Латыпова – преподавателя Ташкентского политехниче-ского института, с которым я вновь встретился на стажировке в МГИ. Мы с ним познако-мились лет пятнадцать назад, когда он был еще студентом горно-металлургического фа-культета ТашПИ. Помню, как он в Москве, в общежитии на “Студенческой” в подпитии от-кровенничал со мной: “А мы русских, если они не работают на нас, у себя в институте не держим. Я это знаю точно, я ведь член парткома факультета”.

Хотя в нашем институте работали преимущественно преподаватели-таджики, та-кой явной дискриминации “русскоязычных” у нас в то время еще не наблюдалось. Посту-пок Усманова по



отношению ко мне большинство преподавателей осудило. Особенно возмутились декан нашего факультета Иноятов М. Б., преподаватели Махкамов А. Б. и Набиев В. Н. Они, как и Усманов, прошли аспирантуру на кафедре ЭГП МГИ, там же защитили кандидатские диссертации, и им было неприятно видеть, что среди них оказался такой неразборчивый в средствах достижения своей цели “коллега”. Все знали, что Усманов собственноручно не написал ни одной статьи и ни одного учебно-методического пособия, но зато держал себя высокомерно, везде подчеркивая свою ученость. Кичился своими связями и представлял себя номенклатурным работником. Многих это раздражало. Дошло до того, что на какой-то вечеринке Набиев набил морду Усманову. Тот, симулируя сотрясение мозга, лег в больницу. До суда дело не дошло, но Усманов добился того, что Набиев вынужден был уйти из института. Впоследствии он дослужился до должности директора Яванской ТЭЦ.

Прямой противоположностью Усманову был, недавно защитившийся преподаватель нашей кафедры, Абдумалик (Саша, как мы его называли) Махкамов. Это был скромный, выдержанный и культурный молодой человек. Будучи сыном министра внутренних дел республики, он никогда не подчеркивал этого, жена у него была русская, они вдвоем воспитывали маленького сына.

У меня с Сашей установились хорошие деловые и товарищеские отношения. Я бывал у них в небольшой скромной квартирке за ювелирным магазином на проспекте Ленина. Он много работал над собой, добился годичной стажировки в Германию. Поездка туда была запланирована на осень, но жизнь распорядилась по-своему.

Летом я отдыхал в доме отдыха Академии наук. Неожиданно на своей, только что купленной “Ладе”, ко мне заехал Саша. Ездить он еще толком не умел: кое-как развернулся при въезде на территорию дома отдыха. Видя это, я попросил его не рисковать, на что Саша с улыбкой ответил: “Это что. Вот я сейчас в городе, на перекрестке, трогаясь на зеленый свет, прыгнул как мустанг!”...

Через неделю, приехав домой, я взял местную газету и глазам своим не поверил: там был напечатан некролог о трагической смерти Абдумалика. Я тут же побежал в дом его родителей, успел только на поминки. Преподаватели с кафедры рассказали подробности его гибели. Наш лаборант Кацавцев пригласил его отдохнуть у своих родителей в горном Колхозабаде. Захватив, гостившую в Душанбе мать лаборанта, они втроем отправились туда. За рулем находился Саша. На крутом повороте горной дороги за строящейся Рогунской ГЭС неопытный водитель не справился с управлением, и машина закувыркалась вниз под обрыв. Кацавцев через выпавшее заднее стекло вывалился наружу и остался жив, а его мать и Саша погибли. К памятнику ранее разбившегося у Рогуна моего товарища Саши Цатуряна прибавился памятник Саше Махкамову.

Тем временем, наши отношения с Усмановым продолжали ухудшаться. Как-то он вызвал меня к себе и попросил отдать ему все фотографии и пленку моей съемки пикника, который мы в свое время устроили в кишлаке Явроз. В лучшие времена (до наших разногласий), профессор Щуцкий несколько раз приезжал к нам в институт читать лекции и проводить заседания ГЭК при выпуске специалистов, подготовленных нашей кафедрой. Почти всегда, в состав комиссии включали и меня. Как-то одновременно с Щуцким приехал профессор из Московского энергетического института (МЭИ), которого пригласила кафедра электропривода.

Традиционно, после окончания заседаний комиссии всем составом выезжали отдохнуть на природу. В этот год мы скооперировались и выехали за город двумя коллективами. Усманов заранее договорился, и к нашему приезду в Явроз хозяева уже накрыли столы. Я захватил с собой фотоаппарат и по просьбе присутствующих снимал те или другие сцены.

С тех пор прошло несколько лет. И вот теперь, вспомнив о той съемке, и боясь, что у меня на него имеется компрометирующий материал, Усманов потребовал отдать фотографии и негативы ему. Я пообещал порыться в своих архивах, но, несмотря на ряд последующих домоганий Усманова, так ничего ему и не отдал. И хотя на некоторых снимках действительно были видны пьяные лица – в том числе и Усманова – я об использовании их в качестве компромата даже и не подумал.

В сложившейся ситуации мне поневоле пришлось забросить свои диссертационные дела, тем более, что к этому времени выросли наши дети и нужно было заняться ими.

Наш сын Саша вернулся из Армии в мае 1975 года, а осенью уже поступил на вечернее отделение нашего института. На другой год он женился на воспитательнице детского сада Люде Кулик. Несмотря на материальные трудности, связанные с моими постоянными поездками в Москву, мы с Тamarой все же сумели помочь им сыграть свадьбу в небольшом ресторане “Русская кухня”, на которой присутствовали друзья и близкие знакомые наших молодых, а также гости, приглашенные нами и родителями Люды. В январе 78-го у Саши с Людой родилась дочка Вика.

В 1976 году, получив отпускные, я со своей дочерью Леной, только что окончившей девять классов (на всех денег не хватило), отправились на Черноморское побережье. В то время там в Новомихайловке, рядом со всероссийским пионерским лагерем “Орленок”, вблизи Туапсе, жила бывшая жена моего брата Алика. У неё мы и остановились. Большую часть времени проводили на пляже лагеря. Нам нравилось при волнении моря в 2-3 балла на надувном матрасе выбрасываться на гребне волны на берег. Летишь кувырком: голова – ноги, голова – ноги. Смех, визги. Забив в песок четыре палки и натянув на них простынь, я любил полежать на пляже под импровизированным навесом, обдуваемый мягким и ласковым бризом. Ездили знакомиться с побережьем. Побывали в Гаграх, Сочи и Сухуми. В сочинском порту я снял Лену на слайд у борта пассажирского парохода “Нахимов”, бывшего немецкого военного транспорта “Берлин”, полученного СССР после войны по репарации. Кто знал, что десять лет спустя, его около Новороссийска протаранит сухогруз “Петр Васев” и через восемь минут “Нахимов” затонет. Из 1234 человека, находившихся на борту, погибнет 423.

Пришло время возвращаться домой. Билеты на самолет Адлер – Душанбе в Туапсе мы не достали и поехали в Джубгу. Там народу в авиакассах оказалось меньше.

Не зря говорят, что мир тесен. Как-то на Новомихайловском пляже я лоб в лоб столкнулся с директором нашего Анзобского ГОКа Глазуновым И. Ф. Оказалось, у него в Новомихайловке была своя квартира. Несколько раз мы с ним позаседали в пляжном пивном баре. Он был большим любителем пива. Вскоре мы с Леной, загоревшие красным загаром, уехали, а Иван Федорович остался заканчивать свой отпуск.

В следующем году Лена на “отлично” закончила среднюю школу и поступила в Душанбе в Таджикский государственный университет на экономический факультет. Русская группа, в которой она занималась, преимущественно состояла из девчат, ребят было мало. Она у нас была девочкой общительной, и вскоре у нас в доме стали собираться её подруги и друзья. Со многими из них мы знакомы и сейчас.

Не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая научно-педагогическая деятельность, если бы не произошли изменения в общественно-политической жизни соседнего с нами Афганистана. Наша страна, со времени заключения в 1921 году советско-афганского договора, жила со своими южными соседями в мире и согласии. Начиная с шестидесятых годов, все больше и больше наших специалистов стали приглашаться афганским правительством для оказания им технической помощи в деле развития экономики страны. На первом этапе из Таджикистана туда выезжали специалисты-таджики (в основном, выпускники факультета восточных языков нашего университета), которые работали в качестве переводчиков. В Афганистане государственными языками являются пуштунский и дари (фарси). Последний – почти таджикский. После апрельской революции (переворота) 1978 года в Афганистане с помощью Советского Союза резко обозначились социально-экономические преобразования. Мы усиленно стали помогать им строить электростанции, дороги и заводы, поднимать сельское хозяйство. Но не только это. Для обучения афганской молодежи и подготовки квалифицированных кадров в Афганистан стали посылаться наши преподаватели, многие из Таджикистана, так как они могли вести занятия без переводчиков. Оплачивали работу преподавателей за границей хорошо – в несколько раз выше, чем у себя в Союзе. Поработав там 2-3 года, они возвращались с деньгами, по сертификатам получали машины. Благодаря своим связям, в 1978 году уехал в Кабульский политехнический институт и наш Усманов. На

его место исполняющим обязанности заведующего кафедрой назначили нашего старшего преподавателя, выпускника МЭИ Батакова В. П. Я его знал еще по жизни в Микоянабаде, они с моим братишкой Аликом пацанятами бегали по Катта-арыку.

С отъездом Усманова обстановка на кафедре немного разрядилась, и я вновь стал подумывать о защите диссертации. В марте 1979 года меня послали в МГИ на повышение квалификации. В. И. Щуцкий договорился с руководством факультета, что я на занятия буду ходить по желанию, а, в основном, – заниматься своими диссертационными делами. Поселили меня в общежитии на “Студенческой”. Там, наряду с преподавателями, приехавшими на ФПК из многих городов Союза, проживал и аспирант очной аспирантуры кафедры ЭПП, ассистент нашего политехнического института Мадусманов А. М. – скромный и порядочный молодой человек, впоследствии ставший заведующим нашей кафедрой.

Тогда же в общежитии на “Студенческой” на время остановился и другой заочный аспирант кафедры Щуцкого, тоже преподаватель ТПИ, Ниязов Джумабой. У нас в институте он работал на кафедре электропривода. Будучи уроженцем Ленинабадской области, территория которой когда-то являлась владением сына Чингиз-хана, Чагатая, Джумабой сохранил все черты своих древних предков. Он был явно выраженным джалаиром: не-большого роста, коренастый, с круглой головой, скудной растительностью на лице и не-большими, закругляющимися вниз монгольскими усами. Кожа лица желтоватая, глаза выпуклые, черные, с пронзительным взглядом.

Уже будучи кандидатом технических наук, он уехал работать в филиал нашего института в Ленинабаде, где в период трагических событий Таджикского переворота 1992 года, стал местным лидером одной из оппозиционных центральной власти организаций. Отсидев за свою деятельность небольшой срок в Яванской тюрьме, он каким-то образом очутился за границей в обществе сбежавшей туда элиты оппозиции: главы мусульман Таджикистана казикалона Акбара Тураджон-зода, председателя демпартии Шодмона Юсуфа, председателя Партии исламского возрождения М. Химмат-зода и других глав-рей переворота. Когда я жил уже в Борисоглебске, то неоднократно видел по ТВ, сидящего за столом переговоров лидеров оппозиции с президентом Таджикистана Э. Рахмоновым, и нашего Джумабая. Они договаривались о делении власти – создании коалиционного правительства. Сейчас большой кази – замглавы правительства республики. Его можно увидеть в элегантном гражданском костюме, с аккуратно подстриженной бородкой и непокрытой головой. Куда делся черный халат, салла (чалма) и длинная борода?! Я помню, как он в начале 90-х, выступая на русском языке, говорил о сохранении “телофон-да (так и сказал) таджикской нации”. Теперь ясно, о каком генофонде он говорил. Неужели, ради того, чтобы быть у “руля”, нужно было уничтожить десятки тысяч своих соплеменников?

В нашем общежитии, этажом выше проживали два молодых казаха. Оба приехали на ФПК из Карагандинской области. Один был доцентом одного из вузов, а другой – инженером по безопасности с какого-то (сейчас не помню) горно-обогатительного комбината. Как-то к доценту приехала жена и привезла с собой конского мяса, колбасу “казы” и баурсаки (обжаренные в бараньем жире шарики из теста). Они приготовили бешбармак и пригласили меня. За столом инженер разделся до пояса, осушил большую чашку водки и приступил к еде, запивая вареное мясо жирным бульоном-шурпой. Мясо он ел руками, жир тек до локтей, он вспотел и беспрестанно обтирался полотенцем.

Как-то инженер пришел ко мне в комнату и рассказал историю, только что происшедшую у них на занятиях. В. И. Щуцкий, читая слушателям курсов лекцию по электро-безопасности, назвал мою фамилию, имя, отчество и рассказал о моей работе, касающейся исследования воздействия электрического тока в экстремальных условиях. Услышав мое имя и отчество, в конце лекции наш казах встал и обратился к лектору: “Виталий Иванович, вы говорите Марат Янович, Марат Янович, а этого Марата Яновича я знаю – это ведь мой сосед по комнатам в общежитии!” Все присутствующие прыснули смехом.

Время, проведенное мною в Москве весной 1979 года, было нелегким, но продуктивным. Сколько нервов было потрачено, пока я не пододел свою диссертацию под новые требования

ВАК. Черников Ю. Г. – ученый секретарь специализированного совета, в котором я должен был защищаться – оказался педантом. Он брал линейку и измерял поля на листах машинописи, ему частенько не нравились некоторые обороты в тексте. Переделывать приходилось по несколько раз. Основная трудность заключалась в том, что он проверял не все сразу, а по кусочкам. Исправишь отмеченное и вновь идешь к нему, а он был человек занятой, не всегда его можно было застать на месте. Затем диссертацию надо было сдать техническому секретарю Кузьмичевой Л. И., которая ставила свои препоны. Без подарка к ней идти было бесполезно – обязательно к чему-либо придерется. Влезала даже не в свои дела. Помнится как один доцент, сдававший ей докторскую диссертацию, был вынужден обратиться к председателю совета с жалобой на Лидию Ивановну, о том, что она предъявляет претензии к содержанию специфических вопросов работы, в которых она совершенно не компетентна. А одного нашего пожилого диссертанта Кузьмичева довела до такого состояния, что он, придя после встречи с ней на кафедру, в сердцах воскликнул: “Я пришибу её!” Когда я шел на встречу с Лидией Ивановной, мой шеф всегда просил меня не обострять с ней отношений.

Одновременно с выполнением своей основной задачи – подготовке всех документов к защите – в этот приезд мне удалось в какой-то мере повысить свой культурный уровень. Я побывал в нескольких театрах и концертных залах. Наши женщины, проживающие в общежитии, вставали в четыре часа утра и шли в кассы Большого театра. Благодаря им, я в Большом послушал “Евгения Онегина” и “Зори здесь тихие”, несколько раз был в театре оперетты, где увидел своих любимых артистов: Т. Шмыгу и Г. Васильева. Удалось сходить в театры Вахтангова, Пушкина и Яблочковой. В театре Маяковского посмотрел “Старомодную комедию” в исполнении Б. Тенина и Л. Сухаревской. Помнятся посещения Кремлевского дворца съездов, концертных залов “Россия” и “Центральный”. Почему-то врезались в память самолетики, нарисованные на своде потолка в зале театра Советской Армии. До них было рукой подать – я сидел на самом верхнем ярусе.

В Лужниках побывал на одной из игр чемпионата мира и Европы по хоккею. Там в перерыве встретился с начальником “Нурекгэстроя” Лощеновым С. Я., которого я не видел в течение нескольких последних лет. В этом же помещении крытого стадиона удалось посмотреть и балет на льду.

Кажется, в феврале месяце, после прохождения аспирантуры в МЭИ, успешно защитил кандидатскую диссертацию наш бывший аспирант Давлятшоев Д. Д. По этому случаю он пригласил меня на банкет, который состоялся в небольшом “рыцарском” зале ресторана “Прага”. До этого я в ресторанах подобного класса не бывал. Меня поразило количество военных шинелей и папах, висевших в раздевалке ресторана.

Запомнилась и другая ресторанный история. Мой напарник по комнате в общежитии – преподаватель Свердловского горного института и его знакомая – доцент из Магнитогорска – как-то вечером решили поужинать в каком-нибудь приличном заведении. Они пригласили и меня.

Мы обошли все рестораны на Кутузовском проспекте, но свободных мест нигде не оказалось. Дошли до гостиницы “Украина”, зашли в холл и заглянули в зал ресторана. Народу было немного, нас встретила милостивая официантка и любезно провела к большому столу. Посадила она нас напротив японца, который с удовольствием попивал водочку, закусывая её черной икрой.

Когда мы стали делать заказ, официантка смутилась – она ошибочно приняла нас за иностранцев. Оказалось, мы зашли не в тот зал. Нас не выпроводили, но, выполнив заказ, обслуживающая девушка с блокнотиком и карандашом в руках так и простояла все время ужина рядом с нами.

Перекусив, мы завели разговор со своим компаньоном по столу. Он на ломаном русском языке объяснил нам, что приехал из Японии по делам своей фирмы. Слегка захмелев, наш новый знакомый стал просить объяснить ему, что означает русское “ни пуха, ни пера”. Все троим, перебивая и дополняя друг друга, мы долго объясняли ему суть этой поговорки. Допив свой графинчик, японец на прощание попросил: “Скажите мне – ни пуха!” И сам же, засмеявшись,

ответил: “К сердцу, к сердцу!”

После его ухода к нам подсели немец и болгарин, который подарил нашей даме ампулку с маслом казанлыкской розы. С ним объясняться было проще.

Устав сидеть за столом, мы решили размяться. Во время танцев нас все время ос-вещали: то ли это были блики световых эффектов, то ли фотовспышки. Попробуй, разбе-ри! Возвращаясь в общежитие, мы шутили: “Ну вот, досье на нас обеспечены”.

Первое мая я встретил в Москве. Все мои коллеги по курсам на дни праздников разъехались по домам. Уехали не только они. Город покинуло большинство приезжих и командировочных, на дачи на отдых выехало много москвичей. В последние апрельские дни Москва стала малолюдной, отсутствовали очереди, не стало толчеи на улицах. Я ни-когда еще не видел нашу столицу такой спокойной и умиротворенной.

Чтобы не скучать, попросил Щуцкого и секретаря парторганизации кафедры ЭГП разрешить мне поучаствовать в праздничной демонстрации на Красной площади. Узнав об этом, сразу несколько аспирантов кафедры предложили мне заменить их. Меня вклю-чили в список, и утром 1-го Мая, с искусственными ветками и цветами в руках, мы, пройдя Большую Полянку, Каменный мост и Манежную площадь, под звуки музыки подошли к Красной площади. В проходе между Александровском садом и Историческим музеем на-ши колонны стали пропускать сквозь цепочки людей, одетых в гражданское. Вначале они стояли на расстоянии нескольких метров друг от друга, а на самой площади – вплотную. Каждый из них внимательно оглядывал идущих, особенно обращая внимание на руки. Я шел в третьей колонне со стороны Кремля. На трибуне Мавзолея стояли наши руководи-тели. Брежнев приветственно махал демонстрантам рукой, большинство переговарива-лось между собой. У многих, особенно у Подгорного, то ли от кварцевания, то ли от чего другого, лица были темно-красные.

Миновав Москворецкий мост, демонстранты стали расходиться. За мостом стояли автобусы, которые развозили людей к станциям метро. Я с трудом нашел укромное мес-течко, куда выбросил свою разукрашенную ветку, сел в автобус, и с “Новокузнецкой” уе-хал в общежитие. Вечером второго мая на Красной площади и на улице Горького было народное гу-ляние. Люди просто ходили, веселились, пели песни. Никто их особенно не опекал. Не-многочисленная милиция следила только за тем, чтобы не было драк. За весь вечер слу-чаев нарушений общественного порядка мне не встретилось.

После праздников я на кафедре последний раз доложил результаты своей работы, выслушал замечания по процедуре защиты. Большинство членов кафедры ко мне отно-силась благожелательно, все старались помочь в меру своих сил и знаний. Никогда не забуду доброту профессора Гладиллина Льва Вениаминовича, у которого мне пришлось побывать и на квартире в Старомонетном переулке. Его жену, знали и любили все аспи-ранты кафедры. Зачастую, провожая своего любимого профессора домой, ребята на ко-нечной остановке передавали его, предупрежденной по телефону, Вере Константиновне. Взявшись под руки, старики, мило беседуя, отправлялись дальше.

Гладилины любили путешествовать. Ученики Льва Вениаминовича работали во всех концах страны, поэтому его вместе с супругой везде принимали с распростертыми объятиями.

Побывали они и у нас в Душанбе.

Лев Вениаминович был красивым седым стариком среднего роста, с детской улыб-кой на тонком лице и стройной походкой. Позже, будучи уже больным, он, опираясь на палочку, все же старался ходить не сутулясь. Отличался высокими моральными качест-вами, обладал исключительным обаянием. Вокруг него всегда создавалась атмосфера доброжелательности и спокойствия. Когда он появлялся со своим небольшим портфель-чиком в руке, на кафедре становилось светлее и теплее, все расслаблялись и забывали о своих неприятностях. Он со своей очаровательной улыбкой обходил всех и с каждым здоровался за руку.

Мой шеф был другого склада. Разговаривал громогласно, часто на повышенных интонациях. Не всем это нравилось. Но его внешняя грубость компенсировалась огром-ной работоспособностью и обязательностью. У него было много аспирантов, которых он всегда доводил до конца – все они рано или поздно защищались. Каждую страницу дис-сертации он

вычитывал сам, собственноручно исправлял или, при помощи ножниц и клея, переставлял отдельные фрагменты текста. У него было много печатных работ, в том числе несколько монографий по вопросам электробезопасности на горных предприятиях. Жил он вместе со своей Ниной Ивановной на улице Профсоюзной у станции метро “Беляево”. Сколько раз я бывал у них! Частенько приезжал не с пустыми руками – привозил таджикские дары природы. Особенно после его инфаркта.

В июне месяце, пройдя все необходимые инстанции, я, наконец, сдал свою диссертацию в совет. Отнес в типографию института напечатать свой автореферат и начал собираться домой. Акты о внедрении результатов работы у меня были, осталось взять отзыв ведущего предприятия, с которым я через наш “Горгостехнадзор” договорился заранее. Поэтому, как только вернулся домой в Душанбе, тут же вылетел в Ленинабад, а оттуда автобусом добрался до Адрасманского свинцово-цинкового комбината, где и получил необходимые мне документы.

Раскрутив после каникул новый учебный год в своем институте, в октябре я вновь выехал в Москву, уже на защиту диссертации. По прибытии на кафедру ЭГП МГИ тут же занялся рассылкой автореферата и сбором отзывов на свою работу. Как раз в это время в том же совете, в котором, месяцем позже, должна была состояться и моя защита, по вопросам электробезопасности защитил диссертацию аспирант Горбачев Г. Ф. – преподаватель нашей кафедры в ТПИ. Отметить это событие он пригласил и меня. Из ресторана “Варшава” мы все вместе вернулись в общежитие в Кожухах, где молодежь продолжила “обмывание” успешной защиты.

Мою защиту назначили на совете, который должен был состояться 13 декабря 1979 г. Одна дата чего стоила! Обычно сбор совета лежал на плечах защищающихся: нужно было обзвонить и объехать каждого члена совета и упросить присутствовать на заседании. Многие, ввиду своей занятости, участвовать в заседании в указанное время не могли – собрать кворум было нелегко. А следующее заседание совета по графику предполагалось только через месяц. Если кворум не соберется – сиди и жди у моря погоды. А ждать нам, приедем было нельзя – дома ждали занятия, да и материально было накладно. Вот и ходишь, слезно упрасывая каждого члена совета, обязательно прийти на заседание.

Моим главным официальным оппонентом был профессор МЭИ, доктор технических наук Долин Петр Алексеевич, автор ряда книг по электробезопасности. Он тоже был представителем уходящего старшего поколения, и как большинство из них, отличался высокой культурой и добропорядочностью. Жили они вдвоем с женой на Фрунзенской набережной в доме за магазином “Тимур”. Когда я впервые (предварительно договорившись) зашел к ним, Петр Алексеевич сидел за большим круглым столом, на котором навалом лежали книги и журналы, и что-то правил в своих бумагах. Когда мы оговорили не-которые вопросы, касающиеся моей диссертации, его жена предложила мне чаю. Я, со-славшись на позднее время, с благодарностью отказался. Меня проводили до дверей и, когда я оделся, Петр Алексеевич, показывая на мою куртку, поинтересовался: “Марат Янович, а вам не холодно в ней?” Такая отеческая забота тронула меня до глубины души.

В своем отзыве Петр Алексеевич дал высокую оценку моей работы, вручив мне его, пожелал мне счастливой защиты. Сейчас, каждый раз, когда по ТВ показывают фильм “Офицеры”, я обязательно вспоминаю то время, в которое мне пришлось встретиться с четой Долиных – этих милых и добрых пожилых людей. Эта ассоциация вызывается эпизодом, происшедшим со мной на Фрунзенской набережной. Впервые направляясь к своему оппоненту, я, проходя у здания Министерства обороны, почувствовал, что это место мне уже знакомо. Приглядевшись, я вспомнил, что именно здесь на скамейке бывший комэск Иван Варава из “Офицеров”, выбежав из подъезда здания министерства, встречается с женой и внуком своего боевого товарища.

Помимо Долина мне был назначен и второй оппонент, кандидат технических наук, доцент Днепропетровского горного института Пивняк Геннадий Григорьевич, которого хорошо знал мой шеф Щуцкий В. И. Мне пришлось встречать и размещать его в гостинице

“Университетская” на Ленинских горах. Чтобы получить место в гостинице, необходимо было взять разрешение в Министерстве высшего образования на Люсиновской улице. Организация защиты отнимала массу времени. Целыми днями я мотался по всей Москве, приглашая на совет её членов, встречался с оппонентами, собирал отзывы, готовил необходимые для защиты документы. Возвращался в общежитие поздно вечером. Помню, как однажды мне в предгриппозном состоянии в конце дня нужно было сходить на одну, заранее оговоренную, встречу, а ноги уже не шли. Я нашел у себя в кармашке пид-жака несколько, когда-то подаренных доцентом из Владивостока, семян китайского ли-монника, и, разжевав, проглотил их. Через некоторое время почувствовал прилив сил и двинулся на другой конец Москвы.

И вот, наконец, наступил день защиты. Нужное число членов совета явилось, на душе стало немного спокойнее. С указкой в руках, обращаясь к графикам и таблицам на вывешенных демонстрационных листах, я доложил о результатах своей работы. Вначале от волнения голос прерывался, но постепенно я успокоился и закончил доклад как положено. Ответив на вопросы, сел на свое место. Начались выступления: сначала оппонентов, затем остальных членов совета и всех желающих. С одобрением моей работы выступил и приглашенный мною заведующий электротехнического отдела “Гидроспецпроект-та” Тихомиров М. Г.

Особых недостатков в работе отмечено не было, только один – негласный противник моего шефа – выступил с критикой обоснования проведенных экспериментов. В его выступлении прозвучали нотки, которые я слышал от Усманова у себя на кафедре. Как выяснилось позже, мой неофициальный оппонент поддерживал связь с нашим Усмановым. Из 25 присутствовавших членов совета, трое проголосовали против, двое воздержались, остальные мою работу поддержали.

Несмотря на то, что результаты защиты были неплохие, почему-то особой радости у меня не было. Я чувствовал, что этим дело не закончилось. Не делая никаких торжественных обедов, подготовил все необходимые для ВАК документы и сдал их Лидии Ивановне. Купил авиабилет и перед отлетом позвонил в Душанбе своей жене о том, что я вылетаю. Тамара с волнением в голосе сообщила мне, что у них творится что-то необычное, все люди напуганы. Но что случилось, она так и не сказала. – “Приедешь – узнаешь”, – и как всегда в последние мои приезды из Москвы попросила привезти мяса.

30 декабря все средства СМИ сообщили о том, что Советский Союз ввел на территорию Афганистана ограниченный контингент войск. Только тогда до меня дошло, что имела в виду моя жена, разговаривая со мной по телефону. Прилетел я домой под Новый 1980 год. В городе было тревожно. Тамара рассказала как в те дни, пролетая на большой высоте над Душанбе, в небе надсадно гудели тяжелые военные самолеты, а брат Алик, живший в Гараутах, поведал о вертолетах, которые на подвеске транспортировали бронетехнику в сторону Айваджа. В ночь перед выступлением на сборные пункты призвали многих военнообязанных запаса.

Воинские части, расположенные у нас в республике показали себя не с лучшей стороны. Надо было срочно прибыть в район Термеза на границе с Афганистаном, но техника – особенно автотранспорт – оказалась неисправной, в пути она постоянно ломалась. Колонны растянулись на всем двухсоткилометровом пути от Душанбе до Термеза. Видя такое положение, командование вооруженных сил страны бросило в Афганистан дивизию ВДВ из Белоруссии. Так началась бесславная война, продолжавшаяся на протяжении десяти лет.

## Глава 27

### СКВОЗЬ ТЕРНИИ – К УСПЕХУ

Предчувствия меня не обманули. Через два месяца мне сообщили, что Высшая аттестационная комиссия мою работу отклонила: диссертацию надо было защищать в совете по электробезопасности, а не по электрификации и автоматизации. Вместе со мной не пропустили еще троих аспирантов, защитившихся в данном совете на двух последних заседаниях. А вот работу нашего Горбачева, несмотря на то, что он был в такой же ситуации, ВАК утвердила и вынесла решение о присвоении ему ученой степени кандидата технических наук. Кто-то за него порадел.

Настроение упало. Появилась задумка бросить всю эту научно-педагогическую деятельность с её интригами и склоками и вновь уйти на производство. Но к этому времени Усманов продлил свою командировку еще на два года и, побывав месяц в отпуске в Душанбе, вновь уехал в Афганистан. На кафедре начались новые дрязги. Недавно защитившийся кандидат, памирец Давлятшоев Д. Д., с которым я был в неплохих отношениях, стал ссориться с исполняющим обязанности заведующего кафедрой Батаковым В. П. Обстановка накалилась, учебные дела пошли вниз. С целью улучшения сложившегося на кафедре положения, ректорат принял решение вместо Батакова и.о. завкафедрой назначить меня. Пришлось вновь активно включиться в учебную и методическую работу. Со старшими преподавателями Ачиловой Ф. Х. и Сенько Г. М., с помощью лаборантов и студентов-вечерников, мы поставили новые лабораторные работы; в научно-исследовательском отделе энергетики “Таджикглавэнерго” приобрели еще одну расчетно-моделирующую установку, что ускорило выполнение курсовых проектов по электрическим сетям. Я подготовил методические пособия по расчету токов короткого замыкания, которые с помощью декана энергетического факультета, доцента Иноятова М. Б., подключенного в соавторы, были изданы и использованы студентами всех энергетических специальностей. Кроме всего, пришлось заниматься приведением в надлежащий вид помещений кафедры и обновлением информационных стендов. Все это отвлекало меня от думок о неудаче с диссертацией.

Через некоторое время Щуцкий В. И. сообщил о том, что у них в институте появился специализированный совет по специальности “Техника безопасности и противопожарная техника”, в котором можно будет защитить мою работу. Я посоветовался с женой, и мы решили еще раз испытать нашу судьбу.

Тамара в это время работала старшим инспектором отдела кадров института химии АН ТаджССР. Зарплата у неё была небольшая, поэтому назначение меня на должность заведующего кафедрой было своевременным – несколько улучшило наш семейный бюджет. Кроме того, я стал научным руководителем ряда хозяйственных работ, проводимых нашей кафедрой, что также принесло дополнительный денежный доход. Однако увеличение моего заработка особенно не облегчило нашу жизнь. Доведение диссертации до защиты потребовало новых затрат.

Название работы пришлось несколько изменить. Она стала называться: “Повышение электробезопасности при эксплуатации электроустановок на горных предприятиях в условиях жаркого климата и высокогорья”. Встала необходимость небольшой переделки диссертации, полной перепечатки её и написание нового автореферата. Предстояли новые поездки в Москву. И хотя я туда ездил в командировки, все равно у семьи приходилось отрывать значительные материальные средства. А как раз в это время наша Лена достигла того периода, когда девушке охота и помоднее одеться, да и с друзьями повеселиться поинтереснее. Приходилось обходиться минимальным.

В начале августа из Афганистана вернулся Усманов и приступил к исполнению своих обязанностей. Протокол с рекомендацией нашей кафедры о защите моей работы в новом совете был подготовлен до него, поэтому здесь он со своей стороны ничего подделать не мог. Но оставалось опасение, что Усманов наклеузнит в специализированный совет в МГИ.

К осени 1982 года моя работа, просмотренная В. И. Щуцким, была готова к повторной защите, и я выехал в Москву. Остановился в общежитии “Горняк” недалеко от метро “Академическая” у аспирантов кафедры ЭПП. Вновь пришлось докладываться на заседании кафедры, мне сменили второго оппонента – им стал сотрудник Института горного дела им. Скочинского, к.т.н. Ягудаев Б. М. Первым оппонентом оставили профессора Долина П. А. Когда я пришел к нему домой, они с женой высказали мне сожаление по поводу моего срыва: “Марат Янович, как мы переживали, когда узнали, что ВАК не утвердила вашу работу. Вы ведь уже не молодой”. Петр Алексеевич с удовольствием дал согласие на новое оппонирование.

Очень сожалел по поводу моей неудачи и профессор Л. В. Гладилин, который был к этому времени уже неизлечимо болен и на кафедре появлялся редко. Мы все понимали, что Льва Вениаминовича мы видим последние месяцы. Сердце сжималось при мысли, что этот добрый и



умный человек вскоре навсегда исчезнет из нашей жизни. Но помочь ему никто уже не мог. Для перепечатки своей диссертации я нашел платную машинистку-надомницу, ко-торая проживала в Кузьминках. Время поджимало. Мне пришлось съездить к ней даже в день похорон Л. И. Брежнева. В момент погребения его на Красной площади, мы стоя-ли у окна и наблюдали за тем, как под гудки, раздававшиеся по всей Москве, на улицах прекратилось движение транспорта, люди на время приостанавливались. А по телевиде-нию в это время показывали опускание гроба с телом Брежнева в могилу. Один из рабо-чих резко отпустил веревку, гроб пошел наклонно, раздался стук. Эхо его недобрым зна-ком разнеслось по всей стране, как бы оповещая, что со смертью Брежнева в СССР за-кончились стабильные времена. После перепечатки работы, где-то в мастерской на “Лермонтовской” я переплел её и еще сырой понес секретарю совета Л. И. Кузьмичевой. Та полистала мой труд, обнару-жила недостатки (хотя перед сброшюровкой она не находила их) и вернула диссертацию назад. Перепечатав несколько страниц и, вклеив их в работу, со стиснутыми зубами я вновь отправился к Лидии Ивановне. Она, не глядя бросила мою работу на стеллаж: “Ну все. Можете идти”. Я, наконец, свободно вздохнул и пошел к Щуцкому принимать вало-кардин.

В этот приезд в Москву я, между делом, потешил и свое тщеславие. В Ленинской библиотеке в зале каталогов заглянул в ящичек со своей фамилией: там уже было не-сколько карточек с аннотациями на мои опубликованные работы. В библиотеке горного института просмотрел свою диссертацию, которую защищал в 1979 году. Она была за-тертая, с пометками на полях и подчеркиванием отдельных абзацев – видно было, что ею пользовались. Все это как-то поддержало и взбодрило меня, я убедился, что работаю не зря.

Кафедра утвердила мне новое ведущее предприятие – институт ВостНИИ, куда по-требовалось выслать экземпляр моей работы. Сдав автореферат в печать, я попросил бывшего нашего преподавателя В. Бабурина, оставшегося после аспирантуры работать в Москве, проконтролировать его прохождение в типографии МГИ и забрать готовый тираж к себе. После утрясения всех остальных бюрократических мелочей, я возвратился домой.

Защиту мне назначили на 24 февраля 1983 года. Встретиться с товарищами из ВостНИИ, который находился в г. Кемерове, и поторопить их с отзывом я, ввиду недос-татка времени, не мог. Поэтому пришлось звонить преподавателю Кузбасского политех-нического института Головки Г. С., с которой когда-то познакомился на курсах ФПК, и по-просить её сходить в ВостНИИ и ускорить высылку отзыва на мою работу. Галина Серге-евна была доброжелательным и отзывчивым человеком. Она быстренько организовала получение и высылку в МГИ нужного мне отзыва, за что я был весьма ей благодарен.

У себя же на кафедре со стороны отдельных “коллег” я, вместо поддержки, встре-тился с актами недоброжелательства. Это, конечно, были Усманов и его клеветы: стар-ший лаборант Кашавцев И. и только что защитившийся преподаватель Горбачев Г. По-следний также задумал поработать в Афганистане, в связи с чем, любыми путями доби-вался благосклонности и рекомендаций со стороны Усманова. Он по институту даже рас-пространил слух, что владеет языком дари, но мы то знали, как он им владеет. За не-сколько дней до моего отъезда на защиту, Усманов пригласил меня в свой кабинет. Туда же он позвал и Горбачева. В его присутствии наш заведующий заявил мне, что он не воз-ражает против моей защиты, но после неё я должен буду покинуть кафедру. Его при-спешник сидел и что-то поддакивал. Зная, что в институте я пользуюсь определенным авторитетом и что решение о моем увольнении зависит не только от Усманова, я ответил, что после защиты дождусь решения ВАК, а потом будет видно, что делать дальше.

Вот с таким напутствием (и, представляете, с каким настроением) в начале января 1983 г. я вылетел в Москву на защиту диссертации. В пути произошла задержка. Сидя в самолетном кресле, я по изменению направления солнечного луча в салоне понял, что мы делаем поворот вправо. Вскоре бортпроводница объявила, что по метеоусловиям Москва не принимает, и мы вынуждены переждать непогоду в Нижнем Новгороде. Сади-лись при плохой видимости, на поле аэродрома мела поземка. Вслед за нами приземли-лось еще несколько самолетов восточного и юго-восточного направлений. В зале ожида-ний аэровокзала скопилось много

пассажиров. Я встал в очередь к будке междугородного телефона-автомата позвонить знакомым аспирантам в Москву о том, что я задерживаюсь. И тут произошла неожиданная встреча. За своей спиной я услышал знакомый голос. Еще не видя её, подумал – это Лия Ахеджакова. И, действительно, повернувшись, увидел нашу известную артистку, запомнившуюся всем по замечательным фильмам Эльды-ра Рязанова “Ирония судьбы...” и “Служебный роман”. Она была небольшого роста, одета в дубленочку, на голове – шапка-ушанка. Лия летела из Фрунзе и также как и мы, застряла в Нижнем. Мы все расшаркались, уступая ей очередь на переговоры. Стоявшие недалеко двое военных, с улыбкой показывая на неё пальцем, долго вспоминали в какой картине она сыграла роль секретарши-модницы. Добравшись до Москвы, я вновь остановился в общежитии на “Академической”. Бабурин привез мне мои авторефераты – их предстояло разослать по определенным адресам: всем республиканским публичным библиотекам, отдельным научным организациям, а также лицам, представляющим отзывы на мою работу. Но прежде чем сделать это, надо было получить разрешение от нескольких учреждений цензуры и главлита. На другое утро я взял такси и стал объезжать их. Начал с канцелярии ЦК КПСС на Старой площади, а закончил в какой-то организации на Кропоткинской, где мне поставили окончательную визу – “В свет”. После того, как разослал авторефераты, приступил к написанию “рыб” (заготовок) отзывов, для тех лиц, которым самим писать их было некогда. По вечерам сидел у себя на кровати в общежитии и на машинке, установленной на табуретке, двумя пальцами тыкал эти отзывы, а на другое утро рассылал их адресатам.

Вскоре мне вновь пришлось встретиться со случаем борьбы, в которой отстаивались не какие-то научные концепции или точки зрения, а сводились личные счеты. На январском заседании специализированного совета защищался соискатель из Кривого Рога. Председатель открыл заседание, диссертант вышел к трибуне и приготовился делать доклад о своей работе. И тут, вдруг, входит Лидия Ивановна и подает председателю какой-то листок. Тот его прочитал, а потом обнародовал его содержание. Как оказалось, один из “коллег”, с места работы соискателя, сообщал, что изобретение, указанное в диссертации, они выполнили в соавторстве, и что его товарищ не имеет права защищаться один. Председатель заглянул в список литературы, приложенный к диссертации – в нем приводилось и авторское свидетельство на изобретение, о котором писал “коллега”. Его участие там указывалось. Несмотря на то, что сокрытие факта соавторства диссертантом допущено не было, большинство членов совета все же проголосовало за то, чтобы дальнейшее рассмотрение данной работы прекратить. Диссертанту объявили, что защита состоится после того, как совет получит соответствующие документы с места его работы. Надо было видеть, с каким видом снимал с подрамников свои чертежи этот уже немолодой человек: он был весь красный, руки тряслись, ноги не слушались.

Я же, сидя в зале, где проходил совет и, наблюдая за происходящим, думал о своем: через месяц на моей защите может произойти нечто подобное – Усманов не успокоится. В перерыве заседания я от некоторых членов совета по поводу действий Лидии Ивановны слышал негодующие высказывания: ведь она могла придержать кляузу до окончания защиты. А на кафедре ЭПП в это время была гнетущая атмосфера: всеми любимый профессор Гладилин доживал последние дни. Я собрался сходить проведать его, В. И. Щуцкий меня отговорил: “Лев Вениаминович не встает, вид у него такой, что вы, увидев его, надолго вылетите из колеи”.

...Кончился январь месяц. Начали поступать отзывы на мою работу. В солидные московские учреждения за ними приходилось ездить самому. Побывал в высотках на Калининском проспекте в Минугле и Минцветмете, на ул. 25-го Октября взял отзыв в отделе безопасности “Гидроспецстрой” – там меня еще помнили по Нуреку. Наконец, все необходимые документы были собраны и сданы секретарю спецсовета Кузнецову Ю. Н. Назначили день защиты – 24 февраля 1983 года.

За неделю до защиты я начал обходить и упрашивать членов совета и оппонентов прийти на заседание. В последний вечер перед советом мой шеф дал последние напутствия и

порекомендовал лечь пораньше и как следует выспаться. Но куда там! Чуть свет я понесся в Люберцы в ИГД им. Скопинского к своему второму оппоненту Ягудаеву Б. М. еще раз предупредить его, что заседание совета начнется в 14 часов, и что я защищаюсь первым. Приехав из Люберец, вместе с аспирантами подготовили зал для защиты, разве-сили демонстрационные листы, ребята сбегали и принесли воду для питья – бутылочки, с только что начавшими распространяться “Пепси” и “Колой”, расставили на столы членов совета. К двум часам выяснилось, что кворум совета собрался. На душе стало спокойней.

Председатель совета профессор Ушаков К. З. открыл заседание и предоставил мне слово... У меня уже был опыт, защита в этот раз прошла более организованно. Против был всего один человек. После того как меня поздравили на кафедре, я попросил старшего лаборанта заказать стол на пятнадцать человек в ресторане “Варшава”, кото-рый находился недалеко от института. Мы скромно отметили благополучный исход моей защиты. Моего шефа и оппонентов на торжестве не было, это категорически запреща-лось: не дай Бог дойдет до высшей аттестационной комиссии – неприятностей не обе-решься.

Через неделю были подготовлены все необходимые документы для ВАК, я в от-дельной папке сдал их Лидии Ивановне, распрощался со всеми и отбыл домой.

У себя в институте меня поздравили с успешной защитой, но я то знал, что радо-ваться еще рано. Мои опасения вскоре подтвердились. Выждав определенное время, по-звонил Лидии Ивановне, узнать сдала ли она мое дело в аттестационную комиссию. Та с усмешкой ответила, что все бумаги уже давно там, но что на меня в ВАК уже поступила “телега”-анонимка. Узнав такую “новость”, я у себя на кафедре объявил, что до выясне-ния обстоятельств, со всеми буду здороваться, не подавая руки. Горбачев Г. Ф., с видом провинившейся собачки, отвел меня в сторону и стал канючить: “Марат Янович, неужели вы думаете, что это я?”

Через некоторое время В. И. Щуцкий по своим каналам достал и прислал мне ко-пию этой злосчастной анонимки. Она была написана, якобы от лица студентки, которая пишет, что я со студентами обхожусь грубо и не заслуживаю присвоения ученой степени кандидата наук. Причем, в написанном от руки пасквиле, твердый знак везде обозначался запятой. Было видно, что это писано не студенткой: в это время молодежь уже не писала таким образом. Кроме того, Виталий Иванович через своего брата – генерала КГБ – про-вел графологическую экспертизу, которая показала, что анонимка написана женщиной 37-38 лет, имеющей не слишком высокую грамотность.

Аргументы, приведенные в “телеге”, меня особенно не волновали, так как я знал отношение своих студентов ко мне. У нас в институте проводились анкетные опросы учащихся (без указания их фамилий), в которых они давали оценку своим педагогам. Со-гласно этим опросам, по качеству преподавания и симпатиям среди студентов на факуль-тете, я почти всегда завоевывал первые места, что не очень нравилось некоторым моим коллегам. А когда наступало дипломное проектирование, то многие ребята и девчата просили меня стать руководителем проекта.

Высшая аттестационная комиссия попросила ректора института Якубова Н. Х. вы-слать на меня объективную характеристику и высказать свои соображения по данному поводу. Ректорат охарактеризовал меня с положительной стороны, указав, что “факты”, приведенные в анонимке, не соответствуют действительности и вызваны личной непри-язнью отдельных лиц по отношению к диссертанту. Но и здесь произошла заминка. При пересылке письма ректора, куда-то исчезла последняя страница с его подписью. Видно кто-то все же продолжал вставлять палки в колеса. Кто это был – мне приходилось только догадываться. Пришлось письмо посылать повторно.

Для ВАК анонимки были не новостью. В восьмидесятые годы большинство защит сопровождалось “телегами”. Особенно они густо шли из республик Средней Азии, и чаще всего на лиц, нетитульных национальностей. Хотя и существовало правило не рассмат-ривать письма без подписей, все равно анонимки творили свое черное дело.

В моем случае ВАК, получив письмо из нашего института, через неделю (14 сен-тября 1983 г.) утвердила решение специализированного совета МГИ и присвоила мне ученую степень

кандидата технических наук. Дорого она мне обошлась: двенадцать лет нервотрепок, лишение семьи нормальных материальных благ и потеря времени, в кото-рое можно было бы сделать много полезного.

Когда я получил из ВАК открытку о моем утверждении, большинство преподавате-лей института искренне поздравляли меня, но несколько человек было разочаровано – их козни окончились неудачей.

С получением степени моя зарплата увеличилась почти вдвое. Жить стало полег-че. Наша Лена, окончив в 1982 году университет, была направлена на работу в отдел АСУ министерства транспорта республики. В апреле восемьдесят четвертого она вышла замуж за своего школьного друга Соколова В. А. Наша семья прибавилась – после свадь-бы молодые стали жить с нами.

А в стране в начале восьмидесятых начался коллапс власти. После смерти одрях-левшего Л. И. Брежнева Генеральным секретарем ЦК КПСС избрали 68-летнего, серьез-но болевшего Андропова Ю. В. Оказавшись во главе государства, он сделал попытку ук-репления партийной, государственной и трудовой дисциплины, повышения ответственно-сти кадров, улучшения управления народным хозяйством. Я помню, как на улицах, в ки-нотеатрах и в магазинах шли проверки по выявлению праздношатающих в рабочее время. Прижали и работников торговли: они меньше стали прятать дефицитные товары и продукты, директора магазинов и завмаги прекратили выставлять на показ свои личные машины. В Москве за финансовые нарушения в особо крупных размерах отдали под суд и приговорили к высшей мере наказания директора магазина “Елисейевский”, расстреляли несколько проворовавшихся работников “Внешторга”. Более результативно заработали органы правопорядка, заметно сократились случаи хулиганства, народ как-то подтянулся. Но, к сожалению, Юрий Владимирович не смог свои планы довести до конца. В феврале месяце 1984 года он скончался. Поговаривали, что ему помогли пораньше уйти из жизни.

Сменил его К.У. Черненко – семидесятичетырехлетний болезненный старец, кото-рый, ничего не сделав для страны, через год тоже умер. В то время наш ареопаг – По-литбюро ЦК КПСС – в основном состоял из людей преклонного возраста, которые уже не могли активно работать ни физически, ни творчески. Управление государством стало ос-лабевать, многое пошло на самотек. Начался спад производства, с каждым годом все больше и больше стали опираться на нефтедоллары. Понимая, что такая ситуация может привести к плачевным результатам, ЦК решило несколько обновить свой состав, избрав в марте 1985 г. Генеральным секретарем более молодого Горбачева М.С. Кто тогда мог предположить, что с этого избрания начнется постепенное исчезновение советского госу-дарства, а потом и всего социалистического лагеря

Глава 28

## С ГОР АЛАТАУ ДО ВОД ОНЕГИ

Постепенно, после всех баталий и интриг, связанных с диссертационными делами, жизнь нашей семьи стала входить в нормальное русло. Мама жила недалеко от нас у брата Славика, работавшего механиком на масложиркомбинате, Алик после освобожде-ния из заключения остался жить и работать в поселке Гарауты Колхозабадского района. Он там обзавелся семьей, у них родился сын Сережа. Мы с Тamarой иногда ездили к ним в гости.

Летом 1984 года я достал туристскую путевку по маршруту Алма-Ата – озеро Ис-сык-Куль – Фрунзе. У меня давно была мечта посетить места, описанные Чоканом Вали-хановым, Семеновым-Тян-Шанским и Н.М. Пржевальским. До Алма-Аты летел самолете-том. Местом сбора группы была гостиница “Алатау”. Наша группа состояла из двадцати человек: десять из Таджикистана и десять из Эстонии. В качестве руководителя к нам был приставлен работник местного туристического бюро, стройный русский мужчина средних лет по имени Гелий. Пять дней мы знакомились с городом и его окрестностями. Алма-Ата – столица Ка-захстана – обычно переводится как “отец яблук”, что неточно передает казахский ориги-нал Алматы – “яблочное”. До 60-х годов город действительно славился своими яблоками апорт. В последнее время они начали вырождаться – загазованность города увеличива-ется с каждым годом. После обретения суверенитета, в конце девяностых годов Казах-стан по политическим соображениям

перенес свою столицу в г. Целиноград – бывший Акмолинск. «Акмола» обозначает не очень-то приличествующее – Белая могила, – по-этому новую столицу назвали просто Астана – “столица”.

Осмотр Алма-Аты мы начали с Кок-тюбе, куда поднялись по подвесной канатной дороге. С высоты холма открывается прекрасная панорама строго расчерченных, одетых в зелень кварталов. Повсюду видны взметнувшиеся в голубое небо белые высотные здания. Просторна площадь Брежнева с возвышающимся над нею красивым зданием ЦК компартии Казахстана. Оригинально выглядят Дворец пионеров и здание телецентра. Мы побывали в музеях, парке 28-и гвардейцев-панфиловцев, осмотрели деревянный собор, построенный еще в XIX веке. В походах и поездках по Алма-Ате происходили забавные случаи. Некоторые из них помню и сейчас. На главной площади города, носящей имя Брежнева, проводились все праздничные демонстрации и парады. По аналогии с Мавзолеем Ленина и прилегающим к нему ансамблем, на своей площади местные архитекторы предусмотрели гранит-ные трибуны, за которыми возвышалось низкое одноэтажное строение тоже из розового камня, напоминавшее по своему виду памятники-усыпальницы казахских султанов: крыша была стилизована под невысокие купола. Когда я впервые увидел этот комплекс, у меня возникла крамольная мысль – уж не для себя ли секретарь ЦК КП Казахстана Кунаев при-готовил этакую гробницу. Не упоминая Кунаева, я спросил о назначении весьма странной постройки своего гида – молоденькой девушки-казашки, сопровождавшей нас. Она с не-довольством резко ответила: “Спросите об этом в ЦК!” Видно, подобный вопрос ей зада-вали не в первый раз.

Второй случай относился к разряду забавных. Как-то, прогуливаясь по городу с одной из душанбинок из нашей группы, мы с ней набрали на юрту из белой кошмы, в кото-рой располагалась довольно приличная и чистенькая кумысная. Кумыс там подавали в глубоких чашках с большими деревянными ложками для помешивания. К нему можно бы-ло заказать баурсаки, подавалась и колбаса из конины – казы. Посетители сидели за ни-зенькими столиками на стеганых одеяльцах или же на маленьких резных табуреточках. Выпив по чашке, мы в голове почувствовали небольшое затуманивание – кумыс обладает слабым алкогольным воздействием.

Когда вернулись в гостиницу, то о нашем открытии кумысной мы рассказали своим товарищам. Воспользовавшись нашей информацией, группа из 5-6 человек отправилась в город и тоже отпробовала этого традиционного казахского кисломолочного напитка. До гостиницы они добрались с трудом – у них расстроились желудки. На нас посыпались уп-реки: “Вот, подсказали!” Мы недоумевали: с нами то ничего подобного не произошло! Все объяснилось после того, когда наши последователи вспомнили, что, выйдя из кумысной, в рядом расположенной пивной, они запили кумыс пивом. Это и явилось причиной рас-слабления. Наша репутация была восстановлена.

Свозили нас и на всемирно известный высокогорный каток “Медео”. Испытывая свои силы, я по каменной лестнице из восьмисот с лишним ступенек поднялся на селе-защитную дамбу, возвышающуюся над спортивным комплексом. Эта дамба защищала от разрушительных селей и сам город. С неё открывался прекрасный вид на спускающееся вниз ущелье, по которой сбегала река Алмаатинка.

Познакомившись со столицей Казахстана, мы на автобусе ЛАЗ отправились к вы-сокогорному озеру Иссык-куль. Вначале наш путь пролегал среди полей и садов много-численных колхозных и совхозных хозяйств. Проехав их, мы повернули на восток и запы-лили по грунтовой дороге, проложенной по краю степи. Справа от нас вздымались горы Заилийского Алатау (по-казахски Алатао – «пестрые горы»). Долго был виден пятитысяч-ный пик Талгар. Свернув на юг, мы миновали реку Чилик, преодолели глубокий каньон, в котором протекала река Чарын, и въехали в долину Каркара с речкой, от которой она и получила свое название. На въезде в долину с нами произошло ЧП. Камешком, вылетев-шем из-под колес встретившейся машины, в нашем автобусе выбило лобовое стекло. Его осколками слегка поцарапало лицо водителя, но никто из пассажиров не пострадал. День клонился к закату, без стекла стало прохладно, многие достали кофты и куртки. Через ча-сок мы доехали до туристского приюта на

берегу р. Каркары. Он состоял из трех деревянных домиков и огороженного хоздвора с жильем для обслуживающего персонала. К нашему счастью, автобаза турбюро оказалась предусмотрительной: на складе приюта нашлось нужное нам автостекло. Когда мы расположились в домиках, то встал вопрос об ужине. При выезде нам выдали дорожный паек, но этого нашим мужикам показалось мал, и они решили у пастухов овечьих отар, которые мы видели на подъезде к приюту, купить барашка. Несколько человек направилось в сторону отар, но вернулись они ни с чем – овцы ушли далеко. Пришлось готовить ужин из имевшихся у нас продуктов. Наша молодёжь подвыпила и почти всю ночь танцевала под магнитофон. Я же, зная коварность горных дорог, обошелся чайком и пораньше лег спать.

Рано утром водитель с нашей помощью вставил стекло, мы позавтракали и стали собираться в дальнейший путь. Перед этим работники приюта показали нам растущие в данной местности эдельвейсы. Несмотря на то, что рвать их было запрещено, я перед отъездом сбегал на ближайшие холмы и сорвал на память несколько штук. Это были маленькие и невзрачные бледно-желтенькие цветочки с каким-то войлочным налетом. Никаких романтических побуждений они у меня не вызвали.

Дорога запетляла по Каркаринской долине в сторону Сан-Ташского прохода. Солнце пригрело и тут началось... Нашим гулякам стало плохо, их тошнило, они то и дело просили водителя остановиться. Вокруг простирались альпийские луга с их разнотравьем, вдали виднелись юрты пастушьих летовок. Какой-то казах долго скакал на своей мало-рослой длинногривой лошадке по тропе, идущей вдоль автомобильной дороги. Лошадь под всадником шла иноходью, наравне с нашим автобусом. Молодой парень, показывая свою удаль, что-то кричал нам и размахивал руками.

Через некоторое время мы въехали в узкое ущелье, по дну которого протекала небольшая, но бурная речушка. Среди скал уходили в небо могучие стволы тьянь-шаньских елей, раскидывая свои темно-синие хвойные лапы по склону ущелья. На границе между Казахстаном и Киргизией нас остановил шлагбаум, рядом с которым за столиком сидел круглолицый милиционер-киргиз с лейтенантскими погонами. Мы подошли к нему. Лейтенант оказался выпившим – у ножки стола стояла недопитая бутылка водки. Гелий представил список группы и рассказал ему о цели нашей поездки. Несмотря на то, что наш маршрут был всесоюзным, наш “пограничник” пускать нас на территорию Киргизии отказался. Открыл он шлагбаум только после того, как кто-то из туристов подарил ему бутылку вина.

Вскоре мы остановились в примечательном месте. На той стороне небольшого озерца виднелась невысокая светлая груда камней. Это были остатки от знаменитого кургана Сан-Таш – кургана счетных камней. У киргизов существует легенда, что когда Ти-мур-завоеватель предпринял поход в восточные страны, он шел через этот перевал. Здесь он приказал каждому из своих воинов бросить по камню на берег озера. Вырос холм из многих тысяч камней. Когда Железный Хромец возвращался назад, он решил узнать, сколько у него осталось войска. Каждый воин взял из холма по камню и переложил его на другое место. Рядом с первым вырос новый курган. Количество камней, оставшихся в первой пирамиде, показало число погибших за время похода.

На самом деле Тимур никогда в этих местах не бывал. Он умер в начале похода в Китай в городе Отраре. Чокан Валиханов считал, что этот памятник в честь победы над джунгарами воздвиг казахский хан Ишим.

Наконец, в низовьях р. Тюп мы выехали из гор. Вдали показались лазоревые воды Иссык-Куля. Наш автобус обогнул западную оконечность озера и въехал в город Пржевальск. Перекусив в какой-то не очень опрятной столовой и немного побродив по городу, мы двинулись к месту захоронения великого русского исследователя Центральной Азии Н.М. Пржевальского. Незадолго до своей смерти путешественник завещал: “Похороните меня в походной экспедиционной форме на берегу Иссык-Куля...”

Когда мы подъехали к мемориалу, то увидели, что он находится вдали от берега – за сто лет, прошедших со дня смерти исследователя, уровень воды в озере уменьшился, вода отступила на несколько сот метров дальше. На могиле стоял памятник: на высоком сером камне, расправив

крылья, сидел орел с веточкой в клюве. Недалеко находился до-мик-музей, среди экспонатов которого были вещи и оружие путешественника, его поле-вые заметки и рисунки. Имелись книги с воспоминаниями современников. Мне запомни-лись прощальные слова, произнесенные П.П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1888 году на траурном собрании Русского географического общества, посвященном памяти Николая Михайловича: “ ... Вот и глубоко осмысленное, легендарное, поэтическое значение одино-кой могилы Пржевальского на пустынном побережье Иссык-Куля... Туда манит... тень усопшего. Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тени, и она охотно передаст вам весь нехитрый запас своего оружия, который слагается из чистоты душевной, отваги богатырской, из живой любви к природе и из пламенной и беспредельной любви к своему отечеству...” Я еще в детстве увлекался книгами о путешествиях Пржевальского по Мон-голии и нагорному Тибету, знал об открытых им диких лошадях (лошадь Пржевальского) и верблюдах. Бродя по окрестным горам своего Микоянабада, частенько представлял се-бя в его роли. И вот я на месте погребения своего кумира. С внутренним трепетом, от всего сердца я с поклоном положил на его могилу сорванный по пути букетик полевых цветов.

Дальше мы покатали по северному берегу озера. Над нами громоздились горы Кунгей-Алатау, на противоположном берегу виднелся Терскей-Алатау. Киргизы и казахи Кунгеем называют склоны, освещенные солнцем (южные и восточные), а Терскеем – те-невые (северные и западные). Вдоль дороги мелькали казахские и киргизские родовые кладбища: над знатными могилами возвышались гробницы с нарисованными на них в полный рост их усопшими хозяевами, а на бедных – стилизованная юрта из нескольких, согнутых дугой, прутьев стальной проволоки. Наконец, мы достигли конечного пункта первого этапа нашего путешествия – туристского пансионата “Казахстан”, располагавше-гося прямо на берегу Иссык-Куля.

Мы с Гелием поселились в одной комнате на третьем этаже. В сотне метров от главного корпуса протянулась полоса песчаного пляжа, украшенного бетонной фигурой – трехметровой копией болвана с острова Пасхи. Непонятно чем руководствовались уст-роители пансионата, устанавливая этого идола. Гораздо интереснее было бы, если на берегу стояли древние каменные бабы – балбалы, – которые и сейчас можно встретить на некоторых могильных курганах в степях Казахстана и на горных перевалах Киргизии.

Иссык-Куль находится на высоте 1600 метров над уровнем моря. Вода прозрачная, холодная и солоноватая. В первый же день отдыха с нашими эстонцами приключилась беда. Несмотря на наши предупреждения, они, пытаясь побыстрее загореть, целый день провалялись на пляже. А так как на такой высоте ультрафиолетовое излучение значи-тельно, то некоторые из них к вечеру сгорели до кровавого мяса. Пришлось их лечить, оттирать кефиром и одеколоном. Наш отдых проходил в купании, походах по побережью и танцах на своей летней танцплощадке. Женщины увлекались только что входившей в моду аэробикой. Иногда мы ходили в летний кинотеатр. По вечерам было холодно, кто не захватил в поездку теплой одежды, кутался в байковые одеяла, приносимые из пансионата.

Совершили мы поездку и в главный курортный городок Чолпон-Ату, название кото-рого он получил в честь мифического покровителя овец. Там сходили на ипподром, по-смотрели казахскую скачку “байгу”. На катере прокатились по озеру. Под ярким горным солнцем, обдуваемые свежим ветерком, мы сидели на верхней палубе и любовались чу-десным видом: белый катер, синяя поверхность озера, вдали, на фоне голубого неба, видны ледяные пики Тянь-Шаня. Такое запоминается надолго.

У себя в пансионате мне нравилось посидеть на скамейке и полюбоваться закатом. Солнце садилось за горы, дальние воды на западе окрашивались в апельсиновый цвет; за озером, далеко на юге, полоска гор становилась фиолетовой с бледно-розовым снеж-ным окаймлением наверху; кромки облаков на небе горели. Все вокруг, даже воздух, при-нимали золотистую окраску. Через полчаса все серело, наступали сумерки. Только самые высокие пики гор еще долго отражали лучи, ушедшего за горизонт солнца.

Десять дней на Иссык-Куле пролетели быстро. В последний день мы распроща-лись со своим

Гелием – он возвращался в Алма-Ату, нас передали в руки фрунзенского турбюро.

Прощальный ужин организовали у костра на выступающем мысе на озере.

Утром следующего дня мы погрузились в автобус и через город Рыбачий, по реке Чу, проехали Боамское ущелье, к вечеру достигли столицы Киргизии, города Фрунзе.

В общей сложности от Алма-Аты до Фрунзе мы проехали на автобусе более шестисот километров. В окрестностях Алма-Аты, на берегах Иссык-Куля, в Чуйской долине в районе Токмака и на подъезде к Фрунзе, нам часто встречались русские и украинские селения. По-видимому, в них жили потомки казаков, солдат и переселенцев, осваивавших эти окраины прошлой Российской империи.

Свое имя киргизская столица получила в честь известного советского военачальника и государственного деятеля М.В. Фрунзе, родившегося в этом городе. До 1926 г. он назывался Пишпек. После обретения Киргизией своей независимости, в 1991 году столице вновь переименовали и стали называть на киргизский лад – Бишкек. Предполагают, что это название произошло от киргизских слов “беш” – пять и “беек” – высота. Имеется и другая версия: селение получило свое название от деревянной мутовки для взбивания кумыса.

Разместили нас в туристской гостинице на улице Душанбинская (какое совпадение!). За три дня пребывания в городе, мы познакомились с его достопримечательностями. Посетили дом-музей М.В. Фрунзе: маленькая деревянная хатка стоит под крышей современного строения, защищающего её от непогоды. Сходили в музей изобразительных искусств, попробовали вина в дегустационном зале местного винзавода. Свозили нас и на природу – в живописное Аламединское ущелье. Правда, нам, “таджикам”, оно показалось не слишком привлекательным: у нас места есть и покрасивее. Находясь у себя в номере гостиницы, я всегда включал радио и слушал киргизскую национальную музыку и песни. Они мне нравились своей напевностью, во многих из них прослушивались русские мелодии.

Но вот пришло время разъезда по домам. Из недавно построенного современного аэропорта “Манас” наши эстонцы через Москву улетели домой. Вслед за ними отправились и мы: кто на ЯК-40 – в Ленинабад, а кто на ТУ-144 – в Душанбе.

Туристская поездка мне понравилась. В июле 1985-го мы с Тamarой решили попутешествовать уже вдвоем. Купили в местном турбюро путевки (по 116 рублей без стоимости проезда к началу и концу маршрута) и вылетели в Москву для совершения круиза на пассажирском теплоходе по Волго-Балтийскому водному пути от Москвы до Ленинграда и обратно.

Наш путь начался с Химкинского речного порта в Москве. На теплоходе “Серго Орджоникидзе” нам, совместно с молодой московской парой, предоставили четырехместную каюту.

Вначале наш теплоход плыл по каналу имени Москвы (до 1947 г. он носил название канал Москва-Волга). По берегам виднелись дачные поселки и строения подмосковных пригородов. На клязьминском водохранилище из воды торчала старая колокольня. У Дубны вышли из канала и по Волге, минуя Кимры и Калязин, приплыли в старинный русский город Углич. Здесь мы побывали в Церкви на крови, построенной на месте погибшего при загадочных обстоятельствах царевича Дмитрия, сына Ивана IV. В церкви на стене нарисована картина, на которой изображена сцена гибели малолетнего царевича. Из школьных учебников я знал о колоколе, которому оторвали язык и сослали в Сибирь, за то, что он звенел набатом, сзывая жителей Углича на место происшествия. И вот в этой церкви я наяву увидел его, но уже в качестве музейного экспоната: в одном из залов на деревянной стойке висел небольшой бронзовый колокол, местами отполированный от многочисленных прикосновений экскурсантов. Вместе с другими желающими я костяшками пальцев постучал по его краю – послышался негромкий глухой звук. Сама история на-поминала о себе.

Проплыв 128 километров и пройдя 8 шлюзов, мы из Волги вошли в Рыбинское водохранилище. На выходе из шлюза на берегу стоял большой памятник Ленину. Его парной скульптуры на противоположной стороне канала – фигуры Сталина, которую я помнил по фильму “Волга-Волга”, не было. Виднелся лишь пустой постамент.

Миновав водохранилище, мы подплыли к городу металлургов Череповцу. Задолго до него, на



горизонте показались заводские трубы, из которых высоко в небо тянулись шлейфы разноцветных дымов. В старом городе, где когда-то учились прославленный летчик В.П. Чкалов и известный кардиохирург Н.М. Амосов, нас познакомили с домиком русского художника-баталиста В.В. Верещагина, сводили в собор, где расположился го-родской музей. Затем нас провели по улицам и площадям современного Череповца.

За Череповцом начинался Волго-Балтийский канал. Он был построен на месте старой Мариинской водной системы, действовавшей с 1810 года и названной в честь им-ператрицы Марии Федоровны. Реконструкция Мариинки началась еще в предвоенные го-ды и продолжалась на протяжении тридцати лет. В окончательную эксплуата-цию Волго-Балт был принят осенью 1964 года. Его сооруже-ние позволило соединить в единую сис-тему основные водные пути европейской части страны. На строительстве канала, осо-бенно в конце тридцатых годов, использовался почти дармовой труд заключенных испра-вительно-трудовых лагерей. Вскоре после отплытия из Череповца, наш теплоход вошел в шлюз № 7, который поднял нас почти на 13 метров и выпустил в Шекснинское водохранилище. Перед Белым озером мы пристали у деревни Горицы, откуда нас отвезли в город Кириллов, в бывший Кирилло-Белозерский монастырь, основанный еще в XIV веке. Ознакомившись с его ис-торией и архитектурой, мы вернулись на теплоход и продолжили свой маршрут дальше.

Описание мест, пройденных нами, я привожу в той последовательности, в которой они находились по мере нашего движения в сторону Ленинграда. При этом, некоторые из них мы проплывали ночью, знакомство с ними происходило в дневное время на обратном пути. График движения теплохода был продуман: те участки маршрута, которые приходи-лись на ночное время, при возвращении проплывались днем.

Оставив за собой Белое озеро, мы вошли в реку Ковжа,а затем, по водораздель-ному каналу, соединяющему волжский бассейн с балтийским, достигли реки Вытегры.

Погода стояла хорошая. Дневное время мы, в основном, проводили на палубе, лю-буясь прекрасными пейзажами, меняющимися за каждым новым поворотом. Навстречу проплывали другие пассажирские теплоходы, грузовые суда типа “Волго-Дон” и “Волго-Балт”, баржи, груженные песком или рудой, и буксиры. На некоторых участках водного пу-ти можно было увидеть землечерпалки и землесосы, углубляющие дно канала. На задней верхней палубе нашего теплохода частенько организовывались танцы и игры на свежем воздухе. Завидев встречное туристическое судно, все с радостными возгласами броса-лись к борту и приветствовали своих коллег по отдыху.

Официально, употребление алкоголя на теплоходе было запрещено: в стране дей-ствовал “сухой закон”. Изредка в буфете появлялось только пиво. Элиту, путеше-ствующую в каютах люкс, буфетчики из-под полы снабжали всем. Остальные мужики умудри-лись уговорить радиста по радию заранее сообщать время прибытия теплохода в тот или иной населенный пункт, лежащий на пути следования, и, как только корабль приставал к причалу, поклонники Бахуса наперегонки неслись в близлежащий магазин, где их отова-ривала, уже предупрежденная о нашем прибытии, продавщица. С полными сумками, на-битыми бутылками с водкой и “бормотухой”, наши добытчики с победоносным видом воз-вращались на теплоход. Они закрывались в своих каютах и начинали пиршества. Один из отдыхающих слишком увлекся подобным времяпровождением, в результате, в ближай-шем приречном городке капитан высадил его на берег.

За селом Рубеж, у которого лежит граница между бассейнами, мы вошли в шлюз № 6. Отсюда по “лестнице” из шести шлюзов начался спуск к Онежскому озеру. На рас-стоянии сорока километров нам предстояло опуститься на 80 метров. Здесь шлюзы сле-дуют один за другим. На этом участке сосредоточено большинство гидротехнических со-оружений Волго-Балта. Весьма интересен сам процесс шлюзования. Когда на башне шлюза загорится зе-леный свет, судно через открытые верхние ворота заплывает в заполненную шлюзовую камеру, длиной 200 и шириной более 20 метров. Затем эти ворота закрываются, вода из камеры начинает выпускаться, теплоход медленно опускается на 12-15 метров. После открытия нижних ворот, судно выходит в нижний бьеф. Бывало, проснешься и видишь за окном каюты мокрую,

покрытую водорослями, бетонную стену: мы находимся на дне большого и глубокого колодца. При подъеме вверх все идет в обратной последовательности. В шлюзовую камеру может войти 2-3 судна, а если плавсредства небольшие, то туда заплывает целый караван.

Ночью мы миновали городок гидростроителей и речников Вытегру и вышли в Онежское озеро. Проплыв по его южной части, к утру мы достигли поселка Вознесенье, стоящего у истока реки Свирь.

Отсюда началось наше путешествие по этой наиболее живописной реке края белых ночей.

Вдоль всей Свири тянется лес. У самого берега стоят темно-зеленые ели, перемешанные с медно-ствольными соснами. Местами видны крутые обрывы с красно-красными склонами, высокие берега стесняют реку. В верховьях Свири много поселков, занятых заготовкой деловой древесины. То и дело встречаются буксиры, тянущие за собой плоты с лесом. У берегов можно увидеть выброшенные на песок и торчащие из воды бревна, выбившиеся из-за плохого крепления из плотовой связи.

Сидя на носовой палубе теплохода, можно было любоваться красивейшими вечерними зорями: по воде разливается розовое сияние, оно захватывает полнеба и, в отличие от заката в горах, долго не гаснет. На берегу, за дальней стеной зелени, на фоне горящего небосвода контрастно выделяются маковки сохранившихся церквушек и колоколен.

Проплыв 90 километров от истока Свири, мы подошли к шлюзу Верхне-Свирской ГЭС, являющейся сердцем города Подпорожья, молодого районного центра Ленинградской области, а спустя еще несколько часов – достигли Нижне-Свирской ГЭС. Она была построена в соответствии с планом ГОЭЛРО под руководством одного из первых гидростроителей страны Г.О. Графтио. Пройдя через шлюз в нижний бьеф, с задней палубы теплохода открылся прекрасный вид на перегородившую реку, 1,5 километровую плотину и здание станции.

Часом позже мы причалили на пристани города Лодейное Поле, где в 1702 г. по велению Петра I была заложена Олонецкая верфь. Сейчас это современный город с многоэтажными домами и широкими улицами, известный своими лесоперерабатывающими предприятиями.

Ознакомившись с центром города, наша группа возложила цветы к подножию памятника на братской могиле воинов, погибших в боях за город во время Великой Отечественной войны – на берегу реки возвышается фигура солдата со скорбно склоненной головой. Узнав, что у моей Тамары родители погибли во время блокады Ленинграда и что она сама чудом пережила первую блокадную зиму, на вечернем сборе руководитель нашей группы представил её всем присутствующим и под аплодисменты подарил ей книгу о Волго-Балте.

К вечеру мы достигли устья Свири и через Свирскую губу вышли в Ладожское озеро. Ночью наш курс лежал на север. Озеро оказалось спокойным и утром мы уже были у острова Валаам – самого крупного из всех островов Валаамского архипелага. Скалистые берега спускались к темной воде, дорожки на острове проложены между огромных валунов, в расщелинах которых извивались корни могучих сосен и елей. В XIV веке на Валааме был заложен Спасо-Преображенский мужской монастырь, монахи которого своим трудом облагородили этот Богом забытый уголок земли. Они даже развели сады. В начале XX века, яблоки, выращенные на острове, показывались на парижской выставке. Очарованные прекрасной северной природой, сюда любили приезжать русские пейзажисты: И. И. Шишкин, А. И. Куинджи и другие известные художники.

Во время нашего пребывания основной комплекс монастыря занимал пансионат для инвалидов, весь Валаамский архипелаг входил в состав историко-архитектурного и природного музея-заповедника, куда приезжали тысячи туристов. Мы осмотрели основные достопримечательности, сфотографировались у Красного скита и вернулись в свой плавучий дом отдыха.

Вывавшись из лабиринта островков, двинулись на юг. Берегов озера было не видно. Через несколько часов справа по курсу на западном берегу бухты Петрокрепость показался Осинецкий маяк. Вскоре на теплоходе взревела сирена – мы пересекли трассу легендарной Дороги жизни, единственной дороги, соединявшей в годы войны осажденный Ленинград с “Большой землей”. Если для всех пассажиров теплохода сигнал сирены был всего лишь

салютом в честь героических защитников и тружеников дороги, про-ходившей зимой по льду, а летом по воде, то для моей Тамары он явился напоминанием о том, как она сорок три года назад тринадцатилетней девочкой пересекала бухту в этом месте в трюме баржи.

После того как у неё, не выдержав тягот блокады, умерли родители, она в апреле 1942 года обратилась в приемник-распределитель, определивший её в детский дом № 43. В это время Ленгорисполком принял решение о массовой эвакуации детей из осажденного города по Дороге жизни. Тамару вместе с остальными детдомовцами по Иренин-ской железной дороге привезли в Осиновецкий порт, сооруженный на западном берегу бухты Петрокрепость. Там их погрузили на баржу и под обстрелом перевезли на восточ-ный берег бухты в эвакупункт поселка Лаврово. По временно сооруженной железнодоро-рожной ветке детей в теплушках доставили на станцию Жихарево, а оттуда – в Яро-славль. Дальше на пароходе по Волге их перевезли в Ульяновск, а затем в районный центр Сенгелей. Жители городка, встретив изможденных и голодных детей, со слезами на глазах, наперебой старались угостить их чем-нибудь съестным. Воспитатели такие по-пытки пресекали: дистрофические дети, переев, могли умереть. Вблизи Сенгеля, в шко-ле села Кротково, детдом обосновался до конца войны. Детей вернули в Ленинград в июне 1945 года. Тамару никто из родственников не приютил. Вместе с другими девочками, находившимися в таком же положении, она попа-ла на восстановление ткацкой фабрики им. Желябова. Пройдя курс обучения, моя буду-щая жена на этой фабрике проработала до 1952 года.

Пройдя по Кошкинскому фарватеру, наш теплоход вошел в Неву. На островке ме-жду двумя протоками реки показались стены и башни крепости Орешек, по берегам рас-кинулся город Петрокрепость (Шлиссельбург). Это о нем Петр I писал: “Сим ключом много замков отперто”. Вдоль Невы потянулись города и поселки, у которых во время Великой Отечест-венной войны шли ожесточенные бои. Прошли овейные славой Невский “пяточок” и Невскую Дубровку. Наконец, проплыв от Москвы более чем 1200 километров, мы отшвар-товались в Ленинградском речном порту. Путь в одну сторону был закончен.

В Ленинграде нам организовали экскурсию по городу, свозили на Пискаревское кладбище, на котором захоронено около 470 тысяч человек, погибших во время блокады. Там мы с Тамарой положили цветы к подножию памятника Мать-Родина. Ни моя жена, ни её родственники не знают где были после голодной смерти погребены её родители. По-этому наши поклонны предназначались всем жертвам блокады в целом и отдельно папе и маме Тамары.

На другой день наш теплоход отправился в обратный путь. Маршрут был тот же, только выйдя из Свири в Онежское озеро, мы пошли не прежним путем на Вытегру, а по-вернули на север и поплыли в столицу Карелии – город Петрозаводск. Это была самая северная точка нашего путешествия. Дни в этих краях были длинные, все еще стояли бе-лые ночи. И хотя на Онеге дул небольшой ветерок, на палубе было прохладно, приходи-лось одеваться потеплее. Команда теплохода просила туристов не подкармливать чаек. Как только бросишь кусок съестного одной, тут же собирается огромная стая. С криком и гамом, вырывая добычу друг у друга, птицы носятся в воздухе, орошая своим пометом и судно и незадачливых пассажиров.

Петрозаводск вытянулся по побережью бухты того же названия более чем на 20 километров. Нас провели по главным улицам города, показали памятники и места, свя-занные с революционными и историческими событиями. В книжном магазине я купил кни-гу карело-финского эпоса “Калевала”.

Из Петрозаводска мы отправились на запад – в Кижы. На подходе к острову, слов-но из воды, возник ансамбль древнего Кижского погоста. Мы причалили и пешком отпра-вились осматривать это чудо, созданное руками русских мастеров. Центром погоста яв-ляется 22-главая Преображенская церковь, сооруженная в 1714 году. Церковь целиком срублена из дерева. Бытует легенда, что, закончив свой труд, плотник забросил топор в озеро со словами: “Церковь эту построил мастер Нестор... не было, нет и не будет такой”. Рядом с Преображенской стоит Покровская церковь и высокая шатровая колокольня. Все изготовлено из дерева. Захватывает дух, когда смотришь на эту рукотворную красоту. Высоко в небе, на фоне гонимых ветром облаков, летят куда-то вдаль чешуйчатые луко-вичные главки церквей. С

какой точки не посмотришь, они все время предстают в непо-вторимом сочетании. Мы прошли по острову и ознакомились с другими шедеврами деревянной архитектур-туры. Посмотрели церквушки, крестьянские дома из старых заонежских деревень, ветря-ные мельницы и другие хозяйственные постройки, свезенные сюда из других мест. Торцы нижних бревен сруба церкви Воскрешения Лазаря были обшарпаны. Существует пове-рье, что щепочка от сруба этой церкви, положенная на зуб, снимает боль. Кое-кто из на-шей группы тоже отковырнул себе кусочек древесины “на память”.

Странные штуки выкидывает жизнь. Сколько посуды и других более ценных вещей у нас с Тамарой исчезло за прошедшее с той поры время! А вот маленькая, дешевенькая деревянная солоночка, купленная тогда на пристани в Кижях в качестве сувенира, сохра-нилась до сих пор. Когда мы отплывали от острова, из динамиков теплохода зазвучал колокольный перезвон. Мы были очарованы: справа по борту за низкой оградой погоста высоко в небо взметнулись две основные многоглавые церкви, среди них возвышалась высокая коло-кольня. Казалось это её колокола, прощаясь с нами, звонят на всю округу.

Ночью наш теплоход пересек озеро и, проплыв мимо вытегорского приемного буя, вошел в устье реки. Непривычно было смотреть на темную, с буроватым оттенком воду. Она была настояна на торфяниках и резко отличалась от цвета воды наших азиатских рек.

Вскоре мы причалили в речном порту города Вытегра. Когда-то по указу Петра I здесь строили деревянные речные суда. Сейчас это город гидростроителей и речников. Нам показали деревянный шлюз № 1 старой Мариинской системы, рядом, в небольшом зданище бывшей электростанции мы осмотрели экспонаты музея Волго-Балта. Ведь, именно, в Вытегре находилось управление строительством канала.

Здесь нам рассказали предание, распространенное среди местного населения. Петр, проплывая в этих местах, прилег на берегу отдохнуть, положив под голову свой кафтан. Когда проснулся – кафтана не было. Через некоторое время пришло несколько местных жителей, на головах которых красовались шапки, сшитые из пропавшего кафта-на. Они покаялись перед Петром, объяснив, что сделали это на память о встрече с ца-рем. Петр недовольно произнес: “Вытегоры – воры. У царя кафтан украли”, – простил их. Это выражение Петра, надолго закрепилось за вытегорцами.

Гораздо позже, но уже за тысячи километров от Вытегры, с подобным мифом при-шлость встретиться вновь. Недалеко от города Борисоглебска, что в Воронежской облас-ти, на реке Хопер стоит село Жульевка. Говорят, что такое название оно получило после того, как у проплывавшего здесь Петра, местные жители сперли камзол.

Так, сменяя отдых на борту теплохода экскурсиями по городам, лежащим по пути следования, мы потихоньку приближались к концу своего маршрута. Женщины придума-ли себе новое занятие: организовали кружок по плетению “макrame”. Для этого они вы-просили у ребят из команды теплохода кусок корабельного каната, расплели его, и из по-лучившихся прядей наделали много изящных вещей.

В последний вечер перед прибытием в Москву нам в ресторанном зале теплохода организовали прощальный ужин. На столик поставили по бутылке шампанского и на каж-дого человека выдали по бутылочке пива. Танцы и веселье продолжались до позднего вечера.

На другой день пошли московские пригороды, показался шпиль химкинского речно-го порта. Под бодрые звуки марша, мы распрощались со своими попутчиками, с которыми за две недели проплыли более 2,5 тысяч километров.

У нас с Тамарой оставалось еще несколько дней отпускного времени. Мы поездом вернулись в Ленинград и остановились у своих родственников. Они организовали путевки в Пушкино на однодневную базу отдыха в здании Екатерининского дворца. Нам удалось побывать в Лицее, поразившем меня скромными размерами зала, где когда-то лицеист Пушкин выступал со стихами перед Державиным; запомнилось огромное кожаное кресло баснописца Крылова. Во время осмотра залов и анфилад комнат, в Тронном зале произошла забавная сцена, которая в корне изменила ход нашей экскурсии по дворцу. Когда сопровождавшая нас девушка-гид рассказывала об истории этого зала, один из участников нашей группы – бодренький старичок

небольшого роста – хлопнул в ладоши и спросил, почему акустика помещения ухудшилась по сравнению с прежней. Гид объяснила, что это произошло из-за изменения конструкции потолка при производстве восстановительных и реставрационных работ во дворце, а заодно поинтересовалась откуда любопытствующий знает какая акустика была ранее. Наш дедок сообщил, что ему в возрасте 16 лет пришлось побывать здесь, и вот там (он показал рукой во двор), видеть царя Николая второго, гарцевавшего на коне. Вся наша группа, забыв про гида, обернулась к рассказчику и стала расспрашивать его о тех далеких временах и прошедших событиях. Кем являлись его родители в то время, он так и не сказал.

Погостив несколько дней, мы с Тamarой стали собираться домой и тут выяснилось, что мы с ней допустили ошибку: когда были здесь туристами на теплоходе, надо было через турбюро заказать авиабилеты на обратную дорогу. Теперь же, права на получение билетов вне очереди мы не имели, пришлось стоять (и даже ночевать) в общей кассе “Аэрофлота”, находящейся в подземном переходе метро на станции Ленинский проспект. Мне удалось достать билеты не на прямой рейс Ленинград-Душанбе, а на рейс с пересадкой в Москве.

В московском аэропорту Домодедово кое-как скоротали ночь: Тамаре нашлось место в кресле, а я примостился на радиаторе системы отопления. В обед мы были в своем долгожданном и желанном Душанбе.

## Глава 29

### В ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

В новом 1984/85 учебном году, помимо педагогической работы, я усиленно занялся и своей научной деятельностью. Были установлены тесные связи с “Госпожнадзором” республики и ПО “Таджикспецавтоматика”, которые обратились к нам за помощью в решении некоторых злободневных для них вопросов. Дело в том, что в республике участились случаи возгорания в промтоварных магазинах и на торговых базах. Все пожары сваливались на электричество. Нам пришлось во многих торговых точках обследовать состояние электросетей и их защиту, произвести замеры уровней напряжений. В лабораториях нашей кафедры мною были проведены исследования по пожароопасности ламп накаливания. Совместно со специалистами пожнадзора мы неоднократно участвовали в расследовании причин возгорания. В результате, были разработаны некоторые мероприятия, позволившие повысить пожарную безопасность электрических сетей и электроустановок на предприятиях торговли. И что было важно, торгаши, почувствовав особый контроль за собой, резко снизили случаи преднамеренных поджогов.

Для “Спецавтоматики” мы разработали новые способы крепления датчиков и оборудование проводок охранной сигнализации, на что вместе с преподавателем нашей кафедры Сенько Г. М., мы получили авторское свидетельство на изобретение.

Кроме этих работ, выполняемых по договору с предприятиями, я продолжал дальнейшее исследование вопросов, затронутых в моей кандидатской диссертации. Так что, скучать было некогда.

С приходом к власти в 1985 году Горбачева М. С., в стране начались “реформы”. Первым его нововведением была широкомасштабная противоалкогольная акция, в соответствии с которой в стране резко сократился выпуск “горячительных” напитков, они продавались только в особо предназначенных магазинах и в определенные часы. В организациях и учреждениях строго запрещалось проведение застолий, даже в нерабочее время. Повысилась ответственность за случаи появления на работе и в общественных местах в нетрезвом виде. Особенно это касалось членов партии. Я помню, с какой осторожностью мне пришлось отмечать свадьбу дочери наших друзей Королевых, которая проходила в ресторане гостиницы “Таджикистан”. Обстановка тех лет, чем-то напоминала 1937 год – твои противники запросто могли на тебя “настучать”. А мне в то время надо было быть особо аккуратным – я претендовал на звание доцента.

Но и в этом вопросе не обошлось без осложнений. Когда на парткоме утверждалась моя характеристика в деле на доцентство, один из преподавателей факультета (хороший знакомый

Усманова) встал и заявил, что якобы я нахожусь на подозрении в КГБ. Это был явный поклёп, так как меня до этого, и позже, неоднократно избирали секретарем парторганизации факультета. И если бы за мной был такой “грех”, то меня бы партком в должности секретаря не утверждал. Может мой оппонент посчитал за крамолу мое выступление на одном из собраний, когда я, не выдержав, возмутился по поводу посылки студентов выпускных курсов на сбор хлопка. На чью-то реплику: “Но ведь это решение ЦК КП Таджикистана!”, – я ответил: “Ну и что. Отдельные лица, ради получения ордена, и больного отца погонят на сбор хлопка!”

А может, моему недругу донесли про случай, происшедший со мной на одном из совещаний в ЦК компартии республики. Нас, секретарей первичных партийных организаций вузов, регулярно собирали в ЦК и просвещали в области международной политики. Как-то после выступления председателя республиканского КГБ, я задал вопрос о судьбе диссидента В. Буковского. Где-то промелькнула информация о том, что его отпустили за границу в обмен на Л. Корвалана. На мой вопрос ответа не последовало. Я понял, что сделал что-то не то.

Позже, раздумывая об обвинении меня в нелояльности к существующей власти, я вспомнил наше посещение ресторана для иностранцев в гостинице “Украина” в Москве в 1979 году. Может, на самом деле тогда на нас было заведено досье?

Как бы там не было, положительную характеристику на меня партком утвердил, но проректор по учебной работе, заменявший находившегося в отпуске ректора, все же по-рекомендовал мне с доцентством повременить.

К этому времени в МГИ под руководством Щуцкого В. И. защитился еще один наш преподаватель – памирец Додхудоев М. Д. Его сестра работала на руководящих должностях в республиканском министерстве народного образования, старший брат был кандидатом философских наук, трудился в АН ТаджССР. Это были скромные и трудолюбивые люди. Их же младший брат – наш Мамадризо – отличался амбициозностью, был астенического склада, и все время с кем-нибудь конфликтовал. Объединившись со своим земляком Давлятшоевым Д. Д. они вдвоем повели нападки на заведующего кафедрой Усманова Х. М. Зная мои разногласия с ним, наши памирцы пригласили в свои союзники и меня. Но я, сославшись на то, что уже устал от всех этих дрызг, отказался участвовать в задуманных ими интригах.

Кафедра вновь забурлила. Додхудоев с Давлятшоевым обратились в партком института с просьбой разобраться с делами на кафедре и с её руководителем Усмановым. Создали комиссию, которую возглавил член парткома, завкафедрой автоматики и вычислительной техники, доцент Чекалин В. А. Когда в беседе со мной, он попросил рассказать обо всех моих неурядицах в отношениях со своим заведующим кафедрой, я ответил: “Что было, то прошло. Пусть все гадости, которые мне пришлось перенести, останутся на совести Усманова.

Преступно тратить годы на никому не нужные склоки. Больше участвовать в этих разборках я не намерен”. Давать какие-либо письменные объяснения я отказался.

Партком никаких радикальных выводов не сделал, после чего памирцы создали такую атмосферу, что дальше находиться на кафедре Усманов не мог. Через некоторое время он из института ушел и, благодаря связям, устроился заведующим отделом науки при Совмине республики.

Однако, планы наших памирцев не сбылись – никого из них заведующим кафедрой не избрали. На эту должность ректорат рекомендовал, а большинство членов кафедры (и я в том числе) поддержали, нашего молодого преподавателя, скромного и порядочного к. т. н. Мадусманова А. М., с которым у меня сложились прекрасные деловые и товарищеские отношения.

Мы с ним заключили договор с Гиссарским управлением оросительных работ на проведение НИР по исследованию режимов работы электроустановок мощных насосных станций. В нашу группу вошел и доцент кафедры электропривода Богачков Б. Г., впоследствии уехавший в Израиль.

С Борисом Григорьевичем я сотрудничал не только в области науки. На общественных началах нам несколько лет пришлось потрудиться в качестве внештатных контролеров Душанбинского городского народного контроля. Сколько было проведено проверок на различных промышленных предприятиях города! К проверкам мы относились серьезно, никогда не

соглашались на обеды или подарки, которые нам предлагали хозяева во время обследования их объектов. За активную и добросовестную работу в органах народного контроля со стороны городского комитета мы неоднократно получали различные поощрения.

Вскоре у меня, вдобавок ко всему, появилась еще одна нагрузка. Республиканская лаборатория судебной экспертизы стала привлекать меня в качестве внештатного эксперта к расследованию несчастных случаев, происшедших от поражения электротоком, а прокуратура, в отдельных случаях, просила дать независимое заключение о причинах, вызвавших пожары на предприятиях торговли. Эта работа оплачивалась, что давало дополнительную материальную прибавку к семейному бюджету.

Несчастные случаи от поражения электрическим током со смертельным исходом чаще всего происходили по глупости, от лихачества и несоблюдения правил безопасности. Дважды мне пришлось расследовать причины гибели выпускников нашего факультета. Иногда подготовленных нами инженеров-электриков приходилось выручать из беды, объясняя их промахи и недосмотры, из-за которых пострадали их подчиненные, молодостью и нехваткой опыта работы.

Надолго мне запомнился дикий случай, когда ради получения грошовой выгоды, работник, обслуживающий детские аттракционы, преступно пренебрег элементарными правилами электробезопасности, что привело к гибели шестилетнего ребенка. Это произошло в период возникновения различных кооперативов. Они росли как грибы. Обслуживание технических средств, находящихся в их распоряжении, было неквалифицированным; надлежащий контроль за соблюдением безопасной эксплуатации отсутствовал.

Когда мы со следователем прибыли на место происшествия, то увидели следующую картину. На втором этаже магазина “Детский мир” было установлено несколько металлических лошадок-автоматов, на которых, опустив монетку в монетоприемник, ребенок мог покачаться на лошадке в течение нескольких минут. Внимательно осмотрев все автоматы, я выявил, что заземление их было выполнено кое-как: конец заземляющего провода просто был накинут на барашек крана пожарного водопровода. Внутри одного из автоматов торчали плохо заизолированные концы проводов, причем, один из них выбился из намотки из изоляции и токоведущей жилой касался корпуса автомата. Откушенные провода шли к счетчику монет. Все это я показал следователю, который тут же сфотографировал обнаруженное. Как оказалось, именно на этой лошадке и погиб ребенок.

Причину несчастного случая я объяснил следующим образом. Для того, чтобы скрыть фактический доход от автоматов, работник, обслуживающий их, отключил счетчик монет – откусил провода, идущие к счетчику, но поленился как следует заизолировать оставшиеся концы. Один из них коснулся корпуса. В результате, вся металлическая лошадка оказалась под напряжением, а так как она, вдобавок, была плохо заземлена, то при прикосновении к ней, ребенок получил удар электротоком и погиб.

Пока мы расследовали случай, хозяин кооператива и парень, который обслуживал аттракционы, сбежали. Не знаю, удалось следователю разыскать их или нет — наступало время беззакония и анархии.

Работа в качестве эксперта помогала мне при чтении лекций по электробезопасности. Я своим студентам часто приводил примеры из тех случаев, с которыми мне приходилось встречаться. Лекции приобретали практическую направленность, студенты с большей заинтересованностью слушали их, задавая неясные для них вопросы даже на перемене.

Кроме института, мне приходилось читать лекции и на промышленных предприятиях республики. Они проводились по линии общества “Знание” и касались вопросов электроэнергетики и электробезопасности. Лекции были платные. К тому же, контакты с предприятиями приносили мне некоторую известность и популярность среди специалистов-энергетиков; завязывались связи, необходимые для научно-педагогической работы: договаривались о НИР, о проведении практик, подборе тем дипломных проектов, направлении наших выпускников на работу и т.д.

В это же время, в продолжение темы своей диссертации, мною была разработана

математическая модель по определению уровня опасных величин электрического тока, на которую мы (в соавторстве с проф. В. И. Щуцким и ассистентом нашей кафедры Тарановой В. В.) получили авторские свидетельства на изобретение. Этим самым я окончательно утер нос своим недругам, пытавшимся утверждать, что моя диссертационная работа лишена практического значения и не имеет дальнейшего развития. По результатам выполненных работ в различных изданиях было напечатано несколько статей. Чаще всего удавалось публиковаться в журнале “Доклады АН ТаджССР”. В соавторство приходилось подключать своего шефа. Благодаря этому, В. И. Щуцкий в своих монографиях ссылался и на мои работы. В мае 1986 года в нашей стране произошло событие, которое потрясло мир. Из-за отключения части защитной автоматики и халатности, допущенной обслуживающим персоналом во время проведения эксперимента по определению возможности питания собственных нужд за счет выбега ротора генератора, на четвертом агрегате Чернобыльской атомной электростанции произошел взрыв реактора. Радиационное заражение распространилось на значительные территории Украины, Белоруссии и России. На ликвидацию аварии были брошены силы со всего Советского Союза. В аварийных работах под реактором участвовали и тоннельщики таджикского “Гидроспецстроя”.

Во время аварии один из наших преподавателей находился в Киеве. Выбрался он оттуда с трудом. По прибытии, он тут же обратился к специалистам кафедры гражданской обороны, где его вместе с одеждой, в которой он находился в командировке, проверили на предмет радиоактивного загрязнения. Страхи оказались напрасными, все было в пределах допустимых норм.

А для нашей семьи этот год был примечательным по-своему. 12 октября у Лены со Славой родилась дочь, которую по настоянию молодого папаши тоже называли Леной. Для отличия от мамы мы стали звать её Лялей. Жили ребята у нас, все было нормально. Но через несколько месяцев после рождения врачи у Ляли обнаружили неправильное развитие тазобедренного сустава – дисплазию. Ребенок несколько месяцев был вынужден в дневное время носить распорочку между ножек. Сколько мы тогда с Тamarой пролили слез, глядя, как наша малышка ползает с мешающей движению дощечкой! Были наняты опытные массажистки; благодаря стараниям Славиной мамы, работавшей в мединституте, регулярно производился осмотр ребенка лучшими детскими врачами города. Все это дало положительные результаты, и вскоре Ляля стала ползать, а затем и ходить, как все нормальные дети. Сейчас она у нас окончила хореографическое отделение музыкальной школы. Бывая на её выступлениях и, глядя, как она отплясывает со своим танцевальным коллективом, мы радуемся красоте движений, стройности и лихости нашей внучки, совершенно позабыв о горестях пятнадцатилетней давности.

Наш Саша в это время после работы на заводе ЖБК И СД треста “Таджикгидро-энергострой”, перешел в сам трест, где его вначале назначили ведущим инженером, а затем – заместителем начальника монтажного отдела. Дела у него шли неплохо, вскоре он стал заметным специалистом по металлоконструкциям. Ему пришлось поехать по многим предприятиям Союза, поставляющим ответственные конструкции для крупнейших строек Таджикистана, в том числе для Рогунской ГЭС.

Женившись, Саша со своей семьей жил в семейном общежитии. В 1987 г. трест выделил ему двухкомнатную благоустроенную квартиру в соседнем с нами микрорайоне. Вскоре и Лена со Славой перешли в квартиру Славиной мамы, которая ушла жить к своему второму мужу, Кадуркину В. М. Их квартиры оказались за несколько домов от нас. А тут и Сашина теща поменяла место жительства и вместе с сыном оказалась тоже рядом с нами. Мой брат Славик со своей семьей и нашей мамой жили в начале улицы Федина. Таким образом, весь наш клан оказался, практически, в одном микрорайоне, что нам помогло выжить при вооруженных столкновениях во время таджикских междоусобиц начала девяностых годов.

В нашем доме проживало много таджикских семей. В первом подъезде жил доктор исторических наук, профессор нашего института Камилов М. К., с которым у меня сложились прекрасные добрососедские отношения. Раньше он работал в сельхозинституте, перейдя к нам в ТПИ, стал заведовать кафедрой научного коммунизма. Обычно, эти работники находились на



особом счету, это был идеологический авангард партии. Они даже отоваривались в спецмагазинах ЦК.

Камилов вращался среди республиканской политической элиты, знал многие закулисные стороны общественной жизни и был знаком с подкованной борьбой, происходящей не только в стенах ТПИ, но и выше. На прогулках, которые мы с ним совершали по-сле работы, он неоднократно предупреждал меня о том, как нужно вести себя в отношениях с определенными лицами в той или иной ситуации. Благодаря его советам и поддержке, я в конце 1986 года на ученом совете института был избран на должность доцента кафедры.

Мы с Мирзо Камиловичем частенько беседовали о проходившей в стране Горбачевской перестройке и гласности. Загипнотизированные “новым экономическим мышлением”, как-то незаметно все ударились в болтовню, не выполняя своих непосредственных обязанностей. Директора предприятий и руководители организаций начали избираться, в результате, управлять производством вскоре стали не профессионалы, а угодные кому-либо люди. Под знаком гласности все больше и больше стали оплевывать свое прошлое, критиковать всё и вся, не предлагая взамен ничего конкретного. Труд стал девальвироваться. Началась коррупция во властных структурах, в быту – засилие спекулянтов и фарцовщиков. В управленческом аппарате стало больше дилетантов и некомпетентных ловкачей, заботящихся только о своей карьере. На командные посты пришли люди бес-талантные и неумелые, которые начали опускать жизнь до своего уровня. В стране наметился спад производства, полки магазинов начали пустеть. На предприятиях и в организациях упала дисциплина. Это коснулось и военных. Дело дошло до всемирного позора. В 1987 году молодой немецкий летчик-любитель Матиас Руст на спортивном самолете “Сесна” умудрился долететь до Москвы и сесть на Васильевском спуске Красной площади. На границе и по всему маршруту полета перехватить его никто даже не попытался.

Нам с Тamarой в создавшейся ситуации особенно было досадно. Ведь ради достижения определенного места в жизни было столько положено труда и здоровья, столько вынесено лишений. И вот, когда мы только-только начали вставать на ноги: обзавелись мебелью, у нас появились некоторые денежные сбережения – страна покатила вниз.

В институте у меня дела шли по возрастающей. В 1988 г. я из Москвы получил аттестат о присвоении мне ученого звания доцента. Появились новые научные разработки и публикации. К этому времени в нашем вузе стали учиться представители различных стран. По специальностям нашей кафедры занимались студенты из Афганистана, Лаоса, Йемена, Палестины и Индии. Они приходили к нам уже после подготовительных курсов, умея сносно говорить по-русски.

У меня было несколько дипломников из Афганистана. Больше всего запомнился Мухаммад Надир. Он не отличался хорошими знаниями, но был дотошен и настойчив в достижении цели. Часто приходил к нам домой. Бывало, придет, сядет на диван и подогнет ногу так, чтобы щиколотка одной ноги лежала на колене другой. Согласно афганскому этикету подобная поза выражала естественность и непринужденность. Другой дипломник был из состоятельной семьи афганского кадрового военного – красивый, культурный и обходительный парень, который влюбился в русскую студентку, тоже дипломницу нашей кафедры. Она, практически, и сделала ему проект. А вот афганец-пуштун ленился, был неискренен, при разговоре всегда отводил взгляд в сторону. Из-за своих слабых знаний он защитил диплом всего лишь на “тройку”, обиделся и уехал, даже не попрощавшись.

На нашем факультете занимался и другой студент из Афганистана, некто Башир, который всем доставлял много хлопот: на занятия не ходил, в общении безобразничал. С трудом его удалось отчислить и отправить на родину. Через некоторое время он стал одним из полевых командиров, воюющих против нас.

Большинству наших выпускников из Афганистана поработать по специальности у себя на родине не пришлось. Даже когда в 1989 г. наши войска ушли оттуда, мир в их стране не наступил, на долгие годы растянулась гражданская война. Многие представители афганской интеллигенции, особенно члены НДПА, были вынуждены эмигрировать в страны СНГ, а затем,

съехавшись в Москве, организовать там свою диаспору.

Совершенно отличались от афганцев студенты из Лаоса. Они были незаметными и более трудолюбивыми. Но в общежитии на них жаловались: когда на общей кухне они начинали готовить свое любимое блюдо – жареную селедку – то по всем коридорам рас-пространялся такой запах, что остальные проживающие, зажав носы, разбежались кто ку-да. Пришлось лаосцам разрешить готовить пищу на электроплитках у себя в комнатах.

Лаосцы, как и вьетнамцы, с которыми я встречался в аспирантуре МГИ, на вид бы-ли моложе своих лет. Одному моему дипломнику-лаосцу было уже 44 года, выглядел же он не старше двадцатидвухлетнего.

Оба мои дипломника из Лаоса защитились на “отлично”. Через год они из Вьентья-на прислали мне письмо, в котором сообщали о своей работе и благодарили меня за их обучение.

Позже, уже в начале 90-х, у меня появился здоровый, с небольшой черной бородой дипломник из Йемена Аль Шуджа. Мы с ним делали проект электроснабжения его родно-го города. Во время проектирования он съездил в Чечню. Какие дела там были у него я не спросил, но по той литературе, которую он привез с собой (а это были небольшие брошюры религиозного характера), я догадался, что йеменец был каким-то связным ме-жду мусульманскими организациями арабских стран и нашего Северного Кавказа.

В конце восьмидесятых у нас в институте сменился ректор. Вместо кандидата тех-нических наук Якубова Н. Х., к нам пришел доктор технических наук Вахобов А. В. – быв-ший заведующий лаборатории металлов и сплавов высокой чистоты института химии АН ТаджССР. Он внес в наш коллектив свежую струю: заставил наших более или менее пер-спективных кандидатов заняться работой над своими докторскими диссертациями; были пересмотрены планы научных работ на ведущих кафедрах; а будучи любителем альпи-низма, он увлекся оборудованием нашей зоны отдыха в Варзобском ущелье, находящей-ся недалеко от альплагеря “Варзоб”.

Однако, внедриться в институтский коллектив, в котором многие были связаны родственными и дружественными узами, Вахобов не смог. Против него начались козни, посыпались жалобы в Министерство образования и в ЦК компартии республики. Через некоторое время он плюнул на сферу образования, организовал свое частное предпри-ятие с небольшим заводиком по выплавке особо чистых металлов и занялся своим лю-бимым делом. В начале 90-х ректором ТПИ назначили заведующего кафедрой электро-привода, к. т. н., доцента Садыкова Х. Р. – человека с меньшим научным багажом и круго-зором, но зато своего.

В 1988 году к экономическим трудностям, созданным безграмотной политикой ру-ководства страны, добавились и тяжести, вызванные природными катаклизмами – в Ар-мении произошло катастрофическое землетрясение: города Спитак и Ленинакан были разрушены, погибло несколько десятков тысяч людей. Вся страна начала оказывать по-мощь пострадавшим. Разве мы могли тогда представить себе, что это землетрясение сыграет свою роль в трагических душанбинских событиях февраля 1990 года!

Наряду с резким экономическим спадом во второй половине 80-х в стране наме-тился политический разброд и шатания. В 1987 г. на общественно-политической арене возник “бунтарь” Ельцин Б. Н. Для завоевания популярности он начал ходить по Москве пешком, заглядывать в магазины и отказываться от государственных дач и кремлевских больниц. Народ, уставший от болтовни Горбачевско-Лигачевской команды, и доведенный до отчаяния пустыми полками в магазинах, переметнулся на сторону оппозиционера. На-чались митинги и забастовки шахтеров в его поддержку. Простые люди, не особенно раз-бираясь в происходящем, поддержали новоявленных “демократов”. Многотысячные тол-пы митингующих москвичей сначала на Манежной площади, а затем у Белого дома, с ло-зунгами, клеймящими КПСС, приветствовали стоящих на балконах своих новых “вождей”, которые возвышаясь над толпой, самодовольно поднимали руки с двумя растопыренны-ми пальцами – они победили. Однако, эти победители забыли Кафку: “Они овладели улицей и потому думают, что овладели миром. Но они ошибаются. За ними уже стоят секретари, чиновники, профессиональные политики – все эти современные султаны, ко-торым они готовят путь к

власти”. И я бы еще добавил: и те внешние силы, которые более семидесяти лет старались убрать страну, в которой правил “гегемон” и для которых СССР был “империей зла”. Наряду с организацией “пятой колонны” в верхних эшелонах власти и в руководящих органах КПСС, массовой обработкой мозгов посредством различных ра-диоголосов и поддержки диссидентов, наши противники применили извечный принцип: “Divide et impera” – “Разделяй и властвуй”. Начались межэтнические разборки в Карабахе, Баку, Фергане, а затем заполохали трагические события по сходным сценариям в Тби-лиси, Вильнюсе, Таллине и Преднестровье. Наступила пора разрушения и распада СССР.

Своим шестилетним “правлением” М. С. Горбачев нанес непоправимый подрыв морально-политическому авторитету нашей Отчизны, предал своих союзников и оконча-тельно скомпрометировал советский строй. До него СССР был кво-спонсором, то есть нам должны были больше, чем мы. Начиная с Горбачева, мы залезли в неоплатные дол-ги. При нем страна без войны дошла до пустых полок в магазинах, что для нынешних “ли-берал-демократов” явилось главным козырем при критике советского периода. Они со-вершенно не упоминают тридцатые годы, когда в Советском союзе были построены де-сятки заводов и электростанций, послевоенное восстановление, гигантские стройки шес-тидесятых и семидесятых годов, освоение нефтяных и алмазных месторождений, за счет которых Россия существует и сейчас. Это не коммунистическая пропаганда, а признание нашего противника У. Черчилля: “Сталин принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием”.

Пора бы нашим критикам перестать заплевывать весь советский период. Было плохое, но хорошего было больше. Таких темпов развития страны мы еще долго не уви-дим. Гнаться за Западом можно и нужно, а вот сравнивать нашу страну с “более цивили-зованными” неправомерно. Не надо забывать, что в Англии было уже построено метро, а в России в это время только что отменили крепостное право. Может быть нам надо было переходить к демократии и рыночной экономике постепенно, как в Китае? Тогда бы и не произошло развала, разграбления и обнищания страны, не исчезла супердержава столе-тия.

Сейчас Горбачев клянется и божится, что он был против распада Союза. Кто зна-ет? Может он сам и не был в стоворе с теми, кому наша бывшая страна торчала костью в горле, но по своему недомыслию, нерешительности и отсутствию воли он сделал то, о чем наши недруги мечтали на протяжении многих десятилетий, а если говорить о России – в течение веков.

У казахов есть поговорка: “Натворил, как пестрый жеребенок”. Она бытует в народе с того времени, как предводитель джунгар Хо-Урлук выступил против союза казахов и но-гаев. Калмыцкие полчища, бывшие на стороне джунгар, подступили к ногайским кочевь-ям, но не решились на открытое нападение. Ногайцы со страхом ожидали исхода, насту-пила тревожная ночь. И тут, как назло, двухлетний пестрый жеребенок тай-стригунок оборвал волосяной аркан, которым был привязан, и поднял на ноги ногайские стада. Ду-мая, что на них напали, ногаи ударились в беспорядочное бегство. Джунгары без особого труда загнали их за Урал и Волгу. Казахам, жившим по соседству с найманами, тоже пришлось помыкаться, пока они не нашли приют в Средней Азии. И во всех этих несча-стьях был виноват пестрый жеребенок.

Да. Доверять управление государством дряхлым и больным старцам нельзя. Но и молодые, не имеющие жизненного опыта, необходимого кругозора и мудрости, могут на-творить бед не меньше того пестрого жеребенка из казахской легенды.

## Глава 30

### ВСПОЛОХИ ТАДЖИКИСТАНА

На протяжении моей жизни в Таджикистане до середины восьмидесятых годов мне не приходилось слышать о каких-нибудь трениях или разграничениях, касающихся на-циональных, этнических, а тем более, религиозных сторон жизни общества. Занимаясь со студентами, я никогда не наблюдал серьезных столкновений между ребятами русских и таджикских групп. Но с приходом “перестройки” в городе все чаще и чаще стали происхо-дить стычки и драки среди молодежи местной национальности: памирцев с кулябцами, ленинабадцев с гармцами. Преподаватели вынуждены были дежурить в общежитиях, стараясь

не допускать случаев межэтнической розни. Все это настораживало и настраивало на серьезные размышления.

В конце 80-х все больше и больше заговорили о возрастающем самосознании нации, многие представители местной интеллигенции начали менять свои фамилии на иранский лад: Хакимов становился Хакими, появились приставки “зода” (рожденный тем-то). В 1989 году в республике был принят Закон Таджикской ССР о языке, в котором государственным языком был провозглашен таджикский язык (фарси), а русский стал языком межнационального общения. Совмин постановил, что в переходный период с 1990 по 1995 годы делопроизводство на предприятиях, в учреждениях и организациях будет осуществляться на государственном и русском языках, а с 1996 года – только на государственном.

С этого начался отток русскоязычного населения из республики. Можно было понять стремление коренного населения к независимости и самоопределению, но вот появившегося в печати письма группы известных русских писателей, в котором почему-то расхваливался древний язык фарси, объяснить было невозможно. Эти писатели-демократы, приветствуя государственный таджикский язык, совсем не подумали об участи значительной части населения республики: о русских, узбеках, киргизах и других народах нетитульной национальности, проживающих в Таджикистане. Разве было не ясно, что, несмотря на официальные заявления властей о равноправии всех граждан, принятием этого закона фактически устанавливалась дискриминация русскоязычных и их с ними. С введением этого закона в общественном транспорте все чаще можно было услышать недовольный голос, обращенный к русскому: “Поезжай на своя Россия!”

Ситуацию подогревали и некоторые труды местных ученых, в которых появились заявки на какую-то особую роль таджиков в среде среднеазиатских народов. Один из них опубликовал свое исследование по “топорному” разделению, допущенному Советской властью при территориально-национальном размежевании Средней Азии в 1924-1929 годах. В этой работе особо подчеркивалась дискриминация таджикского народа со стороны пантюркистов (в основном узбеков), которые при размежевании отвели таджикам наиболее непригодные земли, лишив их своих исторических государственных, экономических и культурных центров – Самарканда, Бухары, Ходжента и др. (Позже Ходжентский округ был передан Таджикистану). В своемopusе автор упрекнул в шовинизме и русскоязычное население, проживающее в республике, которое, по его мнению, было воспитано в духе собственного превосходства над народами бывших колониальных окраин и уверовало в свою исключительность.

Думаю, что высказанные этим ученым мысли, только разожгли и подтолкнули трагические события, развернувшиеся в республике через год. Да и установлению нормальных добрососедских взаимоотношений между Узбекистаном и Таджикистаном они не подействовали. Ведь не каждому нравится, когда твой сосед, кичась только своим древним происхождением, начинает указывать, как тебе надобно жить.

К этому времени по всему югу Таджикистана активизировалось мусульманское духовенство, стоящее на позициях фундаментализма, в Гарме начали наращиваться вахабистские тенденции, на Памире – исмаилизм. Мечети стали возникать, как грибы. Вначале ислам действовал неофициально, подпольно, но в 1990 г. в республике была создана Исламская партия возрождения Таджикистана (ИПВТ), которая открыто начала борьбу против законной демократически избранной власти. В 1992 году, после победы ИПВТ, один из её лидеров заявил: “Мы шли к этой победе 17 лет”. Этот срок он назвал не случайно. Именно в 1975 г. была запущена программа “Ислам против коммунизма”, разработанная в аналитических центрах США, Великобритании и ряда исламских государств. В ней была проанализирована политическая и общественная ситуация в республиках Средней Азии; найдены болевые точки, через которые можно дестабилизировать регион; вспомнили и о басмаческом движении и местах, где о нем еще не забыли. Согласно этой программе началась работа по подбору исламских кадров, их подготовке и финансированию.

Одна из международных исламских лиг, базирующаяся в Пешаваре (Пакистан), в конце восьмидесятых разослала своим “братьям” директиву, в которой указывалось: “Первая

рекомендация: во всех регионах России, где проживают мусульмане, начинайте “джихад” (священную войну)... На территории Таджикистана создать склады для хранения оружия и продовольствия... сообщить о планах правительства”.

В 1975 году перед обкомом компартии в Курган-Тюбе проводится митинг исламско-го протеста, возглавляемый муллой Абдулло. От общественности этот факт власти по-старались скрыть. Однако “процесс пошел”. С этого робкого выступления теневого исла-ма начался путь к почти повсеместному господству его в республике в начале девяностых годов. Без поддержки определенных властных и партийных групп, которым помогала и Москва, подобная трансформация произойти не могла.

Одним из главнейших факторов в общественных противоречиях, сдвинувших ла-вину событий в республике, являлась клановая структура таджикского общества. Соци-ально-экономически Таджикистан делился на таджикский “Север” и таджикский “Юг”. Се-верная Ленинадская область считалась элитной, она десятилетиями поставляла в Ду-шанбе руководящие республиканские кадры, в том числе и первых секретарей ЦК ком-партии Таджикистана. Большая часть республиканского бюджета уходила на север, что вместе с заметной социальной надменностью, обособленностью и корпоративностью ходжентцев (ленинадцев), вызывало раздражение у других регионов страны.

Юг жил своей жизнью. Там особо выделялись памирцы (Горно-Бадахшанская ав-тономная республика – ГБАО) со своей конфессиональной спецификой (вместо обще-таджикского суннизма – исмаилизм). В столице республики они в основном занимали вы-сокие должности в области народного образования, а затем – в министерстве внутренних дел. К южным кланам относились торговые гармцы, общинно-коллективистские кулябцы, богатые хлопком курган-тюбинцы. Гиссарцы примыкали к ходжентскому клану и, гранича с Узбекистаном, союзничали с ним.

После смерти в 1982 г. первого секретаря ЦК КП Таджикистана, пользовавшегося высоким авторитетом у всех жителей республики Д. Расулова, и особенно в последние горбачевские годы, в Таджикистане стали резко нарастать межрегиональные противоре-чия. Обвиняя ходжентскую группу, каждый клан мечтал прорваться к управлению респуб-ликой.

Вдобавок ко всему, новоявленные “демократы” все чаще стали кричать о том, как “нас грабят русские”, а реакционная часть духовенства – разжигать ненависть к коммуни-стам и призывать к установлению исламской республики в Таджикистане.

Вот в такой обстановке мы встретили 1990 год.

Последствий осложнения общественно-политической ситуации в республике долго ждать не пришлось. В начале февраля разнеслись слухи о том, что горисполком Душанбе выдает квартиры армянским беженцам. На самом деле ни одной квартиры выдано не бы-ло, как потом выяснилось, речь шла всего лишь о 47 армянах, приехавших в гости к своим родственникам и не претендовавшим ни на какое жилье. Несмотря на это, группа моло-дых жителей кишлаков Авул и Испечак, подстрекаемая уголовными авторитетами и неко-торыми муллами, ночью 10 февраля 1990 года совершила погромы, поджгла квартиры и избила несколько человек армянской национальности в жилмассиве “Заравшон”.

11 февраля у здания ЦК компартии Таджикистана состоялся несанкционированный митинг, на котором его участники потребовали от руководства республики, и в первую очередь от первого секретаря ЦК КП Таджикистана К. Махкамова, выдворить армян-беженцев. В противном случае горячие головы грозились расправиться с ними. Идя на-встречу митингующим, для проверки слухов о приезде беженцев была создана комиссия из представителей государственных, общественных органов, духовенства и участников митинга. Результаты проверки комиссия должна была сообщить через 24 часа на этом же месте.

12 февраля к зданию ЦК собралась многотысячная толпа. На митинг привели сту-дентов вузов (в основном педагогического и сельскохозяйственного институтов), учащих-ся ПТУ и привезли жителей и старшеклассников из кишлаков Ленинского района. На ми-тинге присутствовали лидеры и члены неформального общества “Растохез”, верующие мусульмане. Они потребовали немедленной отставки Махкамова, прекращения “грабежа республики”, “очищения

правительства от шарлатанов, вредителей и мафиози”. В вышедшего к митингующим Махкамова из толпы полетели камни, палки и ... галоши, снятые с ног.

К 15 часам митинг перерос в массовые беспорядки, начался штурм зданий ЦК КП и Минводхоза, сопровождавшийся погромами и поджогами зданий, нападением и избиением немногочисленных работников милиции, не имевшим право стрелять. Атакующие за-толкали автобус к зданию ЦК, своротив при этом старый кипарис.

Погромы распространились и на прилегающие к площади у здания ЦК магазины, аптеки ателье и другие объекты. Были разграблены центральный ювелирный и книжный магазины на проспекте Ленина. Растащили и “Детский мир”. Но странно, абсолютно не пострадали, стоящие напротив ювелирного, магазин “Березка” и бар “Восточный”. По-видимому, действиями толпы управляли и определенные мафиозные структуры, имеющие свои интересы.

Позже на площадь прибыли дополнительные силы работников милиции, вооруженных автоматами. Им было разрешено стрелять только вверх. И все же, неизвестно откуда и кем было ранено и даже убито несколько человек. Работников милиции не хватало, они как раз в это время были откомандированы в другие “горячие точки”, разгоравшиеся по всему Союзу. В этот день, придя на работу в институт, мы, преподаватели, практически, занятий не проводили – студентов на занятиях было мало, в основном только русские группы. Во второй половине дня стали поступать сведения, что массовые беспорядки охватили многие жилые районы города. Движение общественного транспорта по некоторым маршрутам прекратилось. Мы с еще одним преподавателем, жившим в моей стороне, двинулись домой пешком. Подойдя к железнодорожному переезду перед текстильным комбинатом, вдали увидели толпу и услышали автоматные очереди. Свернули вправо и через старый хлопзаводской поселок по железнодорожному пути достигли своего 11-го микрорайона.

Нам повезло. Нашему же сыну Саше в этот день досталось. Когда он возвращался с работы, их троллейбус остановила ватага то ли хмельных, то ли обкуренных местных молодчиков. Заскочив в салон, они начали выискивать среди пассажиров неугодных им. Среди таковых оказался и наш Александр. Получив оплеуху, он сумел выскочить из троллейбуса и убежать. Его подобрал какой-то участливый русский таксист и в объезд улиц, заполненных разнузданной толпой, подвез его домой.

Вечером в Душанбе было объявлено чрезвычайное положение и введен комендантский час. Вся наша семья, включая детей и внуков, собралась у нас. Мы сидели у телевизора и с ужасом следили за событиями на площади у ЦК.

На другой день, 13 февраля 1990 г., беспорядки продолжались и охватили почти весь город. К этому времени более 200 армян, постоянно проживающих в Душанбе, са-молетами были вывезены из города. Однако, ни казико-лон (высшее духовное лицо рес-публики) Акбар Тураджон-зода, которому на митинге 11 февраля 1990 г. было поручено проследить за этим, ни телевидение не сказали ни слова об отъезде несчастных армян-ских семей. Разъяренные толпы в разных концах города кричали: “Долой! Руководство – в отставку!”. В мечетях зазвучали призывы: “Проснитесь мусульмане! Поднимается народ!” Толпы фанатиков закидывали камнями работников охраны порядка, поджигали и грабили торговые точки, избивали людей в европейских одеждах. На девушках-таджичках рвали европейские платья, бритвенными лезвиями полосовали открытые ноги девчонок в мини-юбках.

Созданный оппозицией “временный национальный комитет”, куда вошло большинство руководителей “Растохеза”, в ультимативном порядке потребовал от руководителей республики ухода в отставку. В противном случае грозились устроить поджоги в 46-м микрорайоне, взорвать чайхону “Рохат” и киноконцертный зал. Главой “временного комитета” был провозглашен зампред Совмина республики, председатель Госплана Б. Кари-мов.

Во избежание дальнейшего кровопролития и погромов руководство республики вынуждено было подписать протокол об уходе в отставку в установленном порядке.

А по телевидению в это время к душанбинцам обратился первый секретарь ЦК компартии Таджикистана К. Махкамов: “Защищайте сами заводы и дома...”

Законопослушное население города, видя, что органы охраны правопорядка никого защитить

не в состоянии, в каждом квартале и даже в отдельных домах стало создавать отряды самообороны. Люди разных национальностей обзавелись металлическими прутьями, бутылками с горючей жидкостью, а кое-где и оружием. По первому звону подвешенного рельса, они выскакивали в пункт сбора, готовые насмерть защищать свои семьи. Был такой отряд и в нашем дворе. В нем дежурили и наши дети – Саша и Слава. Помню, как мы в один из тревожных дней, стоя с ребятами из отряда, увидели небольшую группу местных молодчиков в национальных чапанах и тюбетейках, шествующих с важным видом победителей около нашего дома. Видно они изучали обстановку в микрорайоне. По сигналу набата к нам подбежали и другие добровольные защитники из соседних домов. Убедившись, что здесь им не “светит”, ватага со словами: “Не бойтесь, мы русских не трогаем!”, удалилась.

Запомнилось и другое. Жителям нашего микрорайона объявили, что в случае критической ситуации русскоязычные семьи могут укрыться на охраняемой автоматчиками территории рядом расположенного номерного предприятия “Фонон” (почтовый ящик).

Отряды самообороны сыграли значительную роль в деле установления порядка в городе. Погромщики, получив отпор и поняв, что бесчинствовать им повсюду не удастся, отступили. Поздно вечером 13 февраля 1990 г. в Душанбе ввели войска. По улицам загрохотала бронетехника, низко над домами заревели “вертушки” – боевые вертолеты, раскрашенные в камуфляжную расцветку. В окнах дрожали стекла, на душе было не спокойно, мы почувствовали себя в прифронтовой полосе.

В эти трагические для республики дни в Душанбе, ненароком, оказался известный итальянский киноактер Микеле Плачидо, которого все знали по фильму “Спрут”. Вывозили его в аэропорт на бронетранспортере. По пути машину остановили боевики оппозиции, но, узнав знакомого артиста, они с приветственными возгласами пропустили бронетранспортер. Перед посадкой в самолет Плачидо произнес: “Здесь хуже, чем на Сицилии”.

14 февраля 1990 г. погромы начали затихать, хотя кое-где еще продолжались выступления против партийных органов и властных структур. Толпа из 600 человек блокировала Фрунзенский райком партии. К ней вышли воины-интернационалисты (“афганцы”) и уговорили недовольных разойтись. Более спокойно, без экстремистских выпадов прошел митинг около здания правительства. Постепенно толпы бесновавшихся стали рассасываться, обстановка в городе улучшаться, правопорядок восстанавливаться.

Большинство населения отставку руководства республики не приняло, посчитав подписанный им протокол актом дезертирства. От трудовых коллективов в ЦК посыпались звонки и телеграммы с протестом против отставки. Народ потребовал от К. Махкамова навести порядок в республике. 14 февраля состоялась внеочередная пленум ЦК компартии Таджикистана, на котором обязали бюро ЦК принять безотлагательные меры по наведению общественного порядка в Душанбе и республике в целом, рассмотреть вопросы, поднятые участниками митингов, быстрее решить назревшие социально-экономические проблемы. На пленуме выступил и прибывший в Душанбе председатель Комитета партконтроля при ЦК КПСС Б.К. Пуго. 15, 16, и 17 февраля по всей республике объявили траур по погибшим. В эти трагические дни погибло 20 и было ранено более 500 человек.

Утром 15 февраля начал работать общественный транспорт, я отправился на работу. Проезжая по улице Путовского около рынка, мы увидели картину, от которой защемило сердце: все торговые точки по правой стороне улицы были сожжены и разграблены. От магазинов, в которых мы с Тamarой когда-то покупали паласы и одежду, остались лишь обгоревшие металлические каркасы. К горлу подступил комок. Мне вспомнилась эта улица в довоенный 40-й год, когда мы по ней мальчишками ходили купаться на Комсомольское озеро. Сколько труда было положено, чтобы превратить её из пыльной грунтово-вой дороги в широкую и просторную заасфальтированную улицу с многорядным движением, по бокам которой возвышались современные многоэтажные постройки. И вот банда молодчиков свела на нет старания нескольких поколений. Большинство громил своими руками еще ничего не создали.

У здания ЦК и на проспекте Ленина стояли БТРы, попадались группы солдат в бронежилетах, касках и с автоматами в руках. Витрины книжного и ювелирного магазинов, а также магазина

“Кулинария”, были разбиты, на тротуарах валялись осколки стекла, книги и коробочки от ювелирных изделий. К уборке улиц только приступили. У перехода возле драмтеатра им. Маяковского стоял пожилой горожанин-таджик. Глядя на противоположную сторону улицы, он качал головой и молитвенно оглаживал двумя ладонями свою бороду, по его щекам скатывались слезы.

У нас в институте занятия начались, хотя аудитории были полупустыми – многие иногородние студенты от греха подальше разъехались по домам. Во время чтения лек-ций, так и хотелось задать местным студентам вопрос: “Ребята, неужели мы вас ничему хорошему не научили?” К счастью, как потом выяснилось, студентов нашего института, участвовавших в погромах, были единицы. Да и трудно было винить молодежь. Ведь толкнули их на это определенные гореполитики, которые, прикрываясь лозунгами свобо-ды и демократии, рвались к вершинам власти.

И это в те годы происходило не только в Таджикистане. Пылал Азербайджан, Гру-зия, Молдова и прибалтийские республики. С меньшими потерями совершился выход из СССР Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Повезло только Туркменистану – он обрел свою независимость почти безболезненно.

В первые дни после трагических событий в нашем институтском коллективе уста-новилась какая-то выжидательная атмосфера. Некоторые осуждали экстремистов, боль-шинство – отмалчивалось. К определенным преподавателям и сотрудникам института появилось чувство недоверия.

Потихоньку страсти улеглись, начали работать комиссии по выявлению причин, приведших к трагедии, установлению виновных в погромах и гибели людей. Застеклили проемы окон, забелили копоть от пожарищ. Жизнь вроде бы вернулась в привычное рус-ло. Но прежнего покоя на душе у людей уже не было. Русскоязычные стали усиленно по-кидать республику.

В конце февраля, чтобы как-то забыться и восстановить нервы после перенесен-ных событий, я взял командировку по выполняемой хоздоговорной НИР и улетел в Алма-Ату. Там КазНИИ энергетики занимался вопросами исследования режимов работы круп-ных насосных станций. Только их интересовали процессы, касающиеся гидравлической части, а нас – электрической. Кроме того, надо было в учебном Казахском энергетическом институте взять отзыв на свою методическую разработку и ознакомиться с имеющейся у них учебно-методической литературой по дисциплинам нашей кафедры. Да и со своим другом Сашей Осенмуком надо было повидаться.

В аэропорту Саша меня встретил и отвез меня к себе домой в 8-й микрорайон. Мы втроем, с его почти не изменившейся корейночкой-женой, хорошо посидели, повспомина-ли свои техникумовские годы, порассуждали о послекунаевских событиях в Алма-Ате и недавних наших, Душанбинских. Помянули и своих товарищей, ушедших из жизни. Саша работал в “Казтехэнерго”. У них была приличная гостиничка для приезжих, куда он меня и поселил. Гидроэлектросиловая лаборатория КазНИИЭ, которая занималась интересующими меня вопросами, находилась на экспериментальной ГЭС, расположенной по дороге на Медео. Поэтому, когда я получил необходимую мне консультацию и решил все пункты научной части своей командировки, то поднялся еще раз посмотреть на знаменитый гор-ный каток.

Общая картина, по сравнению с 1985 годом, когда мне здесь впервые пришлось побывать, мне не понравилась. Каток не действовал, все выглядело унылым и неухожен-ным. Вокруг было много каких-то ларечков, закусовых и пашлычных. Там я впервые в жизни столкнулся с платным туалетом. Не понравилась сцена в магазине, когда женщина-казашка в очереди разоралась на русскую посетительницу: “Из-за вас тут ничего не ку-пишь!” Запахло знакомым – душанбинским. Видно везде в экономических тяготах вино-ватыми стали только русские. Как раз в Алма-Ате я встретился с последствиями принятого союзным правитель-ством Н. И. Рыжкова постановления о повышении розничных цен на продовольственные продукты. На другой день буквально опустели полки магазинов, раскупили все, что было можно: вместе с крупой, мукой, сахаром и маслом, расхватали все консервы, соль и даже спички.

В Казахском энергетическом институте на кафедре “Электроснабжение промпред-приятий” я



встретился со своей старой знакомой по аспирантуре МГИ Тамарой Асанбае-вой. Она, будучи уже доцентом, написала отзыв на мое учебное пособие и помогла по-добрать необходимые нам методические указания.

Командировка немного отвлекла меня от думок о наших душанбинских событиях и, вместе с тем, позволила воочию увидеть, что межнациональные разборки затронули и другие регионы. У нас в Душанбе, как и по всей стране, стали появляться коммерческие предприятия, банки и различные фонды. Обозначился переход к рыночной экономике. Государственное управление начало ослабевать. В Москве шли митинги, заседания Верховного Совета, Съезды народных депутатов СССР и КПСС. Сторонники демократии клеймили коммунистов, Ельцин Б. Н. конфликтовал с Горбачевым М. С. И, хотя внешне в Таджикистане вторая половина 1990 года и первая 1991-го прошли вроде бы спокойно, но все чувствовали, что это спокойствие предгрозовое.

В июне 1991 г. Б. Ельцин был избран президентом РСФСР, а 18 августа президент СССР М. Горбачев, находящийся в Крыму на отдыхе, был отстранен (или отстранился сам) от управления страной. С целью предупреждения дальнейшей дестабилизации политической и экономической ситуации, в стране образован Государственный комитет по чрезвычайному положению. В конце августа чрезвычайное положение было отменено, и члены ГКЧП арестованы. Руководство Россией и всем разваливающимся Союзом практически перешло к Б. Ельцину. Деятельность компартии по всей стране была приостановлена.

У нас в институте партком как-то незаметно исчез. Последние партвзносы я заплатил в июне 1991 года. На этом мое пребывание в КПСС прекратилось.

Августовские события в Москве послужили затравкой для наших противостояний, приведших в дальнейшем Таджикистан к гражданской войне.

В сентябре 1991 года таджикские союзники победивших “демократов” Москвы организовали свой первый многолюдный митинг в Душанбе на площади Озоди (напротив Совмина республики, бывшая площадь Ленина). Собрали безграмотных дехкан из близлежащих поселков и кишлаков, одетых в халаты и тубетейки. Митингом руководили лидеры Демпартии, ИПВТ и “Растохеза”. Они потребовали приостановить деятельность все еще функционирующей в республике компартии и создать комиссию по расследованию её связей с гэкачепистами в Москве. Злобствующие молодчики из числа митингующих сбросили, стоящий на площади памятник Ленину. Зарубежные средства массовой информации назвали этот митинг “исламской революцией”, а Российское телевидение – “митингом демократических сил Таджикистана”. В эти дни в Душанбе приехали известные московские “демократы”: мэр Санкт-Петербурга Собчак и академик Велихов, которые остались довольными своими таджикскими последователями. Уезжая, Собчак договорился с кем-то из руководства республики об отправке в Питер нескольких вагонов с луком – коммунистов свергать надо, но кто-то должен демократов и кормить.

К этому времени Председатель Верховного Совета и первый секретарь ЦК КП Таджикистана К. Махкамов ушел в отставку. В памяти осталась трансляция по местному телевидению о заседании не то сессии ВС, не то съезда КПТ (точно не помню), на котором Махкамов, взяв под мышку свою папку с бумагами, со словами: “Лучше позже, чем никогда!”, покинул свое место в президиуме. Как оказалось, покинул навсегда.

9 сентября 1991 года Верховный Совет республики принял Декларацию о государственной независимости Республики Таджикистан. Были утверждены новые символы государства – герб и флаг.

Жизнь нашей семьи в это тревожное время продолжалась по заведенному ритму. Я отметил свое 60-летие, преподавал, занимался наукой, подал две заявки на изобретения. В апреле мы всей семьей последний раз съездили отдохнуть к Нусрату Расулову в Такоб. 8 июня у нас появилась еще одна внучка, смугляночка Надя.

К этому времени наш зять Слава купил машину “ИЖ-комби”, которую держал на платной автостоянке в нашем микрорайоне. Мне с трудом, с помощью соседа, профессора Камилова, удалось получить место на строительство кооперативного гаража, прямо во дворе нашего дома.

И когда гаражи были почти готовы, уважаемый мной Мирзо Камило-вич от сердечного приступа внезапно умер. Без него меня пытались из кооператива вы-толкнуть, но впоследствии все обошлось.

24 ноября 1991 г. состоялись выборы президента Республики Таджикистан. Канди-дат гармско-памирской группы, кинорежиссер Давлат Худоназаров, поддерживаемый Мо-сквой, набрал всего лишь 30 % голосов избирателей. С двухкратным перевесом победу одержал коммунистический лидер Таджикистана брежневских времен, ленинабадец Рах-мон Набиев, который вскоре был вынужден пойти на уступки оппозиционерам.

События исторического значения в этот период потрясли и всю нашу державу. Во-преки мартовскому референдуму, на котором большинство населения страны проголосовало за сохранение единого Советского Союза, Б. Ельцин (РСФСР), Л. Кравчук (УССР) и С. Шушкевич (БССР), келейно собравшись в Беловежской пуще, 8 декабря 1991 года объявили о прекращении существования СССР и подписали Соглашение о создании Со-дружества Независимых Государств (СНГ). Все стали суверенными, каждый начал выжи-вать в одиночку. У нас в республике борьба кланов продолжалась. Спикером Верховного Совета ходжентцы сумели протолкнуть Сафарали Кенджаева, человека не очень искушенного в политике, но зато принципиального и не идущего на поводу у оппозиции. Под его руково-дством ВС принял ряд законов, не отвечающих требованиям Демпартии, ИПВТ и других представителей “демократических сил”. Законодательными актами были ограничены сво-бода митингов и демонстраций, свобода печати. Депутаты проголосовали за отделение духовного управления Таджикистана от центра в Ташкенте. Прямо на заседании прези-диума ВС был арестован сторонник оппозиции мэр города Душанбе М. Икрамов.

Но особенно не понравились оппозиции действия законных властей, когда в марте 1992 г. по телевидению было показано заседание президиума ВС, на котором Кенджаев обвинил в нечистоплотности и злоупотреблении служебным положением министра внут-ренних дел, памирца Навжуванова, отказавшегося в сентябре прошлого года выполнить устный приказ руководства республики о разгоне митингующих.

На другой день после трансляции, 26 марта 1992 года, на площади Шохидон у пре-зидентского дворца (бывшем здании ЦК КПТ), собралась памирская молодежь, руково-димая обществом “Лаъли Бадахшон”. К ним присоединились исламская и демократиче-ская партия, а также “растохезовцы”. С криками “Истефо!” (“Отставка!”), митингующие по-требовали освобождения Кенджаева с поста спикера парламента.

Через несколько дней на площади появились палатки и точки питания, митинг пе-рерос в круглосуточный. В перерывах между протестами и требованиями, по команде своих духовных наставников, митингующие, с обращением к Аллаху, тут же совершали и свой намаз.

В один из этих дней я отправился на работу через улицу Путовского. Автобусы хо-дили только до Комсомольского озера, дальше пришлось добираться пешком. На подъе-ме к рынку я догнал пожилого дехканина, идущего на митинг. Мы разговорились. На во-прос: “Чего он ждет от сидения на площади?”, – мой спутник ответил: “ Бог знает. Может быть, будет лучше.” У рынка мы разошлись: “демократ” направился на площадь Шохи-дон, я же свернул направо и по ул. Чапаева двинулся в свой институт.

Страсти на площади начали разгораться. Появились проиранские и противоход-жентские лозунги: “ Нет потомкам кровавого Чингис-хана в руководстве Таджикистана!” Так ученые лидеры оппозиции натравливали южан на северян, имея в виду, что когда-то Ходжент входил во владения сына Чингиз-хана – Чагатая.

В противовес митингующим на площади Шохидон, у Театра оперы и балета со-брался другой краткосрочный митинг, на котором люди требовали от властей наведения порядка и стабилизации обстановки в республике.

Из моего дневника:

“13. 04. 92. Иногородних студентов ВУЗов, техникумов и ПТУ до 27. 04. распусти-ли по домам. Все связано с митингом на площади у бывшего ЦК. Надо уменьшить количе-ство молодежи в городе. Назначенная в начале на 11. 04., а затем на 12. 04., сессия ВС не состоялась. Депутаты

не захотели работать под давлением митингующих”.

XIII сессия ВС собралась только 20 апреля. Депутаты оставили Кенджаева на своем посту. Узнав об этом, митингующие взъярились. В ночь с 21 на 22 апреля здание парламента было окружено вооруженными отрядами оппозиции. Вместо Кенджаева спикером избрали памирца А. Искандарова. В состав Президиума ВС вошли казикалон А. Ту-раджон-зода и другие деятели оппозиции. Вся республика на экранах телевизоров увидела, как довольный казикалон, указывая на место бывшего спикера, заявил Искандарову: “ Не садись в это гнусное коммунистическое кресло. Оно изгажено твоими предшественниками. Мы сделаем тебе другое кресло”. При этом он, на манер своих московских единомышленников, поднял два пальца (“Мы победили!”).

Этот жест подействовал на кулябцев как красная тряпка на быка. Они не могли смириться с такой явной похвальбой главного руководителя “шохидонцев” и в ночь на 23 апреля прибыли в Душанбе и заняли площадь Озоди. На одной улице Рудаки (бывшем проспекте Ленина), в пятистах метрах друг от друга, забурлили два противостоящих митинга.

Кулябцы, и среди них лидер партии “Ошкоро” Сангак Сафаров, поддерживали президента Набиева и законные структуры власти. Под их давлением на XIV сессии ВС Кенджаева восстанавливают в должности спикера. В ответ оппозиция взяла заложники депутатов парламента и членов правительства, захватила телевидение и заблокировала все подъезды к городу. МВД и Госбезопасность объявили нейтралитет (и это тогда, когда в республике уже запахло грозой). Для охраны от вооруженных боевиков-исламистов, растерявшееся правительство выдало оружие “озодинцам”. В свою очередь, на сторону оппозиции перешел генерал – начальник президентской гвардии, – сдал оппозиции около двухсот автоматов и четыре БТРа.

Кенджаева вновь смещают. Президент, идя навстречу оппозиции, издает указ об образовании Национального собрания (Меджлиса) Республики Таджикистан.

7 мая президент и оппозиция, понимая, что дальнейшее противостояние приведет к большой крови, подписали соглашение об одновременном роспуске и эвакуации людей с площадей Шохидон и Озоди. Утром “озодинцы” погрузились на машины и, забрав с собой оружие, отбыли в сторону Куляба. Уходили они с боями, прорываясь через кольцо противника на окраинах Душанбе и в Орджоникидзебаде. Правительство фактически их предало.

Как только кулябцы покинули город, разъяренная толпа “шохидонцев” ворвалась в здание Верховного Совета и Совмина и устроила там погром. Они не пощадили и резиденцию президента, которую он чудом успел покинуть. Появились человеческие жертвы.

Из дневника:

“7.05.92. Сейчас практически законная власть свергнута Президент номинален. Последние дни в городе шли перестрелки. Погибло 20-50 (?) человек. Только что около нас в кишлаке за насыпью железной дороги обстреливали один двор – искали скрывавшегося Кенджаева. Там жил его водитель. Площадь Озоди опустела, но в городе не спокойно. Формируется новое правительство. Назавтра объявлен траур по погибшим”.

В дневнике, о перестрелке недалеко от нашего дома, записано кратко. На самом деле она происходила на наших глазах и смотрелась довольно-таки драматично. Несколько человек, укрывшись за железнодорожной насыпью, из автоматов стреляли в сторону кишлака. Потом прогремело два взрыва – они бросили взрывпакеты. Боясь, что из-за насыпи последуют ответные очереди и пули полетят в нашу сторону, мы попрятались за гаражами, стоящими в нашем дворе. По дороге мимо нас несколько раз туда и обратно проехала “Волга”, из которой торчал ствол охотничьего ружья. Как потом оказалось, это и был водитель Кенджаева, беспокоившийся о своей семье. Когда выстрелы закончились, обуреваемые любопытством, мы подошли к железнодорожному переезду, у которого все это происходило. Там стояла группа вооруженных памирских парней. Один из подошедших боевиков за ремень тащил автомат, приклад которого волочился по земле. Когда мы спросили у них, из-за чего стрельба, то в ответ услышали пересыпанное руганью: “ Да вот, все правительство разбежалось! Ловим!”

В тот раз никого боевики там не застали. Но спустя полгода, они все же свое черное дело

осуществили. Ворвавшись во двор, и не застав там Кенджаевского водителя, они убили всю его семью, и вдобавок, застрелили соседа-татарина, поинтересовавшегося, что происходит за его забором.

Неделю спустя на этом же переезде мне пришлось наблюдать картину, заставившую поразмышлять о многом. Несколько парней местной национальности, проживающих в наших домах и поддерживающих оппозицию, закрыли шлагбаум и установили у него дежурство. Видно было, что они кого-то ждут. На моих глазах со стороны “Масложирком-бината” к переезду подъехала крытая брезентом военная автомашина “Урал”. В кузове стоял большой армейский ящик, на котором с автоматом в руках сидел молодой русский солдат. В кабине, кроме водителя, находился офицер российской армии в чине лейтенанта. Дежурившие парни шлагбаум не открыли. Лейтенант стал с ними о чем-то переговариваться. Минут через двадцать со стороны озера принесся “Жигуленок”, из которого выскочило несколько вооруженных людей. Один из них, здоровенный детина с большущим ножом в руках, на таджикском языке прокричал: “Если тронутся – бей по балонам!” Вскоре подъехала грузовая машина, на которой прибыло подкрепление – еще с десятков боевиков. Главарь поговорил с лейтенантом, заглянул в кузов под тент и дал команду трогаться. Военная машина безо всякого сопротивления, сопровождаемая боевиками, двинулась в сторону Комсомольского озера. Я не мог понять, что же произошло на моих глазах. И только на другой день, придя на работу, все прояснилось. Один из доцентов нашей кафедры, с которым я был в нормальных отношениях, влез в политику. Он был членом “Растохеза” и принимал активное участие во всех городских разборках. Когда я рассказал ему о случае на нашем переезде, он заулыбался и объяснил, что это к ним в главный штаб оппозиции, находившийся в соборной мечети города рядом с “Путовским базаром” (там же размещался и казиат), привезли 42 новеньких автомата. На каких условиях они были доставлены, он не сказал. Мне оставалось только догадываться: оружие “демисламской” оппозицией у военных было либо куплено, либо она получила его в качестве подарка по команде из Москвы – власть коммунистов в Таджикистане надо было свергнуть любыми средствами.

Несмотря на подписанное соглашение, митингующие с площади Шохидон не разошлись. 10 мая они двинулись к зданию КНБ (бывший КГБ), где, по их мнению скрывался Набиев. Шли плотной широкой колонной, у некоторых были автоматы, среди людей двигался БТР с высунутыми из бойниц стволами. Недалеко от КНБ раздались выстрелы, началась перестрелка. Кто начал первым – неизвестно. Бой прекратился после того, как из ворот, рядом расположенного военного городка, показались танки и БМП. Начальник гарнизона полковник В. Заболотный, во исполнение решения офицерского собрания, не согласовав с Москвой, отдал приказ прикрыть подступы к зданию КНБ, дому, в котором проживали семьи кагебешников, и перекрыть улицу, ведущую к военному городку. В бой им было приказано не ввязываться. С появлением бронетехники перестрелка сразу прекратилась, подъехали машины “скорой помощи”, начали вывозить убитых и раненых. В стычке погибло шесть человек и около двадцати было ранено.

Толпа вернулась на площадь Шохидон, где митинг возобновился с новой силой. Теперь уже осуждались убийцы из КГБ и оккупанты из СНГ, вмешавшиеся во внутренние дела суверенного государства. Вечером по телевидению председатель демпартии Шодмон Юсуф в резкой манере заявил, что в случае дальнейшего вмешательства войск СНГ в дела республики, он оставляет за собой право обратиться за помощью к Афганистану, Ирану и Пакистану.

Одновременно он предупредил, что из-за вмешательства военных “русскоязычное население в Таджикистане становится заложником”. Пресс-конференцию “демократа” по ТВ показали три раза – “заложники” в панике начали спешно собирать чемоданы.

Москва, зная, что в Таджикистане проживает около полумиллиона русскоязычных, на такой выпад лидера демпартии никак не прореагировала. “Правозащитница” Е. Боннер, талдыча о гарантиях в области прав человека, в это же время писала, что ввязываться в таджикские события “не российское дело”. Пожила бы она в те дни в Душанбе!

11 мая под давлением “шохидонцев” было создано “правительство национального

примирения”, в котором ключевые посты были отданы оппозиции. Получила она и половину мест в Меджлисе. Акбар Тураджон-зода обратился к митингующим со словами примирения. Он заявил, что все нужно делать по закону, а Набиева – чтобы не вызвать братоубийственной войны – оставить президентом до новых выборов. В результате, не имея серьезного влияния на ситуацию в республике, Рахмон Набиев сохранил свой пост.

14 мая, после 45-дневного сидения и лежания на площади Шохидон, митингующие разошлись. Не разбирающиеся в политике простые дехкане, исполнившие роль массовки в грязной игре зарубежных и московских профессионалов, разъехались по своим кишлакам.

В Душанбе стало поспокойнее, хотя по ночам в разных концах города слышались выстрелы. Заработал общественный транспорт. В понедельник, по пути на работу я сошел на площади Озоди. Она была еще не убрана: валялась обувь, клочки бумаги, обгоревшие головешки от костров. На асфальте я подобрал гильзу от автоматного патрона. К цоколю здания Совмина был приколот небольшой бумажный портрет кулябского муллы Хайдара с проткнутыми глазами. Этот мулла на митинге выступил против казикалона Тураджон-зоды и обвинил его в чуждом народу и исламу Таджикистана ваххабизму.

Митинги закончились, но противостояние не прекратилось. Конфликты перекинулись в кишлаки и города Кулябской и Курган-Тюбинской областей.

### Глава 31

#### “ВОВЧИКИ” И “ЮРЧИКИ”

Лето 1992 года в Душанбе проходило более или менее в спокойной обстановке. По ночам постреливали, но крупных столкновений не было. Воспользовавшись этим, мы в начале июля решили всей семьей провести пару неделек в доме отдыха “Энергетик”, расположенного недалеко от города, за плотиной Верхневарзобской ГЭС. Бывали мы там и раньше. В советские годы дом отдыха работал все лето ежедневно в полную нагрузку. В это же время, в связи с захлестнувшими республику событиями, большинство отдыхающих приезжало только на выходные дни. По будням помещения пустовали. Мы выбрали себе домик недалеко от пруда, на берегу которого проводили большую часть суток – купались и загорали. Воспользовавшись отсутствием людей, дом отдыха заполнили полчища фаланг. По вечерам и ночам они совершали свои брачные танцы под уличными светильниками. Как-то мы сидели и ужинали за столом, стоящим перед домиком. Маленькая Надя играла рядом на аллейке. Вдруг наш зять, бросился из-за стола в сторону ребенка и поднял её на руки: он во время увидел, что рядом с ней по земле бегают огромная и мохнатая фаланга.

Ночью произошло и другое приключение, связанное с этими неприятными и в какой-то мере опасными тварями. Было жарко, и я лег спать на полу. Лег на живот, ноги накрыл простынёй. Уже засыпая, почувствовал, что по спине ползет что-то мерзкое. Оттолкнувшись руками и ногами от матраса, лежащего на полу, я взвился вверх. И тут при ярком лунном свете, любуясь в окошко, я на простыне увидел большого черного паука. Это была фаланга. Накрыв её углом простыни, кулаком пристукнул её. Тамара, не понимая в чем дело, с удивлением наблюдала за моими манипуляциями на полу.

Когда на другой день о происшедшем мы рассказали местным жителям, то они порекомендовали фаланг не убивать, а просто прогонять. В противном случае, согласно бытующему поверью, на место убитой могут собраться её сородичи. В оставшиеся дни отдыха мы по вечерам стали из ведер обильно поливать территорию возле домика и перед сном тщательно проверять комнаты.

Происходящие в республике события напоминали о себе даже на отдыхе. В один из дней на пляже мимо нас прошла стайка местных подростков. Ребята постарше демонстративно свои худосочные торсы. Обращаясь к нам, они с гонором заявили: “Мы – демократы!”

Это был последний наш отдых за городом. Вскоре наступили трагические события, во время которых даже на окраинах Душанбе находиться стало небезопасно.

В конце лета по республике покатила цепная реакция насилия. Кровью налился давний спор между гармскими и кулябскими таджиками. Началась гражданская война.

27 июля 1992 года в совхозе-техникуме им. Куйбышева Курган-Тюбинской области между двумя сторонами произошла ожесточенная стычка. Погибло более 30 человек. Только благодаря военным 191-го полка 201-й российской мотострелковой дивизии, вы-полнившим роль разделительных сил, удалось предотвратить дальнейшее кровопролитие. Несмотря на то, что при этом военные соблюдали нейтральную позицию, командира полка Е. Меркулова оппозиция обвинила во вмешательстве во внутренние дела республи-ки и поставила вопрос о выводе войск СНГ из Таджикистана.

Из дневника:

“24.08.92. Сегодня в 8 ч. 15 мин. в трехстах метрах от нашего дома у здания Мин-соцобеспечения убили прокурора республики Н. Хувайдуллаева. Он подвез жену на работу, Здесь его подкараулили, и после того как жена вошла в здание, прокурора вывели из ма-шины и в упор расстреляли из автомата. Убили и водителя. Затем убийцы пересели в служебную “Волгу” и исчезли. Вся республика потрясена. Начался этап терроризма.

В Бахтарском районе Курган-Тюбинской области столкновения продолжаются. Убивают людей, жгут дома. Появились беженцы. Убито уже около 1000 человек. Кто с кем воюет не слишком понятно. По одной версии это кулябцы с гармцами, по другой – какая-то третья сила. На границе с Афганистаном прорывы с той стороны с оружием. Сообщают, что на руках воюющих группировок в Таджикистане имеется от 13 до 15 тысяч стволов.

Цены продолжают расти. Буханка хлеба стоит уже 4 рубля, мясо – 70-80 руб./кг, масло сливочное – 170 руб/кг, морковь – 20 руб./кг.

В Узбекистан выезда нет. В аэропорту из-за отсутствия горючего нет рейсов ни на внутренних ни на дальних линиях. Заработную плату и пенсии не выплачивают по 2-3 месяца.

На недавней сессии ВС председателем избрали А. Искандарова, но власти в респуб-лике не чувствуется – идет разброд. Начали появляться обвинения русскоязычных в том, что они “уезжая, грабят республику”.

Когда оппозиция почувствовала, что за четыре месяца правления, созданного ею “коалиционного правительства”, ничего хорошего не произошло, она вновь вернулась к митинговой стихии. 31 августа на площади Шохидон собрались сотни “отдельных пред-ставителей народной массы”. Вооруженные боевики захватывают резиденцию президен-та, требуя его отставки. Митингующие против ввода в Таджикистан миротворческих сил СНГ. После того как боевики покидают резиденцию, президент куда-то исчезает.

2 сентября 1992 г. разыгралась трагедия в Курган-Тюбе. На площади перед здани-ем облисполкома собрались сторонники президента, в основном кулябцы. На митинге выступил руководитель кулябских формирований Сангак Сафаров с требованием объе-динения Кулябской и Курган-Тюбинской областей. Он призывал прекратить братоубийст-венные распри и поверить друг другу.

В это же время на соседнюю площадь вышли гармские и каратегинские боевики, требовавшие отставки президента Р. Набиева. Обстановка накалилась, появились вза-имные угрозы.

Милиция расположилась между двумя митингами. Кто-то выстрелил из пистолета и тут началось. С обеих сторон затрещали автоматы. Погибли десятки людей.

С этого дня в Вахшской долине кровопролитные бои уже не прекращались. Таджи-ки убивали своих же таджиков. Началась гражданская война. Противоборствующие груп-пировки разделились на “вовчиков” и “юрчиков”. Откуда возникли такие названия устано-вить трудно, но они в то время получили повсеместное распространение.

К “вовчикам” относились сторонники ваххабизма. В их рядах воевали в основном гармцы, каратегинцы и памирцы. Их идейным вдохновителем являлась Исламская партия возрождения. Однако, отдельные религиозные деятели несли народу не только “слово Божье” – мулло Абдугаффор во время Курган-Тюбинских событий постоянно ходил с пис-толетом за поясом. Религиозный фанатизм таджикских ваххабитов удивил и потряс весь мир. Они не только убивали своих противников, но и издевались над своими жертвами, применяли средневековые пытки. После стычек в отдельных районах Вахшской долины, по телевидению показывали сожженные дома и груды трупов, у которых были отрезаны носы, уши и гениталии. Глядя на

эти кадры, становилось страшно. Казалось, что мы живем во времена Чингиз-хана или Тамерлана. А в это же время некоторые российские СМИ сообщали, что в Таджикистане пришла к власти молодая, неокрепшая демократия, которую необходимо поддержать. Противниками “вовчиков” были “юрчики”, к которым относились в основном кулябцы, а также представители Ходжента и все “нетаджики”: узбеки, киргизы, туркмены, татары и даже русские. “Юрчики” поддерживали конституционную власть, были за дружбу на-родов, за светское государство без давления со стороны ислама. Хотя, конечно, здесь присутствовали и кланово-этнические факторы. Кулябцы, считая Вахшскую долину своей исторической землей Хатлона, никак не могли смириться с тем, что при освоении этой долины во времена Советской власти, многие горцы (гармцы и каратегинцы) поселились на этих землях и со временем заняли лидирующее положение. Памирец Палаев даже стал вначале первым секретарем Курган-Тюбинского обкома, а затем и председателем Верховного Совета республики. “Юрчики” воевали с “вовчиками” по тем же законам войны, часто по правилам мести, но они никогда не призывали к массовому пролитию крови. Они убивали противников, не пользуясь изуверскими методами. Если так можно выразиться – они “воевали более справедливо”. И, наверное, поэтому простые люди из Вахшской долины, спасаясь от террора боевиков-фундаменталистов, бежали именно в Куляб, под защиту Сангака и муллы Хайдара. Осенью 1992 года город Курган-Тюбе несколько раз переходил из одних противоборствующих рук в другие. Вначале положением овладели “вовчики”. Они устроили погром с убийствами в Ургут-махалле, где в основном проживали узбеки. Более 16 тысяч ургутцев бросились в поселок Ломоносова, который находился рядом с расположением российского мотострелкового полка. Военные защитили их от поголовного уничтожения. На территории военного городка спасались и другие беженцы: русские, татары и таджики, лояльные к конституционной власти. Там же находились и семьи военнослужащих. Оппозиция зверствовала, в городе повсюду валялись убитые. Стояла жара, трупы разлагались. Убирать их приходилось военным полковнику Меркулову. Зачастую хоронили прямо во дворах жилых домов. Во всех ближайших к Курган-Тюбе районах появились новые кладбища, стон стоял по всей Вахшской долине. Много беженцев, побросавших свое имущество, бросилось в Душанбе, а оттуда далее. Когда я сейчас слышу реплики о том, что “вас из Таджикистана никто не гнал”, то хочется, чтобы авторы подобных заявлений на миг очутились в сентябрьские дни 1992-го в охваченных боями Курган-Тюбе, Калини-набаде и Колхозабаде, а позже в Дусты и Шаартузе. Мой брат Алик, который в то время жил в поселке Гарауты Колхозабадского района, позже рассказывал о том, что у них изуродованные трупы находили в хлопке и в оросительных или сбросных каналах. Военным 191-го российского полка приходилось защищать не только людей. Они одновременно охраняли каскад Вахшских ГЭС, ВАТЗ (азотно-туковый завод), Яванскую ТЭЦ и Кызыл-Калинский мост. Оппозиция грозила их взорвать. Через некоторое время у “юрчиков” тоже появились БТРы, БМП и даже танки – несколько штук местные водители угнали из расположения российского полка. С той поры ситуация в долине начала меняться – “вовчиков” постепенно начали вытеснять. 7 сентября законно избранный президент Набиев попытался вылететь из Душанбе. В депутатском зале аэропорта он вместе с другими членами правительства и Верховного Совета был задержан “душанбинской молодежью” (так сообщили в газетах) и под дулом автомата был вынужден подписать заявление об отставке. Исполнять обязанности президента стал ставленник оппозиции А. Искандаров. Осенние события 1992 года отражены и в моем дневнике. “25.09.92. Вот уже неделю происходит противостояние между кулябцами и другой стороной. Кулябцы блокировали Нурек, были столкновения с человеческими жертвами на перевале Шар-Шар. Сейчас граница проходит по перевалу Чормазак. Кофирнигонцы (бывшие орджоникидзебабдцы) создают отряды самообороны. В Душанбе усилилась криминогенная обстановка. Никто не разоружается. И. о. президента Искандаров издал указ о создании из числа сотрудников МВД и КНБ групп по наведению порядка в городе. В Курган-Тюбинской области все продолжают вооруженные стычки. Оттуда много беженцев. Рахмон Набиев

находится в Ходженте...”

“17.10.92. Позавчера была попытка захвата заложников в душанбинской школе № 8. Исламская партия потребовала, чтобы воинские части РФ уничтожили военную тех-нику, принадлежащую кулябцам. В Вахшской долине продолжаются бои – уже в Колхоза-баде и в Уялах. Много беженцев в Душанбе. Была надежда на миротворческие части из Киргизии, но ВС Киргизстана решил их не посылать. Сейчас Д. Каримов просит страны СНГ помочь в этом направлении. Плохо с хлебом – большие очереди. В Кулябе всего дают по 100 грамм на человека. В Душанбе угоняют автомашины, грабят гаражи и автосто-янки. Рэкет, убийства. В Нуреке через Вахш взорваны мосты. ГЭС охраняется военными 201-й дивизии РФ.”

“25.10.92. Во вторник хоронили 7 человек артистов из ансамбля “Гульшан”. Их пригласили на свадьбу в Яван и при возвращении зверски убили. Кто это сделал – неиз-вестно. А вчера части кулябцев, регарцев и гиссарцев под руководством Рахимова и С. Кенджаева в 5 часов утра вошли в Душанбе и захватили правительственные здания и ка-зиат. Правительство укрылось в КНБ. Слышна перестрелка, прошу Тамару не подходить к окнам. Телевидение и другие важные объекты охраняются военными 201-й дивизии. Те-левидение в руках “демократов”, радио молчит. Только вчера в течение 10-15 минут бы-ло выступление по радио Кенджаева и Рахимова, которые осудили политику, проводимую ИПВТ, демпартией и “Растохезом”, призвали русскоязычное население и узбеков не поки-дать республику. Сегодня та и другая сторона стягивают силы”.

“27.10. 92. В субботу и в воскресенье в городе шли бои. И. о. президента Исканда-ров укрылся в военном городке 201-й российской дивизии. Стянулись проправительствен-ные боевики и выбили напавших на город. Состоялись переговоры. Договорились мирно вывести 150 человек из зданий Совмина и президентской резиденции. Но затем был убит Рахимов и ранен Кенджаев. Гиссарцы бежали. В центре города на месте боев десятки трупов. Вчера их убивали. Разбито здание Октябрьского райисполкома. Сейчас в городе идут “разборки”, транспорта нет, предприятия не работают. С хлебом плохо. По но-чам слышны выстрелы. Многие, как могут, выбируются из города”.

“08.11.92. Вчера начали ходить поезда. Три дня движение было прервано из-за то-го, что в районе Ханака был взорван путь. Город охраняется войсками 201-й дивизии РФ. По рекомендации стран СНГ (России, Узбекистана, Казахстана и Киргизии) создан Гос-совет республики. Сейчас здесь представители этих стран в качестве наблюдателей. Председателем Госсовета назначили и. о. президента Искандарова, но кулябцы его не признают. До 20-го ноября должна собраться сессия ВС. В городе плохо с продуктами – Душанбе практически блокирован. Уезжают русские, узбеки, ленинабадцы и памирцы. В период 24-25 ноября республику покинуло американское посольство. Говорят, что казико-лон А. Турадждо-нзода назначен послом РТ в Саудовскую Аравию, а председатель демпар-тии Шодмон Юсуф – послом в РФ, но верительные грамоты у него не приняли. Смещен председатель телерадиокомитета. Приезжал российский министр иностранных дел Ко-зырев, который знакомился с делами в республике и, в частности, с положением русскоя-зычного населения. На работу ходим, но студентов мало. Занятия посещают только го-родские студенты – 5-10 человек из группы. Иногородние разъехались”.

“10.11.92. Блокада Душанбе гиссарцами продолжается. Вновь разобраны рельсы железной дороги – теперь в районе Чептуры. Правительство и президиум ВС подали в отставку. Нас с сегодняшнего дня до 04.01. 93. отправили на каникулы”.

“16.11.92. Сегодня в Ходженте открылась XVI сессия Верховного Совета респуб-лики. Должны найти выход из создавшегося положения. Но уже вечером на ней был за-читан “Манифест народно-демократической армии”, призывающий к защите “демо-кратии” и снова обличающий своих врагов. Думаю, что так мира не добьются. Жел. до-рога все еще разобрана, Душанбе в блокаде”.

“26.11.92. Сегодня на сессии ВС в Ходженте “отставили” её председателя А. Ис-кандарова. Официально (законно) подал в отставку Р. Набиев, которого раньше боевики оппозиции вынудили покинуть пост президента. Избрали нового председателя ВС – ку-лябца Эмомали



Рахмонова. Собрали почти всех полевых командиров с обеих сторон, которые договорились о мире, в торжественной обстановке целовали новое знамя республики Таджикистан. 26-е ноября объявили Днем мира. Выступил председатель Народного фронта Таджикистана Сангак Сафаров. Он изложил свое видение происходящего в республике, обвинил казикалона, демпартию, “Растохез” и Лаъли Бадахшон”, ввергнувшие страну в кровавую бойню. Душанбе все еще в осаде, поезда не ходят”.

Интересен феномен Сангака Сафарова – этого народного лидера, благодаря которому удалось стабилизировать обстановку в республике и прекратить массовые убийства населения. Ему было 64 года, почти треть своей жизни провел в тюрьме, куда попал после юношеской драки с применением холодного оружия. В лагерях научился разбираться в людях и их психологии. Освободившись, женился, стал работать буфетчиком. Он оказался мудрее, опытнее и дальновиднее многих представителей партийной элиты, которая начала ползть перед наглюющей оппозицией. Проиграв на площади Озоди, он вместе с муллою Хайдаром повел борьбу против исламских фундаменталистов и лжедемократов у себя в кулябском регионе. Кулябцев пытались устроить блокадой и террором, но люди сплотились вокруг Сангака и ответили силой. Образовался Народный фронт, в который помимо кулябцев вошли гиссарцы и ленинабадцы со своим лидером С. Кенджаевым. Обладая талантом руководителя, Сангак становится председателем фронта. Вместе со своими полевыми командирами Рустамом Абдурахимовым, Лангари Лангариевым и Файзали Саидовым Сангак вначале освободил от власти оппозиции Курган-Тюбе, а затем и Душанбе.

Из дневника:

“03.12.92. Вчера закончилась XVI сессия ВС республики. Избрали новое правительство. Председателем Совмина стал Абдулоджанов. Новые министры МВД и КНБ. Во время сессии С. Кенджаев куда-то исчезал. По прибытии объяснил, что его брали в заложники. Оппозиционная Народно-демократическая армия (НДА) сообщила о том, что Кенджаев в это время летал в Турсунзаде, после чего активизировались гиссарцы. На окраине Душанбе слышны автоматные и пушечные выстрелы. Гиссарцы заняли пригородные кишлаки Бодом, Авул и др. Файзали наступает на Кафирнигон. Жел. дорога все еще не открыта. В Термезе под председательством Шапошникова состоялось совещание военных представителей стран СНГ. Было принято решение о вводе в Таджикистан миротворческих сил, но для этого необходимо утверждение ВС соответствующих республик: России, Узбекистана, Казахстана и Киргизии. С питанием в городе все труднее. Хлеб в больших очередях по 6-8 рублей буханка, мясо 100 руб./кг, картошка – 20 руб./кг. На сессии ВС Кулябскую и Курган-Тюбинскую области объединили в одну – Хатлонскую. Беженцы начинают возвращаться домой”.

“07.12.92. В пятницу было нападение городских боевиков НДА на ТЭЦ и тюрьму № 7. На электростанции пострадало управление. Боевиков отогнали, были жертвы. В юго-западном и западном направлении на окраине города уже три дня слышится оружейная канонада. Отряд Файзали ворвался в Кофирнигон, но вскоре его вытеснили за пределы города. В этой стычке погибло около 60 человек. Председатель ВС Рахмонов в Душанбе еще не прибыл. Душанбе по-прежнему в блокаде. На хлеб вводят талоны – по 300 грамм на человека. Предприятия и организации практически не работают, общественный транспорт ходит с трудом”.

“11.12.92. Вчера ночью (с 9-го на 10-е) боевики НДА пытались захватить МВД, но были отбиты, а днем 10-го в город вошли части Народного фронта из гиссарцев и кулябцев. Правительственные здания взяты ими под охрану. Городских боевиков отогнали в сторону Кофирнигона. Над городом летало два боевых вертолета. По ТВ выступил новый министр внутренних дел, который сообщил, что город находится под охраной частей МВД, спецназа, Народного фронта и 201-й дивизии РФ. Около 3-ей автобазы взорвали две машины с боеприпасами. Чьи это машины и кто их подбил, так и не выяснили. С хлебом плохо, его не дают даже по талонам. В России тоже не спокойно. Между президентом Б. Ельциным и съездом ВС РФ идут разногласия”.

“13.12.92. Сегодня в Душанбе пришел первый поезд – дорога открыта. Впереди состава шел восстановительный поезд с платформами впереди, а за ним цистерны с топливом и вагоны с

зерном. Танки 201-й дивизии охраняли жел. дорожный мост через Душанбинку – опасаются диверсий. Вчера в городе со стороны Гиссара и Кофирнигона слышалась перестрелка. Это добивали боевиков оппозиции. Через границу в Афганистан ушло более 50 тысяч таджикских беженцев. Есть сообщения, что боевики гонят их ту-да насильно”.

“21.12.92. Правительственные войска (МВД, КНБ, Народный фронт) освободили Кофирнигон (Орджоникидзеабад). Оппозиционеры сбили вертолет, ушли в горы в сторону Файзабада и Ромита. В Душанбе идет “зачистка”. По утрам находят трупы. Правительство издало ряд указов, согласно которым предусматривается уничтожение тех, кто не сдает оружие. Сегодня ушел пассажирский поезд на Москву. Спереди и сзади состава на платформах по два танка, над которыми развеваются российские флаги. Обстановка потихоньку улучшается, но с хлебом трудно”.

“30.12.92. 28-го кончился срок сдачи оружия противоправительственными силами, но его продлили до 4.01.93. По-видимому, не хотят новой крови на новогодние праздники. От боевиков освободили Файзабад и Пяндж. На юге оппозиция согнала более 90 тысяч беженцев и под их прикрытием боевики пытаются уйти на ту сторону границы. Правительство республики ведет переговоры с Афганистаном. В горах около Кафирнигона нашли трех убитых офицеров, похищенных 15 дней тому назад. На площади Озоди Сангак дал интервью по ТВ, в котором сказал, что нас, почти безоружных, в свое время отсюда выгнали, но вот я вновь здесь и уже с победой. ВС Казахстана отказался послать к нам свои миротворческие части, мотивируя свое решение тем, что они не знают фактического положения дел в Таджикистане. Рахмонов обратился в ООН с просьбой прислать комиссию по уточнению сложившейся ситуации в республике”.

Жизнь нашей семьи (и не только нашей) в эти дни практически остановилась. Занятия в институте не проводились, на работу мы не ходили. Основной задачей было достать продукты питания, особенно хлеб. Большинство людей сидело по домам, в центр города старались не выбираться. По вечерам собирались у себя во дворах и обсуждали новости. Пользуясь тем, что все наши родственники проживали за несколько домов от нас, мы с Тamarой постоянно ходили к нашим внукам и к моей старенькой маме. Иногда Лена со Славой приводили их к нам. За время противостояний в городе гибло много мирных невинных людей. У нас в микрорайоне женщина с грудным ребенком вешала белье на балконе. Прилетевшая от-куда-то шальная пуля, угодила ей в руку. В соседнем хлебном магазине, успокаивая очередь, дурак-милиционер выстрелил из автомата вниз. Пуля, срикошетировав от камня, попала в женщину, стоявшую в очереди. Спасти её не удалось.

Однажды едва не пострадали и мы. В один из вечеров, когда уже стемнело, мы своих ребят, пришедших провести нас, решили проводить до дому. Маленькую Надю везли в коляске. Свернув за наш дом, мы услышали хлопок. Подумав, что это балуются детишки, я крикнул в темноту: “Ну-ка, перестаньте!” И тут раздалась автоматная очередь. Мы бросились за дом, обогнули его, и по круговой дороге благополучно довели наших детей до их подъезда. Оказывается, на нашем пути кто-то из боевиков вел свои “разборки”. Хорошо, что пули летели не в нашу сторону.

Скромно мы встретили новый 1993 год. Если стол накрыть еще как-то удалось, и елку нарядили сохранившимися с прежних лет игрушками, то раздобыть подарки нашим внукам мы не смогли. Мне пришлось самому выпилить и раскрасить клоуна, прыгающего на перекладине и соорудить кроватку для кукол. В качестве реликвии, напоминающей о тех тяжелых днях, этот клоун хранится у Нади до сего времени.

Из дневника:

“10.01.93. Э. Рахмонов на совещании руководителей различных организаций сообщил, что за время гражданской войны в республике убито более 20 тысяч человек и тысячи пропали без вести. Много людей гибнет на границе. В такой холод они расположились за пограничной линией инженерных сооружений. Голодно, мрут, более 60 тысяч ушли в Афганистан. В отношении казикалона, Шодмона Юсуфа, Таира Абдуджатора и др. прокуратура возбудила уголовное дело. Объявлен комендантский час не только в Душанбе, но и в Кофирнигонском,

Ленинском и Гиссарском районах. Идет разоружение проти-воборствующих. Силы КНБ и милиции прирастают. Сангак заявил, что тот, кто идет против законного правительства, будет уничтожен. Силы оппозиции где-то за Файза-бадом. Из Душанбе усиленно изгоняются памирцы. В городе обстановка успокаивается, но становится труднее с питанием: хлеб достать трудно, мясо исчезает, нет масла. Рахмонов заявил, что за два последних года республику растащили, за что с президента необходимо спросить”.

“27.01.93. На совещании стран СНГ в Минске договорились ввести в Таджикистан 4 батальона по 500 человек в качестве миротворческих сил. В республике становится спокойнее, хотя все еще встречаются случаи противостояния. Позавчера начаты дейст-вия против боевиков в Ромитском ущелье. Недавно хоронили 14 из 16 расстрелянных ра-ботников фирмы “Восток-Меркурий”. Всех с почетом захоронили на мусульманском кладбище, включая и двоих русских. Нашли их зарытыми в пяти километрах от Байпа-зинской ГЭС. Пропали они еще в октябре месяце. Беженцы потихоньку возвращаются в места своего постоянного жительства. Десятками – из Афганистана. Но 15 тысяч на-ших беженцев переместили вглубь афганской страны, где организовали лагеря по подго-товки боевиков для реванша. С нашей стороны принимаются меры по защите границы. В основном границу охраняют русские пограничники. С продуктами в городе плохо, с каж-дым днем все дорожает. Хлеб начали выдавать на предприятиях, немного полегчало”.

“1. 02. 93. Вчера в последний путь проводили командира спецназа полковника Аб-дуллаева, которого убили, когда он пошел на переговоры с боевиками в Ромитском уще-лье”.

“25.02.93. На днях в Гарме из числа правительственных войск было убито 118 че-ловек. 22 нашли в братской могиле, остальных пока не обнаружили. Это были десантни-ки, которые должны были договориться с оппозицией о прекращении противостояния. Их приняли, выслушали, а затем всех расстреляли. По сообщению ЦТ над горисполкомом Гарма вывешен зеленый исламский флаг. В Душанбе отмечают отдельные убийства: месть, “разборки”, бандитизм. Цены продолжают расти: хлеб – 10 рублей буханка, мясо – 300 руб./кг, масло сливочное – 700 руб./кг. Почти весь скот в республике порезали. Моя зарплата – 10 тыс. 300 рублей. Студенты занимаются с 1-го февраля. Не приехали па-мирцы и гармцы”.

“03.03.93. Вот уже неделя, как закончились бои в горных районах. Правительст-венные войска вошли в Комсомолабад и Гарм. Относительно спокойно в Рамитском уще-лье. Оппозиция частью побита, а часть ушла в горы. В Гарм возвращается разбежав-шееся во время боев мирное население. В ГБАО для выяснения ситуации на Памире и ре-шения вопросов о мире выезжает правительственная комиссия. Туда уже пришел киргиз-ский батальон для защиты границы. Ожидаются части из России и Казахстана для ох-раны границы на Хатлонском участке. 8 марта Рахмонов вылетает в Китай. В городе с хлебом налаживается. Он появился в магазинах, но достать его трудно. Молодые парни атакуют окошечки, где выдают хлеб. Женщинам и старикам лучше не соваться”.

“01.04.93. 30 марта в Курган-Тюбе убиты председатель Народного фронта Сан-гак Сафаров и полевой командир Файзали Саидов. Официальная версия: убиты врагами нации. Но по слухам и как передало РосТВ, между ними произошла стычка. Файзали свое-вольничал и во время ссоры Сангак убил его, а охрана Файзали – смертельно ранила Сан-гака. 31. 03. состоялись похороны, республика в трауре. Обстановка вновь накалилась. В Хатлонской области объявлено чрезвычайное положение, в Кулябе и Курган-Тюбе введен комендантский час, в Душанбе повышена воинская готовность. Есть опасения, что раз-горится междоусобица в Хатлоне и поднимет голову притихшая оппозиция. На границе тоже замечены обострения. За несколько часов до своей гибели Сангак вел переговоры о возвращении беженцев из Афганистана. Только немного республика начала утихать – торжественно отпраздновали Навруз, Рамазан – и вот опять напряжение!”.

“13.04.93. 11-го сообщили, что в Ходженте в собственной квартире обнаружили мертвого бывшего президента республики Рахмона Набиева, якобы скончавшегося от инфаркта. В воскресенье было нападение боевиков оппозиции на кишлак в Алмасинском ущелье. Это остатки гармской группировки. Все 12 человек уничтожены подразделением МВД. На границе

постоянные попытки перехода и обстрел погранзастав со стороны Афганистана. Всех будоражит бывший курган-тюбинский мулла Абдугафор, который оказался по ту сторону Пянджа”.

“17.05.93. На республику свалилась и другая беда – залили ливни. Уничтожены по-севы, размыты дороги, смыты мосты. Сильно пострадала дорога в Варзобском ущелье. Разрушен водовод в город, Душанбе без холодной воды. Местами по горячей магистрали дают холодную воду. Общий ущерб порядка 100 млрд. рублей. С последствиями стихии знакомились представители других стран. Решили помочь. Россия безвозмездно выделяет 25 млрд. рублей и открывает кредит. На границе не спокойно. В Шуроабдском районе в заброшенном кишлаке засела группа, численностью около 300 человек, перешедшая из Аф-ганистана. Среди них есть и моджахеды. На днях с той стороны ракетой был сбит наш самолет Су. На границе за деньги пропускают кого попало и с чем попало. В республике нормальная работа никак не налаживается. Все надеется на помощь со стороны. А ра-ботать надо, одних посевов сколько надо посеять”.

“01.06.93. Десять дней назад республика подписала договор о дружбе и взаимопо-мощи с Россией. В Московском районе было нападение на погранзаставу со стороны Аф-ганистана. Убито два российских пограничника. РФ направила афганскому правительст-ву ноту протеста, а Таджикистан предупредил, что при повторении подобных случаев будут бомбиться отряды оппозиции, находящиеся на территории Афганистана. В Ка-лай-хумбском районе не сдаются разрозненные отряды боевиков оппозиции. Нам с мая прибавили зарплату: у меня будет 21 тыс. рублей, плюс пенсия 7 тысяч”.

“04.07.93. В Душанбе прошла XVII сессия ВС, на которой решались хозяйственные вопросы. Вокруг здания охрана. На границе в Пянджском районе банда в 150 человек про-рвалась с той стороны и зашла вглубь нашей территории на 10 километров. Она была блокирована и с помощью вертолетов разбита”.

“15.07.93. Позавчера на пянджскую 12-ю заставу было организовано одновремен-ное нападение моджахедов со стороны Афганистана и боевиков оппозиции с нашей сто-роны. Застава около суток отбивалась сама. Пробившиеся части 201-й российской дивизи-и, отогнали нападавших. В бою погибли 24 пограничника, в том числе и начальник по-гранзаставы. Одновременно с нападением на заставу был вырезан кишлак на нашей сто-роне. В налете принимал участие какой-то чин афганской армии – Афганистану предъ-явлена нота протеста”.

“20.07.93. В связи со случившимся на границе, произошло много событий. Вначале приехал министр обороны РФ П. Грачев, который побывал на пострадавшей погранза-ставе. Он в резкой форме заявил, что мы не позволим убивать российских солдат и за-щитим русских, проживающих в Таджикистане. Вчера в республику прибыл председа-тель комитета безопасности РФ Баранников, который сказал, что Россия будет защи-щать Таджикистан от нападков извне. В то же время наши соседи: Узбекистан, Казах-стан и Киргизия – отмолчались. А в Москве по данному вопросу начался бум. “Полити-ки” (Г. Попов, Киселев и др.) выступили против решения ВС России о вводе войск на гра-ницу между Таджикистаном и Афганистаном. Мол, это приведет ко второму Афгани-стану”.

Услышав подобные рассуждения, большинство русскоязычных, еще не уехавших из Таджикистана, были возмущены отношением некоторых высокопоставленных москов-ских “демократов” к своим единоверцам, оказавшимся в беде. То, что в течение почти суток 12-я застава отбивалась одна, не получая помощи (хотя от Душанбе до заставы боевым вертолетам пару часов лета), заставляло задуматься о каких-то политических иг-рах, проводимых в верхах. Чтобы как-то прояснить позицию России в вопросе защиты русскоязычного насе-ления, мы с соседом решили обратиться в российское посольство, которое тогда находи-лось в помещении гостиницы за бывшим “Домом политпросвета”. Посол был занят, нас принял консул В. Хрулев – родственник легендарного начальника Главного управления тыла Красной Армии времен Великой Отечественной войны генерала А. В. Хрулева. Уса-див нас за низенький столик, консул поинтересовался, что же нас привело в посольство. Мы высказали свою обеспокоенность, вызванную заявлением Г. Попова, и просили пере-дать послу просьбу о

необходимости рассмотрения вопроса о защите русскоязычного населения в странах СНГ в соответствующих российских политических и военных структурах. Хрулев внимательно нас выслушал, попросил не обращать внимание на суждения отдельных лиц и пообещал, что они с послом нашу просьбу донесут до компетентных органов. В конце беседы он попросил нас не беспокоиться, – “В беде вас не оставим”.

Из дневника:

“08.08.93. Вчера в Москве закончилось совещание руководителей России, Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана (Туркмения не участвовала), на котором Ельцин, Каримов, Назарбаев, Акаев и Рахмонов решили границу с Афганистаном считать общей и защищать ее совместно. Одновременно было принято решение обратиться в ООН и к правительству Афганистана с просьбой урегулировать положение на границе. Ельцин высказал мнение о том, чтобы в руководящие структуры Таджикистана избирались представители различных этнических групп и кланов. В Тавиль-даре идут бои с отрядами оппозиции. Памирцы возражают о вводе каких-либо войск в ГБАО. В России идет обмен денег образца 1961-92 г. г. на деньги 1993 года. У нас пока ходят старые, что привело к скачку цен. Все подорожало: мясо стало 1200 руб./кг, масло сливочное – 2000 руб./кг, хлеб 20 руб./буханка, картошка – 340 руб./кг, арбузы – 90 руб./кг, помидоры – 150 руб./кг, морковь – 400 руб./кг. Водка стоит 800 рублей бутылка, масло хлопковое в продаже отсутствует”.

“04.09.93. На той неделе из Афганистана вернулась наша делегация во главе с Рахмоновым, встретившимся там с Рабани и Хикматияром. Речь шла об урегулировании взаимоотношений между странами. Вместе с делегацией возвратились четыре наших пограничника, взятых двумя неделями раньше в плен. Хлеб у нас стал стоить 165 руб./буханка, но при этом начали выплачивать хлебную компенсацию – 1200 рублей в месяц”.

“10.01.94. С 5-го января у нас началась денежная реформа. С 08.01.94 в республике ходят только российские деньги 1993 года – денежные системы России и Таджикистана объединились. В ходу остались только мелкие старые деньги (1-10 руб), остальные приняли на счета в банке. До 200 тыс. руб. принимали с отметкой в паспорте, большую сумму – с представлением декларации. Обмена старых денег на новые не было. Однако, все дельцы свои деньги образца до 1993 года уже обменяли или выгодно пристроили. В последние дни до обмена мясо доходило до 40 тыс. руб./кг, масло – до 20 тыс. руб./кг. С питанием трудно, в магазинах ничего нет, в основном сидим на макаронах. У нас с Тамарой было всего лишь 2500 руб. старых денег – пошли и купили две банки консервированной каши с мясом. На границе каждодневные стычки. Внутри республики обстановка сложная: оппозиция ушла в подполье, чувствуется взаимная озлобленность. Иногда она изливается и на русскоязычных. На неделе в Душанбе убили дьякона православной церкви и всю его семью: шесть человек, включая 1,5 годовалого ребенка. Ленинабадцы настаивают на экономическом отделении. Они даже попытались бойкотировать последнюю сессию ВС”.

## Глава 32

### ПРОЩАЙ, ТАДЖИКИСТАН!

Странное было время. Несмотря на то, что в республике шла гражданская война и в городе почти каждый день происходили перестрелки, мы с небольшими перерывами продолжали свою научно-педагогическую деятельность: читали лекции в полупустых аудиториях, проводили дипломные защиты, занимались наукой. Я в соавторстве с работниками “Таджикглавэнерго” подал две заявки на изобретения, касающиеся защиты высоковольтного оборудования подстанций от сейсмического воздействия. НИИГПЭ рассмотрела наши заявки и признала их патентноспособными, но патента мы так и не получили: нужно было выплатить пошлины, финансовые же взаиморасчеты между Россией и Таджикистаном в это время были усложнены. Патенты остались в ведении РФ.

Отношения между местными студентами и русскоязычными преподавателями в целом были неплохие. Однако встречались случаи и недоброжелательства. Однажды со слезами на глазах ко мне подошла наша преподавательница Сенько Г. М. и попросила зайти к ней в группу на

занятия: один из злобствующих студентов с угрозой потребовал, чтобы она выставила ему зачет. Мне пришлось отдельно поговорить с ним и попросить его извиниться перед Галиной Мартемьяновной. Ко мне студенты в большинстве своем относились уважительно, поэтому скандалист немного поерепенился, затем согласился, попросив меня не сообщать о происшедшем инциденте в ректорат.

Был и другой случай, который тоже закончился благополучно. Как-то я сидел на кафедре за своим рабочим местом. Ко мне подошел одетый в камуфляжную форму, с ав-томатом в руках и пистолетом за поясом, наш пятикурсник из таджикской группы энергетиков и попросил принять у него зачет. Студент прямо заявил, что готовится ему некогда, так как он служит в президентской охране. Я со смехом спросил, почему он не захватил с собой и гранатомет и заставил его записать полтора десятка основных вопросов по курсу, которые он обязательно должен знать. Дня через три студент-войка с трудом ответил на них и получил отметку в зачетке. Когда он позже с горем-пополам защитил свой дипломный проект, мы с деканом порекомендовали ему никогда не работать по специальности электрика.

Но не всегда все кончалось добром. Боевики не щадили свои научно-педагогические кадры. В эти трагические для республики годы были убиты: бывший проректор по науке Таджикского госуниверситета М. Назаршоев, ректор мединститута Ю. Исхаки и его заместитель по науке М. Гулямов, не пощадили даже своего бывшего президента Академии наук академика М. Асимова.

Большинство преподавателей нашего института поддерживало конституционное правительство, но были среди них и сторонники оппозиции. Как я уже говорил, у нас на кафедре работал преподаватель, который участвовал во многих акциях, проводимых оппозицией. Выпускник МЭИ, кандидат технических наук, весьма образованный человек, с которым раньше было интересно общаться, ввязавшись в политику, на глазах озлобился, стал обвинять во всех бедах сначала коммунистов и ленинабадцев, затем узбеков, а потом и русских. Помню, как осенью 1992 года, он на бронетранспортере подкатил к нашему дому, посадил в него свою сестру, которая проживала в соседнем с нами подъезде, и всем своим кланом отбыл к себе на родину – в ГБАО. В то время памирцы, потерпев поражение, поспешно бежали к себе, увозя с собой все, что было можно: машины, холодильники, ковры, продукты. Гражданская война в республике привела к тому, что русский “исход”, начавшийся в конце 80-х, осенью 1992 года превратился в паническое бегство. Люди за бесценок продавали квартиры; переплачивая большие деньги, доставали контейнеры и, откупаясь взятками, с трудом отправляли их. Везде творился беспредел – поборы, унижения, за все надо было платить: за справки, доверенности, свидетельства и т. д. Никто не компенсировал брошенное. Складывалось мнение, что власти неофициально препятствуют отъезду русскоязычных из страны.

С трудом достав билеты, люди бросались в любые вагоны, которые по пути осматривались “таможенниками” вначале у себя, а затем на границе с Узбекистаном. И опять вымогательство, поборы, угрозы. Только за Термезом в пассажирских поездах становилось поспокойнее. Многие доставали грузовые вагоны, загружали туда свои легковые машины и скарб, устанавливали столы и раскладушки и целыми семьями отправлялись в многонедельное путешествие на свою этническую родину – матушку-Русь. Большинство ехало в неизвестное, никто их нигде не ждал.

Наш Саша с семьей и тещей покинули Таджикистан еще в относительно спокойное время – 31 декабря 1991 года. Уехали они на Украину в г. Кировоград, где проживала тещина родня. Там они купили небольшой домишко, Саша устроился на работу в какую-то строительную организацию.

В декабре 1991-го наш зять Слава перешел работать в только что отпочковавшийся от Выставки достижений народного хозяйства Таджикистана художественно-оформительский кооператив “Оформитель” (ХОКО), который вскоре стал заниматься миграционными и переселенческими вопросами. Кому-то из руководства ХОКО (скорее все-го начальнику – А.В. Балашову) понравился небольшой провинциальный городок в Воронежской области – г.

Борисоглебск, через который в то время проходил поезд Душанбе – Москва, что облегчало вопросы с перевозками. Да и свободной земли в Борисоглебске было достаточно. Договорившись с местной администрацией, хоковцы решили поселок вынужденных переселенцев строить там. С желающими выехать из Таджикистана организованным путем, ХОКО начал заключать договоры.

В начале 92-го зять принес нам фотографии домов, которые собирались строить в Борисоглебске: небольшие двухэтажные коттеджи со встроенными гаражами. Совместно обсудив наши финансовые возможности и перспективу дальнейшего проживания в республике, мы решили заключить с ХОКО договор и перебраться в Борисоглебск. Часть первоначального взноса внесли и мы с Тамарой.

С этого времени Слава, вместе со своим другом Леонидом Маханьковым, начали ездить в Борисоглебск в командировки, где они занимались организацией хоковской типо-графии. Переехавших в Борисоглебск переселенцев, первоначально размещали где мог-ли: в общежитиях, в неработающей городской бане, на квартирах. После того, как в начале 1993 г. зятю в общежитии автодорожного техникума выделили две комнатки, он приехал в Душанбе за семьей. Мы срочно упаковали всю их и нашу мебель и вещи и отвезли на базу ХОКО, откуда все пожитки переселенцев в товарных вагонах отправлялись в Борисоглебск. В посольстве РФ оформили российское гражданство, и наши дети стали готовиться к отъезду. Тамара, надумав помочь им устроиться на новом месте, решила ехать с ними. Ей также пришлось получить российское гражданство и сняться с душанбинской прописки.

С деньгами было трудно. Железнодорожные билеты оплатил ХОКО, у ребят на руках была небольшая сумма на первое время, а Тамаре из всех пенсионных денег, которые она откладывала на сберкнижку, сберкасса по разрешению райисполкома выдала всего лишь 20 тысяч рублей, да и то с записью в паспорте (на эти деньги в то время на базаре можно было купить два килограмма сливочного масла).

16 февраля 1994 года поздно вечером я со слезами на глазах провожал своих детей, жену и особо любимых внушек. Простился я с ними при посадке в машину – ехать на вокзал было не просто и не безопасно. В проходах участвовали и родители Славы. Когда поезд, набирая скорость, проходил напротив нашего дома, я из освещенного окна квартиры, расположенной на четвертом этаже, помахал детям рукой. Как потом оказалось, они видели меня и попрощались в ответ. После того, как поезд растаял в темноте, на душе осталась пустота и щемящее чувство одиночества...

В тот год душанбинский поезд на Москву проходил уже не через Борисоглебск, а через Тамбов. Там наших ребят встретили Маханьков с Сашей, который к этому времени, покинув Украину, тоже устроился на работу в ХОКО. Вместе с нашими ребятами из Душанбе в Борисоглебск ехала, находящаяся на сносях, дочь заместителя начальника ХОКО. Поэтому за всеми ими в Тамбов был послан автобус. Проехав около 180 км, наши ребята оказались на “земле обетованной” – в г. Борисоглебске. Как заблестели глазенки у наших маленьких внушек, когда они после долгого перерыва вновь увидели на столе белые булочки и разные сладости, которыми их угощали наши душанбинцы – соседи по общежитию. Дочь Лена, побывав на местном рынке, долго восторгалась от обилия продуктов, имеющихся в продаже. За время наших последних лет жизни в Таджикистане, мы отвыкли от такого разнообразия.

Наш зять еще в 1993 году, заодно со своей семьей, оформил статус вынужденного переселенца и на Тамару. Находясь в Борисоглебске и уже имея российское гражданство, моя жена там прописалась и переоформила пенсию. Я же в это время продолжал работать у себя в институте, где зарплату, хотя и с задержками, но выплачивали.

В большинстве микрорайонов Душанбе центральное отопление не действовало, население обогревалось электричеством или газом. Я у себя закрыл одну из комнат и, придя пешком с работы (общественный транспорт в основном ходил только по центральным улицам) и, приготовив ужин, по вечерам устраивался в зале у электрообогревателя перед телевизором. Спал в своей комнате под двумя одеялами и в вязаной шапочке на голове. Регулярно ходил проведать маму и семью брата, иногда свяжков – родителей зятя.

Нервотрепки, вызванные последними событиями, не прошли для меня даром. Все хуже и хуже стал видеть правый глаз. В поликлинике установили диагноз – катаракта. На-до было дожидаться её “созревания” и лечиться на операцию. С этим недугом я был уже знаком – пятью годами раньше подобную операцию перенесла наша мама. Тогда она оказалась в трудной ситуации: один глаз у неё был удален в связи с подозрением на он-кологию, а второй прекратил видеть из-за помутнения хрусталика. Она практически осле-пла.

К беде, связанной со зрением, добавилась и другая. Как-то брат Слава полез в по-греб, устроенный под лоджией (они жили на первом этаже). Крышку люка не закрыл и маму не предупредил. Та на ощупь пошла зачем-то в лоджию и провалилась вниз в по-греб, получив сотрясение мозга и перелом руки. Выходив после падения, мы уговорили её лечь на операцию катаракты. Тогда еще во 2-м корпусе республиканской больницы в Кара-боло работали врачи высшей квалификации. Маму оперировала профессор Вовси. Глаз стал видеть, спустя некоторое время мама в очках смотрела телевизор и с помо-щью лупы читала книги. 20 мая 1994 года Тамара, получив полагающуюся за три месяца пенсию, верну-лась в Душанбе. Ехала она поездом вместе с другими хоковцами, которые по различным делам были командированы в душанбинское подразделение, руководимое Рубцовым А. Л. Встретили мы Тамару вместе с моим другом Н. Земченко, и на его “Запорожце” при-везли её с вокзала домой. Через месяц нам позвонил Слава и попросил отдать его машину хоковцу Аратову для перегона её в Борисоглебск. Из Душанбе выезжала колонна автомашин, принадле-жавших ХОКО, вместе с ней своим ходом пошла и наша легковушка. Колонне предстояло проехать по территориям четырех республик, покрыть около 3000 километров. Конечно, чужие руки нашу машину в дороге особенно не берегли, её изрядно побили.

Наш гараж опустел. Мы были довольны тем, что, несмотря на стоявший в городе беспредел, машина в нем сохранилась в целости до самой отправки в Борисоглебск. Большинство гаражей нашего ряда было взломано, машины разграблены, а некоторые угнаны. Развалили гаражи и вдоль Душанбинки. Их построили как раз перед трагически-ми событиями 1991-92 гг. Рощу, растущую перед гаражами, население соседнего кишла-ка вырубил на дрова. Озеленение этого участка проводилось лет десять назад, деревья были уже большие. В посадке их принимал участие и я. Мы частенько с детьми и внуками спасались от жары в тени этих деревьев, растущих по берегу нашего пруда или бурляще-го канала с холодной горной водой. И вот теперь ряды пеньков, сушь и солнцепек.

В этот нелегкий период наши внучки больше играли у нас на глазах рядом с ме-бельным магазином недалеко от нашего дома. Там еще в спокойные советские годы бы-ла сооружена детская площадка с небольшой сценкой и скамейками перед ней. Частень-ко, наша Надюшка с этой “эстрады” своим звонким голоском пела модную в ту пору пес-ню: “ Русские, русские, ну зачем вам нужна эта война...”

За время местной гражданской войны вырубил деревья и в городском сквере “По-беда”, расположенном на восточных холмах над городом, а также в зеленых уголках юж-ных микрорайонов. Как не вспомнить ленинградцев, которые во время блокады жгли свою мебель, но не трогали деревья на городских улицах и в парках...

К этому времени мой правый глаз перестал видеть совсем, да и левый начал ба-рахлить. Надо было решать вопрос с операцией. Хороших гпазников-хирургов осталось мало. Через Зинаиду Ивановну, работающую в мединституте, мы вышли на офтальмоло-га, профессора Ахророву, которая согласилась прооперировать меня в своем глазном от-делении республиканской больницы. Когда мои студенты узнали, что необходима опера-ция глаза, то многие из них предложили оказать мне посильную помощь. Одна из студен-ток, мать которой была заведующей глазным отделением клиники в г. Хороге, организо-вала доставку искусственных хрусталиков с Памира в Душанбе. Но использовать их не пришлось, так как профессор Ахророва искусственные хрусталики не особенно жаловала и предложила мне после операции носить линзы.

26 июня 1994 г. глаз прооперировали. Сама операция была недолгой, но после неё нужно было сутки лежать не вставая, к чему я был непривычен. У нас в палате, кроме ме-ня, лежало еще два



деда местной национальности. Интересно было наблюдать за ними, когда они совершали намазы. Молились они, сидя на своих постелях, а так как их кровати располагались по отношению друг к другу под прямым углом, то в нарушение мусульманских канонов, бабаи били поклоны в разные стороны. Когда я заметил, что они молятся не в сторону Мекки, деды сослались на то, что правила шариата по отношению к больным допускают некоторые послабления.

Один из дедов был из далекого Пянджского района. Он был беден, питался только весьма скудной больничной пищей, никто его не посещал. Я попросил Тамару приносить съестное и на него, за что мой подопечный был очень благодарен нам. Особенно ему нравился компот, который готовила моя жена. Каждый раз, утолив им жажду, вызванную неимоверной июньской жарой, он восклицал: “Ах, какая женщина! Ах, какой компот!”

Раньше дед работал в своем кишлачном магазинчике. Он до копеек помнил все цены на продукты и другие товары, продаваемые у них ранее в госторговле. В разговорах частенько жаловался на то, до чего довели простой народ эти “деймократы”: магазина не стало, цены на рынке поднялись так, что все сразу обнищали. Колхозы развалились, трактора стоят из-за отсутствия горючего, землю пахать нечем. “Хоть где-нибудь бы достать быков” – мечтал он. У него было шестеро еще не вставших на ноги детей.

Об общем упадке, происшедшем после развала СССР и обретения республикой своей независимости, можно было судить даже по тем порядкам, которые установились в больнице. Многие квалифицированные врачи разъехались, нужные лекарства больные доставали сами, младшего медперсонала не хватало, больничное питание было символично. Помню как девочки-таджички, учащиеся медучилища, сзывая больных на закапывание глаз, кричали: “Каапить, каапить!”

Через неделю после операции с глаза сняли повязку, он начал что-то видеть. Но все было расфокусировано, ходить было трудно. Спустя несколько дней Тамара забрала меня домой. Когда я пришел в отделение снять шов, моего подшефного деда уже не было. Уезжая, он продал свой чайник и еще что-то из вещей. Вырученных денег на дорогу домой не хватило, недостающее собирали соседи по палате.

Простой народ, задуренный рвущимися повластвовать, остался в нищете, а ново-явленная “элита”, ограбившая тружеников, начала жировать.

Лето заканчивалось. В глазной клинике, расположенной за кабельным заводом, я начал примерять линзу для своего оперированного глаза. Но из этого ничего не получилось – я так и не научился одевать и снимать её. Пришлось перейти на очки.

Как трудно давались первые шаги с этими очками. Глаза видели по-разному, бифокальное зрение было нарушено, все расплывалось. Когда Тамара впервые вывела меня на улицу, то я даже с помощью палки еле мог передвигаться: каждая рытвинка казалась яминой, каждый камушек – глыбой. Пришлось стекло очков против оперированного глаза заклеить бумагой, оставив в ней небольшое отверстие. По мере привыкания, отверстие увеличивалось. Так, постепенно, в течение месяца, я довел свое зрение до такого состояния, что хотя и с палочкой, но уже мог самостоятельно передвигаться по улицам.

Где-то в октябре месяце я впервые после операции пришел в институт и вскоре приступил к чтению лекций. Вначале было трудно: на улице больше пользовался здоровым глазом, а у доски – оперированным. Со временем все совместилось, зрение стало терпимым. При чтении, я просто немного передвигал очки на носу.

Наша жизнь в Душанбе осложнилась до предела. Официальная власть призывала русскоязычных не уезжать из республики, но оставаться там смысла не было – русские практически оказались на положении людей второго сорта. Борьба за обладание более или менее оплачиваемых должностей и рабочих мест развернулась даже среди лиц местной национальности. Началось насаждение кулябцев.

Трудно стало с продуктами питания. Буханка хлеба стоила 165 рублей, но завоевывалась она в очередях с драками. Однажды досталось и Тамаре – какой-то дурак двинул её локтем по голове. Как-то в очереди за хлебом мы повстречались с бывшим вице-президентом АН

ТаджССР, доктором технических наук, профессором Соложенкиным П. М. Он скромно стоял в очереди со своим потертым портфельчиком в руках. Нам в инсти-туте иногда выдавали по 2-3 буханки на неделю. Мясо на рынке стоило 2000 руб./кг, мас-ло сливочное – 11000 рублей за килограмм.

Зарплату почти что не платили, задерживали и пенсии. Оставшиеся русские сидели на базарах и распродала свои пожитки. Стала вязать воротнички и продавать не-нужную мелочь и моя Тамара. Нас выручило то, что мы с преподавателем нашей кафедр-ры, доцентом Садыковым Б. С., выполнили одну хоздоговорную работу, за которую полу-чили несколько коробок с бутылками импортного растительного масла. Тамара продава-ла масло и на вырученные деньги покупала необходимые продукты.

В конце января 1995 г. из Борисоглебска приехал Слава. Мы срочно упаковали все свои оставшиеся вещи и отправили их на базу ХОКО. Мне в посольстве РФ оформили российское гражданство, и мы с Тамарой стали готовить все необходимые документы для выезда из республики. Из-за отсутствия денег, заработную плату, причитающуюся еще с июня месяца 94-го года, мне в институте так и не выдали. Не выдали нам с Тамарой и вклады в сберкассе, где мы хранили свои пенсионные сбережения. Пришлось оставить доверенности моему брату Вацлаву, чтобы он получил наши деньги, когда они появятся.

Найдя покупателя-таджика, за бесценок – 5,5 миллиона рублей – продали свою трехкомнатную квартиру. Продали вместе с кухонным гарнитуром, кондиционером и даже охранной сигнализацией, которую я когда-то соорудил сам. Одновременно и зять продал свою квартиру и гараж, расположенный в нашем дворе. Из полученных за нашу квартиру, денег 200 тысяч рублей я оставил маме. Тамаре, как участнику Ленинградской блокады, стоимость проезда от Душанбе до Борисоглебска была бесплатна, мне же билеты и на самолет и на поезд пришлось купить из суммы, полученной за квартиру. Оставшиеся деньги в рублях, мы на черном рынке обменяли на “баксы”, что составило где-то около тысячи долларов.

В дни перед отъездом я попрощался со своими близкими товарищами и коллегами по работе. На кафедре устроили небольшой символический “шведский стол” (шиковать то было не на что). На прощанье в мой адрес было сказано много приятных вещей. Особен-но мне понравились слова, от души, произнесенные Б. Садыковым: “Ваш дух, уважаемый Марат Янович, после вашего отъезда еще долго будет витать в стенах нашей кафедры и института, а мы и ваши студенты долго будем помнить о Вас”. Уходя с кафедры, я про-шел сквозь строй наших студентов, стоящих вдоль стен и со словами благодарности, ма-шущих мне на прощание рукой. В конце я повернулся и поклонился всем. Да, более чем двадцатилетняя работа в институте была не напрасной.

Дома меня ждал, пришедший проститься мой старый друг и товарищ еще с техни-кумовских далеких лет Александр Иванович Деревенченко, пришли попрощаться наши старые друзья Земченко. Было много воспоминаний, расставались тепло и сердечно.

Опасаясь грабежа, мы последнюю ночь провели не в своей квартире, а у мамы, в семье брата. Это был последний вечер моего общения с мамой. Хотелось поговорить о многом: об истории их знакомства с моим отцом, об их жизни и загадочном его исчезно-вении. Но мама старалась переводить разговор в современность, все время умоляя меня простить её за то, что не сумела сохранить меня здоровым в детстве. Мы сидели обняв-шись, понимая, что этот наш разговор последний в жизни. Никогда я не ощущал её такой родной и близкой: сухонькой, с костлявыми плечиками под моими руками и еле бьющим-ся сердцем у моей груди.

Утром мы все со слезами распрощались и сели в машину. Я знал, что маму боль-ше не увижу никогда...

В аэропорту таможенники заставили нас заполнить декларацию, на всякий случай, порылись в одном из узлов, и пропустили на посадку. На верхней площадке посадочного трапа я обернулся и в последний раз окинул взором все то, что десятками раз обозре-вал, отправляясь из Душанбе в дальние рейсы. Это было последнее свидание с моей родной землей, на которой я вырос, выучился, внес свой посильный трудовой вклад, ро-дил детей и внуков, приобрел друзей и похоронил своих родных и близких. И вот теперь, по воле бездарных и недалёковидных

“политиков”, вынужден бросать все это, уезжая в неизвестное.

Самолет круто пошел вверх, за Орджоникидзебабадом повернул влево и, набрав нужную высоту, взял курс на Москву. Сзади скрылась Гиссарская долина, впереди промелькнули пики Гиссарского, Зеравшанского и Туркестанского хребтов. Прощай моя ма-ленькая родина, мой Таджикистан! Прощай, “Республикаи ман!”, о которой когда-то пел прекрасный певец Таджикистана Ахмат Бобокулов, про которого, так же как и про воспе-тую им цветущую республику, постарались быстро забыть новые властители страны.

Глава 33

### В БОРИСОГЛЕБСКЕ

В Москве мы приземлились в аэропорту Домодедово. Как все изменилось со вре-мени моего последнего пребывания здесь в 1985 году! Народу стало больше, причем, большинство с большими сумками и тюками в руках и на спине куда-то спешило. Зал ожидания аэровокзала был забит торговыми прилавками и ларьками-киосками, в воздухе стоял какой-то базарный дух. Все скамейки были заняты, в проходах между ними на сво-их узлах спали пассажиры. Все это мне напомнило знаменитый “шестой зал” Ташкентско-го железнодорожного вокзала начала пятидесятых годов. В это же время прибыл самолет из Ашхабада. Пассажиры двух рейсов смешались. Таможенники не стали проверять наши вещи и декларации и нас, вместе с туркменскими пассажирами, выпустили в зал ожида-ния. Я слышал, как один из таможенников произнес: “Да ладно. Чего их проверять. Турк-мен-баши (президент Туркмении) – свой человек”. Так что, если кому надо было провезти контрабанду (особенно наркотики), то он мог сделать это беспрепятственно.

Наш зять позвонил в московский офис ХОКО и вскоре за нами пришел автобус, на котором нас отвезли в арендуемую ХОКО квартиру для приезжих в общежитии автодо-рожного института, расположенного в Химках. Переночевав там, мы на другой день с Па-велецкого вокзала выехали в Борисоглебск.

Утром 10 февраля 1995 года нас на вокзале в Борисоглебске встретили наши дети и внуки. Приехал помочь нам выгрузиться и друг наших детей Леня Маханьков. Все вме-сте на хоковском автобусе мы добрались до общежития автодорожного техникума, где в двух комнатках проживала с семьей наша дочь Лена. В одной из этих комнаток вместе с внучкой Лялей поселились и мы с Тамарой. Началась наша жизнь на новом месте.

На другое утро я, одевшись потеплее, вышел на улицу. Техникум и его два пяти-этажных общежития стояли в районе “Аэродромная” на краю города. Вокруг домов воз-вышались сугробы снега, с полей дул пронизывающий ветер. Рядом с кучами мусора на помойке бегала свора голодных собак, которые от холода переступали с одной пары ног на другую, в небе летали стаи ворон и галок. Зрелище меня особенно не порадовало. Это была не наша Азия. Зять был заведующим хоковской типографией, расположенной в подвале автодо-рожного техникума. Там же находилась и часть наших вещей. Мебель же, книги и другие пожитки были закрыты в морских контейнерах на базе ХОКО. Мы с Тамарой взяли только самое необходимое и с помощью ребят более или менее сносно оборудовали наш быт. В секции на четвертом этаже, кроме нас и наших детей и внучек, проживало еще две семьи душанбинцев: хоковская главбух с мужем и её взрослые дети. Отгородив себе уголки, в которых установили обеденные столы, обе семьи питались в холле секции, пищу готови-ли на общей кухне. Хотя и тесно, но устроились мы терпимо: была вода, отопление рабо-тало. Многие переселенцы проживали в худших условиях – в вагончиках, садовых доми-ках, домах-бочках и т. п.

Тамара прописалась в Борисоглебске и оформила свою пенсию еще в свой первый приезд, мне же пришлось этим заняться сейчас, благо российское гражданство я получил еще в Душанбе. Прописали меня быстро, а вот оформление пенсии заняло определенное время. Автобусы в городе ходили редко, пришлось потопать в “Собес” пешочком. Зрение еще было неуверенное, ходил с палочкой.

Тем временем наступила весна. Нам рядом с общежитием выделили пару соток земли. Мы с Леной занялись огородными культурами: посадили помидоры, огурцы и дру-гую столовую

зелень. Мне пришлось вспомнить агрономические уроки, полученные в детстве от Яна Богуславича. Много труда отнимал полив: арычного орошения здесь не существует, воду приходилось таскать в ведрах и флягах из водопровода. Работа на огороде занимала время и отвлекала меня от нерадостных мыслей человека, привыкшего к труду и внезапно оставшегося без работы.

В середине апреля мне, наконец, назначили пенсию по российским законам. Она составила около 175 тыс. рублей в месяц. Причем, вернули то, что за шесть месяцев не выплатили в Таджикистане. Это оказалось хорошей финансовой поддержкой для нашей семьи.

Как-то Тамара принесла местную газетку, в которой Борисоглебский филиал Воронежского высшего военного авиационного инженерного училища объявлял конкурс о замещении вакантных мест на должности преподавателей кафедры теоретической механики. Филиал располагался в бывшем Высшем военном училище летчиков имени В. П. Чкалова. Училище было легендарным. В нем учились В. Чкалов, А. Юмашев, В. Коккинаки, Н. Каманин, И. Мазурук, В. Талалихин и многие другие известные всей стране летчики. В нем проходил службу и будущий невезучий политик новой России Руцкой.

До ВОВ в этом училище стажировался немецкий ас и будущий рейхсминистр, маршал авиации фашистской Германии Г. Геринг. Уже работая в училище, мне рассказали байку о том, что во время войны, для сохранения учебных корпусов и аэродромных комплексов училища, в которых Геринг когда-то обучался, он отдал распоряжение о том, что-бы Борисоглебск немецкая авиация не бомбила. Документального подтверждения этому я нигде не встретил, но действительно, несмотря на то, что фронт практически огибал Борисоглебск, город бомбардировкам не подвергался.

Прочитав объявление о конкурсе и вспомнив, что когда-то я вел занятия по механическим дисциплинам в Душанбинском индустриальном техникуме, я решил обратиться на кафедру теоретической механики военного училища о возможности работы преподавателем кафедры. Как назло, я в это время сильно ошпарил себе ногу, она болела, я хромал. Когда пришел в училище, то накрепко всю волю, чтобы не показать своей хромоты. Про катаракту промолчал – я уже в основном смотрел прооперированным глазом, ходил без палочки. Побеседовав со мной, завкафедрой к.т.н., доцент Капацин В. М. предложил подготовить необходимые документы для участия в конкурсе.

4 июля 1995 года меня приняли в училище в должности преподавателя по курсу “Детали машин” с проведением практических занятий по “Сопротивлению материалов”. Приняли по 12 тарифному разряду с годичным испытательным сроком. У себя в институте я был доцентом и вел свои, родные мне, электрические дисциплины. Здесь же приходилось довольствоваться и этим – другой подходящей работы в городе не было. Оказалось, в военном училище в должности преподавателя физики работал и наш земляк – к.т.н. и бывший доцент нашего института А. Шамсутдинов. Как мы потом узнали, в отчетности для вышестоящих руководство училища показывало нас с ученым званием “доцент”, а платило как простым преподавателям. По-видимому, это делалось для поднятия престижа филиала.

Не успел приступить к работе, как меня загрузили методическими делами. Надо было срочно подготовить учебно-методические материалы по всему курсу “Детали машин”: написать и отпечатать лекции, разработать и размножить пособие по курсовому проекту, составить планы проведения занятий и т. д. Режим работы в военном училище отличался от того, что было в нашем институте. Все документально оформляется, исполнение контролируется. Заведующий кафедрой, полковник в отставке, был в этом отношении педантичен.

Коллектив преподавателей на кафедре мне нравился. Почти все мужчины были бывшие летчики, прошедшие службу в различных регионах страны и за рубежом, одна из преподавательниц являлась женой начальника штаба Борисоглебского центра подготовки летчиков, и только две сотрудницы были коренными жителями города. Поэтому мое миграционное положение в коллективе особенно не ощущалось. А ведь случаи отторжения вынужденных переселенцев в некоторых организациях и селах, где работали и проживали только местные кадры, происходили. Так, например, из городской администрации выжили,

устроившуюся туда экономистом, нашу землячку, хорошего специалиста в своей области, к.э.н. Н. Х.

Большинство наших душанбинцев трудились в ХОКО, работали за мизерную зар-плату, с надеждой получить там жилье. В один из весенних дней 1995 г. я надумал пови-дать главного энергетика ХОКО А. Давлякамова, с которым имел деловые связи, когда он еще работал главным инженером Душанбе-Вахшской районной электросети. На месте я его не застал, а через некоторое время мне пришлось провожать его в последний путь – Анвар Хафизович умер от инфаркта.

В Борисоглебск переехало и несколько выпускников нашей кафедры. Кое-кто уст-роился неплохо. Дочь моего товарища, Люда Деревенченко, вместе с мужем были приня-ты на работу в управление Борисоглебских сетей “Воронежэнерго” с хорошими окладами, организация выделила им благоустроенную квартиру. Но были и такие, которые зараба-тывали, торгуя на рынке различными железками и поделками.

С сентября начались занятия с курсантами училища. Кроме проведения самих за-нятий, нужно было осваиваться с воинскими порядками и установками, разбираться в званиях, следить за внешним видом курсантов и поддерживать соответствующую дисци-плину. Я долго не мог привыкнуть к запаху сапожной ваксы, стоявшему во всех аудитори-ях и коридорах училища. Раз в неделю по графику нужно было ходить на вечерние кон-сультации при выполнении курсантами “домашних заданий”. Для меня это представляло определенную трудность, так как зрение было не полноценное, большинство улиц города по пути почти не освещены, приходилось ходить с фонариком. Но потихоньку все вошло в свою колею, я освоился и привык к требованиям, присущим военным учебным заведени-ям.

С началом моей работы, жить в общежитии с нашими детьми и внуками стало труднее. Мне надо было готовиться к занятиям, отдохнуть, а это не всегда удавалось – дети есть дети: музыка, гости и т.д. Хоковское строительство шло плохо. Было видно, что в ближайшие годы жилья по договору мы не получим. Мы с Тamarой стали подумывать об отделении. Купить на оставшиеся от продажи квартиры в Душанбе деньги мы ничего не могли, решили снять себе какое-либо подходящее жилье. В августе 95-го в многоэтаж-ке на углу улиц Юбилейная и Павловского за 150 тыс. рублей в месяц мы сняли одноком-натную благоустроенную квартиру. Заплатили вперед за год, завезли самую необходи-мую мебель. Все остальное хранилось на контейнерной базе в ХОКО. На работу ходил пешком – 20-25 минут хода.

К концу года наш материальный достаток состоял из моей зарплаты – около 500 тыс. рублей, пенсии – 275 тыс. руб. и пенсии Тamarы – 169 тыс. руб. (в те годы счет день-гам шел на миллионы). Зарплату в училище выплачивали во время, а вот пенсии задер-живали на 1-1,5 месяца. Для сопоставления: буханка черного хлеба в то время стоила 1300 рублей, мясо – 7-11 тыс. руб./кг, масло сливочное – 14 тыс. руб./кг, картошка – 10 тыс. руб. ведро, хорошие сапоги мужские (“Саламандер”) – 250 тыс. рублей.

В Борисоглебске высшими учебными заведениями являлись педагогический инсти-тут да наше военное училище. Работать в училище мне нравилось: пятиэтажный, с ко-лоннами, главный учебный корпус, плац, вспомогательные корпуса, курсантская столовая и казармы. Около главного корпуса установлен памятник великому летчику нашей эпохи, выпускнику этого летного училища В. П. Чкалову, по бокам широкой главной аллеи порт-реты Героев Советского Союза, учившихся в этом училище. Имеется свой музей; недале-ко от главной аллеи, по проекту Руцкого, сооружен мемориал – на постаменте с картиной воздушного боя времен Отечественной войны, взметнувшийся ввысь МиГ. Рядом статуя летчика тридцатых годов: в комбинезоне, шлеме, унтах и планшетом на боку. Все утопает в зелени.

На территории училища расположен и учебный авиационный центр им. В.П. Чка-лова.

Аэродром находится в нескольких километрах от города.

Лето 1996 года мы провели “на даче” в селе Петровское, где зять купил домишко с участком земли, во дворе росло несколько запущенных плодовых деревьев и ягодных кустарников. Все это надо было привести в порядок и облагородить. Вся трудность была в воде – водопровод в деревне работал с перебоями, её частенько приходилось возить во флягах на своей легкой

машине. До этого у ребят был загородный домишко в Ниж-нем Карачане, место было прекрасное – на берегу речушки, со старым яблоневым садом. Но ездить туда было далеко, а весной и летом черноземные дороги так раскисали, что проехать к дому было невозможно. Пришлось участок продать.

К концу первого учебного года мне удалось напечатать учебно-методические материалы по курсу “Детали машин”, а к началу следующего – подготовить и размножить учебное пособие по курсовому проекту. Дела на работе шли вроде бы неплохо, отношения с коллегами были нормальные. Мы часто собирались отметить те или иные мероприятия – праздники, дни рождения и т. п. Все было достойно и в пределах дозволенного.

А вот из Душанбе, от своих, стали поступать тревожные сведения: мама разболелась, брат Славик со своей семьей чуть ли не голодают. Срочно пришлось с нарочными высылать им деньги. Вскоре мама слегла. В октябре 1996 г. я получил от неё последнее письмо, в котором она нетвердым почерком прощалась со мной. Поехать в Душанбе я не мог – с транспортом было трудно, ехать одному с моим одноглазым зрением было сложно, да и на какой срок ехать было неизвестно. Связь со своими мы поддерживали по радиции, принадлежащей ХОКО. Попросили начальника хоковского подразделения в Душанбе А. Рубцова передать моим родным деньги, которые я отдал его сыну, проживающему с нашими ребятами в общежитии в Борисоглебске, и помочь в похоронах, в случае смерти мамы. По телефону обратился я и к своему другу Н. Земченко – похлопотать, чтобы Ра-сулов Нусрат и его сын оказали содействие похоронить маму в Такобе, рядом с Яном Бо-гуславичем.

23 января 1997 года по радиции пришло сообщение, что мама скончалась. Она умерла на руках у брата Славы. Увезти её в Такоб не удалось – по дорогам сновали боевики. Могилу её брата, моего дяди Павлика, на кладбище в Душанбе не нашли, пришлось похоронить маму в одиночестве от своих родных. Погода была плохая, машину к месту захоронения на городском кладбище тащили трактором. Спасибо душанбинским хоковцам и нашим друзьям Земченко за все то, что им пришлось сделать в той нелегкой обстановке. Проводить маму в последний путь пришли соседи и некоторые такобцы, все прошло, как положено. В этот день помянули нашу маму, бабушку и прабабушку и все мы здесь в Борисоглебске. В письмах и по телефону я часто прошу наших Земченко, которые до сих пор проживают в Душанбе, посматривать за дорогой нам могилкой. Мы благодарны нашим друзьям за то, что они это делают. Надеюсь, что когда-нибудь взаимоотношения между странами изменятся, поездки упростятся, и тогда наши дети или внуки съездят в Душанбе на свою родину и поклонятся праху наших родных.

Как только наступили летние каникулы, я тут же уехал в Воронеж, где в глазной клинике мне прооперировали второй глаз. Через месяц у меня восстановилось бифо-кальное зрение, но приходится носить очки с толстыми стеклами. Работаю нормально, а вот на улицах чувствую себя скованно – боковое обозрение недостаточно.

В конце июля 1997 г. меня по конкурсу переизбрали на следующие пять лет. Ва-кантной на нашей кафедре была только должность преподавателя – пришлось согласиться. По кафедре же математики и физики на свободную должность старшего преподавателя избрали не нашего к.т.н. Шамсутдинова, а не имеющую ученую степень, но зато свою местную преподавательницу.

В это же время мы с Тamarой стали обивать пороги городской администрации о предоставлении нам какого-либо жилья, так как снимать квартиру было очень накладно. Я обратился к руководству училища, которое написало на имя главы администрации В. Лебедева ходатайство с просьбой помочь мне в данном вопросе. Администрация, как в насмешку, стала предлагать нам какие-то развалюхи: без крыши, полов, а то – только одни полусгнившие стены. Замглавы администрации долго нам объяснял, что в городе трудно с жильем, хотя мы на многих улицах своими глазами видели массу пустующих домов. Сам же заместитель вскоре получил благоустроенную квартиру в только что построенном для переселенцев хоковском доме, а старую квартиру оставил своим детям.

Тамару, как блокадницу Ленинграда, поставили в льготную очередь (188-ю), но это все была фикция. Наконец, после долгих хождений, нам выделили комнатушку в общежитии в Юго-

восточном микрорайоне, куда мы и переехали. Вначале нам показалось, что жить там можно, только трудно было мне добираться на работу: зимой ездить приходи-лось вокруг города, а в сухую погоду – пешком.

15 мая 1998 года город отмечал свой праздник – 300-летие Борисоглебска.

История возникновения города связана с необходимостью защиты Россией в XVII веке своих южных рубежей от вторжения кочевников. Для предупреждения нападения степняков на крепости Тамбов и Козлов (в настоящее время Мичуринск), воеводы, производя досмотры за степью, посылали сторожевые разьезды на реки Хопер и Ворона.

В 1698 г. на слиянии этих рек по распоряжению Петра I к празднику святых князей Бориса и Глеба была построена Ново-Павловская крепость, которая находилась на месте нынешнего парка культуры и отдыха. В крепости раскинулись солдатская и станичная слободы, в которых в 1702 и 1703 годах было построено несколько церквей: Николая Чудотворца, Бориса и Глеба, Пресвятой Богородицы Казанской. Они были деревянные и не сохранились, в XIX веке на их месте построили каменные, которые во времена советской власти были частично разрушены или использованы под хознужды. Сейчас все эти церк-ви восстанавливаются. В городе в советские времена функционировала лишь одна цер-ковь – Знаменская, что у железнодорожного вокзала.

В 1704 году Ново-Павловск был переименован в Борисоглебск. К тому времени, в нем проживало порядка девяти тысяч человек. Недалеко от города возникли слободы, в основном с татарскими названиями: Чегардайская (Чегорак), Карачанская, Боганинская, Танцыреевская, Грибановская, Русская поляна (Васильевка) и др.

Согласно повелению Петра I военно-хозяйственная деятельность Ново-Павловской крепости была связана с Азовом, строительством флота и укреплением юж-ных рубежей России. На месте слияния Хопра с Вороной, рядом с Теллермановским ле-сом заложили судостроительную пристань, на которой строили подсобный флот (струги и будары) и отправляли заготовленный лес на Хоперскую верфь, где строили более круп-ные суда. Бытует легенда, что в Борисоглебске побывал и сам Петр.

С 1806 года Борисоглебск начинает застраиваться по плану. Его прямоугольная планировка осталась до сих пор. К середине XIX века в городе стали проводиться торго-вые ярмарки, особенно развилась торговля хлебом. Значительным стимулом дальнеше-го развития города стало строительство в 1869-71 годах железной дороги Грязи – Бори-соглебск – Царицин. На железнодорожной станции в Борисоглебске пришлось поработать и писателю М. Горькому. Сохранился дом, в котором он жил, на привокзальной площади великому писателю поставлен памятник.

К 1896 году в городе проживало уже около 23 тысяч человек, действовало 34 фаб-рики и завода.

С приходом советской власти Борисоглебск получил дальнейшее развитие. В 1923 г. была открыта 2-я военная школа летчиков Красного Воздушного флота, на базе кото-рой, в дальнейшем было организовано Борисоглебское высшее авиационное училище летчиков им. В.П. Чкалова, о котором я уже упоминал.

В годы Великой Отечественной войны Борисоглебск стал прифронтовым городом, в котором располагалось 15 эвакуогоспиталей. Сейчас на городском мемориальном ком-плексе “Вечная память” на братских могилах выбиты имена сотен погибших в этих госпи-талях советских солдат и офицеров. В списках можно встретить фамилии всех нацио-нальностей, проживавших на территории Советского Союза. Все умирали за одну страну – СССР.

К началу горбачевской “перестройки” в Борисоглебске набрали силу заводы: “Бор-химмаш”, “Котельно-механический”, фабрики легкой промышленности; заработал “При-боростроительный” завод; были построены новые жилые микрорайоны. К нашему приез-ду фабрики и заводы в городе почти не работали, городские стройки прекратились.

Борисоглебск славен и своими почетными гражданами, известными всей стране. Здесь проживал князь С. Н. Волконский, отсюда вышли академик Е. Н. Павловский, мар-шал М. И. Неделин, дважды герой Советского Союза, генерал-майор авиации А.Н. Прохо-ров, киноартист Н.

Рыбников и другие, знатные своим трудом и ратным подвигом, люди.

Конечно, нам – жителям, хотя и небольшого, но все же столичного города (в Душанбе проживало около одного миллиона человек), построенного уже в советский период, – Борисоглебск, со своими 70 тысячами жителями и его старыми деревянными домишками, поначалу был непривычен, показался глубокой российской провинцией и поразила нас своими устоявшимися традициями, образом жизни его жителей, и даже, необычным для нас говором – большинство людей “тыкают”.

За все время существования Борисоглебска, он не очень-то разбавлялся приезжими. Даже во время и после ВОВ состав и структура его населения не изменились. Многие горожане связаны друг с другом родственными и деловыми связями. Основное занятие сельского населения – выращивание картофеля, являющегося основным пищевым продуктом, да разведение ангорских коз, из пуха которых вяжут платки на продажу. Кругозор селян ограничен. Многие не выезжали за пределы своей области.

К приезжим коренное население относится без особого доверия. Многим не понравилось, когда в Борисоглебске начали обосновываться вынужденные переселенцы. Вначале частенько можно было услышать: “Вот понаехали “беженцы” – с машинами, мебелью и коврами! Да еще им хоромы подавай!” Действительно, переселенческая политика в 1991-92 г.г., осуществляемая ХОКО и одобренная Федеральной миграционной службой, по моему, в корне была не верной. Строительство жилья для переселенцев начали с сооружения фешенебельных, по тем временам, коттеджей, которые только раздражали местное население. Проще и выгоднее было строить обычные кирпичные многоэтажки, позволившие бы быстро решить проблему с расселением переселенцев, не дразня, при этом, и не настраивая против приезжих местных жителей города.

Начинали строительство переселенческого квартала на краю Борисоглебска еще по советским понятиям. Однако, времена изменились, государство с каждым годом все больше и больше стало сбрасывать свои обязанности перед народом. Финансирование стройки сокращалось, часть отпускаемых денег разворовывалась, и к 2000 году строительство переселенческого поселка почти что прекратилось. Большинство переселенцев, вот уже в течение десяти лет вынуждено ютиться в вагончиках или на частных квартирах, многие стали расторгать договора с ХОКО, требуя возврата своих денег.

А ведь как можно было сделать все просто. Вместо отпущенных за все годы государством на строительство переселенческого жилья денег, положили бы на банковский счет каждой семьи определенную сумму, на которую, по желанию, можно было купить квартиру или индивидуально построиться. Так нет. Насоздавали всевозможные миграционные и переселенческие структуры с массой чиновников различного ранга, из которых каждый старается урвать в свой карман. Все они наприобретали себе шикарные квартиры и понастроили дачи, в то же время десятки тысяч переселенцев продолжают жить в палатках, вагончиках и временках. Конца этому не видно.

К середине 1998 года обстановка в стране ухудшилась. Вместо снятого в марте месяце премьером В. Черномырдиным, президент Б. Ельцин назначил молодого и не имеющего никакого управленческого опыта С. Кириенко, которого в народе окрестили “киндер-сюрпризом”. По опыту Мавродинской “пирамиды”, государство навывускало необеспеченных ничем облигаций, что вскоре привело экономику страны к краху. 18 августа произошел “дефолт” – цены подскочили в несколько раз, простой народ еще более обнищал, а власть имущие дельцы получили большие прибыли. К ответственности за случившееся никого не привлекли, только лишь сняли со своего поста молоденького “факира на час”.

Получаемые от Международного валютного Фонда кредиты растаскивались, уходили неизвестно куда. Вооруженные Силы страны содержать было не на что. Начались сокращения численности контингента военнослужащих и закрытие части военных учебных заведений. Коснулось это и нашего училища. В филиале уменьшили штат преподавателей. У нас на кафедре решили сократить тех, кто поступили туда на работу последними – в числе их оказался я и еще одна молодая преподавательница, тоже переселенка из Тбилиси. Но что-то



было не продумано. Меня сократили 31. 08. 98 , а 2. 09. 98 г. вы-звали и вновь приняли на ту же должность.

Мы с Тamarой продолжали жить в общежитии. Условия жизни с каждым месяцем становились все хуже и хуже: шум, гвалт до полуночи, грязь в туалетах и антисанитария на общей кухне, напротив которой находилась наша комнатка. Соседи (бывшие жители местных сел) не отличались культурой общежития: в раковину, в которой мыли посуду, при умывании сморкались; женщины над кухонными столами развешивали свое нижнее белье, с которого стекала вода. Везде сновали тараканы. Терпение наше кончилось, и мы решили покинуть это невыносимое для жизни пожилых людей общежитие.

К этому времени, с учетом выплаченного мне при сокращении выходного пособия, у нас с Тamarой скопилось некоторая сумма, на которую мы задумали купить себе хоть какое-нибудь отдельное жилье. До дефолта стоимость доллара была в пределах шести с небольшим рублей, после обвала, она подскочила до 15-16 рублей. Стоимость же жилья еще не успела подняться. Благодаря этому, за имеющиеся у нас 1000 долларов, на улице Карла Маркса мы в октябре 98-го сумели купить небольшую неблагоустроенную квартиру из двух комнаток, расположенную в цокольном этаже старого двухэтажного купеческого дома. В нем, в основном, проживали пенсионеры. Кроме нас, здесь было еще три семьи из Душанбе. Хотя туалет и водопроводная колонка находились на улице и окна квартиры смотрелись невысоко над землей, мы с Тamarой были довольны своим приобретением – после кошмарных ночей в общежитии, здесь мы спали спокойно. Первую зиму отапливались дровами, в комнатах было сухо, отношения с соседями установились неплохие.

В марте 1999 г. наш филиал ликвидировали, курсантов перевели в Воронеж, весь преподавательский состав сократили с выплатой трехмесячного выходного пособия. Меня пригласили вести курс “Монтаж и эксплуатация электрооборудования” в местный сельхозтехникум. Но при этом с пенсии снималась значительная сумма, поэтому я от предложенной работы вынужден был отказаться и полностью перешел на положение пенсионера. Общий стаж работы, с учетом моей учебы в техникуме в послевоенное время, составил 52 года. Из них 16 лет – на производстве и 32 года – на преподавательской и научно-педагогической работе.

Переход с активной работы в течение долгих лет на бездеятельную жизнь пенсионера был не легким. Спасали сельхозработы и хозяйственные дела на даче в деревне. Кроме того, на деньги, полученные в качестве выходного пособия при сокращении, мы с Тamarой провели газ в квартиру и установили телефон. Эти заботы, также, загружали меня и вносили некоторое разнообразие в первые годы жизни на пенсии.

... Потекла наша жизнь вынужденных переселенцев в изгнании. Развал СССР всех наших родных разогнал по разным сторонам. После смерти мамы, младший брат Вацлав с семьей уехал в Великоновгородскую область. Поселились они у своей дочери Ольги, которая с семьей своего мужа уехала туда раньше и устроилась директором школы в деревне Закибье Шимского района. Вскоре Ольга уехала в город, положение родителей осложнилось: они были без работы и без пенсии. Дело дошло до того, что брат подумывал наложить на себя руки. Мы с Тamarой, чем могли, помогали. Летом 2001 года побывали у них. Сейчас ситуация изменилась, они потихонечку начинают вставать на ноги: оба получают пенсию, обзавелись хозяйством. Молодые – Ольга и сын Виктор с семьями – работают и живут в Новгороде.

Наш средний брат Алик уехал из Таджикистана на Алтай и пропал. Недавно мы через Красный Крест узнали о его печальной судьбе: в марте 2000 года он умер в г. Барнауле. По какой причине – нам не сообщили. Затерялся и его сын Сережа. Где-то в Саратове живет дочь Алика от первого брака, Люба.

После того как мы покинули Душанбе, родители нашего зятя вначале уехали к старшему сыну на Урал в г. Соликамск, а после того, как тот с семьей переехал в Германию, они тоже приехали сюда и купили домик в деревне Петровское, где находится и наша дача.

Лена со Славой до сих пор надеются получить жилье в ХОКО, Саша – берет ссуду для покупки жилья. Тамаре, как ленинградской блокаднице, Федеральная миграционная служба предложила

двухкомнатную квартиру в Россоши Воронежской области. Мотивируя тем, что жить одни без детей не сможем, мы от неё отказались и сейчас потихоньку деградируем в своей “норе” здесь в Борисоглебске. Снова, как в далекое послевоенное время, отапливаемся печкой (правда, с газовой форсункой), мыться ходим в городскую баню, воду носим из колонки ведрами и зимой стынем в холодном уличном туалете.

В подобных условиях оказалось большинство “русскоязычных”, вынужденных уехать из тех республик бывшего Союза, в которых они раньше проживали в современных благоустроенных квартирах, успешно работали и имели устоявшийся и предсказуемый уклад жизни. Все мы тешим себя тем, что когда-нибудь все наладится и улучшение произойдет еще при нашей жизни. Мы помним, что на гербе Дон-Кихота было начертано: “Post tenebras spero lucem!” – “После тьмы надеюсь на свет!”

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Написал заключительную банальную фразу о надежде на лучшее и тут же вспомнил итальянскую поговорку: «Тот, кто живет только надеждами, тот умирает разочарованным». К счастью, большой отрезок своей жизни я прожил, не только уповая на приход «светлого будущего», но и активно, своим трудом добивался обустройства настоящего. Будучи техническим специалистом, участвовал в создании материальных благ или же готовил инженерно-технические кадры для народного хозяйства нашей страны. И не только нашей. Конечно, многое в советское время делалось в угоду идеологическим иллюзиям, но, как бы там не было, в большинстве случаев впереди стояла определенная, продиктованная жизнью цель, служившая благополучию общества, и достижение которой давало не только материальные блага, но и моральное удовлетворение.

Плодами труда нашего поколения пользуются и теперь. Вместе с тем, в оправдании своей немощи и неумения управлять важными общественными, экономическими и производственными процессами, российские неолибералы и «демократы» долдонят о «периоде застоя» в последние десятилетия Советской власти. На самом же деле в СССР до середины восьмидесятых строились мощнейшие электростанции, линии электропередач высочайшего напряжения, прокладывалась Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, разведывались и вводились в эксплуатацию новые нефтяные и газовые месторождения, осуществлялись космические разработки. В городах строились жилые микро-районы, в которых никто не замерзал – дома обогревались нормально.

Мы все время находились в движении, закончишь одно дело – тебя ждет другое. Намеченные в пятилетних планах задания обязательно выполнялись. Тому, кто занимался созидательным трудом, скучать и киснуть было некогда. Зато многие интеллигентики, изнывая от безделья, ворчали, становились диссидентами и, поддерживаемые из-за «бу-гра», потихоньку разлагали страну и сдавали её Западу.

Люди же труда, к которым относились и мы – «белые воротнички», были довольны и с радостью взирали на то, что создавали. Пусть наши творения были не такими эффективными и зачастую уступали западным образцам по надежности и выглядели неказисто, но зато это было свое, отечественное, обеспечивающее независимость и безопасность нашего государства.

Мы ели дешевый, в простой упаковке, кефир от наших бурёнок, натуральное сливочное масло без всяких растительных добавок, покупали в магазинах «Океан» различную рыбу и недорогие морепродукты, добываемые нашим «Рыбфлотом» во всех широтах мирового океана. Носили рубашки из отечественного хлопка и костюмы из прекрасной шерсти, выпускаемые своими фабриками. И хотя ассортимент продовольственных товаров был не так разнообразен, а иногда возникал дефицит их, они в подавляющем большинстве своем были естественны и калорийны. Продолжительность жизни людей была выше, а смертность в стране меньше, чем в настоящее время.

В большинстве своем наш трудящийся люд был убежден, что придет время, и у нас в отношении потребления будет не хуже, чем в «цивилизованных» странах. Эта вера поддерживала определенный общественный тонус. Ведь известно, что ожидание завтрашней радости является главным стимулом человеческой жизни.

Единственно, с чем я могу согласиться с «демократами», это то, что в последние годы брежневского правления политическое руководство страны одряхлело и самоуспо-коилось, оно забыло пророческие слова Сталина, который предупреждал, что чем даль-ше существует СССР, тем атаки на него со стороны империалистических стран будут возрастать. Здесь действительно произошел застой, который вскоре привел страну к раз-валу.

Враг оказался хитрее: мы готовились к отражению военного нападения, отрывая у людей достаток, наращивали свой военный потенциал, а противник разложил страну из-нутри.

С самого зарождения Советского государства оно было «костью в горле» для За-пада: Антанта, нападение фашистской Германии – захвата не получилось.

Бывшие наши союзники по борьбе с Гитлером сразу после окончания Второй ми-ровой войны повели «холодную войну» против СССР. Директор ЦРУ Аллен Даллес еще в 1945 году озвучил задачи удушения России без прямого вооруженного столкновения. В своих «Размышлениях о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» он писал: «Будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибе-ли самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его са-мосознания».

Бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль в 1946 году в своей речи в Фултоне призвал к крестовому походу против Советов.

18 августа 1948 года Совет национальной обороны США принял директиву № 20/1 «Цели США в войне против России», куда вошли рекомендации Даллеса. В ней, в частно-сти, говорилось: «Мы будем расшатывать ... поколение за поколением ... главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её»

Не оставили без внимания и наши южные республики. 29 июля 1953 года британ-ское правительство утверждает секретный документ «Операция Лиотэ», в которой преду-сматривалось организация разведывательной деятельности против СССР в Средней Азии и на Кавказе и формирование агентурной сети в этих регионах. А в 1959 году в раз-витие «Операции Лиотэ» издается директива №2279/НВ, одной из главных целей которой является создание разветвленной оппозиции в вышеуказанных регионах.

3 июля 1979 года президент США Дж. Картер подписал директиву о создании тер-рористической сети с целью распространения исламского фундаментализма в Средней Азии и дестабилизации СССР. На эти цели было выделено 500 млн. долларов.

В ответ на это, через полгода в качестве превентивной меры в Афганистан были введены советские войска, которым в течение 10 лет пришлось бороться с моджахедами, подготовленными на территории Пакистана. Их обучали в учебных центрах и лагерях на деньги США, ФРГ и Турции инструкторы из этих же стран. Против нас применялось ору-жие, изготавливаемое в различных государствах, в том числе и американские «Стинге-ры».

Фактически мы воевали не с афганскими моджахедами, а с целой коалицией стран.

Американские вливания сделали свое дело: 1990 году в Таджикистане произошли трагические февральские события, а вскоре там разразилась гражданская война. Из всех среднеазиатских республик начался «русский исход».

Бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский недавно заявил: «ЦРУ США и английские МИ-6 напрямую способствовали появлению в мире «возбужденных мусульман», направляя их, в том числе в подбрюшье России...».

«Возбуждение» коснулось и нашей Чечни.

С приходом на должность президента США Р. Рейган в начале 80-х годов подпи-сывает директиву о десятилетней программе дестабилизации коммунистических режи-мов, расширении и поддержки с этой целью сети оппозиционных и военных организаций. Под эту программу конгресс США выделил около 80 млн. долларов.

Во времена Ю. Андропова Рейган объявил СССР «империей зла».

С возникновением «холодной войны» начинается психологическая обработ-ка на-шего населения. На СССР стали вещать «Радио «Свобода» и разные «голоса» на языках многих наших национальных республик.

Все это (и многое другое) делалось извне. Что же происходило у нас, в нашей стране?

По известной нашей привычке – охаивать своего предшественника – на XX съезде КПСС Хрущев «разоблачил культ Сталина», представил его как тирана и поработителя народов. Этим самым люди были дезориентированы, у части населения стали закрадываться сомнения в правильности проводимого партией курса. Своим докладом Хрущев заложил мину замедленного действия под социалистический общественный строй. «От-тепель» отворила двери различного рода критиканам и диссидентам.

Позже критику Сталина власти пытались смягчить, но было уже поздно – часть партийных идеологов образовали «пятую колонну». Официально они вроде бы вели борьбу с врагами марксизма-ленинизма и происками международного империализма, а на деле постепенно подрывали устои страны. Мы же, рядовые члены КПСС, об этом даже не подозревали – узнали о «перевертышах» только после развала СССР.

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС внес разлад и в мировое коммунистическое движение. От нас отвернулись Китай, Югославия и другие страны соцлагеря.

К концу правления Л. Брежнева махровым цветом расцвело диссидентство, вне-дрывшее в общественное сознание яд, постепенно разрушавший могучий организм Со-ветского государства. «Ламехузы-растлители» внедрились в советский «муравейник».

В этот период начали появляться «правозащитники», «самиздатная» и «тамиздат-ная» литература. «Психушки» не помогали.

Когда генсеком избрали хорошо информированного КГБешника Ю. Андропова, он, поняв, что страна в опасности, сделал попытку «закрутить гайки», но плохое здоровье не позволило ему предотвратить падение государства в бездну. Не исключено, что поскорее закончить свой жизненный путь ему помогли некие, заинтересованные в этом, структуры.

А затем наступила эра «Горбачева – Ельцина», в которую с их благословения вна-чале тайно, а впоследствии почти в открытую, стратегические политические и экономические вопросы нашей страны стали определяться спецслужбами США, и решаться в соответствии с интересами Белого Дома в Вашингтоне.

Чтобы возбудить народ против КПСС, был принят иезуитский план – искусственно создали дефицит продовольственных и промышленных товаров. Согласно этому плану новоявленные бизнесмены принялись растаскивать богатства, созданные трудом народа. Отдельные лица, посредники и кооперативы вывезли из СССР в 1990 году товаров на-родного потребления на сумму около 51 млрд. долларов. Только в Турцию неофициально вывезли 2 млн. штук телевизоров – 25% всего годового производства. Много товаров уш-ло в Польшу, Иран, Афганистан. Наши автомобили и бытовая техника за рубежом были дешевы, спрос на них, особенно в малоразвитых странах, был огромен.

Официально и через совместные с зарубежными фирмами предприятия (СП) в 1991 году шустрые дельцы вывезли из СССР: свыше 42 % произведенных в стране тка-ней, 78 % автомобилей, 75 % телевизоров, 49 % стиральных машин, 40 % радиоприемни-ков, 73 % часов, 44 % пылесосов и т.д. Даже мясорубки, которых вывезли в количестве 350 тыс. штук! Я помню, как наши студенты-афганцы доставали на складах чайники, утю-ги, швейные машинки, и при поездках на каникулы везли их домой.

В стране стали исчезать и продукты. Часть их также пошла за рубеж, часть придер-живалась на базах и складах (как, например, знаменитое вологодское масло), а иногда обнаруживалось, что тонны колбасы почему-то валяются на свалке.

В результате такого рыночного «бизнеса» полки магазинов опустели, большая часть населения (еще перед гайдаровским обвалом) обнищала. Зато доходы от распро-даж осели в карманах будущих олигархов и кооперативно-посреднических спекулянтов. Начал создаваться первичный капитал.

Ко всему этому, опасаясь, что будет растащен золотой запас, правительство не-гласно распорядилось все ценности, имеющиеся в ювелирных магазинах всех республик, свезти в «ГОХРАН» в Москву. Позже, уже во времена Ельцина, оттуда КАМАЗами разво-ровывали золотые и серебряные украшения и сумками – алмазы и бриллианты (нашу-мевшее «Дело Козленка»).

К 1990 году сработала и горбачевская «противоалкогольная компания»: за водкой выстраивались огромные очереди. Не стало хватать и курева. Русский мужик этого не терпит и властям отсутствие спиртного и табака не прощает. Повсюду начали возникать митинги с требованием отставки коммунистов. В американских аналитических центрах рассчитали все правильно. Шаг за шагом Советское государство устремилось к краху.

13 марта 1987 года вице-президент США Буш-старший встретился с Горбачевым. После чего он пишет Р. Рейгану: «Горбачев будет приспосабливать советскую политику к потребностям Запада... Я хотел бы видеть установление постоянного закулисного канала связи... Канал должен иметь горсточку ключевых игроков, которых Горбачев знал бы как лично преданных Вам лиц, на которых он мог бы положиться, не опасаясь утечки информации».

В августе 1991 года ГКЧПисты предприняли последнюю попытку удержать страну в рамках социалистического строя, сохранить единое отечество. Но руководители ГКЧП оказались людьми безвольными и нерешительными, их арестовали и поместили в тюрьму. Один из них (Пуго) перед арестом застрелился.

А 8 декабря 1991 года состоялся заключительный акт трагедии. В Беловежье при попустительстве президента СССР М. Горбачева Б. Ельциным (РСФСР), Л. Кравчуком (УССР), С. Шушкевичем (БССР) было подписано Соглашение об организации Союза независимых государств (СНГ), положившее начало распаду Советского Союза. В декабре перестало существовать единое государство, которое создавалось веками. Метились в коммунизм, а уничтожили великую Державу.

Вест о ликвидации СССР Ельцин в первую очередь сообщил президенту США Бушу-старшему.

После этого госсекретарь США Д. Бейкер заявил: «Распад Советского Союза предоставляет США шанс, который дается раз в сто лет, провести свои интересы и утвердить свои ценности по всему миру».

Роль наших первых лиц в КПСС стала окончательно ясна позднее. Все технологии выборных компаний Ельцина разрабатывались и финансировались США, что не позволило Г. Зюганову (КПРФ) в 1996 году стать президентом России, хотя он и набрал больше голосов, чем Ельцин: результаты выборов были сфальсифицированы.

Недавно газета «Советская Россия» (от 09.02.2002 г.) сообщила, что на семинаре в Американском университете в Турции, проходившем в 1996 году, Горбачев заявил: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для этой цели я использовал мое положение в партии и стране».

Таковыми оказались наш последний генсек, верхушка ЦК и так называемые «партократы», продавшие 18-миллионную армию рядовых членов КПСС, в большинстве своем веривших в идеи коммунизма и честно и добросовестно выполнявших то, что намечалось в пятилетних планах.

А как повели себя высшие офицеры из КГБ и СА? Ведь они давали присягу на верность служению Советскому социалистическому государству! Многие из них перекинулись служить новому режиму, кто-то возглавил частные структуры, охраняющие внезапно возникших «олигархов», а некоторые даже совершили прямую измену – оказавшись за границей, тут же принялись за выдачу наших государственных секретов (конечно, не бесплатно).

Забыв про совесть и честь, реформаторы начали выстраивать по названию либеральную, а по сути воровскую рыночную экономику. И хотя бы все эти «перестройки», «реформы» и «шоковые терапии» совершались ради улучшения жизни нашего народа! Так нет. Все решилось просто – отняв у большинства, власть вместе с поддерживающим её криминальным меньшинством сосредоточила все богатства страны в своих руках и зажила на широкую ногу. С их стола стала кормиться и «бабочная» интеллигенция: «элитные» артисты и режиссеры театров и кино, «звезды» эстрады, различные поэты-сатирики и композиторы поп-музыки. Телевидение занялось усиленным их «раскручиванием». Молодежь стала забывать Курчатова и Королева, Чапаева и Жукова, Чкалова и Гагарина, Островского и Шолохова. Брать пример стало не с кого. Все бросились в «бизнес», зарабатывание денег, в основном занимаясь

перепродажей товаров, поступающих из-за рубежа. Воспроизводством заниматься прекратили. Настоящий труд обесценился. И хотя полки магазинов наполнились товарами, большинство из них стало недоступно простому населению – цены взлетели в десятки раз.

За 10 лет власти либерал-демократов уровень экономики упал в два раза, а в некоторых отраслях до нуля. Цены на товары и продукты увеличились в 30-140 раз. Производство электроэнергии упало с 1082 млрд. кВтч в 1990 г. до 606 млрд. кВтч в 2000 г. Тарифы на электроэнергию возросли в 28 раз.

В результате реформ произошло резкое расслоение общества на сверхбогатое меньшинство и бедное большинство. Изменилась духовная атмосфера, все стало измеряться деньгами.

Недавно Патриарх Алексий II заметил: «... люди становятся прагматичнее, жестче, циничнее». Государственная Дума вместе с Администрацией президента штампуют массу законов и указов. Но они не срабатывают. Если бы законы исполнялись, то ГУЛАГов в современной России было гораздо больше, чем в сталинские времена.

Как саранча расплодился беспринципные и коррумпированные государственные чиновники и лукавые политики, которые, главным образом, пекутся только о личном благополучии и собственном обогащении.

Ограбив всю страну и свезя более 80% капитала в Москву, горе-реформаторы построили там государство в государстве. Москва шикует (например, билет на концерт с приезжими звездами стоит 5000 рублей и более при средней зарплате учителя в стране 1600 рублей в месяц), в то время как 40 % населения России еле сводят концы с концами.

Туда же бросились и служители различных культов. Как грибы после дождя возникают вновь построенные и восстанавливаемые храмы, соборы, мечети, церкви и синагоги, и все с позолотой, дорогими иконами, утварью, ризами и епитрахильями, шитыми золотом. Иерархи разъезжают на «Мерседесах». Нашли время! Ведь сейчас у нас в России десятки тысяч мигрантов из бывших союзных республик, по 8-10 лет прозябающих в кое-как приспособленных под жилье помещениях. А сколько беспризорных детей и «бомжей», которых бы тоже надо приютить!

«Отцы-реформаторы» развалили армию, науку, систему образования, медицинского обслуживания населения, порушили сельхозпроизводство. Залезли в кредитную кабалу к западным банкам и международным фондам.

Россия начала терять свои достижения и в геополитическом отношении. Разве я мог думать, что в аэропорту «Манас» в Киргизии, из которого я когда-то улетал, будут базироваться американские бомбардировщики. Душанбинский аэропорт с помощью американцев расширят для приема самолетов военно-транспортной авиации США, а в Кулябе разместится военная американская база.

Все время задаю себе вопрос: зачем надо было разрушать все? Неужели для того, чтобы покончить с ненавистным Западу коммунистическим режимом и советским строем, надо было уничтожить Державу? Почему пример Китая нас ничему не научил?

Известно, что все познается в сравнении. И при «проклятых коммунистах» Москва строилась и облагораживалась усиленными темпами. Уже в конце 1935 г. в столице была пущена первая линия метрополитена. Но и по всей стране к этому же времени (концу второй пятилетки) были построены сотни крупнейших и десятки тысяч мелких предприятий, проложены тысячи километров новых железных дорог. За 12-13 лет, прошедших после окончания гражданской войны, возникли такие гиганты, как Волховская, Свирская, Днепропетровская ГЭС, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Уральский и Краматорский машиностроительные заводы, Горьковский автозавод, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, построена железная дорога Турксиб.

А что создано за такой же срок «демократами» в наше время? Неужели построенные заводчики по производству соков, пепси-колы и жвачки обеспечат лучшую жизнь народу и независимость государству? Наивно думать, что Запад, приложив столько усилий для разрушения «империи зла», позволит России вновь подняться на ноги и стать мощным самостоятельным государством.

Основным своим достижением сторонники «реформ» считают то, что новое время принесло желанную свободу и демократию. Но на деле «свобода» наступила только для элиты и криминала, а «демократия» оказалась по типу той, о которой в середине 90-х годов говорил профессор Д. Иоселиани, бывший в те годы вторым лицом в независимой Грузии. Он сформулировал: «Демократию делать – это вам не лобio кушать. Всех про-тивников демократии будем расстреливать на месте».

Кто у кого перехватил этот принцип неизвестно. Но именно так в октябре 1993 го-да, во время противостояния законодательной и исполнительной власти, поступил Ель-цин, отдав приказ о штурме своего парламента с применением танковых орудий. Танки расстреляли Белый дом в Москве. Погибло много людей, парламента разогнали, его руко-водителей отправили на нары в тюрьму «Матросская тишина».

Сейчас главой государства народ избрал (по рекомендации Ельцина) В. В. Путина – также бывшего КГБешника. Как бы хотелось, чтобы он думал не о том, «чтобы у нас было, как у них», а проявил волю к тому, чтобы социальное и экономическое неравенство среди различных категорий нашего населения с каждым годом заметно уменьшилось. Без этого, как бы президент не призывал, никакого согласия в обществе не будет. Надеяться на то, что рыночная экономика сама собой все урегулирует, нельзя. Потребуется много времени. Запад, к ныне действующей у них системе, шел веками. Наш народ долго тер-петь существующее положение не сможет – он все равно будет помнить о советском времени с его социальной направленностью и, рано или поздно, в той или иной форме постарается вернуть социальную справедливость. Все разрастающееся движение «анти-глобалистов» – подтверждение этому. Такова, по моему мнению, действительность. И очень жаль, что все наши общест-венные катаклизмы произошли в период нашей старости, когда ты уже не в состоянии участвовать в происходящем и вынужден только наблюдать за всем со стороны.

Доволен ли я своей жизнью? Могу ответить – да. Мы жили и трудились в те време-на, когда движущей силой была не погоня за прибылью, а забота о пользе обществу, ко-гда жизненной целью отдельного человека являлась не накопление для удовлетворения личного благосостояния, а благополучие всего общества. Многое мы тогда делали от сердца.

Уверен, что положительные стороны социального эксперимента, проведенного Советской властью, не канут в лету. И если опыт в целом не удался, он может повторить-ся позже, но уже на другом, более благоразумном уровне. Все идет по спирали.

Как-то, отдыхая в Доме отдыха «Явроз» в Таджикистане, мне пришлось наблюдать за парой синих птиц – птиц счастья. Они были похожи на сорок с более короткими хво-стами, темные с синеватым отливом. У них на противоположном от нас крутом берегу р. Кафирниган в скалах над бурлящим потоком, по-видимому, было гнездо. Оттуда они пе-релетали на наш пологий каменистый пляж, поросший редкими деревцами ивняка, и под-бирали пищевые отбросы, оставляемые отдыхающими. Синие птицы вселяли надежду на счастье, все старались не спугнуть их, а некоторые из отдыхающих, уходя, оставляли птицам корм на валунах.

С той поры у меня появилось внутреннее убеждение, что в чем-то счастье косну-лось и меня. Главное – это то, что моя жизнь всегда была содержательной. Частица мое-го труда вложена в мощную Нурекскую ГЭС в Таджикистане, на всем пространстве быв-шего СССР работают сотни техников и инженеров-электриков, выученных мною. Есть они в дальнем зарубежье. Может быть, иногда вспомнят обо мне и офицеры, которых я в ка-честве курсантов обучал в военном училище в г. Борисоглебске. Имеются ссылки на мои разработки в специальных научных монографиях, зарегистрированы авторские свиде-тельства на изобретения.

И хотя, может быть, это мелочи, которые не дали мне славы и богатства, но они остаются людям, а это уже кое-что значит.

\* \* \*

3 июля 2001 года под Иркутском разбился пассажирский самолет ТУ-154. Погибло 145 человек. В их числе был Шарипов Марат Зарипович. Какое странное совпадение! Су-дя по фамилии, имени и отчеству, это был мой двойник. Может, мы были связаны с ним кровными узами? Этого я уже не узнаю никогда.

18.12.1999 – 19.01.2003 г.

г. Борисоглебск

© Copyright: [Марат Хакел](#), 2010

Свидетельство о публикации №21005251478

[Список читателей](#) / [Версия для печати](#) / [Разместить анонс](#) / [Заявить о нарушении правил](#)

[Рецензии](#)

[Написать рецензию](#)

[Другие произведения автора Марат Хакел](#)